

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СТРУГО-КРАСНЕНСКОГО РАЙОНА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Annotation

В сборник включены доклады участников XI-й научно-практической конференции «Наш край в истории России», проходившей 8 апреля 2016 г. в пос. Струги Красные, а также статьи из различных научных изданий и архивные материалы, освещающие археологическое изучение Стругокрасненской земли в период со 2-й половины XIX по начало XXI вв. Материалы сборника будут полезны всем тем, кто занимается научными проблемами археологического изучения территории Северо-Запада России.

- [Археологические памятники Струго-Красненского района Псковской области](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Соболев В. Ю.](#)
 - [Михайлова Е. Р.](#)
 - [Михайлова В. И., Фёдоров А. И.](#)
 - [Арепьев Н. Ф.](#)
 - [Арепьев Н. Ф.](#)
 - [Соболев В. Ю.](#)
 - [Иессен А. А.](#)
 - [Чернягин Н. Н.](#)
 - [Кузьмин С. Л.](#)
 - [Кузьмин С. Л.](#)
 - [Михайлова Е. Р.](#)
 - [Соболев В. Ю.](#)
 - [Михайлова Е. Р.](#)
 - [Михайлов А. В.](#)
 - [Михельсон А. Р., Тростьянский О. В.](#)
 - [Михайлова Е. Р., Селин А. А., Соболев В. Ю.](#)
 - [Summary](#)
 - [Сведения об основных авторах](#)
 - [Список сокращений](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

- [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
-

Археологические памятники Струго-Красненского района Псковской области Сборник материалов

Редактор Алексей Иванович Фёдоров

ISBN 978-5-4485-4050-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Север современной Псковской области, в том числе и Струго-Красненский район чрезвычайно богат археологическим памятниками, только на территории нашего района находятся 175 объектов культурного наследия, большая часть из которых — памятники археологии. Для дальнейшего развития историко-культурного потенциала района, несомненно, необходимо использовать данное культурное наследие. Но тема эта очень деликатная, так как для того, чтобы использовать археологическое наследие, например, для развития туризма, необходимо в первую очередь его изучить и в дальнейшем охранять. А разрушить памятник археологии неразумными действиями — проще простого. Именно поэтому с целью сохранения и развития историко-культурного потенциала района, первым этапом является изучение того, что оставили нам наши далёкие предки. А оставили они нам достаточно много.

Известно, что с конца XIX в. на территории района проводятся археологические изыскания, что в результате этих изысканий обнаружены интереснейшие находки. Местными жителями были обнаружены несколько древних кладов. Доступных исследований по данной теме опубликовано крайне мало и не все источники общедоступны, о результатах многих раскопок, о некоторых значимых находках общественности района либо ничего не известно, либо известно крайне мало.

Настоящий сборник включает в себя работы ведущих археологов Северо-Запада России, прозвучавшие в рамках XI-й межведомственной научно-практической конференции «Наш край в истории России», проходившей 8 апреля 2016 г. в пос. Струги Красные Псковской области, посвящённой изучению и охране археологических памятников района. Также приводятся научные статьи из различных изданий и публикуемые впервые археологические исследования конца XIX — начала XX вв., которые проводились на территории современного Струго-Красненского района.

Особенностью настоящего сборника является то, что впервые под одной обложкой объединены различного рода материалы археологического изучения территории современного Струго-Красненского района более чем за 100 лет.

Интерес к археологическим памятникам в последние годы неуклонно повышается, именно поэтому с целью более глубокого научного

исследования исторического наследия и его охраны, проведена в 2016 г.
конференция и подготовлен настоящий сборник.

Алексей Фёдоров,

член Союза краеведов России

Соболев В. Ю.

История археологического изучения территории Струго-Красненского района Псковской области¹

Вторая половина — конец девятнадцатого столетия в России характеризуется подъёмом археологической науки в целом и растущим интересом к древнерусской истории и славяно-русской археологии. После масштабных работ графа А. С. Уварова и П. С. Савельева во Владимирской земле и Л. К. Ивановского на Ижорском плато памятники древнерусского времени, «собственно русские», как называл их А. А. Спицын, стали объектом не только пристального внимания охотников за кладами, но и объектами археологического изучения по всей европейской части империи.

За 65 лет, прошедших от создания Императорской Археологической Комиссии в 1859 г. и до начала Первой Мировой войны, когда большинство археологических работ было свёрнуто, исследования проводились практически во всех уездах столичной губернии, но интенсивность этих работ была различной. Наряду с активно изучаемыми оставались обширные малоизученные территории, где археологические работы не велись или были немногочисленны и зачастую случайны.

Собирая сведения о работах в границах современного Струго-Красненского района Псковской области, приходится учитывать, что его территория была сформирована менее ста лет назад, в то время как работы дореволюционных исследователей определялись отличным от нынешнего административно-территориальным делением.

Первыми научными раскопками на территории района могут считаться исследования, проведённые студентами Санкт-Петербургского Археологического Института. В начале лета 1879 г. была организована «экскурсия» — учебный выезд студентов для проведения раскопок. Целью работ были намечены погребальные памятники в Гдовском и Лужском уездах Санкт-Петербургской губернии и в Валдайском уезде Новгородской губернии. В качестве района исследования в Гдовском и Лужском уездах

была выбрана местность на их границе, к северо-западу от берегов Чёрного (Вязковского) озера.

Осмотр местности и непосредственный выбор памятников для изучения был поручен директором института Н. В. Калачовым И. Г. Данилову «как приобретшему уже некоторую опытность в деле раскопок прежними работами» (Данилов, 1880. С. 20). Во время «подготовительного этапа» экскурсии И. Г. Данилов получил в Яблонецком волостном правлении сведения о сопках, могилах и древних кладбищах у деревень Перехожа, Горушка, Яблонец, Рычково, Заозерье и др., осмотрел городище в 1 версте от Яблонца, а в соседнем Гдовском уезде — большой курганно-жальничный могильник на берегу Битинского озера (Данилов, 1880. С. 21—22), где раскопал жальничную могилу. Также были раскопаны одиночная насыпь у дер. Козлово-Зеленско и курган между деревнями Быково и Чёрно-Зеленско. В первом были обнаружены человеческие останки, близ которых находился железный черешковый наконечник стрелы. Во втором «обнаружено лишь присутствие в кургане углей и более ничего» (Данилов, 1880. С. 21); по всей вероятности, курган мог относиться, судя по приведённым размерным характеристикам (1 саж. высотой и 5 саж. в окружности), к высоким насыпям культуры длинных курганов (КДК), или к насыпям культуры сопкок.

Наибольшее внимание исследователя привлекли погребальные памятники в так называемом Хотовском (или Хотаковском) бору, между деревнями Зовка и Палицы ныне Плюсского района Псковской области, где и были проведены раскопки слушателями института.

Во время экскурсии было исследовано 12 могил, которые представляли собой «небольшие плоские возвышения, окаймленные по бокам камнями» (Данилов, 1880. С. 24) и 12 сопкок — «насыпей без камней» (Данилов, 1880. С. 34). Часть исследованных погребальных сооружений относилась к насыпям культуры длинных курганов, а часть оказалась древнерусскими, захоронения в которых были совершены во второй половине XI — первой половине XII вв.

Материалы раскопок были опубликованы в Сборнике Археологического Института за 1880 г. (Данилов, 1880)². Вещевая коллекция за исключением керамического материала в настоящее время хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (колл. №687) и доступна для изучения, антропологические материалы — скелеты целиком или лишь их краниальные части — были доставлены в музей Института, их дальнейшая судьба неизвестна.

Спустя буквально несколько лет начал свои работы Гаральд Рудольфович Шмидт. В первой половине — середине 1880-х гг. он проводил масштабные исследования, начало которых, как кажется, было стимулировано появившимся в научном сообществе интересом к палеоантропологии и археологическими исследованиями Л. К. Ивановского на Ижорском плато. За 4 года (1882—1886) Г. Р. Шмидт раскопал преимущественно в окрестностях современного с. Ляды — его «штаб-квартира» находилась в имении Сварец — немногим менее 200 погребальных сооружений³, в основном древнерусского времени. Результаты своих работ Г. Р. Шмидт докладывал в заседаниях Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском университете, членом которого он являлся. В сохранившемся черновике текста доклада, прочитанного в ИОЛЕАЭ, приводится сделанная Г. Р. Шмидтом типология намогильных погребальных сооружений, основанная на форме и высоте насыпи, использовании камней при её возведении и т.п., и сделаны осторожные выводы о хронологии бытования погребальных памятников различных типов. Находки из этих раскопок частично были отправлены в Москву, частично переданы автором работ Л. К. Ивановскому «для анализа». Дальнейшая их судьба неизвестна. Сам автор раскопок считал, что материалов для анализа недостаточно: *«...я воздерживаюсь от всякого рода заключений будучи твёрдо убеждён, что таковые возможны лишь при громадном количестве раскопок...»*.

Стоит отметить, что именно Г. Р. Шмидт уже в 1886 г. первым осознал важность и начал работы по составлению археологической карты Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. Им локализовано около 110 археологических памятников, до сих пор карта не утратила своего значения: многие из отмеченных на ней памятников были разрушены в первой половине — середине XX в.

Собранные Г. Р. Шмидтом сведения о памятниках и раскопанные могильники по сей день остаются одними из крупнейших работ с данными категориями памятников на интересующей территории (*Шмидт*, 1886, 188—190, 519—522; *Шмидт*, А-1886).

Разнообразные сведения, в том числе и о древних погребальных и поселенческих памятниках, собирались Санкт-Петербургским епархиальным историко-статистическим комитетом, которым было издано десять выпусков «Историко-статистических сведений о С.-Петербургской епархии» (ИСС). В вышедшем из печати в 1884 г. томе содержатся данные о курганах и древних кладбищах Лугского (Лужского) уезда: у дер. Быково,

Зеленско, Горка, Должицы (ИСС IX. С. 432); отмечены курган «Городок» в Хмерском погосте около усадьбы Курско (ИСС IX. С. 469, 473), старое кладбище близ усадьбы Ретени (ИСС IX. С. 473). В X выпуске, часть которого посвящена Гдовскому уезду (1885 г.), приводятся сведения о каменных крестах на старых кладбищах в пустоши Одворки (ИСС X. С. 170), дер. Ложголово (ИСС X. С. 197), Корпино (ИСС X. С. 205), Порозово (ИСС X. С. 244), Бешкино (ИСС X. С. 258), о курганах у дер. Кушела и Рожки (ИСС X. С. 177), Засосье и Соколке (ИСС X. С. 182, 205), Осьмино (ИСС X. С. 190), Верхнее Село и Скарятин Гора (ИСС X. С. 194), Рудница (ИСС X. С. 205), Малые Поля (ИСС X. С. 213), Лядском погосте (ИСС X. С. 227), Мельговщине (ИСС X. С. 234), о жальнике на кладбище в Музовере (ИСС X. С. 269) и городище «за деревней Дворцом» (ИСС X. С. 227).

Клады, найденные на территории Струго-Красненского района единичны, на настоящий момент достоверно зафиксировано лишь два, ещё об одном монетном кладе мне встречались глухие упоминания в Интернет-ресурсах, связанных с грабительской и разрушительной деятельностью «любителей металлопоиска».

Итак, в 1889 г. в Императорскую Археологическую Комиссию гдовским землевладельцем, действительным статским советником Львом Николаевичем Модзалевским, крупным русским педагогом и автором трудов по педагогике и воспитанию молодёжи, был передан клад серебряных гривен, найденный крестьянином дер. Узьмино Иваном Яковлевым «при запахивании навоза на старинном „вековечном“ поле, которое обрабатывается с незапамятных времен» (О древних... 1889. Л. 1). Всего было найдено 4 украшения, одно из которых оказалось разломанным на четыре части, в своем письме в Комиссию Лев Николаевич специально отметил, что ни монет, ни костей на этом поле найдено не было. За гривны находчику было выплачено из средств Комиссии 60 рублей, а сами предметы переданы в Императорский Эрмитаж и Императорский Исторический Музей (Медведева, 2014. С. 425), где они и хранятся до сих пор.

После прекращения исследований Г. Р. Шмидта на протяжении около десяти лет нет сведений об археологических работах в границах района.

В 1898—1903 гг. в Северо-Восточном Причудье, бассейне Средней и Нижней Плюссы и Принаровье исследования памятников КДК и кладбищ древнерусского времени вел В. Н. Глазов. Результаты его работ, выгодно отличающиеся от многих современных ему исследований тщательностью описаний и бóльшим объёмом графической фиксации, были

проанализированы и изданы А. А. Спицыным (*Спицын, 1903; Медведева, Соболев, 2014*).

В 1899—1900 г. разведки и раскопки в Яблонецкой волости близ озёр Щирского и Чёрного проводил преподаватель и воспитатель 3-й Санкт-Петербургской гимназии статский советник Николай Фёдорович Арепьев.

Поданный в ИАК отчёт о работах представляет собой практически законченное историческое исследование с проработанной и снабжённой справочным аппаратом вводной частью, содержащее большое количество сведений этнографического характера, местных легенд и преданий, однако описание раскопок весьма кратко и не содержит ни планов исследованных погребальных сооружений, ни зарисовок найденных артефактов.

В 1900—1904 гг. Санкт-Петербургский Археологический Институт ведёт работы по сбору сведений и составлению археологической карты Санкт-Петербургской губернии. Руководство осуществлял преподававший в СПбАИ курс «Художественная техника в применении к археологии» Николай Константинович Рерих, материалы по Гдовскому уезду собирали и обрабатывали А. Э. Мальмгрен и уже упоминавшийся В. Н. Глазов, по западной части Лужского уезда — Н. Ф. Арепьев, а по восточной — Л. Н. Целепи. К сожалению, проект не был завершён. Собранные рабочие материалы, представляющие ценный источник для анализа распространения различных археологических памятников и для реконструкции древней системы расселения в западной части средневековой Новгородской земли, хранятся в собраниях нескольких архивных фондов Санкт-Петербурга.

В 1906 г. у деревень Акатьево и Сельцо Узьминской волости без получения Открытого листа проводил раскопки Е. И. Исполатов. Евгений Иванович, служивший в начале XX столетия таксатором и исполнявший должность лесничего, был разносторонне образованным человеком. Его интересы в первую очередь были связаны с изучением растительного и животного мира Восточного Причудья, им было написано несколько работ по фенологии, ботанике, орнитологии. Кроме того, он собирал сведения об археологических памятниках и связанных с ними народных легендах и преданиях, и провёл небольшие самостоятельные археологические исследования. Он раскопал два кургана «конусовидной формы» и 16 невысоких погребальных насыпей. Сохранился краткий дневник его раскопок (Исследование, А-1927. Л. 41—42об.), содержащий лишь текстовое описание исследованных памятников. Вещи из раскопок были сданы в Псковский музей, где они были зарисованы Б. А. Коишевским в конце 1920-х гг. (Каталог, 1931. Л. 51—90).

В настоящее время среди депаспортизованных вещей, возвращенных в древлехранилище Псковского музея-заповедника (ПИХОМЗ) после Второй Мировой войны, удалось идентифицировать лишь часть находок из раскопок Е. И. Исполатова (Соболев, 2014. С. 448—450). Записанные Е. И. Исполатовым сведения о древних курганах и городищах, собранных им во время его службы в Гдовском и Опочецком уездах, содержат информацию о многих несохранившихся до настоящего времени археологических памятниках, только в его записях и рисунках сохранилась информация о такой редкой для Северо-Запада находке, как арбалетовидная фибула, случайно найденной в начале XX в. на городище у дер. Люботеж. (Рис. 1).

Ещё один исследователь, много и плодотворно работавший в 1908—1912 гг. в Гдовском уезде, изучавший погребальные памятники культуры длинных курганов и древнерусские могильники в основном в восточной части Гдовского уезда — К. Д. Трофимов. Сын одного из крупнейших гдовских купцов, Константин Дмитриевич проявлял большой интерес к истории родного края. В археологии он был учеником В. Н. Глазова, работал под его началом в 1902—1903 гг.; именно В. Н. Глазов написал рекомендательное письмо в Императорскую Археологическую комиссию, поддержав прошение К. Д. Трофимова о выдаче ему Открытого листа для первых самостоятельных археологических работ.

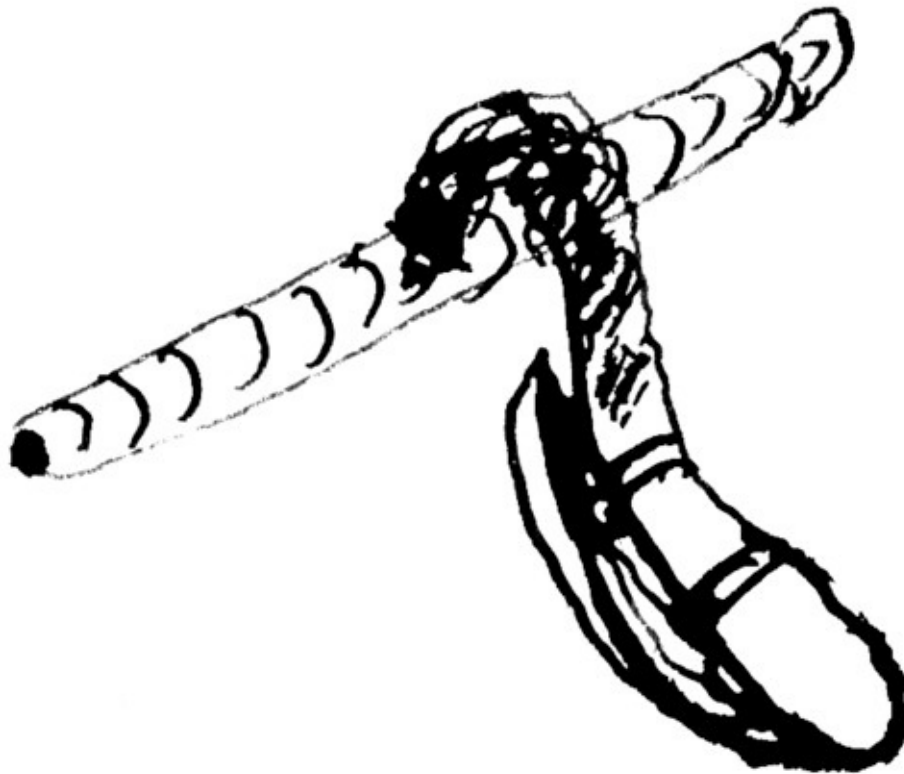

Рис. 1. Рисунок фибулы из письма Е. И. Исполатова (РО НА ИИМК Ф.2. 1928. Д.121. Л.78).

К. Д. Трофимов задумал и претворял в жизнь программу археологического изучения восточной части уезда, собирал материалы к составлению археологической карты, сведения о каменных крестах, осматривал и фотографировал каменные церкви самого Гдова и его окрестностей, предпринимал усилия к сохранению стен Гдовской крепости.

В 1908 г. он поступил в Московский Археологический институт (МАИ), а уже в 1909 г. МАИ получил Открытый лист на раскопки в Лужском и Гдовском уездах Санкт-Петербургской губернии. Работы проходили под общим руководством В. А. Городцова, непосредственно работами руководил студент 3-го курса МАИ К. Д. Трофимов. Во время экскурсии были осмотрены несколько курганных и курганно-жальничных могильников, раскопана одна небольшая сопка, 6 курганов и около 40 жальничных могил, сняты планы двух городищ, на одном из которых заложено четыре разведочных траншеи.

На территории рассматриваемого региона были проведены раскопки

сопки и двух жальничных захоронений у дер. Сквородка, трёх курганов и 17 жальников в исследованных студентами МАИ в 1879 г. курганно-жальничных могильниках в Катацком (Хотовском) бору, трёх погребальных насыпей культуры длинных курганов и 7 жальничных могил со средневековыми захоронениями между деревнями Большое Заполье и Музовер на левом и правом берегах р. Музоверки. Ещё 7 жальничных захоронений было исследовано у дер. Тупичино (Тупицыно), также проведены раскопки за пределами рассматриваемого региона — у деревень Большое Городище и Забредняжье к югу от г. Гдова. Материалы экскурсии студентов МАИ опубликованы В. А. Городцовым в «Отчётах о состоянии Московского Археологического института в 1909—1910 академическом году» (Городцов, 1911. С. 65—89). Находки были представлены в ИАК и после «обозрения» и фотографирования возвращены в МАИ и переданы в музей института, также, как и журнал раскопок (Трофимов, 1909а. Л. 4, 6).

Летом-осенью 1909 г. К. Д. Трофимов работал в восточной части Гдовского уезда. Из имения Жеребятино, где он жил, совершено несколько разведочных выездов, зафиксированы курганные группы возле деревень Жеребятино, Безьва, Дуброшкино, Волошна. 14 июня исследователь осмотрел, снял план и сфотографировал курганный группу на земле Творожковского монастыря, памятник он описал так: «Три невысокие сопки у Творожковского монастыря на монастырской земле среди пашни. №1 самая большая 3 ½ арш. высоты поросла берёзами и называется Терешкина горка, по имени юродивого Терешки, устроившего себе в насыпи кургана землянку и жившего в ней. Остальные сопки также перекопаны кладоискателями. Окружность №1 — 53 шага, №2 и №3 — 42 ш. У западного края большой насыпи камень значительной величины. Ровиков кругом насыпей не заметно. Хотя сопки и попорчены, но есть надежда, что основание их не тронуто. Насыпи курганов из желтовато-серого песка. На кургане №2 растут большие сосны. Курганы среди местных жителей носят название „Богатырей“ и несомненно, название это ведёт свое начало от курганов удлиненных, которые находились рядом с курганом №2, но в настоящее время распаханы» (РО НА ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1908. Д.233. Раскопки в Гдовском и Лужском уездах в 1908—10 годах. Б. Жуков. Рукопись «Антропологическая характеристика останков 2 человеческих черепов, найденных близ ст. Сейма». Л. 89).

В том же году К. Д. Трофимовым самостоятельно исследованы погребальные памятники у дер. Дуброшкино, Кятицы, Замежничье, Новая Желча, имения Жеребятино (Трофимов, А-1909а) и проведены первые

охранные раскопки по заданию ИАК. Крестьянин Николай Ефимов Воронов, проживавший в дер. Средние Озерцы Поддубской волости Лужского уезда (ныне Плюсского района Псковской области) обратился в Комиссию за разрешением срыть стоящую на его земле сопку (Трофимов, А-1909б. Л. 1, 3), представив «справку» от сельского старосты о наличии «объекта» (Трофимов, А-1909б. Л. 2). Крестьянин получил отказ, но подал новое прошение «решить вопрос относительно кургана окончательно» (Трофимов, А-1909б. Л. 4). Раскопки были поручены К. Д. Трофимову, которому из средств Комиссии было выделено 25 рублей и выдан Открытый лист.

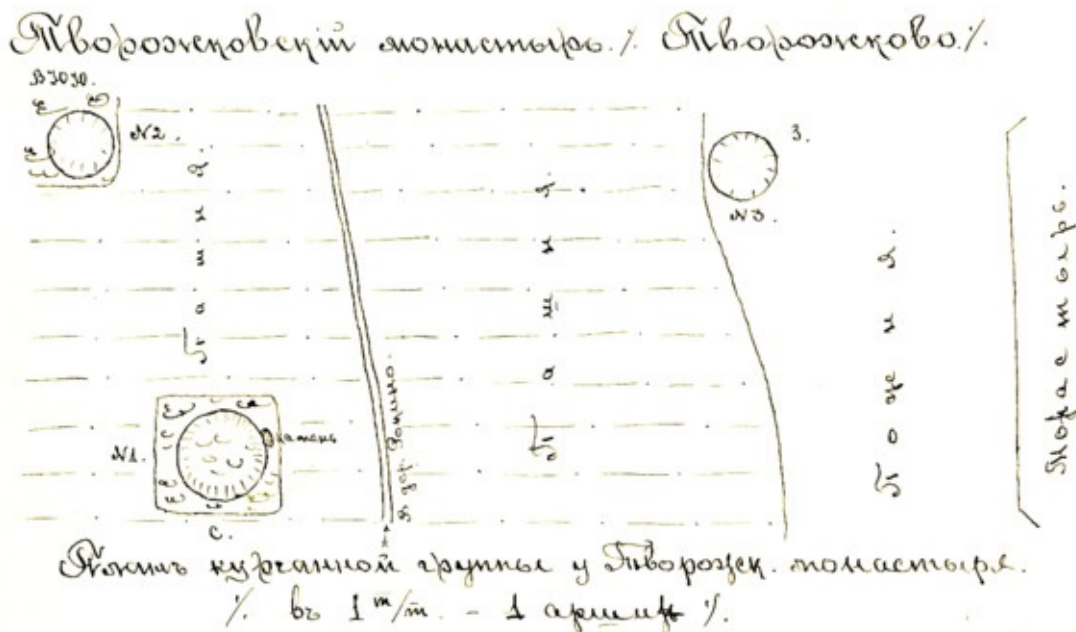

Рис. 2. План курганов на земле Творожского монастыря, снятый К. Д. Трофимовым. (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1908. Д. 233. Л. 89)

Исследованная насыпь — сопка небольших размеров, сооруженная из дёрна и «чернозёма» (Трофимов, А-1909б. Л. 17об.). Ранее она уже была «тронута раскопкой»: во время манёвров 1903 г. Е. И. Высочеством Великим князем Дмитрием Константиновичем в северной части сопки была заложена траншея от основания почти до самого верха.

Рис. 3. «Сопка» у Творожковского монастыря. Фото К. Д. Трофимова, 1908 г. (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1908. Д. 233. Л. 90)

Раскопки К. Д. Трофимова показали, что в позднем средневековье насыпь была использована в качестве кладбища. В верхней части насыпи было выявлено 15 захоронений по обряду ингумации, при скелетах не найдено никаких вещей; также в различных частях насыпи встречались отдельные неорнаментированные фрагменты керамики красного, белого и чёрного цветов и неопределимый бесформенный железный предмет (крица?). В северо-восточной части насыпи на глубине около 2 м (2 $\frac{3}{4}$ аршина) от вершины найдены обломки каменного креста, рядом с которыми обнаружен единственный орнаментированный врезными параллельными линиями фрагмент керамики. Ещё два креста, по словам крестьян, стояли на вершине насыпи и в основании восточной полы, но к моменту проведения раскопок крест с вершины уже был перенесён в деревянную часовню, второй же крест не сохранился. В основании сопки обнаружены «небольшое количество углей и сосновых головней, которые лежали не сплошным слоем, а были как бы разбросаны. Ни ясно выраженного кострища, ни пережжённых костей или вещей не оказалось и получалось такое впечатление, будто здесь был только разложен костёр,

который затем был засыпан в недогоревшем виде» (Трофимов, А-1909б. Л. 18).

Найденные черепки и железная крица были препровождены в Московский Археологический институт (Трофимов, А-1909б. Л. 41—42).

Крестьянин Н. Е. Воронов остался недоволен результатами раскопок и требовал у Императорской Археологической Комиссии дополнительно 125 р. на приведение участка в порядок (Трофимов, А-1909б. Л. 24). В деньгах ему было отказано, однако разрешено скрыть остатки насыпи самому (Трофимов, А-1909б. Л. 25). Примечательно, что остатки исследованной К. Д. Трофимовым сопки до сих пор сохранились на окраине деревни Средние Озерцы.

В 1910 г. К. Д. Трофимов исследовал «на свой счёт» (Трофимов, А-1909б. Л. 36) курганные группы у дер. Замикушье Спицынской волости и мызы Дубница Полновской волости, и получил от крестьян вещи из раскопанного ими кургана с двумя погребениями по обряду ингумации второй половины XII — середины XIII столетия у дер. Подосье (Трофимов, А-1909б. Л. 64).

В том же 1910 г. случайные или целенаправленные кладоискательские раскопки крестьян села Логовеще дали интересные результаты, их работы получили продолжение.

Археологические памятники у дер. Логовеще Лудонской волости Лужского уезда — бывшего центра Покровского Луговещенского погоста — впервые попали в поле зрения археологов в начале XX в. Н. Ф. Арепьев в своем отчёте 1900 г. отметил вблизи деревни три группы курганов и сообщил об угрозе разрушения памятников предстоящим строительством школы (Арепьев, 1900. Л. 16—17; Соболев, 2006: С. 303). В 1906 г. школа в Логовеще была построена, при этом часть погребальных насыпей была уничтожена. Кроме того, часть занятой старым кладбищем территории стала распахиваться, камни обкладок древних могол свозились крестьянами для построек.

Летом или осенью 1910 г. народным учителем Л. А. Васильевым в Логовеще были приобретены стеклянные и бронзовые женские украшения, добытые, по словам находчика-крестьянина, в кургане, под насыпью которого находилось одно захоронение. Находки были переданы Л. А. Васильевым в Музей Антропологии и Этнографии им. Императора Петра Великого (Колл. МАЭ №1807). Погребение может быть датировано рубежом XII — 80-ми годами XIII столетия (Соболев, 2006. С. 311, 324).

Находки показали Л. А. Васильеву интересными, раскопки курганного кладбища, где они были сделаны, решено было продолжить.

Руководство МАЭ, по всей вероятности, заинтересованное в пополнении фондов музея материалами древнерусского времени, получило у Императорской Археологической комиссии Открытый лист на эти работы (Соболев, 2006. С. 312, 338) и, в свою очередь, выдало народному учителю Л. А. Васильеву свой Открытый лист на раскопки (Соболев, 2006. С. 312—313, 336).

Летом 1911 г. Л. А. Васильевым было исследовано 17 курганно-жальничных и жальничных погребений у дер. Логовеще и ещё 16 курганов у дер. Селище той же Лудонской волости Лужского уезда (ныне территория Струго-Красненского района). Отчёт, представленный в Музей Антропологии и Этнографии, к сожалению, не содержит чертежей и описывает проведённые раскопки лишь суммарно, без привязки вещей к отдельным погребениям и без описания строения и конструктивных особенностей каждой исследованной насыпи. Но всё же переданная в музей коллекция (Колл. МАЭ №1849) несёт очень интересную информацию по истории материальной культуры XIII—XIV вв. (Соболев, 2006. С. 314—320, 325—327).

Также летом 1911 г. выпускником Петербургского университета К. В. Кудряшовым, будущим крупным советским историком, специалистом по древнерусской истории, истории России XIX в. и исторической географии, было раскопано 2 насыпи, относящихся к культуре длинных курганов в группе у дер. Безьва (Кудряшов, 1913.С. 247—248) к западу от западной границы района.

Кроме описанных, сохранилось несколько кратких упоминаний о дореволюционных раскопках на рассматриваемой территории. В. И. Срезневский вёл раскопки жальничного могильника у дер. Сковородка на оз. Барском, но материалы его работ не сохранились. В 1917 г. Н. Е. Макаренко передал в Археологическую Комиссию небольшую коллекцию гончарной керамики, полученную В. И. Срезневским при раскопках Яблонецкого городка, хранящуюся ныне в ОАВЕС ГЭ (Колл. ГЭ 876). Отчётов обо всех этих работах найти не удалось.

С началом Первой Мировой войны основная масса археологических исследований в империи была свёрнута, а годы революции и Гражданской войны не допускали даже мысли о возможности проведения каких-либо научных исследований. Изучение археологических памятников Лужского и Гдовского уездов вновь началось лишь во второй половине 1920-х годов. Стоит отметить, что за прошедшее десятилетие полностью сменился состав исследователей, работавших не только в южных и западных уездах

Петроградской губернии, но и в общем на всём Северо-Западе. В целом судьбы этих людей оказались довольно типичными для своего времени: ученик А. А. Спицына Андрей Вячеславович Тищенко погиб в августе 1914 г.; один из лучших, на мой взгляд, археологов-полевиков конца XIX — начала XX столетия, инвалид Русско-Японской войны Владимир Нилович Глазов вновь вступил в службу в Министерство внутренних дел Правительства Юга России, эмигрировал и умер в Болгарии в приюте при храме-памятнике Шипка. Леонид Николаевич Целепи, бывший судебный следователь, собиратель и публикатор русских старопечатных книг, остался без средств к существованию и скончался в Петрограде в 1919 г. Как сложилась жизнь талантливого и удачливого исследователя Гдовского уезда Константина Дмитриевича Трофимова, к сожалению, мне не известно. По всей вероятности, в силу возраста и ухудшения материального положения завершил свои полевые выезды Николай Фёдорович Арепьев. Многие их современники прекратили занятия археологией вообще (как, например, почти все студенты А. А. Спицына, участники «исторического семинария» Историко-филологического факультета Петербургского университета — К. В. Кудряшов, П. А. Садиков, Вл. А. Острогский, Н. Ф. Лавров), либо продолжили свои работы в других регионах (С. А. Дубинский, С. С. Гамченко).

Сохранились лишь отрывочные сведения об отдельных работах студентов Ленинградского университета и местных краеведов на протяжении 1920-х годов.

Возобновление археологических исследований на Северо-Западе относится к 1926—1927 гг. и связано с работами Комиссии по учету и охране археологических (палеоэтнологических) памятников Ленинградской губернии, а после реформы 1927 г. Ленинградской области, включившей в себя после указанной реформы также территории современных Псковской, Новгородской, Вологодской и Мурманской областей. В 1927 г. в Государственной Академии Истории Материальной Культуры (ГАИМК) при участии Бюро краеведения, поддержке и финансовом участии русско-финской секции Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран (КИПС) и Наркомпроса был организован Палеоэтнологический отряд, который возглавил П. П. Ефименко (Белова, 1985. С. 138—139). Непосредственно сбором сведений, их систематизацией и проведением аварийных и плановых раскопок занимались молодые сотрудники, аспиранты и практиканты ГАИМК — М. И. Артамонов, В. И. Равдоникас, Б. А. Коишевский, Г. П. Гроздилов, Н. Н. Чернягин,

Г. Ф. Дебец, А. А. Иессен и другие. В 1927—1931 гг. было обследовано более тысячи археологических памятников, составлен каталог на 630 сохранившихся (для предвоенной Ленинградской области). Основой для проведения этих работ в пределах Причудья и Поплюсья были уже рассматривавшаяся карта Г. Р. Шмидта и материалы для археологической карты Санкт-Петербургской губернии, собранные в 1900—1903 гг. Санкт-Петербургским Археологическим Институтом.

В результате обследования было зафиксировано «7 групп древних погребений», насчитывавших в общей сложности 82 кургана и 2 жальника (Отчёт, 1927. Л. 6). Осенью 1927 г. были проведены дополнительные разведочные обследования к югу от ст. Струги Красные и к северу от ст. Новоселье. Зафиксировано ещё 7 жальничных кладбищ, 2 курганно-жальничных могильника, 1 камень-следовик (Отчёт, 1927 Л. 51—55), сняты планы отдельных курганных групп (Отчёт, 1927 Л. 62, 63) и по материалам обследований им составлена подробная археологическая карта микрорегиона (Отчёт, 1927. карта).

Летом того же 1927 г. П. Н. Шульц и Г. П. Гроздилов, проводившие палеоэтнологическое обследование Лужского уезда, работали на территории средневековых Богородицкого Хмерского и Никольского Которского погостов, зафиксировав современное им состояние целого ряда памятников (Дневник, 1927. Л. 5—10): курган у дороги из дер. Пятчино в дер. Машутино, называвшийся местным населением «Богатырь», Страшевский городок — городище, осматривавшееся в 1900 г. Н. Ф. Арепьевым и «тронутое раскопкой» в конце XIX в. владелицей земли г-жой Душкиной, курганные группы близ станции и дер. Плюсса, курганы и сопки у дер. Которск, Полосы и мызы Курея. Были предприняты поиски городища у дер. Городище, не увенчавшиеся успехом. Также были собраны сведения об археологических памятниках у местных жителей. Большую помощь оказали крестьянин дер. Полосы Е. Никитин и учитель Плюсской школы И. С. Елехин, проводивший археологические разведки и составивший не сохранившуюся до настоящего времени карту обследованного им района (Дневник, 1927. Л. 20—37). Составленная П. Н. Шульцем и Г. П. Гроздиловым карта (Дневник, 1927. Л. 123) включает как осмотренные памятники, так и объекты, нанесённые по информации местных жителей, вероятно, исследователи планировали вернуться для проверки полученных сведений на месте, но работа не была завершена.

В 1928 г. в северо-западной части рассматриваемого региона «в пределах б. Гдовского уезда (район г. Гдова и течение р. Плюсы от с.

Крапивенского вверх по Плюсе до д. Гверестка)» (Исследование, 1927. Л. 63) провёл маршрутное разведочное обследование аспирант ГАИМК П. Н. Шульц, осмотревший и сфотографировавший памятники у Щепецкого погоста, дер. Малый Щепец, Каменка, Гверездка, Зуевец, Скородумка, пог. Крапивно и др. В общей сложности им было учтено 225 курганов и около 500 жальничных погребений (Исследование, 1927. Л. 74). Также на территории бывшего Гдовского уезда — в бывших Полновской и Узьминской волостях проводил работы сотрудник Гдовского музея и член правления Гдовского общества краеведения Н. В. Иванов, ставший в 1928 г. внештатным сотрудником Академии Материальной культуры (121/1928: Л. 50). Н. В. Ивановым в 1928 г. учтено 109 курганов и 400 жальничных погребений (Исследование, 1927. Л. 63).

В следующем, 1929 г., Б. А. Коишевский и Н. Н. Чернягин проводили обследование в Псковском округе, от ст. Новоселье и далее к западу, вплоть до берега Псковского озера, в зону их работ попали верховья р. Псковы (Отчёт, 1929); всего за время разведки ими было зафиксировано 614 курганов, часть из которых расположена в пределах юго-западной части рассматриваемой территории и в непосредственной близости за её юго-западной границей.

В 1930 г. финансирование работ по Палеоэтнологическому обследованию было сокращено, а в 1931 г. и прекращено вовсе (Белова, 1985. С 139). Все палеоэтнологические работы ГАИМК были свёрнуты, а начатые в эти же годы и успешно проведённые в жизнь советской властью мероприятия по «марксизмизации» — разгрому и приручению Центрального бюро краеведения и местных краеведческих организаций привели к тому, что практически все археологические работы в изучаемом регионе прекратились.

В конце 1930-х — 1940-м гг. Н. Н. Чернягин вернулся в Гдовский уезд и в течение нескольких сезонов проводил раскопки погребальных памятников на границе Гдовского и Стругокрасненского районов. Основной целью его исследований были памятники Культуры длинных курганов, раскопки велись у дер. Грядище в ур. Совий Бор и дер. Городня (к югу и северу-северо-востоку от пос. Середка соответственно), к западу от дер. Безьва и к северу от дер. Адамово (Чернягин, 1940; Хвоцинская, 1997. С. 123). В курганной группе Безьва II им было исследовано два полусферических кургана, под насыпями которых раскрыты погребения по обряду ингумации, датируемые XI — началом XII столетия (Хвоцинская, 1997. С. 124—128), в группе Безьва III в одном из курганов, относящихся к насыпям КДК, было открыто впускное погребение

древнерусского времени (*Хвощинская*, 1997. С. 130—132), датируемое Н. В. Хвощинской второй половиной XI — началом XII в. (*Хвощинская*, 1997. С. 132), а в курганной группе у дер. Адамово раскопано 7 древнерусских курганов (*Чернягин*, 1940), захоронения в которых, на мой взгляд, могут быть также датированы второй половиной XI — началом XII столетия.

В первые десятилетия после окончания Второй Мировой войны археологические исследования в регионе проводились лишь эпизодически. Стоит отметить случайно собранные в одном из разрушенных траншеей курганов из большого курганно-жальничного могильника у дер. Лосицы женские украшения. В 1948 г. они поступили в Псковский музей-заповедник. В 1948—1949 гг. С. А. Тараканова, исследуя курганы с трупосожжениями, провела раскопки одного из курганов в той же группе (*Тараканова*, 1951. С. 147—148) и шесть курганов в уже упоминавшийся группе в ур. Совий Бор (*Тараканова*, 1951. С. 148—151).

Новый этап изучения территории Северо-Восточного Причудья и соседних регионов связан с работой комплексной экспедиции по определению места Ледового Побоища. Основываясь на работах Палеоэтнологического Отряда, комплексной экспедицией в период с 1959 по 1962 гг. были проведены разведки водных путей, связывавших Новгород с южной частью Чудского озера: в 1959 г. по маршруту ст. Толмачево — по р. Луга до впадения Сабы — по Сабе вверх до озера Сяберское — волоком в оз. Вёрдуга — вниз по реке Вёрдуге до её впадения в Плюссу — по Плюссе до устья Люты — вверх по Люте до д. Заполье — волоком в реку Желчу — вниз по Желче в Чудское оз. Попутно было зафиксировано и обследовано около 30 археологических памятников. Маршрут 1960 г. начался в Новгороде, откуда отряд по Ильменю дошел до Шелони, поднялся вверх по Шелони до речки Ситни, далее — вверх по Ситне, из неё волоком в Курею, вниз по Курее до её впадения в Плюссу, вниз по Плюссе, а далее по Люте и Желче, как в 1959 г. Во время разведки было зафиксировано и обследовано около 40 различных археологических памятников. В 1962 г. маршрут проходил по Луге от ст. Мойка до Ямбурга (Кингисеппа) с заходом в систему озёр Врево и Черемецкое, а также в р. Оредеж, по которой экспедиция поднялась до Ям-Тесова.

Таким образом, были проведены разведки от Новгорода на востоке до Чудского озера на западе и от города Луги на севере до водораздела Черёхи и Узы на юге, и экспериментально доказана возможность навигации на туристических разборных байдарках по водной системе Северо-Запада Новгородской земли (*Потресов, Шолохова*, 1966. С. 65—95).

В начале осени 1960 г. в Лужском районе Ленинградской и в Стругокрасненском районе Псковской области была проведена археологическая разведка сотрудниками сектора археологии Института истории АН ЭССР Э. Тыниссоном и Л. Янитсом (Тыниссон, 1960). Целью работ стало выявление новых местонахождений каменного века и поиски следов раннего, дославянского, заселения территории.

Выявить местонахождения на берегах оз. Врево сотрудникам экспедиции не удалось, также не дал результатов и поиск по берегам озёр Песно и Щирского, лишь на северном берегу Раковского (Раковичского) озера зафиксирован культурный слой и найдено несколько фрагментов ранней керамики (Тыниссон, 1960. Л. 3—6).

С целью решения второй из поставленных задач сотрудниками экспедиции была проведена шурфовка нескольких раннесредневековых городищ: у дер. Большое Конезерье, Заорешье, Голубково, Городец, Страшево и Яблонец. Страшевское городище на основании находки фрагмента керамики с гребенчатым орнаментом было датировано исследователями временем не моложе середины I тыс. н.э., Яблонское не датировано вовсе, а остальные отнесены к концу I — началу II тыс. н.э. (Тыниссон, 1960. Л. 6—16).

В 1970-е гг. памятники района обследовал краевед В. И. Жемчужин, в начале 1970-х гг. на северной границе района проводили разведочные обследования Н. В. Хвоцинская и Л. А. Царькова, в 1975—1976 гг. Л. А. Царькова провела разведочные обследования в районе пос. Струги Красные и к западу от платформы Владимирский Лагерь. Исследовательница зафиксировала современное ей состояние ранее выявленных памятников, в основном курганных групп КДК, и открыла несколько новых.

Большие успехи в археологическом изучении района связаны с работами Плюсского отряда Ленинградской областной экспедиции (ПО ЛОЭ) под руководством С. Л. Кузьмина⁴. В течение 1986—1991 гг. было проведено практически сплошное археологическое обследование территории Стругокрасненского и Плюсского районов, составлена максимально полная на сегодняшний день археологическая карта. Впервые было выявлено около 100 археологических памятников, уточнены сведения и пересняты планы ещё нескольких десятков памятников, известных по архивным документам и довоенным работам. Кроме разведочных работ были предприняты широкомасштабные раскопки раннесредневековых погребальных памятников по современной методике, начаты исследования комплексов средневековых памятников у деревень Которск, Березицы,

Сковородка, Берёзно.

Комплекс археологических памятников у дер. Сковородка, включавший в себя небольшой укрепленный городок, неукрепленное поселение, несколько сопок и жальничный могильник, как уже было отмечено, впервые попал в поле зрения археологов в начале XX в., в 1909 г. одна сопка и две жальничных могилы исследованы студентами МАИ. Во второй половине 1920-х годов комплекс был осмотрен сотрудниками Палеоэтнологической экспедиции Г.П. Гроздиловым и Н. Н. Чернягиным, тогда же был снят подробный план и сделано его описание. Справедливости ради, нужно отметить, что вал городища был интерпретирован ими как ещё одна насыпь сопочного типа.

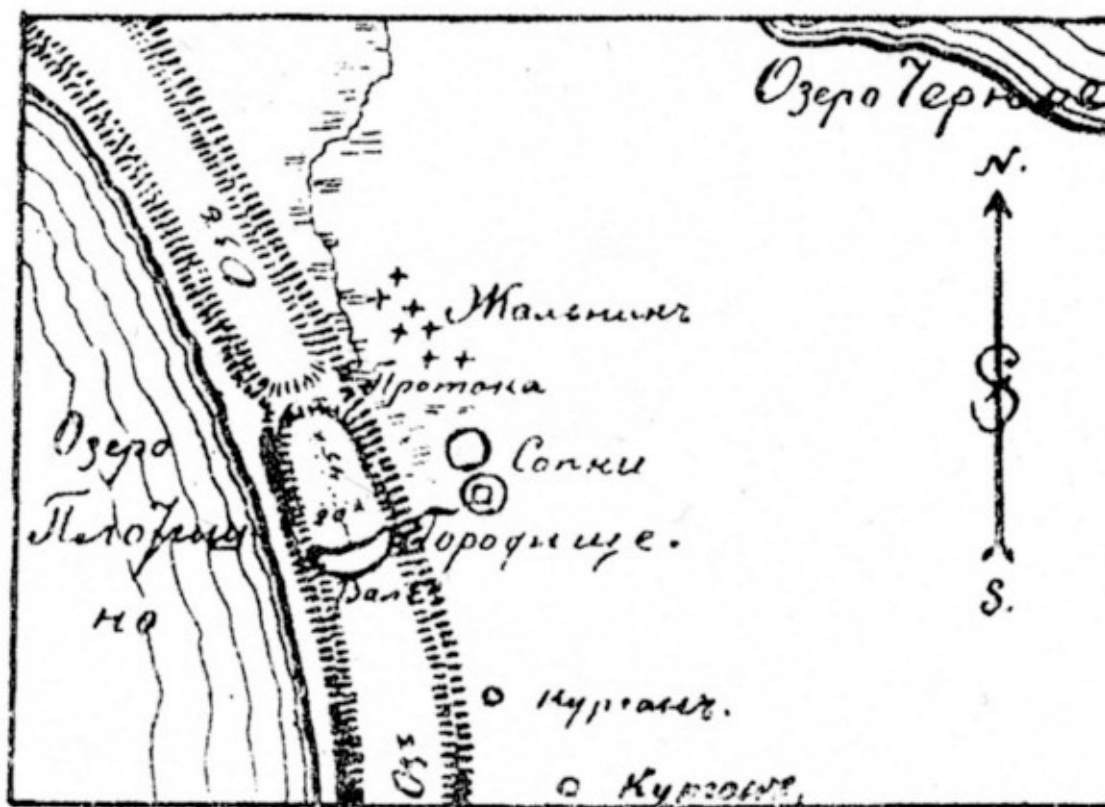

Рис. 4. План археологических памятников у д. Сковородка. К. Д. Трофимов, 1909 г.

В 1988 г. ПО ЛОЭ на территории комплекса были проведены масштабные исследования: раскопаны две сопки, составлявшие группу Сковородка II, и заложен небольшой разведочный раскоп на селище в поле, к северу от городка (Кузьмин, 2001).

Изучение средневековых культово-меморативных насыпей — сопок — именно в окрестностях Сковородки представлялось важным так как это крайний западный пункт распространения данного типа памятников в бассейне Плюссы. Проведённые исследования дали уникальные результаты.

В следующем 1989 г. ПО ЛОЭ ЛОИА были начаты исследования погребальных памятников в окрестностях дер. Березица, цикл работ продолжался в течение 1989—1991 гг. За три полевых сезона было исследовано несколько погребальных насыпей культуры длинных курганов и 10 курганов древнерусского времени, исследования дали важные и интересные результаты. Важно отметить, что раскопки велись по современной методике, с полным вскрытием рвов и по-возможности межкурганного пространства, что позволило получить дополнительную информацию о месте и роли грунтовых захоронений в системе погребальной обрядности носителей КДК, уточнить топографию кладбищ, установить этапность возведения отдельных насыпей.

Важную информацию дали и раскопки курганов с погребениями по обряду ингумации. В курганном могильнике Березицы III было исследовано 10 курганов, под насыпями которых открыто более 15 индивидуальных захоронений. Основная масса погребённых похоронена по христианскому обряду. Практически во всех захоронениях были найдены украшения и детали костюма, наиболее многочисленные в женских могилах — височные кольца и серьги, ожерелья из бисера и бус, украшения рук, бытовые предметы. Находки, на основании детально разработанной Ю. М. Лесманом новгородской хронологии, позволяют определить время совершения погребений. Наиболее ранние захоронения были совершены в середине — третьей четверти XI столетия, а наиболее поздние — во второй половине XII в. Таким образом, важно подчеркнуть, что Березицкий курганный могильник — одно из немногочисленных средневековых кладбищ, функционирование которого началось сразу после крещения населения Северо-Запада Новгородской земли⁵.

Говоря об археологических исследованиях на территории Стругокрасненского района нельзя не упомянуть работы Б. Н. Харлашова. В ходе многолетних исследований сельского расселения и административно-территориального деления Псковской земли им были проведены широкомасштабные археологические разведки, выявлены и локализованы многие из упоминаемых в письменных источниках населённых пунктов, открыты разнотипные погребальные памятники, датированные от середины I тыс. до середины II тыс. н.э. (Харлашов, 1991;

Харлашов, 2000).

Ситуацию с финансированием фундаментальной науки в целом в современной России нельзя считать благополучной, и археология — отнюдь не является счастливым исключением. Кроме того, нельзя не отметить и постоянные изменения законодательства в сфере охраны памятников истории и культуры, что также вносит свои сложности в организацию полевых археологических исследований. В целом, следует признать, что за последние 20 лет число ведущих научных исследований археологов и/или археологических экспедиций сократилось, несмотря на рост общего числа полевых археологических работ. Объяснение этого парадокса кроется в законодательной базе, требующей получения отдельного разрешения — Открытого листа — на каждый обследуемый объект. Это и привело к росту числа выдаваемых разрешений в целом и кажущейся активизации археологических работ.

Применительно к изучению Стругокрасненского района современные реалии таковы, что научные работы выглядят скорее чередой отдельных скоротечных выездов, «экспедиций выходного дня», когда исследователь вынужден совершать «набеги» на отдельные памятники или комплексы памятников, максимально используя сэкономленные на других проектах средства и проводя их почти исключительно в личное нерабочее время. Именно так, к сожалению, в последние годы всё больше выглядят мои собственные работы, или работы, например, моего псковского коллеги А. В. Михайлова.

Другой серьезной проблемой современности остаётся активность «любителей металлопоиска» — оснащённых различным поисковым оборудованием любителей. Это сплочённое сообщество «коллекционеров», «народных историков», «чёрных археологов», бесконтрольно рыщущих по просторам страны, своими действиями разрушающих все встречающиеся на их пути исторические и археологические памятники. Их деятельность наносит непоправимый ущерб, оценить который и рассчитать последствия которого не возьмётся, наверное, никто. Законодательная база позволяет правоохранительным органам бороться с этим явлением, но отсутствие политической воли (читай: команды сверху), объективная сложность предотвращения, выявления и фиксации преступления и пр. ведут к почти полному отсутствию противодействия данному виду преступлений.

В Стругокрасненском районе, как и в других районах Псковской, Новгородской, Тверской, Смоленской, Ленинградской и других областей, не осталось, наверное, запустевшей деревни или просто поля, на котором

не встретятся следы поисковой деятельности, на сегодняшний день мне известно как минимум о двух древнерусских курганных кладбищах XII—XIV вв., многие захоронения которых разрушены и уничтожены коллекционерами древностей, это курганно-жальничный могильник между деревнями Подложье и Гористо и аналогичное по типу надгробных сооружений кладбище в несуществующем селе Логовеще.

К группе разрушаемых погребальных и поселенческих памятников вплотную примыкает «клад», найденный «любителями металлопоиска» в 2013 г. на территории Стругокрасненского района. По информации, опубликованной в сборнике материалов конференции «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII—XI вв.», проводившейся в Старой Ладоге весной 2015 г., к северо-западу от дер. Пятчино был обнаружен «клад», содержащий средневековые женские украшения и западноевропейские серебряные монеты (Михельсон, Тростьянский, 2015). В статье проанализирована монетная часть клада, однако, непосредственно обстоятельствам находки уделено крайне мало внимания. Отсутствие информации о взаимном расположении монет и украшений в момент находки (в статье приводится лишь одна фотография довольно низкого качества) и описания найденных вместе с монетами вещей, наличие в «кладе» стеклянных бус и шейной гривны, большое число монет, превращённых в подвески, — всё это заставляет относиться к данной находке с большой осторожностью. Весьма возможно, что данный «клад» есть ни что иное как разрушенное погребение, собранные воедино вещи из которого и были интерпретированы находчиками как умышленно спрятанное «сокровище» — «клад». В любом случае, данная находка наглядно демонстрирует как в результате «труда» неспециалиста утрачена значительная часть важной исторической информации, что не позволяет в дальнейшем объективно ввести предметы в научный оборот и использовать их в историческом исследовании.

Подводя итоги, можно отметить, что начало археологического изучения территории бассейна Верхнего и Среднего течения реки Плюссы в значительной степени связано с близостью столицы и дачным освоением её дальних окрестностей в третьей четверти XIX — начале XX столетия. Этот период до сих пор остаётся самым представительным по количеству раскопанных древнерусских погребальных памятников и «добытых раскопкой» находок. В то же время интерес к исследованиям оставался полулюбительским и характеризуется избирательным вниманием «раскопщиков» к истории и археологии окрестностей тех деревень или имений, где они жили или отдыхали летом с семьёй. Иногда такой интерес

перерастал в целые «научные программы» по изучению тех или иных местностей, в отдельных случаях «раскопщики-интересанты» становились профессиональными археологами, каковыми можно считать, например, В. Н. Глазова и К. Д. Трофимова.

В результате работ конца XIX — начала XX столетия был собран значительный объём сведений об археологических памятниках района, часть информации была проверена в конце 1920-х гг. Собранные сведения не утратили своей актуальности до сих пор, послужив основой для организации разведочных обследований второй половины XX в.

Работами археологов, проводивших исследования в пределах Стругокрасненского района в течение XX — первых десятилетий XXI в., было изучено большое число разнотипных археологических памятников, что даёт возможность для надёжной реконструкции основных культурно-исторических процессов, протекавших на этой территории на протяжении середины — конца I тыс. н.э., процессов формирования древнерусской народности в западной части средневековой Новгородской земли на рубеже тысячелетий и в первой половине II тыс. н. э. В то же время территория района обследована далеко не полностью, продолжение её археологического изучения даст обширный и важный материал, который позволит по-новому взглянуть на многие не решённые проблемы, но и, без сомнения, поставит перед учёными новые вопросы.

Источники и библиография:

Арепьев, А-1899 — По ходатайству Н. Ф. Арепьева о разрешении ему раскопок в Лужском уезде, СПб губ. // РО НА ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1899. Д. 150.

Арепьев, А-1900 — О раскопках г. статского сов. Н. Ф. Арепьева в Лужском уезде СПб губернии // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. оп. 1. 1900. 119.

Белова, 1985 — Белова Н. А. Из работ ГАИМК по изучению археологических памятников Ленинградской области // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., Наука, 1985. С. 137—140.

Бихнер, А-1883 — О разрешении, данном Императорскою Археологическою Комиссиею, на право производства раскопок сыну д. ст. сов. Александру Александров. Бихнеру, в Гдовском уезде, С.-Петербургской губ. в 1883 году // РО НА ИИМК. Ф. 1. оп. 1. 1883. Д. 40.

Городцов, 1911 — Городцов В. А. Дневник раскопок, произведённых слушателями Московского Археологического Института, под руководством В. А. Городцова, в С.-Петербургской губернии, в Лужском (1) и Гдовском (2—6) уездах 1909 г. // Отчёт о состоянии Московского Археологического

Института в 1909—1910 академическом году. М., 1911. С.65—89.

Данилов, 1880 — Данилов И. Г. Раскопки слушателями Института курганов в Гдовском и Лугском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. (Из летних экскурсий слушателей в 1878/9 академическом году) // Сборник Археологического Института. Кн. 3, отделение I. СПб, 1880. С. 20—40.

Дневник, 1927 — Дневник палеоэтнологических исследований в Лужском уезде, произведённых сотрудниками Северо-Западной экспедиции КИПС'а Академии Наук Шульцем П. Н. и Гроздиловым Г. П. от 23 июня по 17 июля 1927 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. №106, 1927.

Исследование, 1927 — Исследование Ленинградской области. Переписка и планы. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2, Оп. 1. 1929. Д. 121.

Каталог, 1931 — Учётный каталог археологических памятников Ленинградской области. Рисунки. Псковский округ. №51—100 // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1931. Д. 744.

Кашкаров, 1872 — Кашкаров. Могилы древних жителей Гдовского уезда // Гдовско-Ямбургский листок. 1872. №21.

ИСС IX — Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. IX. СПб: С.-Петерб. епарх. историко-стат. ком., 1884.

ИСС X — Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. X. СПб: С.-Петерб. епарх. историко-стат. ком., 1885.

Кудряшов, 1913 — Кудряшов К. В. Отчёт о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. 11. СПб: 1913. С. 241—264.

Кузьмин, 2001 — Кузьмин С. Л. Комплекс памятников в урочище Миложь у д. Сквородка в контексте древностей верхнего Поплюсья рубежа I и II тыс. н. э. // Вестник молодых учёных. Серия «Исторические науки» спецвыпуск «Археология». №1. 2001. С. 56—62.

Мальмгрен, А-1893 — Мальмгрен А. Э. О раскопках Мальмгрена в селе Осьмино Гдовского уезда, С.-Петербургской губ. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1893. Д. 90.

Мальмгрен, А-1894 — Мальмгрен А. Э. О разрешении студенту А. Э. Мальмгрону раскопок в селе Осьмино, Гдовского уезда. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 75.

Медведева, 2014 — Медведева М. В. Материалы по археологии Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии из собрания Императорской Археологической комиссии. Случайные находки // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени

академика В. В. Седова. Материалы 59-го заседания. Выпуск. 29 / Н. В. Лопатин (отв. ред.). М., — Псков — СПб: Нестор-История, 2014. С. 424—435.

Медведева, Соболев, 2014 — Медведева М. В., Соболев В. Ю. Археолог Владимир Нилович Глазов // Археологические Вести / Е. Н. Носов (глав. ред.). Вып. 20. С. 395—426.

Михайлова, Селин, Соболев, 2015 — Михайлова Е. Р., Селин А. А., Соболев В. Ю. История Чернозерского монастыря и некоторые находки с его территории // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 60-го заседания. Выпуск 30. / Н. В. Лопатин (отв. ред.). М., — Псков — СПб: Нестор-История, 2015. С. 143—151.

Михельсон, Тростьянский, 2015 — Михельсон А. Р., Тростьянский О. В. Монеты VIII—XI вв. денежно-вещевого комплекса из Псковской области // Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII—XI вв. Ст. Ладога — СПб: 2015. С. 250—269.

Прибужинец, 1872 — Прибужинец. Памятники старины в Прибужском приходе // Гдовско-Ямбургский листок. 1872. №39.

О древних... 1889 — О древних серебряных шейных кольцах, найденных в д. Узьмино, Гдовский уезд, Санкт-Петербургской губ. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1889. Д. 85.

Отчёт, 1927 — Иессен А. А. Отчёт о палеоэтнологических разведках в Лужском и Кингисеппском уездах Ленинградской губернии. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. №109, 1927.

Отчёт, 1929 — Отчёт палеоэтнологического обследования в Псковском округе, проведённого Б. А. Коишевским и Н. Н. Чернягиным в 1929 году // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 124.

Потресов, Шолохова, 1966 — Потресов А. С., Шолохова Е. В. Древние водные пути новгородцев // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л.: Наука, 1966. С. 65—97.

Спицын, А-459 — Спицын А. А. «Корочки» // РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 459.

Спицын, 1898 — Спицын А. А. Мелкие сообщения // ЗРАО. 1898. Т. 10. Вып. 1—2. С. 358—367.

Спицын, 1903 — Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. (Материалы по археологии России. №29). СПб: 1903.

Соболев, 2006 — Соболев В. Ю. Материалы раскопок у деревень Логовеще и Селище в собрании Фонда археологии МАЭ // Свод

археологических источников Кунсткамеры. Вып. 1. Санкт-Петербург, Кунсткамера, 2006. С. 302—341.

Соболев, 2007 — Соболев В. Ю. Материалы раскопок древнерусских памятников в собрании фона археологии МАЭ им. Петра Великого // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы LII заседания, посвященного памяти профессора А. Р. Артемьева / И. К. Лабутина (отв. ред.). Псков: ИА РАН, 2007. С. 245—269.

Соболев, 2008 — Соболев В. Ю. Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI // Археологические вести. №15. М., Наука, 2008. С. 118—132.

Соболев, 2014 — Соболев В. Ю. Борис Коишевский и Евгений Исполатов: к биографии исследователей Гдовского уезда // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 59-го заседания. Выпуск. 29. М., — Псков — СПб: Нестор-История, 2014. С. 436—450.

Стабул, 1892 — О раскопках в имении И. К. Стабул «Лишевицах» // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. оп. 1. 1892. Д. №58.

Тараканова, 1951 — Тараканова С. А. Псковские курганы с трупосожжением // КСИИМК, XXXVI, 1951. С. 141—154.

Трофимов, А-1909а — О раскопках Московского Археологического Института в Гдовском и Лужском у. у. С-Петербургской губ и в Керчи // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1909 г. Д. №31.

Трофимов, А-1909б — О расследовании К. Д. Трофимовым кургана в дер. Средние Озерцы, Гдовского уезда, С.-Петербургской губ. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1909 г. Д. №128.

Тыниссон, 1960 — Тыниссон Э. Отчёт об археологической разведке в Ленинградской и Псковской областях 6-го — 20-го сентября 1960 г. // АИА РАН. Р-1. Д. 2221.

Харлашов, 1991 — Харлашов Б. Н. Псковские губы (к вопросу о происхождении) // КСИА, 205. М., 1991. С.21—28.

Харлашов, 2000 — Харлашов Б. Н. Посады Пскова и околгородские губы в XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара 1996—1999 [Заседания 42—46]. Псков, 2000. С. 54—56.

Хвощинская, 1997 — Хвощинская Н. В. К вопросу формирования древнерусской культуры на Западе Новгородской земли (по материалам могильника Безьва) // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб: Дмитрий Буланин, 1997. С. 123—138.

Чернягин, 1940 — Отчёт Н. Н. Чернягина о раскопках в 1938—1940 гг. в Гдовском районе // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2, 1940. Д. 164.

Шмидт, А-1886 — Шмидт Г. Р. Археологическая карта с объяснительной запиской Гдовского уезда Петербургской губернии // РО НА ИИМК РАН. Ф. 4. 1886. Д. №176.

Шмидт, 1886 — Шмидт Г. Р. Сообщения, извлечения из писем // Известия Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Т. XLIX, вып. 3. Протоколы заседаний Антропологического отдела общества с 4-го декабря 1881 г. по 1886-й г. М., 1886. С. 188—190; 504—506, 519—522, 609—622, 646—649.

Михайлова Е. Р.

Памятники археологии эпохи раннего средневековья на территории Струго-Красненского района⁶

Современная археология — методы исследования

Рассказ об археологических памятниках уместно предварить кратким вступлением о том, как и над чем работает современная археология. Возникнув когда-то как профессиональное «знание о древностях» торговцев и коллекционеров, археология долгое время существовала как «история, вооружённая лопатой» — считалось, что обычного здравого смысла и житейского опыта достаточно, чтобы понять, что именно нашли при раскопках и как археологические находки иллюстрируют построения историков.

Ныне ситуация изменилась. За последние 200—300 лет накоплена и осмыслена масса информации, и теперь мы понимаем, что не всегда можно прямолинейно истолковывать такие сложные данные, как археологические источники.

С чем же работает археология?

Во-первых, разумеется, с «древностями». Однако само слово «древности» в археологии имеет собственное значение — это не просто некие старинные предметы, но такие, которые уже давно не употребляются в современной культуре, и современный человек, как правило, часто даже не может точно сказать, что же именно перед ним.

Второе, не менее важное понятие — «комплекс предметов». Археологи работают не с отдельными, даже очень яркими находками, а с их сочетаниями. К настоящему времени мы уже знаем достаточно о конкретных типах и сериях древних вещей, и случайный, вырванный из контекста предмет сам по себе, вне сопоставления с другими предметами и точными обстоятельствами находки, практически не даёт никакой новой информации.

И ещё одно, важнейшее понятие — «культурный слой». Это не просто

грунт, в котором разбросаны находки. Во-первых, культурный слой запечатывает попавшие в него предметы, так что мы можем видеть, как именно была расставлена посуда в древнем погребе, или располагались украшения на одежде человека, погребённого под древним курганом. Во-вторых, очень важны стратиграфические наблюдения, которые позволяют установить, как формировались отдельные прослойки и в какой последовательности они залегают в разрезе культурного слоя. Ну и, наконец, современные методы естественных наук позволяют по образцам грунта получать информацию о древнем климате, характере растительности вокруг объекта, об особенностях древнего производства и многих других обстоятельствах.

Что такое раннее средневековье?

Я напомним, что сам термин «средние века» возник для обозначения эпохи посередине между древностью (античностью) и новым временем — периодом зарождения капитализма и ведущей роли городов.

Средние века в Европе — это эпоха по преимуществу аграрного строя, сельской жизни. Разные части Европы имели, конечно, свою специфику, но в целом средние века — это эпоха аграрного, очень традиционного по своему укладу, общества, исповедующего христианство. Главные фигуры этой эпохи — крестьянин, сельский священник, воин-землевладелец и монах.

Ранним средневековьем принято называть те несколько веков, в течение которых формируется этот строй, начиная с событий эпохи Великого переселения народов до приблизительно 1000 года. Для Восточной Европы это период формирования тех народов, о которых позднее напишут русские летописи, и сложения древнерусского государства и древнерусской культуры.

Струго-Красненский район на карте Северо-Запада России

Территория современного Струго-Красненского района Псковской области, как и соседних Плюсского, Гдовского и Порховского, в эпоху средневековья относилась к землям Великого Новгорода. В их историческом развитии и судьбах много общего, поэтому ниже при необходимости будут привлекаться и результаты исследований в этих районах.

Археологические исследования на этой территории начались в 1870—

1880-х гг. В 1897 г. появился и первый научный очерк местных древностей, составленный выдающимся русским археологом А. А. Спицыным («Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении»).

На протяжении всего XX в. территория Струго-Красненского района неоднократно обследовалась археологами, рассказу об этих работах посвящен специальный доклад. Современная археологическая карта района составлена в основном по итогам работ 1980—1990-х гг. (она опубликована в 1997 г. в Кадастре «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области»), но продолжает дополняться и уточняться.

Раннесредневековые древности на территории Струго-Красненского района

Памятники эпохи раннего средневековья на этой территории вырастают из древностей периода раннего железного века как следующий этап развития культуры и хозяйства местного населения. Период раннего железного века занимает продолжительный отрезок времени от середины I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. По историко-культурному содержанию, направлению культурных связей и общему облику материальной культуры этот протяженный период часто делят на два: до-римский железный век (обычно датируется в пределах 500 г. до н.э. — 50 г. н.э.) и римский железный век (ок. 50—450 гг. н.э.), когда в материалах местных памятников можно уловить черты сходства и взаимных связей со значительной территорией, испытывавшей прямое или опосредованное влияние Римской империи.

Древности римского железного века на северо-западе Восточной Европы пока изучены не очень хорошо: в нашем распоряжении есть только отдельные, хотя порой и очень выразительные предметы, указывающие на влияние со стороны империи или датирующиеся так наз. эпохой римских влияний: монеты, фибулы, гребни, отдельные предметы вооружения. Археологические памятники, которые связаны с этим периодом, изучены пока только в районе границы с Эстонией — это т.н. каменные могильники в окрестностях Пскова и Кингисеппа в Ленинградской области.

Начиная с эпохи средневековья, количество известных археологических памятников и, следовательно, наших знаний о прошлом, возрастает. Из средневековых культур Северо-Запада наиболее ранней

является культура псковских длинных курганов (КДК), памятники которой на территории Псковской и юга Ленинградской областей встречаются практически повсеместно.

Культура псковских длинных курганов сформировалась на обширном пространстве от Восточной Эстонии до Верхневолжья и Белозерья при участии неких культурных импульсов (возможно, также и групп переселенцев) с территории Центральной Европы. Наиболее ранние памятники этой культуры не образуют единого ядра, но рассредоточены в нескольких регионах, в том числе в бассейне р. Луги и в Северо-Восточном Причудье. Предметы, найденные в ранних могильниках, ещё напоминают вещи римского времени.

Наиболее изученным типом памятников культуры длинных курганов остаются курганы, по одной из форм которых получила своё название вся культура. Для КДК характерно внешнее разнообразие форм курганов: в составе курганных групп сочетаются округлые в плане насыпи разной высоты, квадратные, овальные, валообразные и комбинированные. Внутреннее строение курганов этой культуры отличается своей сложностью, при раскопках фиксируется от одного до четырёх-пяти последовательных этапов сооружения одного кургана и — чаще всего — наличие нескольких захоронений по обряду трупосожжения на стороне. Наиболее крупные скопления могильников КДК в Струго-Красненском районе известны близ деревень Березицы, Щир, Горушка, Тужерино.

Поселения культуры длинных курганов пока изучены недостаточно. Чаще всего они представлены селищами (открытыми, неукреплёнными поселениями), расположенными недалеко от крупных курганных групп, близ источников воды, часто на месте поселений предшествующих эпох. Расположенные на песках и супесях, селища КДК часто обладают слабо выраженным, разрушенным в процессе выветривания культурным слоем со сравнительно немногочисленными находками. Укреплённые поселения культуры длинных курганов — городища — обычно располагаются на отдельных холмах и укреплены системой концентрических валов и рвов. Они характеризуются стратифицированным культурным слоем, при прорезке оборонительных валов можно проследить следы внутренних деревянных конструкций. На пространстве между Лугой и Псковом известно несколько городищ культуры длинных курганов, в том числе у деревень Пятчино, Щир (Рис. 1).

Носители культуры длинных курганов, по всей вероятности, вели комплексное лесное хозяйство, основанное на земледелии (подсечном и, по крайней мере, в отдельных регионах пашенном) и использовании

лесных ресурсов. Наличие у них привозных изделий из стекла и цветного металла свидетельствует о включенности этого населения в дальние торговые связи.

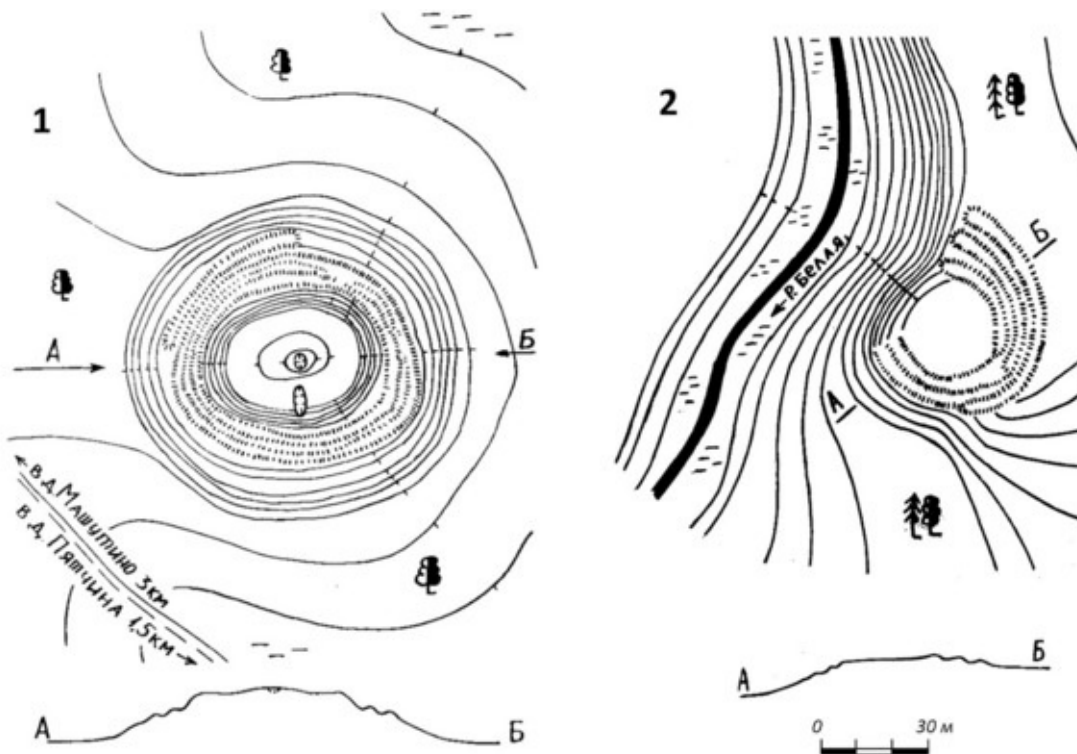

Рис. 1. Планы городищ: 1 — у д. Пятчино («Страшевский городок»); 2 — у д. Щир. Глазомерная съёмка С. Л. Кузьмина, 1986 г. Горизонталы проведены через 1 м

По всей вероятности, именно с началом средневековья (и, возможно, с появлением памятников культуры длинных курганов) связано широкое распространение на Северо-Западе Восточной Европы такого феномена, как культовые (почитаемые) камни, до сих пор фигурирующие в местных преданиях. Во многих случаях они топографически связаны с крупными комплексами памятников КДК и, по-видимому, эта связь не случайна.

Культура длинных курганов поступательно развивается вплоть до IX в. Начиная с этого времени, культура вступает в полосу длительного кризиса и количество памятников резко сокращается. Тем не менее, в отдельных местностях прежние традиции сохраняются вплоть до начала — середины XI в., и древнерусская культура на этой территории складывается в основном на основе «длиннокурганного» населения.

Со сложением земель Великого Новгорода территория современного

Струго-Красненского района вошла в их состав. Археологическим отражением этого процесса явилось распространение поселений с культурными слоями, содержащими характерную древнерусскую круговую керамику, и связанных с ними кладбищ — первоначально языческих кремаций, а позднее — курганных, курганно-жальничных и грунтовых могильников, захоронения на которых совершались согласно христианской традиции. Влияние такого крупного административного и экономического центра, как Новгород, оказывало значительное воздействие на окружающие территории, и потому сформировавшаяся культура Новгородской земли оказалась достаточно единообразна, представляя собой вариант средневековой русской культуры с некоторыми локальными особенностями.

Специфической чертой средневековой Новгородской земли является малочисленность в ней городов. Административные, торгово-ремесленные, военные функции в Новгородской земле исполняли погосты — административные и экономические центры сравнительно небольших территорий. Возникновение погостов в Новгородской земле принято связывать с сообщением Повести временных лет под 6455 г. (947 г.): «Иде Вольга Новугороду и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и повосты...» Значительная часть новгородских погостов трудами нескольких поколений исследователей обнаружена и картирована. Как правило, погосты (в археологической литературе их часто называют «локальные центры») представлены городищами, рядом с которыми могут быть расположены неукреплённые посады. Расположение погостов на местности диктовалось не только их ролью узлов в сети поселений и дорог, но и необходимостью строительства фортификационных сооружений. Наиболее типично расположение древнерусских городищ на береговых мысах, где строительство укреплений было менее трудоёмким и зачастую необходимо было укрепить только напольную, наименее естественно защищённую сторону.

Первоначально погостами назывались центры («центральные поселения») податных округов, и лишь с течением времени «погостом» стала называться соответствующая территория, а после христианизации Северной Руси и строительства в погостских центрах церковью среди значений слова «погост» появилось и «кладбище».

Наиболее подробно в западной части Новгородской земли археологами изучены Дремяцкий погост (в д. Городец Лужского района) и Которский погост (близ д. Которск Плюсского района), но и прочие погосты этой

части Новгородской земли были похожи на них.

Наиболее ранними погребальными памятниками, связанными с древнерусскими погостами, являются могильники с рассыпными кремациями, наиболее подробно исследованные близ Которского погоста. Это россыпи пережжённых человеческих костей в сопровождении фрагментов лепной керамики и оплавленных фрагментов украшений, залегающие на поверхности низких всхолмлений под современным дерном. Такие могильники датируются IX—XI вв., исследованы также и в других регионах Северной Руси. По всей вероятности, бескурганые рассыпные кремации представляли собой одну из основных древнерусских погребальных традиций до распространения христианского погребального ритуала.

Частично синхронны с бескурганскими кремациями сопки — хорошо заметные на местности высокие (до 5—7 м) крутобокие насыпи, как, правило, расположенные на коренных берегах рек и содержащие по несколько захоронений по обряду кремации. Для сопок характерны отчётливая ярусность насыпи с приуроченностью погребений к верхнему/верхним ярусам, наличие реальной или подразумеваемой вертикальной оси сооружения, часто — мощные каменные кладки по основанию. К районам наибольшей концентрации сопок относятся бассейны Волхова, верхней Луги, Ловати и Мсты. В настоящее время общепринята датировка сопок IX—X вв. или IX—XI вв., причём временем ранее X в. уверенно можно датировать только некоторые сопки в Нижнем Поволжье и единственную насыпь в верхнем течении Луги (близ Передольского погоста). Большинство же сопок, в том числе и исследованные на территории Псковской области, по находкам в верхней части насыпи фрагментов круговой керамики следует датировать не ранее X в.

Значительный интерес представляют две сопки у д. Сковородка Струго-Красненского района, исследованные С. Л. Кузьминым в 1988 г. Обе сопки по находкам можно датировать X — первой половиной XI в., но результаты раскопок сопки №2 позволяют связать её с вполне конкретными историческими событиями. Здесь был обнаружен собранный из толстых досок и небольших брёвнышек ящик, некогда, вероятно, установленный на вершине сопки. Ящик служил вместилищем для совершавшихся здесь захоронений: внутри него размещались пережжённые кости (не менее чем от нескольких индивидов), среди которых были собраны фрагменты керамики и оплавленных на погребальном костре украшений. Ящик, содержащий погребения по обряду кремации, был преднамеренно сброшен с вершины на склон насыпи и засыпан толстым

слоем супеси. Такое намеренное «низвержение» языческого захоронения, в сочетании с радиоуглеродной датой конструкции (995—1020 гг.), заставляет вспомнить о состоявшемся в 988 г. крещении Руси и последовавшем за этим разрушением языческих святилищ.

С сопками близ д. Сквородка многими чертами своего внутреннего строения сходны и раскопанные не так далеко от них сопка у д. Полосы Плюсского района и сопка у д. Средние Озерцы (ныне — восточная часть д. Большие Озерцы) Лужского района. В сопке у д. Полосы обнаружена такая же дерновая пирамида внутри песчаной насыпи, перекрывшая кострище из крупных плах, как и в сопках у д. Сквородка.

На территории Струго-Красненского района сопки известны также у деревень Выборово, Костелёво, Обод, но пока не изучены раскопками. В конце I тыс., возможно под влиянием традиции сооружения сопок, распространяются и другие крупные насыпи — наиболее характерным их примером являются высокие (до трёх метров) сопковидные курганы в могильнике культуры длинных курганов близ д. Березицы.

Ещё одна важная категория находок эпохи средневековья — клады. Наиболее известный из средневековых кладов на рассматриваемой территории был найден в 1889 г. на пахотном поле близ д. Узьмино. Клад состоял из нескольких серебряных шейных гривен, возможно, изготовленных в Прибалтике, и датируется IX в. Клад из похожих серебряных гривен был найден также в 1875 г. близ Передольского погоста в верхнем течении Луги.

Средневековые клады не только являются важными источниками по истории древней экономики и денежного обращения, но и могут служить косвенным указанием на наличие в окрестностях археологических памятников.

В конце X в. начинается новый этап развития древнерусской культуры, связанный с распространением христианства, ростом городов и дальнейшим развитием экономики. Яркой чертой этого нового этапа является широкое распространение на поселениях привозных украшений из стекла, бронзы и серебра, а также посуды, изготовленной на гончарном круге (сам гончарный круг появляется на Северо-Западе Восточной Европы только в 920—930-х гг. и поначалу используется только городскими мастерами).

Ещё одно важнейшее новое явление — распространение христианской погребальной обрядности — кардинально изменило древнерусские кладбища. Крещёное население отказывается от практиковавшегося ранее сожжения умерших и переходит к погребениям по обряду ингумации.

Немногие сожжения XI—XII вв., обнаруженные при раскопках, скорее всего, являются свидетельствами каких-то экстраординарных событий или необычных обстоятельств смерти. Наиболее распространённым типом погребальных памятников в XI—XIII вв. становятся невысокие курганы, перекрывавшие индивидуальные (реже — парные) ингумации, совершённые в могилах или на горизонте. Конкретные детали обрядности и строения насыпей несколько разнятся в различных памятниках, но общность вновь возникшей традиции не вызывает сомнений. На территории Струго-Красненского района древнерусское курганное кладбище XI—XII вв. раскапывалось близ д. Березицы, однако памятники этого типа достаточно многочисленны.

К сожалению, памятники эпохи развитого и позднего средневековья на территории Струго-Красненского района изучены археологами ещё недостаточно, работы, посвященные им, немногочисленны. Главные исследования и открытия ещё впереди.

Источники и библиография:

Андряшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. Часть 1. Списки селений. Часть 2. Карты погостов. М.: Издание Имп. Об-ва истории и древностей российских при Московском университете, 1914.

Ефимов А. Н. Древние погосты земли Струго-Красненской // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков, 2007. — №26. — С. 12—37.

Кадастр: Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области. Псков: Псковский пед. ин-т, 1997.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

Кузьмин С. Л. Комплекс памятников в урочище Миложь у д. Сквородка в контексте древностей Верхнего Поплюсья рубежа I и II тыс. н. э. // Вестник молодых учёных. Исторические науки. 1'01. Специальный выпуск: Археология. С.56—62.

Кузьмин С. Л. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М., 1991. С.153—168.

Кузьмин С. Л. К проблеме военного дела у населения Северо-Западной Руси в раннем средневековье (по материалам археологических памятников) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья: Сб. научных статей. СПб: Нестор-История, 2008. С.50—55.

Лебедев Г. С., Розов А. А. Городец под Лугой // Вопросы истории. 1975. — №2. — С.212—216.

Михайлова Е. Р. Исследования селища Которской погост в 2006 году // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Мат-лы LIII заседания. Псков, 2008. С.215—228;

Михайлова Е. Р. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов // Петербургский апокриф. Послание от Марка (Библиотека «Stratum») / Отв. ред. О. В. Шаров. СПб: Кишинёв: Университет «Высшая антропологическая школа», 2011. С.527—554.

Михайлова Е. Р., Селин А. А., Соболев В. Ю. История Чернозерского монастыря и некоторые находки с его территории // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 30. М.; Псков; СПб: Нестор-История, 2015. С. 143—151.

Михельсон А. Р., Тростьянский О. В. Монеты VIII—XI вв. денежно-вещевого комплекса из Псковской области // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII—XI вв.» (СПб., Ст. Ладога, 3—5 апр. 2015 г.). Материалы докладов и сообщений / Отв. ред. Н. С. Моисеенко. СПб.: Знакъ, 2015. С.250—269.

Рыдзевская Е. А. Клады старых серебряных шейных гривен западного типа // ЗОРСА. 1915. Т. 11. С. 191—196.

Соболев В. Ю. Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI // Археологические вести. 2008. №15. С. 118—132.

Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. VII. Псковская губерния // ЗРАО. 1897. Т. IX. Вып. 1—2. Новая серия. С.249—256.

Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. IX. Санкт-Петербургская губерния // ЗРАО. 1897. Т. IX. Вып. 1—2. Новая серия. С. 268—278.

Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // Этногенез восточных славян. Т.1 / Под ред. М. И. Артамонова (МИА. №6). М.; Л.: 1941. Изд-во АН СССР. С.93—148.

Михайлова В. И., Фёдоров А. И.

Клады и находки Стругокрасненской земли

Территория современного Струго-Красненского района была заселена со времён глубокой древности, здесь обнаружены находки, относящиеся ко временам неолита и бронзового века. Начиная с VI в. н. э. данную территорию начинают заселять и осваивать славянские племена, которые постепенно ассимилировали всё автохтонное население. Началось строительство укрепленных поселений — городищ и достаточно крупных неукрепленных населенных пунктов — селищ. В дальнейшем население стало осваивать более удаленные от крупных поселений участки земли, таким образом появились малодворные деревни. Население, проживавшее на территории современного Струго-Красненского района, кроме земледелия и скотоводства, было вовлечено в процесс широкого товарообмена не только с территорией европейской части России, но и с Европой, и со странами Средней Азии.

В эпоху Киевской Руси земли Струго-Красненского района тяготели к Великому Новгороду, с X в. начала складываться погостская система расселения и налогообложения. К XV в. на этой территории, вероятно, уже несколько веков, существовало крупное боярское землевладение, землёй владели также крупные монастыри и архиереи. Юго-западная часть современного Струго-Красненского района входила в состав Заклинской засады Псковской республики, здесь земля принадлежала в основном смердским общинам.

Различного рода социальные потрясения, такие как войны, массовые грабежи населения не обошли нашу землю стороной. А именно социальные потрясения являются основным толчком к сокрытию ценностей и причиной не извлечения этих ценностей впоследствии.

В данной статье постараемся рассмотреть известные на текущий момент интересные находки и клады, обнаруженные на Стругокрасненской земле. Клады являются богатейшим историческим источником, особенно важен клад, находящийся в контексте с окружением. Современная археологическая наука способна уточнить многое по составу клада, месту

его обнаружения и сопутствующим находкам.

Кроме специально сокрытых кладов, несомненно, среди интересных археологических находок присутствуют и случайно потерянные вещи или монеты.

О находках кладов на нашей земле вплоть до XIX в. ничего не известно, даже если такие находки и имели место, то вероятнее всего они никак документально не зафиксированы или данные документы ещё не обнаружены и не введены в научный оборот.

Первым по времени обнаружения является клад, найденный в 1878 г. в с. Молоди. Описание данного клада представлено в книге А. К. Маркова «Топография кладов восточных монет».

210. Псковской губ., в Псковском уезде, Жуковской волости в селе Молоди в 1878 г. найден был клад, состоящий из диргемов и обломков их, весом всего 8 фунтов 6 зол. Клад был найден в кувшине, разбитом и не сохранившимся. Монеты были куфические и средневековые европейские. Многие из них были разрублены. Попадались также монетные кружки диргемов. Монеты были отправлены Псковской археологической комиссией в Императорскую Археологическую Комиссию. Здесь монет оказалось всего 7 фун. 63 зол. 18 дол. Целых монет было 78 штук. Это были диргемены:

I. Аббасидские, чеканенные в Эндерабе в 258 г. (?) или 268 (?), в Барсе в 294 и 330 (?) г., в Серменраа в 300, в Ширазе в 308 г., в Багдаде в 324 и 330 г. и одна в городе, не ясно видном на монете.

II. Саманидские, чек. в Шаше в 292, 311 (?), 333, 334, 341, там же (?) в 347, 349, 354 (2 экз.), 363, 366 (4 экз.), 368 (2 экз.), 369, 371, 359 гг., в Самарканде в 325, 338 (2 экз.), 340, 344, 346. 350, 355, 358 (?), 363, 367 (3 экз.), 369 (2 экз.), 374, 376 (?) (2 экз.), в Бухаре в 348 (2 экз.), 353, 355, 356 (2 экз.). 376 гг., в Балхе в 350 и 360 гг. в Амале в неизвестном году, в Нисабуре в 354 и 375 гг., в Реште без года, в неизвестном городе в 350 г., без года и места чекана (стёртых) 16 диргемов.

III. Илекские: Шемс ед-Дауле без года и имени монетного двора; Насра, чек. в Узкенде в 400 г.

IV. Бувейгидские, чек. в Дженнабе в 333 г. и 335 г., Басре 335 г., Мухаммедии (?) в 338 г., Арраджане в 363, Сирджане в 366 г., Астерабаде в 366 г., неизвестном городе в 369 г., Джорджане (?) в 373 г., Сарии со стёртым годом, в неизвестном (стёртом) городе с именем Рокн ед-Дауле и Моизз ед-Дауле.

V. Зияридские, чек. в Джорджане в 358 и 360 гг. (?) (2 экз.).

VI. Окайлидские, эмиров: Хусам ед-Дауле без года, чек. в Мосуле, и другой диргем в неизвестном (стёртом) городе и Али 388 г. (?) со стёртым местом чекана.

VII. Мерванидские, чеканенные в Миафарекине в 390 (?) г. и без монетного двора в 390 г. (?), 2 диргема Абу Наср Ахмеда, 5 Ахмеда бен Мервана, и 1 Ибрагима и одна неизвестного эмира; последние монеты были со стёртыми годами и местами чекана. Кроме того, в кладе находилась одна арсакидская драхма⁷.

Таким образом в состав клада входили более 78 серебряных монет, являющихся арабскими дирхемами (за исключением одной драхмы), чеканенными в различных городах Средней Азии в период с 258 по 390 гг. по исламскому календарю (с 873 по 1001 гг. от Р.Х.). Не совсем понятно, что за монету А. К. Марков определил, как арсакидскую (аршакидскую) драхму, так как данные монеты чеканились на территории современного Азербайджана лишь до III в. н. э. Если монета определена верно — то она является древнейшей в составе этого клада.

Рис. 1. Дирхем. Династия Саманидов. Самарканд, 300 г.х. (913 г. н.э.)

В 1884 г. данный клад также описан Ю. Б. Иверсенем. Кроме куфических монет в кладе находились мелкие серебряные кусочки монет, определённые как остатки монет Иоанна Цимисхия (Византия 969—976 г.), византийский солид Василия II и Константина VIII (976—1025), монеты императора Германии Оттона и Адельгейды (983—996), несколько английских монет Этельреда (978—1016), монеты Болеслава Чешского. А также обломок сребреника Владимира Святого (978—1015) 1-го типа.⁸

Датировка монет даёт основания предполагать, что сокрыты они были

в начале XI столетия. В описании монет не означены следы креплений или остатки ушек, таким образом можно утверждать, что данный клад не являлся частью женских украшений, мало вероятно, чтобы данный клад был частью погребального комплекса. Самым вероятным является сокрытие данного депозита в земле по причинам угрозы грабежа неким купцом, торговым человеком. Мало вероятно, что клад принадлежал местным землевладельцам, так как в данной местности крупное землевладение не было распространено.

Что касается обломка сребреника Владимира, ранее неоднократно приходилось слышать о том, что это первая находка в России, и что произошла она на территории Струго-Красненского района. На самом деле, это утверждение является ошибочным, первые сребреники Владимира данного типа были найдены в 1815 г. в окрестностях Киева. Краткое описание и графические прорисовки по слепкам с киевских находок опубликовал А. Воейков в 1816 г. в журнале «Вестник Европы».

Арабские средневековые монеты в виде отдельных находок были неоднократно обнаружены на территории Струго-Красненского района.

А. К. Марков в своей книге приводит случай обнаружения дирхема в захоронении, разрушенном при строительстве железной дороги в 1868 г.

Рис. 2. Сребреник Владимира. Тип 1. Прорисовка.

217. Псковской губ. и уезда, близ селения Малые Струги, при раскопке большого кургана для проведения железной дороги, рабочими было найдено много восточных монет и оружия, но всё это расходилось по рукам. А. Бутковскому удалось приобрести один из диргемов; он оказался сасанидским Хосроя II Парвиза (590—628 гг.), битый в 28 г. его царствования или в 617 г. по Р.Х.⁹

Географическое местонахождение данного дирхема не локализовано, но, вероятнее всего, он был обнаружен вблизи селений Новые Струги и Старые Струги (возле разъезда 197-й км железной дороги).

Кроме монетных кладов большую ценность представляют клады вещевые. Уникальный вещевой клад был обнаружен в 1889 г. возле д. Узьмино.

Крестьянин д. Узьмино Иван Яковлев при запахивании навоза на старинном «вековечном» поле, которое обрабатывается с незапамятных времён, желая поглубже запахать навоз, запустил соху поглубже обыкновенного и вытащил из земли четыре серебряных шейных гривны (одна в четырёх обломках) общим весом 1 фунт 95 золотников. Сопутствующих предметов, монет или костей рядом обнаружено не было. Рядом с полем были отмечены древние могилы.

Крестьянин Иван Яковлев отнёс находку местному землевладельцу Льву Николаевичу Модзалевскому, который 1 августа 1889 г. передал находку в Императорскую Археологическую Комиссию в Санкт-Петербурге. Из средств Комиссии крестьянину И. Яковлеву были выплачены 60 рублей за находку. Две целых гривны и четыре обломка были переданы в Государственный Исторический музей в Москве, а одна гривна передана в экспозицию Государственного Эрмитажа¹⁰.

Описание данного клада приведено в книге Г. С. Корзухиной «Русские клады IX—XIII вв.»:

10. В 1889 г. близ д. Узьмина Гдовского у. Петербургской губ. на «старинном вековечном поле», которое обрабатывается «с незапамятных времён», крестьянин при глубокой пахоте обнаружил клад, в состав которого входили:

1) Гривна шейная серебряная, весь обруч покрыт мелкими продолговатыми шестиугольными гранями; замок в двойную петлю с отходящими усами; петля, служащая крючком, посередине расплющена. (Рыдзевская, VII, нижняя)¹¹. [Табл. III, 2].

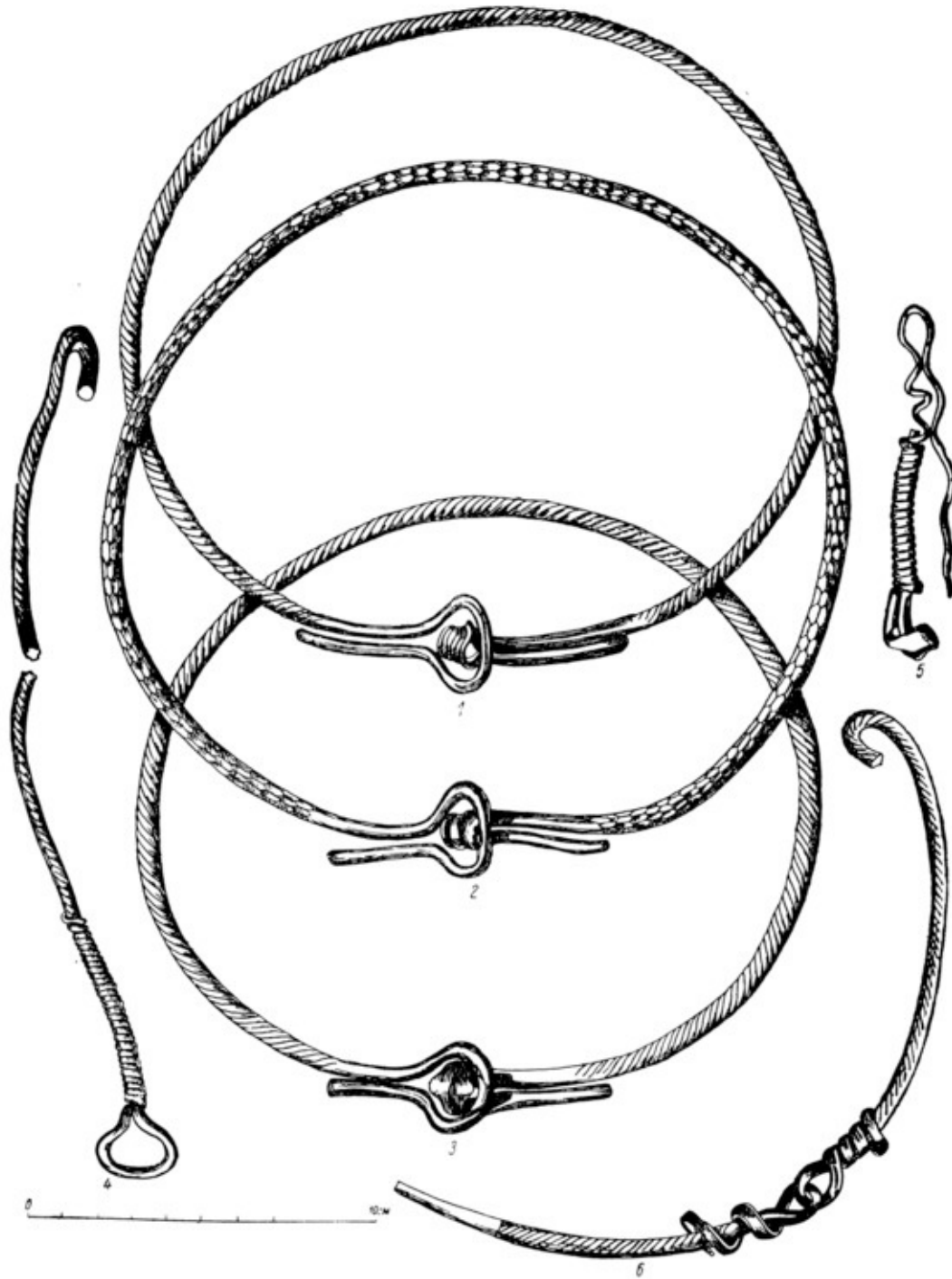

Табл. III. Клад 10, д. Узьмино.

Рис. 3. Шейные гривны из д. Узьмино. (Из книги Г. С. Корзухиной).

2) Гривны шейные серебряные — 2, обруч покрыт мелкой нарезкой, подражающей витью; замок в двойную петлю с усами; петля, служащая крючком, посередине расплющена. [Табл. III, 1, 3].

3) Шейные серебряные гривны с мелкой нарезкой, подражающей витью, фрагменты — 5; два из них сцеплены вместе; у двух других фрагментов на концах замочная петля, свободный конец которой обмотан вокруг тулова гривны. [Табл. III, 4—6].

Клад поступил в Археологическую комиссию, откуда в 1891 г. гранёная гривна была передана в Эрмитаж, а витые (целые и фрагменты) в Исторический музей в Москве¹².

Датировка шейных гривен из клада в д. Узьмино спорная, вероятнее всего они созданы в IX—X вв. Также спорно происхождение этих гривен, оно могло быть как славянское, так и финно-угорское. В любом случае данные вопросы требуют тщательного всестороннего изучения.

Рис. 4. Серебряная копейка. Чеканена в период 1560—1584 гг. на Псковском денежном дворе¹³

Рис. 5. Серебряный рубль. Копия, литьё

Достаточно много мелких находок на территории района сделано поисковиками отряда «Поиск», занимающимися выявлением останков не захороненных военнослужащих и заброшенных могил периода Великой Отечественной войны. Кроме собственно находок военного времени иногда попадаются вещи и монеты более отдалённых эпох.

Например, в 2010 г. были обнаружены несколько копеек времён правления Ивана IV Грозного (Рис. 4). В 2011 г. рядом со старой дорогой Е. С. Артемьяновым найден серебряный рубль Петра I, правда, оказавшийся фальшивым (Рис. 5). Возле фундамента старой постройки был даже обнаружен клад, состоящий из нескольких десятков монет достоинством 10, 20 и 50 копеек 1920-х гг. чекана.

Кроме монет поисковиком Г. Н. Варгановым были обнаружены металлическая печатка с псевдо-геральдическим изображением, вероятно XIX в. (Рис. 6); нательный крест с устьицами в средокрестии (Рис. 7), оба предмета хранятся в Струго-Красненском краеведческом музее. А. Д. Сергеевым обнаружен металлический наконечник стрелы (Рис. 8), также хранящийся в музее (СККМ ОР-2066). В. В. Сорокиным был найден сапёрный австрийский тесак, образца 1853 года (Рис. 9) (СККМ ОР-8 ВХ).

Также на территории района при работе поисковиков были обнаружены бронзовая медаль «В память русско-японской войны» (1904—1905), югославская медаль «Добром стрелцу», жетон времён Февральской революции 1917 г.

Рис. 6. Печатка. XIX в.

К сожалению, кладоискательская деятельность в последние годы стала особенно активной. И несмотря на федеральные законы, предупреждающие о серьёзных наказаниях, в лесной зоне или на месте бывших усадеб мы всё чаще встречаем следы активной деятельности «любителей археологии и металлопоиска». Несколько лет назад в Струго-Красненском краеведческом музее появилась фотография клада, состоящего из нескольких десятков предметов домашней утвари. (Рис. 12) Клад был найден на территории деревень, расселённых в связи с расширением территории военного полигона. Конкретное место не было сообщено, но предположительно — это окрестности д. Посадница. Клад находился в деревянном ящике, предметы были завернуты в газеты революционного периода 1917 г. Как и владельцы всех кладов в принципе, владельцы этих предметов, безусловно, надеялись вернуться в свой дом. Какие обстоятельства помешали им это сделать? — бегство на чужбину или того хуже — смерть. Сегодня мы можем только предполагать...

Рис. 7. Крест нательный. XVII—XVIII в.

Также в фондах Струго-Красненского краеведческого музея хранятся несколько фрагментов гончарной керамики, подаренные Л. Г. Дворецким (Рис. 10) и коллекция железнодорожных пломб конца XIX — начала XX в. (Рис. 11).

Рис. 8. Наконечник стрелы

Рис. 9. Сапёрный австрийский тесак обр. 1853 г.

Иногда клады и интересные находки сопутствуют различным строительным или земляным работам, например, в 2008 г. при расчистке места под фундамент нового храма в с. Феофилова Пустынь рядом с развалинами старого храма был обнаружен клад, состоящий из нескольких десятков медных монет конца XIX — начала XX вв. (Рис. 12). В 1939 г. при разработке карьера был откопан бивень мамонта, который в дальнейшем отправлен в Ленинград.

Рис. 10. Фрагменты гончарной керамики (СККМ Б-371, Б-372)

Рис. 11. Пломбы железнодорожные: «Струги Бѣлая» (СККМ Др-359), «Именіе Отрадное» (СККМ Б-1961)

Рис. 12. Клад медных монет из Феофиловой Пустыни, клад предметов домашней утвари XIX в.

В 1998 г. житель д. Выборово В. Беляев обнаружил на своём приусадебном участке камень, по своему очертанию напоминающий наконечник копья, по крайней мере, явно обработанный человеческой

рукой. По предварительной атрибуции данную находку относят к II—III вв. до н. э. Если указанная датировка верна, то данный артефакт является древнейшим предметом, обнаруженным на территории Струго-Красненского района.

Источники:

О древних серебряных шейных кольцах, найденных в д. Узьмино, Гдовского уезд. СПбургской губ. и 3-х монетах, принесенных в дар крн. Пазовкиным. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. оп. 1. 1889. Д. №85.

Клецинов В. Н., Гришин И. В. Каталог русских средневековых монет с правления царя Ивана IV Васильевича до шведской оккупации Новгорода (1533—1617 гг.). М.: УРСС, 1998.

Корзухина Г. С. Русские клады IX—XIII вв. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

Марков А. К. Топография кладов восточных монет (Сасанидских и куфических). — СПб, 1910.

Арепьев Н. Ф.

Отчёт о раскопках, произведённых летом 1899 года в Яблонецкой волости Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии

В июне 1899 г. преподаватель 3-й Санкт-Петербургской гимназии статский советник Николай Фёдорович Арепьев просил Императорскую Археологическую Комиссию выдать ему открытый лист на проведение археологических работ на территории Яблонецкой волости Лужского уезда. Он предполагал исследовать древности в районе ур. Городок, на месте монастыря, располагавшегося на острове Чёрного (Вязковского) озера, а также «шведские могилы» в районе д. Заозерье.

Открытый лист №1183 на проведение археологических работ Н. Ф. Арепьеву был выдан 13 июля 1899 г. В январе 1900 г. Н. Ф. Арепьев представил в Комиссию отчёт о проделанной работе.

Ниже приводится текст отчёта о проведённых работах. Текст печатается в современной орфографии, с сохранением особенностей авторского написания. Приводится по оригиналу, хранящемуся в Архиве института истории материальной культуры РАН:

АИИМК Ф.1. Оп.1. 1899. Д.150. Л.11—61.

Летом прошлого года, я произвёл несколько раскопок в местности, хорошо мне знакомой по причине трёхлетнего проживания в ней в каникулярное время; местность эта находится в Лужском уезде, в Яблоницкой волости, близ озёр Щирского и Чёрного¹⁴, следовательно, в районе древних Новгородских владений, в так называемой Шелонской пятине. Эти раскопки произведены мною с разрешения Археологической комиссии, которая 8-го января вступила в 66-ю годовщину своего существования¹⁵. В настоящее время всеми признано, что это учреждение среди однородных по задачам и целям, принесло делу отечественной археологии особо важные услуги, в ряду которых на первом месте следует поставить поддерживаемый ею непрерывный интерес к отечественным

древностям, столь дорогим для всякого, кто любит свою родину и кто интересуется её прошлым. А кто же из нас не любит своего отечества и в настоящее время не интересуется его прошлым? «Только народы совершенно грубые, бывают равнодушны к своему прошедшему; заботы о существовании подавляют у них все другие интересы. Но чем высшую ступень образования занимает народ, тем более он принимает участие в исследовании своей старины»¹⁶. Этот упрёк академика Бэра в настоящее время, нам кажется следует считать анахронизмом.

Но в первое десятилетие своего существования Археологическая Комиссия свою деятельность почти исключительно направляла на разработку письменной старины, и обогатила науку важными по этой части изданиями. Что же касается до разнородных древних земельных насыпей, этого богатого и бесспорного материала к восстановлению древнейших форм политического быта народов, оставивших эти безмолвные памятники, их обычаев, количества поселений, образа жизни, домашней обстановки, занятий, костюма, вооружения, торговых сношений и верований, — то на эти остатки нашей народной старины у нас обращено должное внимание сравнительно недавно.

Такое отношение к столь важным историческим памятникам, между прочим, объясняется господствовавшим до шестидесятых годов в науке заблуждением, рассеявшимся, как и многие другие, в эту знаменательную эпоху умственного движения.

«До новейшего времени предполагалось в нашей учёной литературе, — говорит известный исследователь старины, проф. А. Самоквасов, — что между множеством древних земляных насыпей, сохранившихся в пределах России, нет возможности отличить курганы и городища наших предков». В 1868 году г. Котляревский следующими словами формулировал господствовавшее тогда среди русских историков воззрение на значение древних земляных насыпей в качестве исторических источников: «Как младший побег индоевропейской семьи, — говорит он, — славяне уже шли по готовой торной дороге; многочисленные ветви их сели на насиженных гнёздах, на остатках цивилизации предшественников, народов иногда без имени, без роду и племени; нет кажется места, где славяне заняли бы ещё девственную, не истощённую стадами кочевников и плугом пахарей землю, где они явились бы первыми, древнейшими насельниками... Принимая в соображение эти обстоятельства исторического водворения славян в Европе, зная, что и последующие судьбы их благоприятствовали не столько сосредоточению их народности, сколько раздроблению

и смешению её с чужеродными племенами, можно ли надеяться отыскать могилы славянских праотцев при помощи и руководстве историко-географических свидетельств; думаем, что вообще едва ли». (О погребальных обычаях древних славян).

В этом выводе, говорит проф. Самоквасов, однако, не было ничего положительного, ибо он основан на предположениях без всяких фактических оснований. Дело в том, что ко времени выражения этого мнения ещё не было произведено систематических раскопок в пределах земель древних славян. Первый толчок в этом направлении, как известно, был дан Императором Николаем Павловичем и его министром гр. Перовским. Благодаря их почину было снаряжено несколько экспедиций в южную и среднюю Россию, но эти экспедиции имели задачей обеспечить лишь сохранение разнородных вещественных памятников отечественной истории. Истинный же интерес к изучению подобного рода разнородных памятников вещественной отечественной старины пробуждается в нашем обществе лишь в начале шестидесятых годов. К этому то времени относится и начало систематических, на научных основаниях раскопок, предпринятых почти одновременно: членом петербургского археологического общества Л. К. Ивановским в пределах земли новгородских славян; членом московского археологического общества М. Ф. Кусцинским в пределах земли смоленских кривичей и проф. Самоквасовым в пределах земли северян. Затем, в начале семидесятых годов проф. Варшавского университета А. И. Повинским начаты изыскания славянских могил в пределах нынешнего привислянского края, а проф. Киевского университета В. Б. Антоновичем, — в пределах земли полян.

Сверх того, около этого же времени раскопками занимались ещё гг. Ходаковский, Тихонравов, гр. Тышкевич, гр. Уваров, Забелин, Богданов и Тизенгаузен, и некоторые другие.

Рефераты о раскопках, произведённых некоторыми из названных лиц (Кусцинским и Самоквасовым), на Киевском Археологическом съезде показали, что посредством этих раскопок, на первых же порах были получены результаты чрезвычайно важные для первоначальной истории славян.

В самом деле, ещё Бэкон сказал, что исторические описания имеют пределы; история молчит там, где дело идет о временах доисторических, когда не записывалось даже преданий, о временах, когда не было письмен. Тут уже историку приходится уступить своё право натуралисту или, если он не желает этого, сделаться самому натуралистом и научиться читать книгу природы¹⁷.

Систематические, на научных началах основанные, раскопки, могут быть с полным правом уподоблены чтению книги природы. И вот мы видим, что раскопки, произведённые вышеупомянутыми лицами, прежде всего, дали возможность доказать, что господствовавшее до этого времени в учёной литературе мнение о невозможности отличить в массе сохранившихся курганов, могилы славянские — не основательно, и, во-вторых, что древние земельные насыпи являются важным историческим источником познания быта наших предков в ту эпоху, о которой мы не имеем до сих пор почти никаких сведений. Одни из сохранившихся курганов, городищ, могил представили в совершенно ином свете быт славян-язычников вообще; они указали на существование у древних славян политических обществ, указали на существование общих народных обычаев, неравенства общественных классов и на отдалённые торговые отношения древних славян. Другие же находки в курганах и могилах дали возможность восстановить домашнюю жизнь язычников-славян, их одежду, вооружение, занятия, домашнюю обстановку и верования. Эти же исследования дали возможность определить границы земель, занятых в древности различными племенами; наконец, исследование курганов решило загадочный вопрос о народности руси арабских писателей, особенно руси Ибн-Фадлана.

Новое красноречивое подтверждение огромного значения курганов в решении важных исторических вопросов мы видим в реферате проф. Нидерле на последнем XI Киевском археологическом съезде и в постановлении второго заседания предварительного комитета XII археологического съезда, имеющего быть в Харькове в августе 1902 г. На основании тщательно подобранных исторических и археологических фактов, на основании исторической и географической номенклатуры и *идентичности могильников*, проф. Нидерле своеобразно поставил и решил крайне запутанный вопрос о местонахождении родины славян, которую он и видит в стране, лежащей к северу от Карпат по течению Вислы. Отсюда они очень рано стали распространяться на запад и на юг, и в эту последнюю сторону, вопреки установившемуся взгляду, по мнению Нидерле, пришли гораздо ранее германских племён¹⁸. Предварительное же заседание комитета будущего археологического съезда в Харькове, происходившее 4 и 5 января текущего года в Москве, между прочим, постановило в ряду подготовительных работ к съезду систематические исследования курганов с стоящими на них каменными бабами и составление фотографического альбома этих древних изваяний, исследование городищ Донецкого бассейна для определения границ

древней славянорусской территории.

Само собой разумеется, что всё это только что сказанное о важном историческом значении разнородных земляных памятников отечественной старины средней России одинаково равносильно и по отношению к северо-западным окраинам древнего расселения великого славянского племени, по отношению к той части окраин, которая входила в состав Шелонской и частью Водской пятин Новгородской области. Скажем больше: остатки отдалённой старины этой окраины России имеют особо выдающийся интерес, благодаря её топографическому положению, этнографическому составу и пережитым историческим судьбам.

В настоящее время эта местность представляет юго-западную часть Санкт-Петербургской губ., её Лужский уезд. Пересекающая уезд и давшая ему название главная река Луга в старину, благодаря обилию лесов той местности, по которой она течёт и большому количеству речек и озёр, отличалась судоходством на всём протяжении Лужского уезда и ниже до Финского залива. Суда подымались до границ Лужского и Новгородского уездов, где речной путь прерывался, суда разгружались и волоком вёрст в 25 переходили до реки Мшаги, по которой шли далее в Шелонь и Ильмень, к Новгороду¹⁹. Такие качества и значение реки привлекли к ней многочисленное население, которое с течением времени повyrубило в бассейне реки огромные леса, отчего река обмелела и потеряла своё судоходное качество. Но, однако, ещё в эпоху Петра Великого река Луга обладала настолько хорошими судоходными свойствами, что великий преобразователь, как известно, совершил по ней первый поход под Нарву и задумал было улучшить судоходство этой реки, что вероятно и осуществил бы, если бы не были затем покорены берега другой северной реки — Невы, соединявшей непрерывным водным путём Финский залив с тогдашней серединой русского государства.

С другой стороны, положение Лужского уезда близ центра славянской жизни на севере Новгорода сделало этот уезд территорией стремления славянского племени к Балтийскому морю. Вот почему ещё в доисторическое время жизни нашего отечества в бассейне реки Луги были славянские поселения и, по свидетельству летописи, ещё Св. Ольга установила погосты, дани и оброки по реке Луге²⁰. Войдя затем в состав Новгородской области, нынешний Лужский уезд, исключая той его части, которая лежит к западу от реки Плюссы, составил особо ценную часть владений Новгородской общины. По реке Луге лежал самый удобный и кратчайший путь к Финскому заливу в далекую Ганзу и ближайший путь

в Псковскую область. При Новгородском владычестве часть Лужского уезда, входившая в состав владений этой общины, по правому берегу реки, принадлежала к Полугской половине Водской пятины, по левому же берегу, между Лугой и Плюссой, — к Залеской половине Шелонской пятины, и были подчинены власти старост городских концов Новгорода — Неревского и Загороднего. В то время здесь находились земли новгородских монастырей, владык и других именитых граждан Новгорода. С покорением Новгорода Иоанном III, в 1478 г., Лужский уезд, вместе со всею Новгородскою областью перешёл под власть московского государя, причём, в интересах объединения новой окраины с центром, значительнейшую часть земельных владений в уезде, принадлежавших вышепоименованным категориям прежних владельцев, государь отобрал от последних на себя, переселил этих бывших владельцев в московские пределы, а на место их посадил своих москвичей. В смутную эпоху этот край был завоеван в 1609 г. шведами под начальством Делагарди и только 8 лет спустя по Столбовскому миру Лужский уезд вместе с Новгородом был возвращен России. С учреждением в 1708 г. губерний, Лужский уезд в составе Новгородской провинции, был причислен к Ингерманландской губернии, которая потом была переименована в Петербургскую, в 1724 г. из Новгородских провинций была образована самостоятельная губерния, и, наконец, при Екатерине II в 1780 г., при издании учреждений о губерниях, окончательно сформировался Лужский уезд в его нынешнем составе. В этом же году бывшее в Дремяцком погосте Новгородского уезда сельцо Лугское переименовано в уездный город Лугу, который был сначала причислен к Псковской губ., а три года спустя, присоединён вместе с уездом к губернии С.-Петербургской.

В долгий период принадлежности Новгороду, Лужский уезд, благодаря своему топографическому положению, являлся ареной враждебных столкновений Новгорода с литовцами, Ливонским орденом, поляками и шведами, которые стремились оттеснить Новгород от Балтийского побережья, вторгались в новгородские пределы по Луге и наносили жестокие опустошения в крае. Так, например, история сохранила сведения о вторжении в этот край меченосцев в 1222 г. вместе с ливами и латышами; в 1346 г. Ольгерд, по словам Новгородской летописи, «взя Шелонь и Лугу на щит». Наиболее же тяжкое разорение испытал этот край в эпоху неудачной борьбы Грозного с Ливонией и Польшей, когда шведы опустошили почти всю Водскую пятину, до самого Новгорода, а Шелонскую, — Баторий, остановленный в своём поступательном движении Псковом²¹.

Народная память крепко сохранила предания об этих бедствиях, только за давностью времени она утратила национальное различие врагов и обобщила их под одним именем «литвы». О многочисленных, разбросанных в крае курганах, могилах, остатках укреплений, об этих безмолвных свидетелях былого бедствия и разорения края — местные жители говорят: «это от литовского разоренья». К тому же времени относится и предание о кладах, зарытых в разных местах, о скрывшихся церквах, колокольный звон которых будто бы и поныне слышен по временам из-под земли.

Конец 16 и начало 17 века, время ливонского и шведского владычества, было самым тяжёлым временем для описываемого края и особенно для церкви. В это именно время большая часть храмов в погостах, сёлах и монастырях были ограблены, разрушены и пожжены, а уцелевшие долгое время стояли «впусте без пения»; некоторые же церкви потом совсем не восстанавливались. Так, например, в Хмерском погосте существовал до «литовского разорения» храм, от которого остались только «один колокол да било».

Эта замечательная окраина древней России включает в себе ещё и до сего времени огромное количество разнородных земельных памятников, и здесь археологи найдут в изобилии и разнородный материал для своей любознательности. В настоящее время, как известно, по мысли Н. К. Рериха слушателями Археологического Института предпринят труд по составлению археологической карты С.-Петербургской губернии. Предприятие это находится ещё в стадии подготовительной, участники собирают сведения о разнообразных остатках старины, разбросанные по различным источникам. И вот эта предварительная, пока ещё далеко не полная, работа дала уже следующие цифры для Лужского уезда; выяснилось, что различные земляные остатки старины имеются больше чем при *ста* селениях, приблизительно в количестве *полутора тысяч*. Разнообразие этих остатков отдалённой старины удивительно: тут встречаются: насыпи, курганы, могилы, сопки и сопочки, коломища, кладбища, городки, рвы, валы, пещеры, кострища и, наконец, холмы без достаточно ясного исторического прошлого. Самая незначительная часть этих древних памятников подверглась правильным раскопкам, которые тем не менее дали уже весьма ценные результаты, но огромное большинство этих остатков старины ещё ждёт исследователей, которые должны явиться неотложно, ибо многие из этих ценных исторических памятников, скрывающих в себе, по выражению Забелина, «истинную настоящую колыбель нашей народной жизни»²², постепенно исчезают или от действия

времени, или же и, особенно, благодаря человеку. А между тем, по словам того же Забелина, *каждая* древняя земляная насыпка, представляя собой вещественный памятник нашей истории, посредством правильных научных раскопок, верным и полным описанием её внешней формы и внутреннего содержания, делается достоянием современной науки и сохраняется для будущих поколений».

Начатые мною в нынешнем году раскопки коснулись местности весьма богатой разного рода курганными памятниками, но, к сожалению, позднее получение разрешения на раскопки (в середине июля) и невозможность добыть рабочие руки в разгар деревенской страды, заставили меня ограничиться весьма незначительными опытами, да и то, что сделано, могло быть произведено лишь благодаря сочувствию некоторых местных народных учителей, живо заинтересовавшихся нашим предприятием. Местность моих раскопок находится в Лужском уезде, Яблоничкой волости, между озёрами Щирским и Чёрным, в районе поселений Заозерье, Прусси, Захонье, Жидишино, Березицы и Обод. Первая экскурсия была совершена на самое озеро Чёрное, на место расположения ныне не существующего древнего Черноозерского монастыря.

Чёрное озеро имеет овальную форму и в диаметре около 3 вёрст. Название Чёрное оно получило, как говорят местные крестьяне, от цвета его воды, зависящего, в свою очередь, от того, что дно озера почти везде покрыто слоем ила. Озеро имеет ныне в середине около 5 аршин глубины, а местами проходимо в брод с одного берега на другой. В настоящем своём виде оно, несомненно, является остатком гораздо большей площади воды, на что указывают его берега, в большинстве весьма низкие, представляющие в юго-восточном направлении сплошные болота, простирающиеся вёрст на пять, почти вплоть до Щирского озера. В Чёрном озере до сих пор водится большое количество разнообразной рыбы, право ловли которой, однако, по странному стечению обстоятельств, о котором здесь не место распространяться, принадлежит лишь жителям одного селения Вязки; остальные бережные селения лишены этого права и потому, естественно, отношения между Вязковцами и остальными бережными обитателями весьма натянутые, даже враждебные.

На Чёрном озере, приблизительно в середине его, находится остров длиною около полторы версты и шириною от 40 до 100 сажен. Остров расположен по параллели и с западного конца является наиболее расширенным и высоким (до двух сажен высоты над уровнем воды), а в восточном конце более низким и притом наиболее приближающимся к берегу. Здесь, между островом и материком тянется мель, проходимая

летом вброд и скотом, и людьми, и тут-то, как говорят старожилы, была плотина, соединявшая остров постоянной проезжей и прохожей дорогой. В прежнее время большая часть острова была покрыта лесом, на что указывают сохранившиеся до сих пор местами пни вековых деревьев; в настоящее время он почти весь обнажён, покрыт прекрасной густой травой, и является одним из лучших сенокосов дер. Вязки. Древесная же растительность сохранилась только по берегам и в западной оконечности острова. В этой именно части в отдалённую старину и стоял монастырь, называвшийся по имени озера — Черноозерским.

По переписным и окладным книгам пятин Новгородской области, в нынешней С.-Петербургской епархии, в конце XV и в XVI столетии значится, между прочим, в Шелонской (Новгородского уезда) пятине приход Щирской. В этом приходе, на острове Чёрного озера, в Шелонской же пятине был монастырь с двумя церквами во имя пресв. Троицы и Св. Николая Чудотворца. Мы не могли найти указаний на этот монастырь, ни в известной книге Ратшина (Полное собрание исторических сведений о монастырях и церквях России. Изд. 1857 г.), ни в известном труде архимандрита, потом епископа Макария (Описание церковных древностей в Новгороде. 1860 г.); мы встретили лишь краткое упоминание о Черноозерском монастыре в известном историко-статистическом описании С.-Петербургской епархии, которое, только что было нами приведено и в книге гр. М. Толстого «Святыни и древности Великого Новгорода». По этому последнему свидетельству, Черноозерский монастырь в числе других пяти (Богоявленский, Перетенский близ города Боровичей, Крупецкий, Менежский и Благовещенский) принадлежал Новгородскому Свято-Духовскому женскому первоклассному монастырю, находящемуся по выезде из Новгорода к Петербургской заставе, почти на версту расстояния от Кремля. Это место, говорит гр. Толстой, числилось прежде «в Вотской пятине, в Неревском конце, за деревянным городе, на посаде». Время основания и этого Свято-Духовского женского монастыря неизвестно, но в XII веке он был мужским и имел уже своего игумена, о чём и упоминается в Новгородской летописи под 6670 годом²³, а в XIV в. возобновляется св. архиепископом Моисеем. В 1386 г. во время нашествия Дмитрия Донского на Новгород, Духов монастырь вместе с другими посадами был сожжён самими новгородцами (Новг. летопись стр. 94). Затем, очевидно он был восстановлен, ибо во время нашествия шведов обитель была снова разорена и ограблена; с того времени погибли многие жалованные грамоты. В грамоте царя Михаила Фёдоровича 1624 г. сказано: «Тот Духов монастырь от Немецких людей разорен — государем

жалованные грамоты немецкие люди у них поймали». Впоследствии монастырь имел во владении около 800 душ и к нему было приписано вышеупомянутых 6 монастырей, в числе которых был и Черноозерский.

В настоящее время на месте расположения этого древнего монастыря растут вековые деревья, преимущественно берёзы и сосны; на земле заметны небольшие бугры, чередующиеся с неглубокими ямами; значение тех и других остаётся неясным, так как мне не удалось заняться на этом месте раскопками и пришлось ограничиться лишь снимкой нескольких фотографических видов местности и единственного наружного вещественного памятника бывшей здесь святыни — большого каменного четырёхконечного креста из серого песчаника с изображением неясных знаков на одной из сторон, просто воткнутого в кучу мелких камней.

Черноозерский монастырь находился в тех местах, где много пришлось терпеть православию от политических и религиозных врагов. Преследования эти начались ещё очень рано. Римские папы стали обращать внимание на этот край ещё с половины XIII стол. По свидетельству Шаума (*Tragoedia Demetria-Mosckovitica* 1614)²⁴ папы думали, между прочим, в этом именно месте ворваться в стадо Господа. Когда в половине XII в. бременские купцы поселились на Двине, то папа Александр III назначил туда миссионеров для обращения в христианство прибалтийских язычников. Забота Рима об язычниках корельских, ингерских (ижорских), лопских и ватландских (води) выражается во многих папских буллах XIII в. Исполнителями воли пап являются короли шведский, датский и польский и, наконец, Ливонский орден. Проповедь католичества здесь сопровождалась гонениями на православие и особенно на её представителей, погосты и монастыри. По писцовым книгам 1581—1582 гг. значит, что литовские люди разорили Покровский женский монастырь, стоявший при реке Луге. В Никольском Передольском погосте летопись так описывает это разорение: «монастырь воеван, а церковь древесна Покрова Пресвятыя Богородицы стоит без пения; престол разорен, а свечи и книги поймали литовские люди. А звон в монастыре было клепало. Да в монастыре же 4 места келейных, игуменьи с сестрами и келии пожгли литовские люди» (О пятинах Неволлина, 78).

В это время пострадал и Щирской погост, в нём значатся пустые дворовые места: попово, дьячково, пономарёво да проскурницыно, «а дворы, — говорит писцовая книга, — пожгли литовские люди». Весьма возможно, что именно в это время был разорён и Черноозерский монастырь, но документальные сведения об этом, вероятно, уничтожены во время известного уже нам сожжения новгородцами Софийского

монастыря, к которому Черноозерский монастырь был приписан.

Таким образом, вопрос о том, когда был разорён Черноозерский монастырь, остаётся открытым, но, очевидно, что это случилось очень давно, так как никто из нынешних старожилов не сохранил в памяти никаких воспоминаний, ни о времени разорения монастыря, ни о том, при каких обстоятельствах это случилось, — если не считать обычных в таких случаях легенд об огромном пожаре, о провале монастыря под землю, со всем в нём бывшем, в том числе и колоколами, звон которых по временам будто бы слышится и ныне.

Мы были на острове под вечер; солнце склонялось к горизонту; тишина была необычайная. Ни единого звука не долетало с берегов, которые от западного конца острова, где был расположен монастырь, отстоят не менее как на полторы версты. Мысль невольно обращалась к отдалённому прошлому, когда здесь протекала мирная жизнь иноков, прерванная насильственной рукой беспощадного врага, сжёгшего этот монастырь и перебившего его мирную братию.

Считаем не лишним добавить, что местные крестьяне до сих пор глубоко сожалеют об уничтожении монастыря, выражают искреннее желание в пользу его восстановления, а собственники острова, вязковцы, готовы даром уступить и остров под новую обитель, и озеро со всеми его рыбными богатствами. Нельзя от души не пожелать, чтобы это искреннее желание побережных жителей Чёрного озера исполнилось, и этот чудный, тихий островок, как будто самой природой предназначенный для созерцательной жизни, снова вернул себе когда-то утерянное религиозное значение.

Перехожу к произведённым мною раскопкам могил и курганов; все эти места лежат в расстоянии от 5 до 7 вёрст к северу от Щирского озера.

Щирское, Ширское, иногда Широкое озеро находится верстах в 5-ти к юго-востоку от Чёрного. Своими очертаниями оно походит на своего соседа, и лишь в северо-западной и юго-западной сторонах имеет далеко выдающиеся в материк заливы — так называемые Крукшинскую и Выборову губу. Если провести продольную ось по Крукшинской губе и продолжить её в юго-восточном направлении, то линия эта пройдет по месту наибольшей глубины Щирского озера, достигающей местами 20 и более аршин, в остальных своих частях озеро гораздо мельче, имея глубину в среднем не более 8—10 аршин. Рыбой Щирское озеро беднее Чёрного, что зависит от вылавливания её в большом количестве сетями, приезжающими сюда по зимам столичными промышленниками-рыболовами, которые получают право ловли из полу; они же иногда глушат

рыбу и динамитом. Здесь право ловли принадлежит в равной мере всем побережным селениям: Заозерью, Бровску, Райку, Логу, Щиру, Выборову, Рагозину, Крукшину и Ободу. Берега Щирского озера гораздо выше сравнительно с берегами Чёрного; есть даже несколько возвышенностей достигающих высоты около 50 саженей над уровнем воды в озере; каковы горы: Орлова, Афанасова, Раёк, Почуж или Маячная; последняя стоит в версте от Щирского озера, на берегу третьего, небольшого (в полверсты) озера Почуж, отличающегося своею глубиною; гора Почуж или Маячница настолько высока, что с её вершины видны озёра Щирское и Чёрное, и второе свое название она получила оттого, что на ней ещё сравнительно недавно стоял маяк в виде высокой деревянной башни, служивший для оптических сигналов в военное время. Если в настоящее время вид с горы открывается вёрст на 15—20, то с башни маяка кругозор должен был быть ещё значительнее. Сторожевая башня развалилась на памяти заозерских старожилов, и случилось это, по их словам, лет пятьдесят тому назад, но в настоящее время никаких вещественных остатков её существования уже не сохранилось, кроме небольших валов, которые, может быть, служили целям защиты сторожевой службы; сверх того, на северо-восточном склоне горы имеются остатки существовавших здесь когда-то каменных построек в виде земляных возвышений с небольшим количеством камней и щебня. Некоторые из местных крестьян ещё сравнительно недавно находили здесь различные железные предметы; но не сохранилось ни самих предметов, ни представления о их виде и назначении.

Другой интересный уголок окрестности озера Щирского представляет собой Раёк. Это довольно высокий холм, на вершине которого сохранились остатки как будто бы валов и рвов, сильно пострадавших и от времени, и особенно от деятельности человека, так как в настоящее время на этом холме расположен выселок из пяти дворов из соседней деревни Бровска. Этот выселок на топографических картах сороковых годов не показан. Интересная заметка о подобного рода «Райках», встречающихся и во многих других местах России, мы находим в статье основателя Археологического Института Н. Николаева, в одном из сборников Археологического Института (книга 3-я) и там же в «Заметке о городках Райке и прочих» г. Савельева. Последний говорит об этих райках между прочим следующее:

«Описанные здесь городки представляют весьма интересный материал для исследований историков и археологов, в особенности потому, что находятся не где-нибудь на границах древней России, не на украинских

местах, подвергавшихся частым набегам многочисленных наших врагов, а лежат внутри России, на земле одной из Новгородских пятин. Если мы примем в соображение, что означенные земляные окопы находились не вблизи старинных городов, ни на торговых путях, ни на волоках, ни в узле „прошлых путей“, и проч., то становится ясным, что эти окопы (городки) составляли так называемые сторожевые посты, в которых можно было обозревать местность на дальнее расстояние, и, в случае приближения неприятеля, своевременно давать знать об угрожающей опасности. На предположение, что они были ничто иное как сторожевые военные пункты, наводит ещё то, что они имеют стеснённое внутреннее пространство, невыгодное для постоянного селения и неудобное для надлежащей обороны, — стало быть городки эти могли служить для помещения караульных, и только для временного их помещения. Известно, что и в местности, где находятся эти городки во времена очень давние, двигались русские дружины за своими князьями, враждовавшими между собою, напр., когда Суздальские князья (Юрий и Андрей), первенствуя на северо-востоке России, силой захотели покорить себе Новгородцев и проч. — Описанные выше земляные постройки принадлежат к тем старинным земляным окопам, которые следует относить к разряду сложных оборонительных оград, состоящих не из одной ограды, а из нескольких. Это доказывают уцелевшие до сих пор валы и рвы и исчезнувшие давно „заборолье“ и тын. Что же касается до того, что эти окопы должны были принадлежать ко временам очень давним, этому свидетельством служит их начертание: у всех первобытных народов (не исключая и западных славян) окопы представляют форму (в плане) круглую, овальную или из прямых линий с одними исходящими углами при полном отсутствии фланковой обороны».

Всё только что сказанное о Райках вообще может быть применено и к Райку, расположенному близ Щирского озера. Вид с холма, на котором теперь расположен выселок также весьма обширен, особенно в северо-западном направлении, в сторону, откуда чаще всего вторгались враги Новгородских славян.

Относительно описываемого Райка в народной памяти сохранилось любопытное предание, подтверждающее его действительно бывшее боевое значение. Раёк расположен по юго-восточному берегу Щирского озера вместе с Орловой и Афонасовой горой, лежащей от него первая в двух, а вторая в трёх верстах. По народной легенде на этих горах жили три богатыря Иван, Орёл и Афанас. Они занимались мирно земледелием, рубили лес и били дикого зверя, и нередко, во время этих мирных занятий,

друг у друга одалживали домашние орудия. При этом они свободно перекликались с горы на гору и даже перебрасывали один другому просимые предметы. Но на их же лежала и защита местной округи от врагов, и они часто и успешно воевали; от этого у них накопились большие богатства, которые они зарывали у себя в пещерах-подвалах. Есть и по сие время местные жители, которые верят, что, например, в Орловой горе зарыты где-то в пещерах большие кучи золота, никто, однако, не знает входа в эти пещеры и золото остаётся под спудом. Но народная мысль не может примириться с представлением о бесповоротной недоступности этих кладов, и вот вам легенда о пастухе, который пас как-то поздно вечером стадо, увидел на склоне горы под кустом горящую свечку, подошёл к ней и заметил тут же какое-то отверстие, ранее здесь не бывшее. Он опустил в дыру, попал в какой-то подземный ход, который привёл его в пещеру, где были тысячи огней и ярко горевшие от этих огней кучи золота. Пастух сначала оробел, но потом взял было горсть золота, положил его себе за пазуху, но, боясь потерять его, снова положил назад и решил идти домой за мешком. Так он и сделал: вылез из пещеры, сбегал домой, захватил большую торбу, пришёл к тому месту, где должна была находиться дыра, но не мог отыскать ни этой дыры в подземелье, ни куста, под которым был вход в пещеру, да и сама местность, давно и хорошо ему знакомая, стала неузнаваемой.

Другая легенда относится к горе Почуж. Зарыта в ней бочка с золотом и положен такой зарок: достанется она тому, кто пропоёт 12 песен, не помянув в них ни дружка, ни подружку.

«Один парень пошёл было на берег, — говорила нам рассказчица, — стал петь песни, пел, пел, спел больше половины, бочка и стала выкапываться. А он тут вдруг и помяни дружка и подружку: ведь из песни слова не выкинешь. Ну, бочка опять и ушла в землю...»

Не лишним считаю заметить, что, расспрашивая местных жителей об имеющихся в их окрестностях земляных насыпях, нам пришлось убедиться, что название «курган», даже «бугор», как это заметил ещё Быстров, занимавшийся раскопками в Передольском погосте Лужского уезда²⁵, совершенно не известно. Все земляные насыпи крестьяне называют в зависимости от величины «сопками» или «сопочками» и «могилами», относятся последние названия к земляным возвышениям, обложенным камнями.

Я начал мои раскопки с так называемых народом «шведских или литовских могил»²⁶, расположенных в двух верстах от Щирского озера

и в полуверсте к северо-западу от вышеназванной горы и озера Почуж. Местность, где расположены эти могилы, представляет в настоящее время почти безлесную покатость к северу. С востока от площади, занимаемой могилами, протекает с севера почти в меридиональном направлении ручей, впадающий в озеро Почуж; с запада — ручей, текущий в обратном направлении и теряющийся в болотах местности, лежащей между селениями Захонкой и Прусси. Сильно болотистые побережья обоих ручьёв подступают почти к самому могильнику, который занимает около десятины пространства; место могильника и соседних земель, до болота покрыто редким, большей частью молодым смешанным лесом; на могильнике много бурьяна и валежника, и пней от вековых деревьев, ранее здесь росших; некоторые пни совершенно сгнили и развалились, а иные стоят замечательно твёрдо ещё и по сие время.

На пространстве, как мы уже сказали, равном приблизительно десятине, расположено 83 могилы, составляющие две обособленные группы. В северной преобладают могилы с каменной обкладкой, хотя есть и без оной, в южной — наоборот, преобладают преимущественно так называемые сопочки, т.е. земляные насыпи без каменной облицовки. Какого-либо плана относительно расположения могил — не заметно; впрочем, в некоторых местах обнаруживается как будто бы шахматный порядок. Высота, обхват и планы этих могил весьма различны; первая колеблется в пределах от 1 до 2 ½ аршин от материка, второй — от 10 до 20 аршин; что касается до плана могил, то между ними есть круглые, овальные, четырёхугольные и несколько иных, отличных от перечисленных форм, очевидно, получившихся от действия в течение времени тяжести насыпи на каменную кладку и обратно, влияния атмосферных осадков, подпочвенной воды и разных других механических сил. Почти все могилы оканчиваются сверху площадкой с более или менее значительным углублением посередине, образовавшимся от оседания насыпи. На многих могилах растут довольно большие деревья, а на некоторых имеются остатки вековых деревьев в виде пней.

Каменная облицовка могил или, как говорит народ — «обочины», представляет также значительное разнообразие: одни из них обставлены крупными валунами, вышиною в один и полтора аршина, которые поставлены прямо на материк; другие, кроме этого основания имеют ещё второй ряд камней, меньшего размера, размещённые над большими камнями вторым ярусом; некоторые же из могил с поверхности обложены мелким булыжником, который от времени ушёл глубоко в насыпь и едва виден.

Среди местных жителей относительно описываемого могильника не сохранилось никаких преданий. На все наши вопросы о времени и происхождении могил, обращённые к старожилам, мы получали почти один ответ: «Это от литвы», «от литовского разорения», это «когда тут милиция шла», т.е. народное ополчение.

Приписывать все могилы литве, как справедливо замечает Быстров, получавший почти такие же ответы и на свои вопросы о происхождении могил, — нет основания, потому что тогда необходимо допустить громадное число убитых, чего, однако, не было, как свидетельствует история, ибо здесь не происходило больших сражений. Само же население не было так густо, чтобы могло дать много жертв или, защищаясь, положить много неприятеля. Вероятнее всего, большую часть этих могил, сопков и курганов следует отнести к более древнему времени, точное определение которого и должно составить задачу нынешних и будущих исследователей этих исторических памятников.

В настоящее время народная память связывает с местностью, занятой могильником, предание о двух разбойниках Оськи и Андохи. Ходили эти молодцы по округе, по народному выражению — «прокурадили», и никто не мог взять их, даже пуля не брала; взяла одного из этих разбойников, Оську, обманом одна крестьянская девушка, а другой потом пропал без вести. С этим же могильником связывается и ещё один рассказ, уже, очевидно, недавнего происхождения.

Шёл как-то поздно вечером мимо могил один крестьянин и присел у дороги, чтобы поправить лапоть. Только сидит и слышит тихое пение. Оглянулся и видит: вдоль могил по дороге идет поп в белой ризе, в руке у него кадило, и он им кадит на могилы. Обогнул поп могилы и исчез за леском. Крестьянин сотворил молитву, перекрестился и продолжал свой путь, а, придя в деревню, рассказал о видении. Потом и другие ходили на могилы, чтобы увидеть попа, но никто больше не видал, должно быть потому, как говорит народ, что по трусости ходили все не в одиночку.

Могилы, конечно, подвергались в разное время хищническим раскопкам, о чём свидетельствуют некоторые разрытые могилы, и сверх того, в дер. Заозерье проживает и по сие время крестьянин, который года три тому назад со своими сыновьями раскопал несколько могил. В одной из них он нашел костяк и череп очень больших размеров и старый ржавый меч, и орудие вроде серпа; в другом он докопался до плотного, твёрдого как камень дна могилы, но в самой могиле ничего не нашёл.

Раскопку начал я с могилы, лежащей особо, саженьях в десяти от общего расположения насыпей, почти на самом берегу ручья. Могила <

№1> круглой формы, почти на уровне земли, с поверхности сплошь обложена камнями различной величины. Окружность могилы 6 сажень, в поперечнике — 5 ½ аршин, середина могилы опустилась. По снятии камней и верхнего дернового слоя, в довольно сырой насыпи из белого речного песка, перемежающегося местами подзолом (боровая земля) в середине, на глубине 8 вершков, обнаружилось тёмно-бурое пятно овальной формы, длиною почти в три, а шириною в полтора аршина. При дальнейшей раскопке в тёмном пятне найден уголь. На глубине приблизительно аршина, тёмный срединный слой исчез, и далее насыпь представляла беспорядочное смешение слоёв различной земли. На глубине полтора аршина у северного края могилы найдены мелкие черепки, а ещё на аршин ниже дошли до грунта и подпочвенных вод, которые довольно быстро стали наполнять могилу. Раскопка на этом окончилась.

Вторая раскопанная могила находилась в северной группе общего могильника. Она имела четырёхугольную, почти квадратную форму, стороны которой равнялись 4 аршинам, при высоте 1 аршин. Могила обложена большими — в аршин и больше, валунами, поставленными стоймя и образующими клетку; внутри этой основной обочины — второй ряд камней меньшего размера; середина могилы опустилась. По снятии камней и дёрна открылась насыпь из жёлтого песка. На глубине около полуаршина встречена угольная прослойка, а на аршин ниже, в западном крае могилы, открыта полусгнившая локтевая кость; наконец, на глубине около двух аршин найден череп без нижней челюсти, плохо сохранившийся и костяк, также наполовину истлевший, сохранились только несколько спинных позвонков тазовые, бедренные и голенные кости, и некоторые кости от ступней; костяк лежал головою к западу, сверх того справа и слева от места положения грудной клетки найдены полуистлевшие плечевые кости. Дальнейшая раскопка до грунта не дала никаких результатов. При осмотре черепа, на лбу его, над переносьем обращают на себя внимание три углубления разной величины, но почти одинаковой овальной формы, произошедшие, как следует думать, от удара каким-либо тупым орудием; в глубине впадин сохранились куски вдавленной лобной кости. Не есть ли это молчаливое свидетельство насильственной смерти человека, которому этот череп принадлежал? А это была женщина, если судить по небольшому размеру костяка и развитию тазовых костей...

Третья раскопанная могила находилась в центре западной группы. Она представляла почти круглую насыпь в обхвате в 18 аршин при поперечнике в 5, а вышине около 2 аршин. Могила обложена двумя рядами камней, наружными сравнительно небольших размеров, лежащими стоймя

на ребре, и внутреннего, из огромных валунов, поставленных также стоймя. Насыпь состоит из жёлтого песка, на глубине аршина обнаружена угольная прослойка и остатки каких-то мелких обугленных костей. Других находок при рытье до грунта не сделано.

Четвертая и последняя могила принадлежала к составу восточной же группы. Могила обложена большими валунами, имеет высоту $1\frac{1}{2}$ арш., в окружности 17 аршин при поперечнике почти 5 аршин. По снятии верхнего слоя, в насыпи, также из мелкого песка, открыли в нескольких местах и на разной глубине в небольшом количестве угольные наслоения; в некоторых кучках угля обнаружены мелкие остатки обожжённых костей. На глубине $2\frac{1}{2}$ арш., следовательно, ниже грунта, открыт остаток костяка, кости в крайнем беспорядке. Шейные позвонки влево от черепа; голенная левая кость близ головы; тут же левая плечевая и локтевая и несколько суставов пальцев кисти руки, на которой найдено два кольца. Никаких других находок не сделано.

Раскопкой четырёх описанных могил ограничилось моё ознакомление с этой интересной древней усыпальницей, после чего я приступил к раскопке кургана близ селения Березицы.

Собирая предварительные сведения об этом кургане, мы слышали очень разноречивые мнения о нём. Одни старики говорили, что это место, где когда-то гнали дёготь; другие же говорили, что к этому кургану на их памяти, т.е. лет 70 тому назад молодёжь летом сходилась для песен и игр и проводила там в этих занятиях целые ночи. Близ кургана есть другой, большой размер, называемый «Левиной горой», имеющий конусообразную форму и высотой до 6—7 сажен. У подошвы этого второго кургана расположен могильник из 18 насыпей, обнесённых камнем.

Курган, который подлежал раскопке <№4>, расположен на рубеже земель Березицы и Заозерья и имеет вид правильного овала, несколько расплывшегося в южную сторону, в направлении покатости местоположения. Окружность его — 42 шага, высота 4 аршина, расположен на склоне распаханых полей, вблизи дороги, ведущей из Березицы в Бровск. На кургане растёт несколько молодых сосен, но есть и два старых пня. Курган копали с южной стороны, траншеей шириной 1 сажень. Земля — чистый песок, кое-где встречались довольно большие валуны. При приближении к середине кургана, на уровне почвы найден довольно толстый слой мелкого угля с примесью мелких и обуглившихся костей. Угольный слой занимал площадь около полтора аршина в поперечнике. Внутри кургана траншея была расширена, но никаких других находок больше не сделано.

Последняя раскопка была произведена мною в могильнике, в полуверсте к югу от горы Почужь, между селениями Заозерье и Жидишино.

Могильник расположен у просёлочной дороги, соединяющей два названных селения, на самой высокой точке подъёма этой дороги. Местность, занимаемая могильником, приблизительно около полудесятины, поросла густым орешником и рябиной; вблизи к северо-западу — небольшое болотце, кругом поля. Всего 24 могилы, из них 16 сохранившихся и 8 распаханых, о которых свидетельствуют лишь венцы могильных валунных обочин.

Раскопанная нами могила <№5> имела овальную форму, 16 шагов в окружности, при поперечнике в 3 ½ и высоте около полуаршина. Сверху могилы — небольшая впадина. Могила обложена большими камнями, почти совершенно засыпанными землёй. Раскопка ведена колодцем. Насыпь — жёлтый и красный песок; вперемешку попадают камни. На глубине 1 ½ арш, следовательно, на аршин ниже грунта обнаружен череп и остаток костяка, плохо сохранившегося; сначала в середине открыта бедренная кость, затем в восточном крае могилы — и около него остаток или железного наконечника стрелы или ножа; несколько ниже в западной стороне могилы найдена нижняя челюсть с прекрасно сохранившимися зубами. Дальнейшие раскопки насыпанной земли до грунта не дали больше никаких находок. Общее впечатление от могильника говорит в пользу его значительной древности; такое же впечатление производит и открытый нами остаток костяка и череп, рассыпавшийся после того, как из него высыпалась просохшая земля.

Раскопки, произведённые нами, конечно, являются ничтожной крупницей в обильной реальной и идейной результатами трудах других исследователей в этой области русских доисторических древностей. Поэтому само собою разумеется, мы далеки от каких-либо самостоятельных обобщений и выводов, и ограничимся лишь указанием на то, что наши раскопки, при всей их случайности, подтверждают выводы, какие сделал г. Спицын в известном его труде, посвященном обзору²⁷ многочисленных раскопок Л. К. Ивановского, произведённых в течение нескольких лет в уездах: Царскосельском, Петергофском, Гатчинском и Ямбургском и предположениями записки Императорской Археологической Комиссии, выяснявшей план и задачи раскопок летом 1899 года [п. 3 и 4]. И здесь, и там типы погребений весьма близки и заключают следующие общие признаки:

Курганы соединяются в большие группы и расположены

преимущественно на возвышенных местностях. По внешнему виду курганы представляют собой насыпи, преимущественно полушаровидной формы, укрепленные в основании рядом крупных булыжников; средняя высота насыпей 5—6 футов. Насыпь сооружена из песка (жёлтого речного или красного полевого) или же из чернозёма с гравием и суглинка, и других материалов. Насыпи слабые, во многих случаях расплывшиеся и совершенно затянувшие лежащие в основании камни. Найденные черепа и костяки указывают на то, что и здесь в большинстве случаев трупы погребали несожжёнными.

В устройстве могил также видим полное сходство. На уровне грунта выравнивалась небольшая площадь, которая иногда уплотнялась наподобие тока. На этой площадке разводился костёр, от которого остаётся толстый слой золы и угля. Трупы в могилах полагали ногами на восток, руки сложены у лонного соединения. В курганах встречаются часто сожжённые кости, вероятно, остатки жертвенных животных.

При насыпке кургана к основному ряду камней иногда прибавляются ещё второй; в могилах нередко погребались горшки. Только в небольших группах можно встретить курганы одного и того же типа; что же касается до больших могильников, то в них встречаются насыпи различных родов.

Второй тип погребений характеризуется следующими признаками. Труп погружался в небольшой грунтовой могиле до аршина глубины в сидячем положении; иногда у спины ставили для опоры валуны. Если желали поднять покойному лишь одну голову, то рыли могилу не глубокую, на краю которой могла покоиться голова или же её поддерживали небольшим камнем. Нередки погребения в совершенно лежащем положении и, обыкновенно, головой на запад. Труп забрасывался вырытой из ямы землёй и песком и образовавшееся возвышение посыпали остатками поминок в виде золы и угля; наконец, возводилась до желаемой высоты насыпь, в основании которой располагается круг из 4—6 крупных валунов, выступающих наружу лишь верхними частями.

Наконец, третий тип погребений, в грунтовых могилах без курганных насыпей, в ямах, окаймлённых сверху линией валунов. Древнейшие из этих могил представляют собою широкую, но невысокую земляную насыпь, обставленную почти сплошь рядом крупных валунов и прикрывающую неглубокую яму с костяком. Такие каменные могилы по мнению г. Спицына, являются перерождением курганов.

Решить, какой народности принадлежат описанные курганы в настоящее время является делом чрезвычайно трудным. На основании изучения материала, данного раскопками г. Ивановского, можно полагать,

как думает г. Спицын, что это могла быть и народность русская, но могла быть и водь, финского племени, близкая к эстам и латышам. Какие из этих насыпей с погребениями води и какие представляют погребения древнерусские — должно выясниться путем дальнейших раскопок и антропологических измерений.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис. 1. Воскресенская церковь на Щирском погосте.
Фото Н. Ф. Арепьева, 1899 г.

Рис. 2. Озеро Почуж (Почуга), гора Почуж (Маячная).
Фото Н. Ф. Арепьева, 1899 г.

Рис. 3. Погост Щир. Деревня Лог. Западная часть Щирского озера.
Фото Н. Ф. Арепьева, 1899 г.

Рис. 4. Черепа из могил №2 и 3 близ оз. Почуж. Фото Н. Ф. Арепьева, 1899 г.

Рис. 5. Высокий курган у д. Березицы. Фото Н. Ф. Арепьева, 1899 г.

Рис. 6. Открытый лист Н. Ф. Арпьева на проведение раскопок в 1899 г.

Рис. 8. Общий вид большого могильника близ оз. Почуж.
Фото Н. Ф. Арепьева, 1899 г.

Рис. 9. Раскопанное погребение. Фото Н. Ф. Арепьева, 1899 г.

Арепьев Н. Ф.

Отчёт о раскопках, произведённых летом 1900 года в Лужском уезде, в Яблоницкой и Хмеро-Посолодинской волостях Санкт-Петербургской губернии

В июне 1900 г. Николай Фёдорович Арепьев снова получил открытый лист, дающий право на археологические изыскания на территории Яблонецкой и Хмеро-Посолодинской волостей Лужского уезда.

Ниже приводится текст отчёта о проведённых работах. Текст печатается в современной орфографии, с сохранением особенностей авторского написания. Приводится по оригиналу, хранящемуся в Архиве института истории материальной культуры РАН:

АИИМК Ф.1. Оп.1. 1900. Д.119. Л.8—17.

По независящим от меня обстоятельствам летом 1900 г. мне не удалось, в должной мере, выполнить мои намерения относительно раскопок в Лужском уезде. Предполагая продолжить их летом наступившего года, представляю в настоящее время предварительный отчёт о начатых мною работах в прошлом году.

9 января 1901 г.

Прежде всего я произвёл вскрытие двух погребений в большом могильнике близ озера Почуж Яблоницкой волости, где я производил раскопки летом прошлого 1899 г. Задача раскопок нынешнего года в вышеупомянутом могильнике состояла в нижеследующем.

Большой могильник близ Почужа занимает пространство около десятины, на котором расположены 83 могилы. Часть этих могил с каменным обкладом, а часть без такового; равным образом различаются могилы также и относительно высоты и плана. Задача моя и состояла в том,

чтобы, если возможно, установить связь между формой могилы, и её наружным устройством, и внутренним характером погребения. С этой целью мною и были вскрыты две могилы, одна с каменной облицовкой, а другая без таковой. При этом оказалось, что могила без каменной облицовки заключала в себе грунтовое погребение, тогда как могила с каменной облицовкой заключала погребение в насыпи. Таким образом в могильнике оказалось 2 типа погребений: одно старейшее с кострищами, другое без кострищ, в ямах (аналогичное явление, как известно, встречается также при погребениях бобруйских, мозырских и речицких, где с уменьшением погребений с обрядом увеличивается количество грунтовых могил). Обстоятельства не позволили мне продолжить раскопки в данном месте, чтобы твёрже установить указанную связь, но я считаю долгом сообщить, что обнаружилось на примере двух вскрытых мною могил.

Вторая раскопка была произведена мною близ селения Березицы той же Яблоницкой волости. Здесь могильник расположен частью под самым селением по правому берегу протекающего близ него ручья, частью по левому. Правобережные погребения обнаруживались и продолжают обнаруживаться в настоящее время лишь при производстве крестьянами разных хозяйственных построек, так как всякие внешние признаки утрачены; при этом кости обыкновенно собираются и снова погребаются тут же в стороне, в общей яме. Однажды, как нам сообщали, при вскрытии могилы была найдена большая полуистлевшая дубовая колода.

Левобережный могильник сохранился почти весь. Он заключает около 20 насыпей с каменной облицовкой и без оной. Эти насыпи расположены на бугре высотой около 5 саженей и окружностью в 375 шагов. Поверхность поросла березняком и сосной, почва песчаная, насыпи отличаются небольшими размерами. Мною были вскрыты две могилы: одна без каменной облицовки, оказавшаяся пустою, другая с каменными обочинами с особо большими валунами в западном и восточном конце могилы; высота могилы $\frac{1}{2}$ арш., длина 3 арш., ширина 2 арш. В этой могиле на уровне около $1\frac{1}{2}$ арш. от поверхности насыпи найдены два костяка замечательно хорошо сохранившиеся; оба лежали рядом головами к западу; большой как можно думать, мужской — с правой стороны (южной), меньший, женский — с левой стороны (северной). Никаких предметов при раскопках не найдено. Исследование и этого интересного могильника не было мною окончено и будет продолжено в следующем году.

Третья раскопка была произведена мною в трёхстах саженях от этого же селения Березицы на границе земель этого селения

и соседнего — Страшева (в 3-х верстах), на берегу протекающей здесь речки Бочицы. На указанном месте — ряд больших сопок, по правому берегу их пять, от 1 до 1 ½ сажени вышины и в окружности от 50 до 100 шагов, все сопки поросли мелким сосняком, местность довольно высокая и глухая и потому в насыпях много барсучьих нор. По левому берегу Бочицы, близ дороги — 2 сопки; одна из них и была мною вскрыта. Раскопка произведена с юга траншеей, которой и пройдено $\frac{3}{4}$ сопки. При углублении траншеей на 1 ½ аршина открыта на $\frac{1}{2}$ аршина от грунта незначительная угольная прослойка; других следов погребения, а равным образом и каких-либо предметов не найдено. Насыпь всё время резко делилась на два слоя: нижний — гравий и подзол, верхний — песок полевой жёлтый. Высота раскопанной сопки 4 арш, диаметр 3 ½ саж. Мною раскопана сопка более сохранившаяся, тогда как другие носят явные следы работ кладоискателей. В Березице мне рассказывали, что при одном из таких разрытий были, будто бы, найдены старый меч и большая медная денга.

Прежде чем приступить к раскопкам, а потом и во время производства их, я собирал разнообразные легенды и рассказы об окрестных достопримечательностях, причём особенное внимание моё было обращено на так называемый «Городок» близ селения Страшева, в 1 ½ верстах к северу от него. Городок представляет собой природную возвышенность приблизительно в 20 саж. вышины почти круглой формы с боками в 45° уклона, с двумя кольцеобразными площадками на разной высоте. Вершина холма представляет правильную круглую площадь в 158 шагов в окружности; посередине площадки — небольшая овальная насыпь. «Городок» стоит на обширной равнине и с него открывается замечательный обширный вид. Этот «Городок» означен на трёхвёрстной карте и обращал на себя внимание любителей старины и ранее. Так, шесть лет тому назад местная землевладелица (из Пятчины) г-жа Душкина произвела раскопки в двух местах: у подножия «Городка» и у края верхней его площадки. Первое место раскопки близ камня было указано ей крестьянином Осипом Памфиловым из деревни Пятчины (он теперь уже умер, но у него есть ещё родственники). Этот крестьянин давно подбивал их идти копать «Городок», так как у него была бумага из Варваринского монастыря, данная одною монахиною. В этой бумаге было сказано, что в указанном месте лежит клад, состоящий из церковной утвари. Место это находится близ большого камня, существующего и по сие время; на камне девять правильных почти круглых углублений, расположенных в шашечном порядке. По объяснению одного из лиц, кн. Гедройца, видевшего этот камень до раскопок, эти

углубления представляют собой будто бы санскритские письмена и означают слово «здесь». По указанию записи следовало в Петров день отсчитать на восход солнца несколько сажен (сколько, г-жа Душкина не помнит) и здесь рыть. Так и было сделано. Сняв в указанном месте довольно значительный пласт земли, искатели встретили три камня один над другим и под ними бараний скелет — так определили из Петербурга. Раскопки были продолжены ещё далее вглубь, но более не дали никаких находок. Со своей стороны добавим, что эта неудача не остановила кладоискателей-крестьян и они потом уже тайно рыли под самым камнем, который тогда находился на поверхности земли, а в настоящее время лежит в вырытой ими яме на глубине не менее полутора аршина. Что касается до раскопок на самой поверхности Городка, то она не дала никаких находок, кроме обугленных кусков дерева. Об этом Городке у соседних крестьян ходит много легенд, некоторые из них мною записаны, привожу одну из них, слышанную мною от крестьянки села Страшево Аграфены Яковлевой. Лет 20 тому назад сын её, теперь уже покойный, пахал у подножия Городка, на северной его стороне, на своей полосе и выпахал пряжку (типа табл. X №17 Ивановского; таблицы были Яковлевой показаны). Пряжка была медная с чеканной отделкой, долго сохранялась в доме и погибла во время пожара. На другой день после находки сын Яковлевой видел сон. Приснился ему красивый статный богатырь, который сказал ему: «Ты тут не паши: „обсев“ (недород) будет. Тут я сам хожу сторожу». Сын рассказал этот сон домашним, и на этом месте решено было больше не пахать. Примеру Яковлевых последовали другие хозяева соседних полос и теперь на месте бывшей пашни стоит густая рощица смешанного леса.

В прошлое лето мною были только начаты исследования этого любопытного памятника, сделаны измерения окружности, высоты, размера боковых площадок и окружающих их валиков. Сверх того, мною произведены небольшие раскопки в двух местах, на боках Городка и на верхней площадке. Последняя имела характер проверочный и, действительно, подтвердила сообщение о раскопках г-жи Душкиной. В двух вырытых мною близ края площадки колодцах были обнаружены остатки обуглившегося тына, который несомненно стоял наверху площадки по её окружности. Дальнейшие исследования Городка составят предмет моих занятий в будущем году.

Последняя моя экскурсия была на южный берег Чёрного озера. Здесь в полуверсте от берега, среди соснового бора, на сухом песчаном возвышенном плато расположен могильник. Длина площади им

занимаемой 80 шагов, поперечник — 20; расположен вдоль дороги из деревни Обод к берегу Чёрного озера; по этой дороге езда происходит только зимой по льду, как кратчайшему расстоянию из Обода, Крукшина и вообще населённых окрестностей Щирского озера к Северным населённым пунктам Чёрного озера. Отдельные могилы сохранились неясно, их каменная облицовка ушла в землю. Вокруг могил — общая каменная ограда. Могильник в некоторых местах рыт одним крестьянином после виденного им во сне клада; найдены же были только кости. Возле этого могильника в полуверсте к северо-востоку за ручьём — пять сопок; одна большая — сто шагов в окружности, другие поменьше; две рыты.

В заключение моего отчёта считаю долгом сообщить Археологической комиссии нижеследующее.

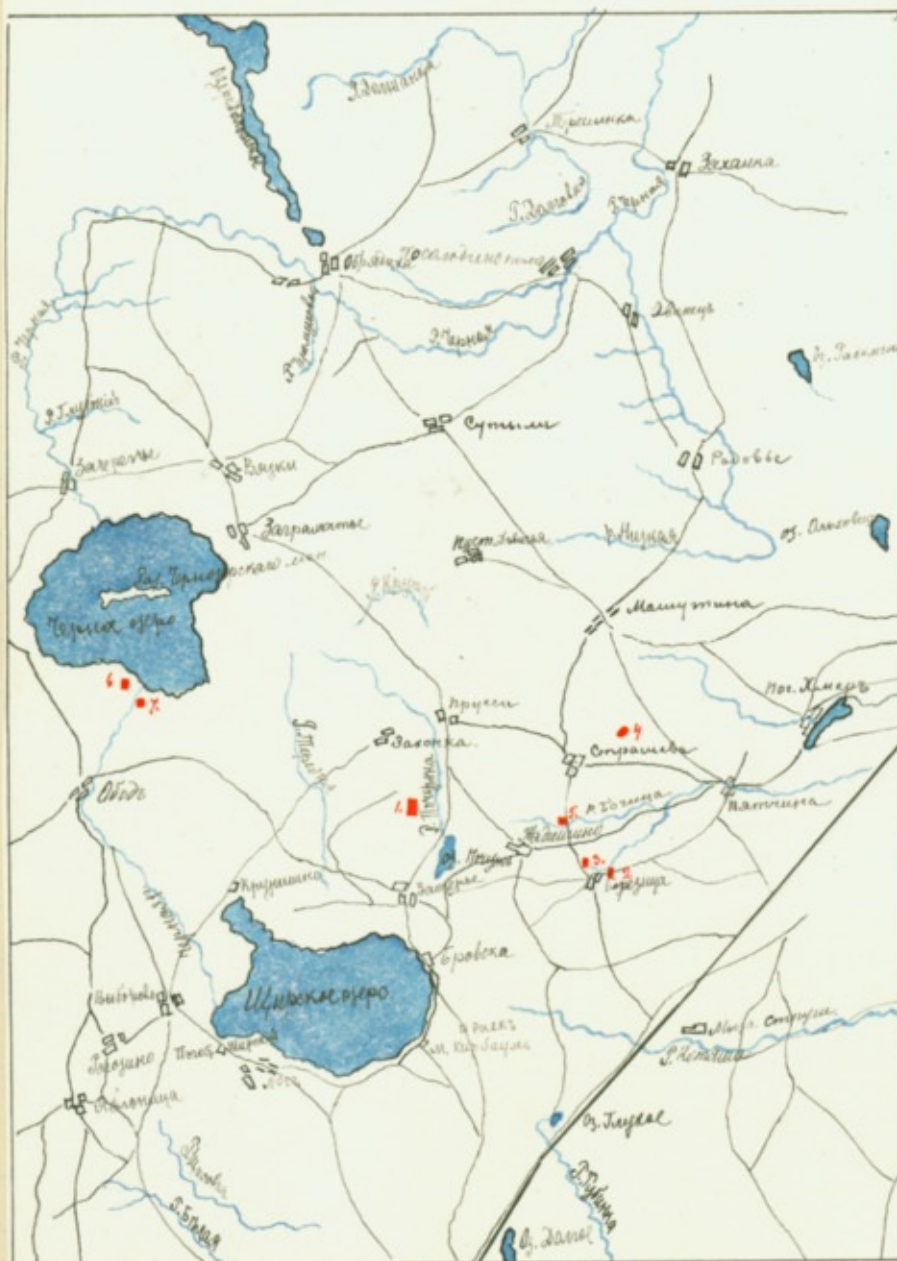
Собирая сведения об окрестных исторических памятниках, я, между прочим, получил такого рода сведения. Лужского уезда Лудонской волости деревня Луговищи. Вблизи деревни по берегу речки Курей находятся три группы курганов. Одна группа представляет соединение пяти курганов вышиной около 1 ½ арш. без камней; обхват около 18 арш. диаметр около 5 арш.; поросли небольшими соснами; раскопкам не подвергались и никаких находок на местах могил сделано не было. На расстоянии 10-ти сажень от этой группы ближе к берегу стоят две сопки. Одна вышиною около 4-х арш., при диаметре в 5 саж.; на вершине растёт ель. Другая сопка в двух саженьях от первой, вдвое ниже и формы расплывчатой; на сопке также растёт дерево. Эти сопки находятся в 200-х саженьях от деревни, на правом берегу Курей, деревня же лежит на левом. Между этими земляными насыпями и берегом реки расположено сельское кладбище. По левому берегу реки, при въезде в деревню Логовищи есть другой могильник, заключающий около 20 могил, часть их уже распахана. Могилы вышиной около ½ арш, все с каменной облицовкой; у многих в западной стороне большие валуны, раскопкам не подвергались.

Все эти земляные памятники *накануне исчезновения*, так как на месте их расположения будут строить на правом берегу, близ второй группы могил, с которых уже и свозят камни, а школа будет стоять на месте могил близ деревни. Постройка начнётся осенью будущего года. Близ кладбища есть две часовни, одна для службы, а другая над каменным четырёхконечным крестом из серого песчаника, вышиною около 1 аршина с четвертью.

5 января 1901 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Къ отчету о раскопкахъ произведенныхъ
въ Мухомовской волости, въ Ковнонцкой и Хемере-
поселенческой волостяхъ летомъ 1900 г.

1. Кочуцкий
могильникъ
(83 могилы)
2. Кочуцкий
близъ Берези-
цы (до мо-
гилы)
3. Два селен-
на догора въ
Сутини.
4. "Торжокъ"
5. Селен-
на по долине р. До-
горицы.
6. Могила
близъ оз. Шибас-
ко.
7. Могилы селен-
на близъ оз. Шибас-
ко.

Н. Ф. Арпьевъ.

Карта работ Н. Ф. Арпьева в 1900 г.

Соболев В. Ю.

Материалы раскопок у деревень Логовеще и Селище в собрании фонда археологии МАЭ²⁸

Последняя треть XIX — начало XX вв. — это время возрастания в России интереса к собственно русским древностям, сопровождавшегося проведением широкомасштабных археологических исследований. Работы графа А. Уварова и П. Савельева на территории Суздальского ополья, Л. К. Ивановского, Н. К. Рериха, В. Н. Глазова, Л. Н. Целепи в Новгородской земле, А. А. Спицына и В. А. Городцова как руководителя археологических экскурсий студентов Московского Археологического института, во время которых были исследованы многие уникальные памятники, и целой плеяды других исследователей создали огромный фонд материалов, позволивших поставить и наметить пути решения основных вопросов древнерусской археологии.

В то же время археологическое изучение средневековых погребальных памятников и сбор материалов для составления археологических карт вскрыли проблему их повсеместного разрушения в результате хозяйственной деятельности и «хищнических раскопок» — камни выбирались для строительства, территории могильников распахивались или застраивались, владельцы имений и сами крестьяне раскапывали древние «могилы», иногда из интереса к древностям, часто же с целью продажи «добытых раскопкой вещей» в какой-либо музей, Императорскую Археологическую комиссию или частным коллекционерам. Именно таким путём попала в МАЭ коллекция украшений древнерусского времени, приобретённая народным учителем Л. А. Васильевым в деревне Логовеще Лудонской волости Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии (ныне Струго-Красненский район Псковской области) и переданная в археологический фонд в начале января 1911 г. (Колл. №1807).

Деревня Логовеще, появившаяся, судя по археологическим данным, не позднее рубежа XII—XIII в., вплоть до реформ административно-территориального деления 1721 и 1774—1775 гг. являлась центром

Покровского Логовещенского погоста Шелонской пятины. Впервые погост зафиксирован в Писцовой книге 1498—1501 гг.: «на нем церковь Покрова Пречистые» (Писцовая книга...: стб. 90) и дворы попа, дьяка, церковного сторожа и просвирницы; позднее погост отмечен в поземельном описании 1576—1577 гг. (Книга записей...: л. 107). Последующие землеописания фиксируют разорение и запустение погоста на протяжении конца XVI и всего XVII вв.: 1582 г. «Погост Логовиской царя и великого князя, а на нем была церковь Покров Пречистые Богородицы развалилася да два (м) дворовых, что были дворы церковные попов да проскурницын, (дв) дьячков да (дв) Пономарев пусты незжены» (Подлинная писцовая книга...: л. 417); 1628 г. «Погост Луговежской, а на погосте место церковное, что была церковь Покров Святые Богородицы, да на погосте ж четыре места церковного причету, место попово, место дьячково, место пономарево» (Список с дозорной книги ...: л. 166 об.); 1678 г. «Погост Логовещской пуст» (Переписная книга...: л. 93 об.). И только уже в Переписной книге 1706—1707 гг. отмечены дворы церковного причта при вновь отстроенной церкви (Там же: л. 71 об.).

Археологические памятники Логовещенского погоста были отмечены Н. Ф. Арепьевым в 1900 г. В конце своего «Отчёта о раскопках, произведённых летом 1900 г. в Лужском уезде в Яблоницкой и Хмеро-Посолодинской волостях С-Петербургской губернии» он подробно описывает расположенные в непосредственной близости от деревни три группы курганов (Арепьев, 1900: 15—17), отмечая, что «все эти земляные памятники накануне исчезновения (подчёркнуто мною. — В.С.), так как на месте их расположения будут строить: на правом берегу, близ второй группы могил, с которых уже и свозят камни, а школа будет стоять на месте могил близ деревни. Постройка начнётся осенью будущего года» (Там же: 16—17).

По свидетельству Л. А. Васильева, местность, располагавшаяся к востоку от деревни, называлась местными жителями «Пустые могилы». Здесь находилось, вероятно, значительное по своим размерам курганное кладбище или курганно-жальничный могильник, ныне, по всей вероятности, полностью разрушенный. В настоящее время село не существует. Последний раз памятники археологии в самом селе Логовеще и в его ближайших окрестностях фиксировались во время тщательных широкомасштабных работ по выявлению памятников археологии, проводившихся сотрудниками экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской области в 1927—1931 гг. и зафиксировавших значительные повреждения курганов

и практически полное уничтожение курганно-жальничного могильника (см.: Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. №105).

Разведками недавних лет эти памятники уже не фиксировались, по всей вероятности, в настоящее время они уже полностью уничтожены. Разрушение памятника началось много раньше, в своём отчёте о раскопках, проведённых летом 1911 г., учитель Л. А. Васильев отмечает, что часть территории старого кладбища попала под распашку, камни постоянно свозились крестьянами для построек, а в начале XX в. в центре занимаемого курганами участка была построена школа, в которой он и преподавал. При строительстве школы многие ещё существовавшие погребальные сооружения были полностью уничтожены или повреждены. Сохранившиеся ко времени проведения описываемых работ насыпи имели высоту около 1 м и диаметр 2,5—2,8 м, по основанию они были оставлены 4—6 валунами, глубоко ушедшими в землю.

Приобретённые, по всей вероятности, летом или осенью 1910 г. Л. А. Васильевым вещи, по словам их находчика, происходят из кургана, под насыпью которого было найдено одно захоронение. Скелет погребенной лежал вытянуто на спине, ориентированный головой на север северо-запад, положение рук и другие детали обряда не были прослежены. В коллекцию входят 43 предмета, которые могут быть интерпретированы как остатки женского убора.

Все украшения — серийные изделия, широко представленные как в культурных напластованиях Новгорода, так и в погребальных древностях сельских могильников Северо-Запада Древнерусского государства (Приложение 1). Большая часть находок может быть датирована по новгородской шкале (Приложение 2).

Головные украшения (Рис. 1; 3) — девять фрагментов ромбощитковых височных колец, изготовленных из серебра (№3)²⁹, часть обломков принадлежит одному изделию, возможно сломанному и согнутому преднамеренно ещё в древности. По всей вероятности, височных колец было две пары. Одна пара со щитками, украшенными гравированным крестом в ромбе, каждый конец креста оканчивается тремя отчеканенными кружками, такие же кружки выбиты и в средокрестии. Вторая пара с гладкими ромбовидными щитками более вытянутых пропорций. С каждой стороны головы могло находиться по одному орнаментированному и одному неорнаментированному височному кольцу. Ромбощитковые височные кольца популярное средневековое женское украшение, встречающееся в погребениях большинства курганных и курганно-жальничных кладбищ Новгородской земли. Территориально

ближайшие аналогичные находки были сделаны при исследовании подкурганых захоронений у деревни Которск (Которск III и Которск XI) — двух кладбищ соседствовавшего с Логовещенским средневекового Которского погоста. Фрагменты височных колец с аналогично украшенными щитками были найдены в погребении в кургане 36 некрополя Которск XI и в нескольких захоронениях в могильнике Которск III, в погребениях в кургане 30, но без дополнительных кружков в средокрестии, со щитками несколько меньшего размера в погребении под насыпью кургана 31; аналогичные ромбощитковые височные украшения без чеканеных кружков найдены в захоронениях в курганах 14, 15, 16, 21 и 30.

Собственно, ромбощитковые височные кольца датируются очень широко, однако деталь орнамента щитков три кружка на концах креста даёт возможность сузить дату бытования этого типа украшений. Данный орнаментальный мотив встречается на новгородских украшениях в интервале между 1134 и 1281 гг. (*Лесман*, 1989: 82—87).

Ворот одежды, вероятно парадной рубахи, был украшен нашивным стоячим парчовым воротничком, фрагмент которого, помещенный между двух стёкол, хранится в коллекции (№20) (Рис. 3а). Его ширина 8 см, сохранившаяся длина около 10 см, следы петель и пуговицы отсутствуют, цвет ниток основы и вышивки не сохранился. Воротничок складывался пополам, линия сгиба отмечена на прорисовке пунктирной линией (Рис. 3б), и пришивался к вороту, высота воротника, таким образом, составляла около 4 см. По всей вероятности, внутрь была вставлена полоска бересты или кожи, придававшая изделию жёсткость. Вышивка украшает и наружную и внутреннюю его стороны, на изнаночной поверхности сохранились фрагменты ткани простого полотняного переплетения. Орнаментальные мотивы в целом схожи на одной и другой стороне: расположенные в ряд кружки с окантовкой плетёнкой из простых стилизованных растительных побегов с одной стороны и криновидными побегами с другой (Рис. 3б). Вышивка выполнена стежками в характерной для Древней Руси технике «на проём», образуя на лицевой стороне длинные стежки и короткие на изнанке. Узор обведён чётким контуром.

Орнамент из ряда повторяющихся заполненных вышивкой кругов кратко анализировался М. В. Фехнер в её работе, посвящённой золотному шитью Владимиро-Суздальской Руси (*Фехнер*, 1976: 222—225), в которой приведены известные исследовательнице его аналогии. На территории современной Псковской области два экземпляра происходят из раскопок захоронений у дер. Кузнецово и Тяково, ещё один был найден в погребении

под насыпью кургана 27 в курганной группе у дер. Хрепле Новгородской области (Арциховский, 1929: 26). Схожие изделия были найдены в Ярославской и Смоленской областях и южнее. Аналогии растительному орнаменту окантовки встречены в рисунках византийских тканей.

На шее погребённой располагалось ожерелье, составленное из бронзовых бочковидных анодированных бус, имитирующих серебряные и украшенных напаянными колечками (№21) (Рис. 1; 21), стеклянных синезелёных почти непрозрачных, а также желтоватых прозрачных шарообразных бусин (№22) (Рис. 1; 22) и одной биконической бусины из глухого стекла чёрного цвета с жёлтыми и белыми волнистыми разводами (№18) (Рис. 1; 18). Всего сохранилось 24 бусины: 11 металлических и 13 стеклянных. Вероятно, металлические и стеклянные бусы чередовались между собой, в центре располагалась более крупная металлическая бусина. Чёрная бусина с жёлтой волной могла висеть на отдельной нитке, а возможно, она не имеет отношения к убору погребённой и попала в захоронение во время совершения погребения.

Ожерелья, составленные чередующимися бочковидными бронзовыми с напаянными колечками и стеклянными шарообразными бусами, были также, как и ромбоцитковые височные кольца, очень популярны в Новгородской земле и являются частой находкой в сельских захоронениях. Аналогичное ожерелье, составленное из двенадцати бронзовых и стеклянных зонных голубых и фиолетовых бус (их сохранилось 12 штук), с круглой прорезной подвеской, переделанной из поясной накладки в центре, было найдено в уже упоминавшемся погребении в кургане 16 кладбища Которск III. При исследовании этого захоронения удалось проследить порядок чередования бус в ожерелье. После каждой пары стеклянных бус следовала одна металлическая, причём более крупные бусы располагались ближе к центру; по всей вероятности, данная тенденция характерна для всех ожерелий этого типа.

Несмотря на распространённость в сельских захоронениях, в культурных напластованиях самого Новгорода литые металлические бусы немногочисленны, они имеют широкую дату. Время их появления в городских слоях относится к последней четверти XI в., верхняя дата неопределима (Лесман, 1990: 81), но уточнить её позволяет их декор. Рельефный декор из выпуклых кружков-колец появляется на Новгородских ювелирных изделиях после середины XII в. и выходит из употребления лишь в 80-е гг. XIV в.

Найденные фрагменты ткани и детали костюма позволяют констатировать, что верхняя одежда была изготовлена из шерстяной ткани

саржевого переплетения и украшена по краю небольшими обоймицами, изготовленными, по всей вероятности, из свинцово-оловянистого сплава (№19), застёгивалась крупной деревянной пуговицей (№16) (Рис. 2; 16), крепившейся при помощи кожаного шнурка. Пронизки, обоймицы, небольшого сечения спиральки, изготовленные из свинцово-оловянистого сплава, использовались обычно для украшения женских головных уборов, ворота и верхней части одежды, однако материал, из которого они изготавливались, очень плохо сохраняется в песчаных почвах Северо-Запада Новгородской земли, попадая в руки исследователей чаще всего в виде рассыпающихся, утративших первоначальную форму мелких обломков. В настоящее время можно лишь констатировать их популярность во второй половине XII в. и, по всей вероятности, в первой половине XIII в. Для реконструкции их внешнего облика, к сожалению, данных недостаточно.

На руках погребенной находилось семь бронзовых браслетов: три витых трёхпроволочных обрубленноконечных (№5а, 7, 8) (Рис. 2; 5а, 7, 8), два пластинчатых, шириной около 2 см, немного сужающихся к концам, орнаментированных пересекающимися гравированными линиями, образующими плетёнку (№1, 4) (Рис. 1; 1), концы одного из них спирально свёрнуты (№4) (Рис. 1; 4), плетёный четырёхпроволочный петлеконечный (№5b) (Рис. 2; 5b) и петлеконечный витой из трёх сдвоенных проволок, дополнительно перевитый по всей длине тонкой двойной проволочкой (№6) (Рис. 2; 6). Однако возможно, общее число браслетов в погребении было больше и достигало восьми экземпляров. На одну из рук мог быть надет ещё один браслет, утраченный или не замеченный находчиками, — пластинчатый или дротовый, один конец которого был оформлен в виде каплевидного щитка, украшенного литым орнаментом. Сам такой щиток, патинированный, с едва различимым орнаментом, находится в коллекции и интерпретирован её регистратором как «бляшка наборного пояса с резным персидским орнаментом» (№2) (Рис. 2; 2). Браслеты с аналогично оформленным одним концом были найдены в погребении 1 в кургане 14 и кургане 16 могильника Которск III. В целом щитковоконечные бронзовые браслеты подражают парадным золотым украшениям, встречающимся в составе южнорусских кладов, сокрытых около 1240 г. (Корзухина, 1954).

Щитковоконечные браслеты различной конструкции датируются по новгородским материалам временем начиная с рубежа первой-второй четверти XI в. и до начала второго десятилетия XIV в. (Лесман, 1990: 44), форма и орнаментальные мотивы щитка позволяют датировать украшение

интервалом между 1134 и 1299 гг., что в свою очередь даёт возможность несколько скорректировать верхнюю дату совершения рассматриваемого захоронения.

Трёхпроволочные витые обрубленноконечные браслеты, изготовленные из круглой в сечении бронзовой проволоки, пожалуй, самый распространенный тип украшения в погребальных памятниках древнерусского населения северо-западной части Новгородской земли. Они появляются в Новгороде в третьей четверти XI в. и выходят из употребления лишь в начале XIV в. (*Лесман*, 1984: 135; 1990: 42), в данном хронологическом интервале они повсеместно встречаются в женских и значительно реже в мужских захоронениях.

Петлеконечные браслеты витые и плетёные из четырёх и большего числа проволок появляются в новгородских слоях на рубеже XII—XIII вв., верхняя дата их бытования по собственно новгородским материалам неопределима (*Лесман*, 1990: 41). С известной осторожностью можно констатировать, что эти изделия, особенно четырёхпроволочные петлеконечные плетёные браслеты, встречаются в наиболее поздних, содержащих вещи, погребальных памятниках на протяжении всего XIII в. и, возможно, XIV в.

Пластинчатые средней ширины обрубленноконечные браслеты встречаются в культурных напластованиях Новгорода вплоть до конца 60-х гг. XIV в. (*Лесман*, 1990: 38), спирально загнутые концы у этих украшений появляются на рубеже первой и второй четверти XIII в., а выходят они из моды в 80-е гг. того же столетия, что позволяет несколько скорректировать дату бытования одного (№4) из двух находящихся в коллекции браслетов 1224—1281 гг. (Там же: 37). Ближайший территориально пластинчатый браслет с таким образом оформленными концами был найден в погребении в кургане 10 могильника Которск III.

Реконструируя убор погребённой, с известной долей вероятности можно допустить, что на каждой руке её было надето одинаковое число браслетов, при этом украшения одного типа надевались на разные руки женщины. Если это предположение верно, то на одной руке находились один пластинчатый, один плетёный и два витых трёхпроволочных браслетов, а на другой по одному пластинчатому и плетёному браслету, трёхпроволочный витой и пластинчатый или дротовый с фигурным каплевидным орнаментированным щитком.

На один из пальцев погребённой был надет неорнаментированный широкосрединный серебряный перстень с несомкнутыми концами (№10). Такие перстни могут быть датированы временем до 1313 г. (*Лесман*, 1990:

48), причём отсутствие орнамента позволяет уточнить нижнюю хронологическую границу (Лесман, 1990: 49) и несколько скорректировать, таким образом, общую итоговую дату.

Можно предполагать, что перстней было больше. На такую возможность указывает весь круг синхронных женских захоронений Новгородской земли, в которых в составе набора металлических украшений обычно находится три-четыре перстня пластинчатых, щитковых, дрововых витых или ложновитых; возможно, были собраны не все предметы. Также весьма вероятно наличие в уборе подковообразной застёжки, отсутствующей в коллекции.

Находящееся в коллекции неорнаментированное плоско-выпуклое в сечении поясное кольцо (№9), возможно, входило в состав пояса погребенной, хотя нельзя исключать и иное назначение данного предмета (Рис. 2; 9). Детали поясной гарнитуры весьма редкая в древнерусских погребениях находка, практически не встречающаяся в женских захоронениях. Если же всё-таки данная находка является деталью пояса, то время её бытования может быть ограничено интервалом между 1025 и 1369 гг. (Лесман, 1990: 79), сечение изделия позволяет скорректировать верхнюю дату 1281 г.

Вероятно, в районе пояса находились различные подвески: «петля в три ушка медная, с остатком ремешка» (№11а) (Рис. 2; 11), две зооморфные привески «в виде полого внутри барашка с четырьмя петлями внизу и короткими цепочками. На одной из них подвешен колокольчик (без язычка)» (№12) (Рис. 2; 12) (№13) (Рис. 2; 13), бронзовая привеска в виде лапки водоплавающей птицы (№14) (Рис. 2; 14) и крупный немного уплощённый шарообразный линейно-прорезной бубенчик (№15) (Рис. 2; 15).

Аналогичная бронзовая «петля» несколько иных пропорций из витых проволок с одним кольцом сверху и двумя снизу, к которым подвешено несколько S-образных проволочных звеньев и цилиндрический колокольчик, была найдена В. Н. Глазовым в жальнике №15 при раскопках курганно-жальничного могильника у дер. Савиновщина в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии (ныне Сланцевский район Ленинградской области) и опубликована А. А. Спицыным: «сложная и грубая железная подвеска в виде кисти из коротких цепочек» находилась у правого бедра в районе пояса женского скелета (Спицын, 1903: 79; Архив ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 386. Л. 12). Другая аналогичная подвеска, изготовленная из бронзы, была найдена в Смоленске в культурных напластованиях XII — начала XIII вв. усадьбы В (Асташова, 1991: 43, рис. 13: 3).

Опубликованная в МАРе находка (Спицын, 1903: 79) позволяет предположить, что данное изделие крепилось к поясу или в районе пояса и служило для подвешивания других украшений, например, двух находящихся в коллекции зооморфных привесок и бубенчика. Линейно-прорезные шарообразные бубенчики с тройным рельефным пояском датируются по новгородским материалам последней четвертью XI — концом XIII вв.

Обе зооморфные подвески могут быть отнесены к одной VI группе, первая из них конёк (№12) с крупным туловом и высокой шеей, ушами в виде двух колец, развёрнутых перпендикулярно морде, и хвостом, загнутым в спираль, с четырьмя петлями для привесок-колокольчиков, из которых сохранился только один, принадлежит к XX типу; вторая же (№13) имеет ярко выраженные признаки водоплавающей птицы и на этом основании относится к типу XVIII (Рябинин, 1981: 35).

Именно в области пояса аналогичный набор украшений — бронзовый цепедержатель и три плоских прорезных зооморфных привески был найден в уже упоминавшемся подкурганном захоронении при раскопках А. В. Тищенко курганно-жальничного могильника Удрай II в 1910 г. По составу находок и убору погребённой данное захоронение очень похоже на погребение, вещи из которого были переданы Л. А. Васильевым в МАЭ зимой 1911 г.

Представляется сложным установить роль в уборе и место находки двух оставшихся нерассмотренных предметов коллекции: бронзовой иголки (№11b) и шиферного пряслица (№17) (Рис. 2; 17).

Иголка, обломанная с одного конца и слегка изогнутая с другого, имеет длину 7 см при диаметре около 2 мм. Регистратор коллекции В. Каменский, вероятно, имел какие-то основания интерпретировать, хотя бы и под вопросом, данную иголку как деталь (язычок —?) пряжки. Однако мне не известны серийные пряжки с длиной иглы более 7 см, датируемые XII—XIII вв. Теоретически данное изделие могло быть частью булавки, однако, последние, являясь деталью убора, характерной для более западных территорий, практически не встречаются в древнерусских погребениях указанного времени.

Шиферные пряслица не являются редкостью на протяжении всего XII в. Судя по их находкам в культурных напластованиях Великого Новгорода, это справедливо и в отношении всего XIII в. Они встречаются в женских захоронениях как в составе поясных привесок (Которск III, курган 12), так и в заполнении могил (курганная группа Которск III, курган 8, погребение 1; курганная группа Подберезье, курган 23 по общей нумерации

Л. Н. Целепи) (АИИМК. Ф. 1. 1900. Д. 92) или в насыпи. Например, при раскопках кургана 25 курганной группы у деревни Березицы (Березицы III) Струго-Красненского района Псковской области, находящейся примерно в 15 км к северу от Логовещенского погоста, пряслице, изготовленное из розового шифера, было обнаружено именно в насыпи. Помещение шиферных пряслиц или использовавшихся для добывания огня кусочков кремня в могилу при её засыпке или в насыпь во время её возведения, возможно, является локальной хронологической и/или территориальной традицией, характерной для населения бассейна Верхней Плюссы второй половины XII — XIII вв.

Опираясь на разработанную Ю. М. Лесманом хронологию Новгородских древностей, можно определить время совершения рассматриваемого захоронения в пределах рубежа XII—XIII — 80-х гг. XIII в. (Приложение 2). Возможно, датировку погребения можно сузить до второй четверти — середины XIII в., однако формальных оснований для этого у нас нет.

Вероятно, сделанные находки показали учителю Л. А. Васильеву интересными, и он решил продолжить исследование кладбища жителей Логовещенского погоста. По всей вероятности, и руководство МАЭ также было заинтересовано в продолжении работ и пополнении фондов древнерусскими материалами. К этому времени в археологическом фонде МАЭ хранилась лишь одна коллекция находок из раскопок древнерусских погребальных памятников средневековой Новгородской земли, датируемая более ранним временем и полученная при работах 1844 г. в районе Вельегонска (колл. №1533). Позднее, через полтора года, археологические фонды МАЭ пополнились ещё одной коллекцией находок из раскопок средневекового кладбища в Лужском уезде. А. А. Бихнер в 1871 г. получил Открытый лист и исследовал несколько захоронений в курганно-жальничном могильнике недалеко от Барашковского озера (ныне Плюский район Псковской области), однако предоставить отчёт он не успел. После смерти исследователя материалы его работ, к сожалению, плохо документированные, были переданы вдовой его брата в МАЭ (Колл. №2274). Исследованные погребения могут быть датированы серединой XII — первой половиной XIII вв.

Итак, 1 июля 1911 г. руководство Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого в отношении №122 от 1 июля 1911 г. испросило в Императорской Археологической комиссии Открытый лист на раскопки курганов в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии (АИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74.1908. Л. 16). В ответном письме №1272 от 13 июля 1911 г.

Императорская Археологическая комиссия просила уточнить, «в какой именно местности Лужского уезда г. Васильев предполагает производить раскопки в текущем году» (Там же. Л. 17). Ответ из МАЭ последовал 20 июля 1911 г., на который в Императорской Археологической комиссии была наложена резолюция «можно выдать лист на эту местность» (Там же. Л. 18). Таким образом, прошение было удовлетворено и 27 июля 1911 г. Открытый лист №1347 на раскопки у деревни Логовеще Лудонской волости Лужского уезда был выслан в МАЭ (Там же. Л. 21; см. также АИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 321. 1910. Л. 22). Но ещё раньше, 6 июля 1911 г., не дожидаясь получения Открытого листа из Императорской Археологической комиссии, директор МАЭ выписал «народному учителю» Л. А. Васильеву Открытый лист за №127 для продолжения научных исследований в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии, командировав его для проведения раскопок в Лужский уезд (АИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 321. 1910. Л. 16). Работы были проведены, коллекция находок и отчёт сданы в археологический фонд МАЭ в декабре 1911 г., однако Открытый лист был возвращен в Императорскую Археологическую комиссию только в январе 1914 г. (АИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74. 1908. Л. 26).

Современным исследователям может показаться примечательным тот факт, что Открытый лист был выписан не лично исследователю, а на организацию в целом, однако это являлось нормальной практикой Императорской Археологической комиссии. В различные годы Открытые листы запрашивали и получали, например, Новгородское общество любителей древностей, Ярославская и Саратовская Архивные учёные комиссии, Кубанский областной статистический комитет, Тверской историко-археологический музей, Императорское Русское Географическое общество. Общество исследователей Волыни и другие государственные и общественные организации.

В ходе работ летом 1911 г. было исследовано 17 курганов. В археологический фонд МАЭ поступила коллекция находок, включающая в себя 32 порядковых номера, в общей сложности 166 предметов (Колл. №1849) (Приложение 3), кроме того, в антропологический фонд было передано 4 черепа (Колл. №1848). Л. А. Васильевым были предприняты также раскопки 16 обставленных камнями курганов у деревни Селище того же Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии. Материалы этих раскопок также переданы в археологический фонд (Колл. №1849), а восемь черепов в антропологический фонд МАЭ (Колл. №1848).

Коллекция антропологического материала была проанализирована

старшим научным сотрудником отдела антропологии С. Л. Санкиной в её работе, посвящённой этнической истории средневекового населения Новгородской земли (Санкина, 2000): пять черепов интерпретированы как принадлежащие мужчинам молодого и зрелого возраста, а определение других останков оказалось затруднено их плохой сохранностью, отсутствие документации не позволило разделить коллекции, полученные при раскопках Логовещенского и Селищенского кладбищ.

К сожалению, вероятно, в силу своей недостаточной подготовленности к проведению археологических работ представленные Л. А. Васильевым отчёты дают лишь самое общее представление о погребальном обряде памятников и исследованных им объектах, «добытые раскопкой» вещи также описаны суммарно, без разделения на отдельные комплексы, что существенно затрудняет работу с ними.

Из сохранившегося краткого описания следует, что в состав, по-видимому, курганно-жальничного могильника у деревни Логовеще входило значительное число погребальных насыпей круглой и овальной формы. Их высота достигала 1 м, а диаметр колебался от 2 до 3 м, вокруг основания каждой насыпи располагалось несколько валунов. По мнению автора раскопок, в южной части кладбища находились более древние захоронения, на это указывали степень сохранности скелетов и распределение находок. Все погребения были совершены в могильных ямах глубиной до 1 м. Прослойка древесного тлена толщиной около 1 дюйма (вероятно, остатки сгнившего гроба) была прослежена лишь в одном случае. Скелеты лежали головами на запад, северо-запад или север северо-запад, положение рук описывается автором раскопок как «различное». Во всех могилах в слое земли на пол-аршина выше захоронения находились неорнаментированные фрагменты керамических сосудов, по всей видимости не считавшиеся раскопщиком достойными внимания находками и не взятые поэтому в коллекцию.

Представляется целесообразным подойти к коллекции находок из раскопок Л. А. Васильева как к своеобразному закрытому комплексу и после рассмотрения отдельных категорий и типов вещей попытаться, возможно более узко, датировать памятники в целом. Такой подход обусловлен степенью документированности раскопок и характером коллекции, при наличии разработанной хронологии Новгородских древностей X—XV вв.

Итак, хранящийся под №1 витой трёхпроволочный петлеконечный браслет, так же как и аналогичные ему обрубленноконечные браслеты, широко распространены в самом средневековом Новгороде и за его

пределами на всей территории средневековой Новгородской земли. Их датировка несколько отличается от обрубленноконечных, петлеконечные появляются в середине XI в. и бытуют на протяжении всего XII и XIII вв. (Лесман, 1990: 80).

Проволочные височные кольца небольшого диаметра с разомкнутыми или слегка заходящими концами, изготовленные из проволоки круглого сечения (№6), датируются по новгородским материалам серединой XI концом XIII вв. (Лесман, 1990: 69). Аналогичные височные кольца, изготовленные из проволоки, частично или полностью прямоугольного или ромбического сечения появляются позже — после 1116 г.

Стоит обратить внимание на круглую серебряную тиснёную подвеску диаметром около 4 см с приклепанным ушком (№7) (Рис. 4; 7). Подвеска украшена ложно-зернёным бордюром по краю и семилепестковой композицией в центре, лепестки отделены один от другого овальными выпуклостями. Аналогичные круглые серебряные подвески — украшения, не представленные значительными сериями. Подобные им были найдены в ближайших окрестностях Логовещенского погоста при раскопках слушателями Московского Археологического института (Данилов, 1880: 17) курганно-жальничного могильника у деревни Палицы Узьминской волости, находящегося в 35 км к северо-западу от Логовещенского погоста (ныне Плюсский район Псковской области) и в уже несколько раз упоминавшемся выше кургане 16 некрополя Которск III. Несколько более отдалённая аналогия — пять круглых «больших оловянистых или свинцовых блях с орнаментом в виде розетки» (Спицын, 1903: 66—67, табл. XXIV, 22), они происходят из второго женского захоронения в жальнике №55 кладбища на левом берегу реки Плюсы, у деревни Большие Поля.

Несмотря на отсутствие большой серии аналогичных изделий, данная подвеска может быть датирована на основании композиционного решения орнамента. Круглые привески диаметром более 33 мм и выделенной центральной орнаментальной зоной появляются в Новгороде в начале 60-х гг. XII в., их верхняя дата сложно определима, возможно, 40-е гг. XIV в., это же время — верхняя граница бытования всех круглых подвесок с изображением в центре многолепестковой или лепестково-тычковой розетки.

В тексте своего отчёта Л. А. Васильев пишет, что им были найдены четыре головных украшения из серебряных бляшек различных видов, указывая число бляшек в каждом венчике. Однако реконструировать каждый венчик довольно сложно — число бляшек в коллекции не соответствует их числу в отчёте.

Всего в коллекции находится 162 бляшки от головного венчика и небольшое количество их обломков, все они могут быть поделены на шесть видов в зависимости от формы украшения. Подавляющее их большинство изготовлено в единой технике (159 целых экземпляров и несколько фрагментов) отштампованы из тонкого серебряного листа, почти фольги, и позолочены с наружной стороны, для крепления близко к краю шилом или каким-то аналогичным орудием проделаны дырочки круглой или слегка удлинённой формы, заусеницы с внутренней стороны не убраны. Некоторые бляшки имеют следы ремонта в виде повторно проделанных отверстий, очевидно, взамен повреждённых при ношении. Оставшиеся три бляшки (по всей вероятности, в уборе их было больше) представляют собой литые из свинцово-оловянистого сплава изделия, с отверстием в центре, в которое вставлялись стеклянные вставки — сохранилось пять бирюзовых и одна почти чёрного цвета (№28) (Рис. 4; 25); с внешней стороны вокруг отверстия отлит поясok ложной зерни (№21) (Рис. 4; 21).

Треугольные бляшки гладкие (№17, 18), украшены по краю пояском из тиснёных прямоугольников (Рис. 4; 17) и грубым подражанием зерни (Рис. 4; 18), более крупные — с растительным орнаментом (№10) (Рис. 4; 10). Квадратные бляшки также различны по размеру, более крупные с выделенной выступающей центральной зоной (№13) (Рис. 4; 13), в центре которой часть из них имеет квадратное отверстие (№12) (Рис. 4; 12), а те, что меньше по размерам, выпуклые с гладкой центральной частью (№11) (Рис. 4; 11) и с узким прямоугольным выступом в центре (№16) (Рис. 4; 16). Прямоугольные бляшки с отверстием в центре (№15) (Рис. 4; 15) и без него (№14) (Рис. 4; 14), их поверхность покрыта неглубокими вдавленными взаимно перпендикулярными полосами. В коллекции также имеются узкие вытянутые бляшки полукруглого сечения (№19) (Рис. 4; 19). Последний вид серебряных позолоченных бляшек — мелкие, круглые и овальные (№22 и 23) (Рис. 4; 22, 23), именовались в трудах исследователей конца XIX — начала XX вв. «дробницами».

Тиснёные нашивные бляшки, в том числе и от головных венчиков, появляются, судя по новгородским материалам, в первой четверти XI в. и бытуют вплоть до 80-х гг. XIV в. В самом Новгороде эти украшения немногочисленны, как и в погребальных памятниках Новгородской земли (Седова, 1981: 153—155, рис. 60; 2, 5).

По всей вероятности, головной венчик, украшенный штампованными серебряными позолоченными бляшками, был найден при раскопках Г. Р. Шмидта в 1884 г. в могиле №2 кладбища близ деревни Житковицы

Бельско-Сяберской волости Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии. Намогильное сооружение имело круглую форму диаметром около 2 м и было обставлено по периметру крупными камнями. В могиле глубиной около 1 м был исследован скелет, лежавший вытянуто на спине, головой на запад, с руками, скрещёнными около таза. У черепа в районе левого уха были найдены бронзовая серьга, «кругом лба 10 четырёхугольных и 5 изогнутых, и 8 круглых серебряных украшений», вероятно, ниже цепочка, на руках три бронзовых пластинчатых браслета: один на правой руке и два на левой (Шмидт, 1886: 615—616).

С территории Ижорского плато из раскопок Л. К. Ивановского происходит несколько аналогичных нашивных тиснёных серебряных позолоченных бляшек прямоугольной, подквадратной, круглой формы, с отверстиями или без них, а также аналогичные по технике изготовления бляшки в виде буквы «Ж» (Спицын, 1896: 18, табл. XII, 4—6). Анализируя публикуемый материал, А. А. Спицын пишет, что, по словам Л. К. Ивановского, головные венчики со штампованными бляшками были встречены всего лишь в шести-восьми погребениях.

Прямоугольные, треугольные и мелкие круглые выпуклые бляшки от головного венчика найдены Н. Ф. Щитниковым при раскопках курганного или курганно-жальничного могильника на территории Лужского полигона в 1912 г., краткое описание памятника, отдельных погребений и рисунки находок сохранились в картотеке А. А. Спицына (АИИМК. Ф. 5. Д. 741. Л. 58), прямоугольные головные штампованные серебряные позолоченные бляшки, нашитые на матерчатую основу, были найдены во время исследований Н. Ф. Щитникова в могилах №30, 31, 35 некрополя на Большом Ретенском озере (Щитников 1913: 58; см. также: АИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 740. №37—66. Л. 78—80)³⁰.

В Верхнем Полужье расшитые штампованными бляшками головные украшения встречены в нескольких погребениях. Дважды они были найдены Л. Н. Целепи в 1900 г. при раскопках кургана 47 во второй группе у дер. Лихорева Горка Передольской волости Лужского уезда (АИИМК. Ф. 1. 1900. Д. 92) и в расположенном на противоположном берегу р. Луги кладбище у дер. Бор (Там же). Вещи из этих раскопок были переданы в Новгородский музей согласно отношению №888 от 12 мая 1901 г. и оказались частично утраченными и депаспортизованными во время Второй Мировой войны.

Нашивные серебряные позолоченные накладки от головного венчика были найдены при спасательных раскопках нарушенного карьером жальничного погребения в дер. Батецко. Различные квадратные,

ромбические и круглые бляшки, «украшенные несложным растительным орнаментом», найдены на черепе погребённой (Пронин, 1978: 2—3). Наибольшее число захоронений с тиснёными позолоченными бляшками от головных венчиков было найдено при исследовании курганно-жальничного могильника у дер. Раглицы. Они были найдены в шести захоронениях, исследованных Г. Н. Прониным в 1988—1989 гг.

Аналогичные треугольные, квадратные и мелкие круглые бляшки, фрагменты ткани от ещё одного венчика были найдены А. В. Арциховским в погребении 1 в кургане 51 средневекового древнерусского курганного могильника у дер. Хрепле. Судя по положению бляшек в погребении, «на черепе по вертикали от темени к углу челюсти», «под виском» и «у левого плеча» (Арциховский, 1930: Л. 18), украшена была лишь налобная часть головного убора. Исследователю удалось зафиксировать порядок расположения накладок: «квадратная, треугольная, три маленькие круглые в ряд, треугольная, квадратная, малая круглая, треугольная»; других находок в погребении не было (Там же).

Несколько квадратных, треугольных и мелких круглых бляшек было найдено в составе головного венчика в кургане 8 курганно-жальничного могильника Удрай II в 1980 г. (Платонова, 1981; Платонова, дисс...: рис. 46). Они также располагались в районе лба, украшая лишь переднюю часть головного убора.

Лишь однажды аналогичные тиснёные бляшки были найдены не на черепе и вокруг него, а ниже — в районе шеи погребённой. В Вологодской области в захоронении А. В. Никитиным было найдено шейное украшение, расшитое серебряными позолоченными тиснёными бляшками прямоугольной и круглой формы (Никитин, 1969). Исследователю удалось проследить порядок чередования бляшек — прямоугольные бляшки с отверстиями и вставками из цветного стекла отделялись друг от друга пришитыми одна над другой мелкими круглыми бляшками-«дробницами».

Можно предположить, что несмотря на широкую дату бытования тиснёных нашивных бляшек в целом, украшенные изготовленными по этой технологии бляшками головные венчики были популярны в XIII и, что менее вероятно, XIV вв., и в силу каких-то причин они не получили широкого распространения. За пределами Новгородских территорий аналогичные бляшки известны на землях «Чёрной Руси».

Последние из находящихся в коллекции ювелирных изделий три бронзовые трапециевидные привески, украшенные циркульным орнаментом (№25—27), могли крепиться как к височным кольцам, так

и входить в состав нагрудных или поясных подвесок (Рис. 4; 25—27). Трапециевидные привески — очень распространённое украшение среди сельского населения Новгородской земли. Не имеющие нижней даты по собственно новгородским материалам, они встречаются уже в самых ранних погребениях по обряду трупоположения, датируемых серединой XI в.; верхняя дата их бытования в уборе — конец XIII в. (Лесман, 1990: 62).

После исследования погребальных памятников населения Логовещенского погоста Л. А. Васильев раскопал ещё несколько курганов, находившихся невдалеке от деревни Селище того же Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии. В своем отчёте Л. А. Васильев пишет: «Курганы имели вид почти правильных прямоугольников, обложенных большими или мелкими камнями, прилегающими друг к другу. Высота таких насыпей $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ арш., длина от 2 и $\frac{1}{2}$ до 3 и $\frac{1}{4}$ арш. и ширина 1 и $\frac{1}{2}$ — 2 арш. Насыпи находятся на близком расстоянии одна от другой. Часто ещё встречаются насыпи длиной до 3 — 4 арш., разделённые по ширине одним или двумя рядами камней. Всех курганов около 40 и насыпи их не тронуты» (Отчёт о раскопках Л. А. Васильева за 1911 г., хранится вместе с описью колл. №1849).

Всего было вскрыто 16 погребальных сооружений. Почва, из которой были сооружены насыпи, песчаная, материк также песок. Под каждой насыпью в могильных ямах на глубине от 1 до 1,5 м от поверхности найдены захоронения. Костяки сохранились лучше, чем в захоронениях у дер. Логовеще, и в коллекцию антропологического материала было взято восемь черепов. Погребённые были обращены головами на северо-запад, запад и юго-запад, положение костей рук разнообразное. В могилах встречался древесный уголь, а в двух из них и глиняные черепки. В одном случае черепки были разбросаны по всему слою над костяком, а в другом пять-шесть черепков лежали в одном месте и могли представлять собой остатки находившегося здесь сосуда. Фрагменты обоих сосудов отсутствуют в коллекции. Из всех погребений только в трёх «нашлись незначительные украшения: 3 серьги, 2 глиняных пряслица и 4 обломка ожерелья» (Там же).

Выделение из общего состава коллекции находок, сделанных при раскопках курганно-жальничного могильника у дер. Селище, несколько затруднено терминологией автора работ. Если указываемые 3 серьги и 2 глиняных пряслица могут быть надёжно соотнесены с многобусинными и проволочными височными кольцами большого диаметра (которые могут быть дужками многобусинных височных колец, утративших бусины) (№2 —4 соответственно) и шиферными пряслицами (№8, 9), то не вполне

понятно, что такое «4 обломка ожерелья», вряд ли ими могут быть две сердоликовые бусины (№31, 32) (Рис. 4; 31, 32), других же бус в данной коллекции нет.

Датировка исследованных у дер. Селище захоронений затруднена недостаточной документированностью и малочисленностью находок. Многобусинные височные кольца появляются в культурных напластованиях Великого Новгорода в самом конце XIII в., верхняя дата их бытования не определима (Лесман, 1990: 70); эти украшения — одна из наиболее поздних серийных находок в погребальных памятниках.

Таким образом, по материалам раскопок Л. А. Васильева, исследованные захоронения могильника у дер. Логовеще можно датировать XIII в., возможно, вплоть до первой половины XIV в., как и кладбище средневекового населения Логовещенского погоста в целом, не сохранившееся до настоящего времени. К сожалению, составленная исследователем полевая документация не позволяет сделать более точных хронологических выводов; полевые обследования культурных напластований средневекового Покровского Логовещенского погоста, возможно, позволят скорректировать эту дату.

Представленные в коллекции находки дают возможность утверждать, что население Логовещенского погоста следовало «городской» моде, их костюм и убор включал в себя как регулярно поступавшие на протяжении указанного периода изделия новгородских ремесленников, так и импортные украшения. Погребения у дер. Селище, по всей видимости, были совершены позднее, однако имеющиеся материалы, точнее их невычленимость из общего состава коллекции, не позволяют сделать какие-либо более точные выводы.

Источники и библиография:

Арепьев Н. Ф. О раскопках г. Статского сов. Н. Ф. Арепьева в Лужском уезде СПб губернии // АИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1900. №119.

Арциховский А. В. Раскопки курганов близ с. Хрепле Черновского района Новгородского округа на правом берегу реки Хрепелки // АИИМК РАН. Ф. 2. Д. №274. 1929.

Арциховский А. В. Описание раскопок Курского городища и Хрепельских курганов. 1930 // АИИМК РАН. Ф. 2. Д. 213.

Асташова Н. И. Усадьбы Древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово. М. 1991. С. 21—49.

Данилов И. Г. Раскопки слушателями Института курганов в Гдовском и Лугском уездах Санкт-Петербургской губ. и в Валдайском уезде

Новгородской губ. (Из летних экскурсий слушателей в 1878—1879 академическом году) // Сборник Археологического института. СПб, 1880. Кн. 3. Отд. I. С. 20—41.

Книга записей Софийской пошлины, 1576—1577 // ОР РНБ. Сов. 154о.
Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954.

Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.

Лесман Ю. М. К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI—XIV вв. // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1989. Вып. 2. С. 82—87.

Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990.

Лужский округ Ленинградской обл. Материалы по учету археологических памятников // Архив ИИМК РАН. 1931. Ф. 2. Оп. 1. №105.

Никитин А. В. Раскопки 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 3980.

Переписная книга помещичьих, вотчинных и монастырских крестьян, церковнослужителей Шелонской пятины Новгородского уезда переписи Дм. Тим. Аничкова, 1706—1707 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8575. Л. 93 об.

Писцовая книга Шелонской пятины письма М. И. Валуева, 1498 // Новгородские писцовые книги. СПб. б/г. Т. 5.

Платонова Н. И. Раскопки в Верхнем Полужье // АО 1980 г. М., 1981. С. 25—26.

Платонова Н. И. Погосты по археологическим данным: Дисс. ... канд. ист. наук // АИИМК РАН. Ф. 35. Д. Оп. 2. Д. 419, 420.

Подлинная писцовая книга поместных, монастырских и церковных земель Шелонской пятины письма писца Л. Аксакова, 1582 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 957. Л. 417.

Пронин Г. Н. Отчёт о работе Новгородского отряда в 1977 г. // Архив ИА РАН.

Рябинин Е. А. Зооморфные украшения древней Руси X — XIV вв. // САИ. Л., 1981. Т. Е 1—60.

Санкина С. Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб, 2000.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.

Список с дозорной книги поместных, вотчинных и пустопорозжих земель Шелонской пятины Залесской половины письма и дозора В. Волконского и В. Андреева, 1628—1629 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 800.

Спицын А. А. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // Материалы по археологии России. СПб, 1896. №20.

Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. СПб, 1903.

Фехнер М. В. Золотное шитье Владимиро-Суздальской Руси // Средневековая Русь. М., 1976.

Шмидт Г. Р. Могилы Шелонской пятины Новгородской земли // Известия Императорского общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. М., 1886. Т. XLIX. Вып. 3—5.

Щитников Н. Ф. Труды Псковского археологического общества. Псков, 1913. Вып. 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Рис. 1. Коллекция №1807. №3 — серебро, №1, 4, 21 — бронза, №18, 22 — стекло

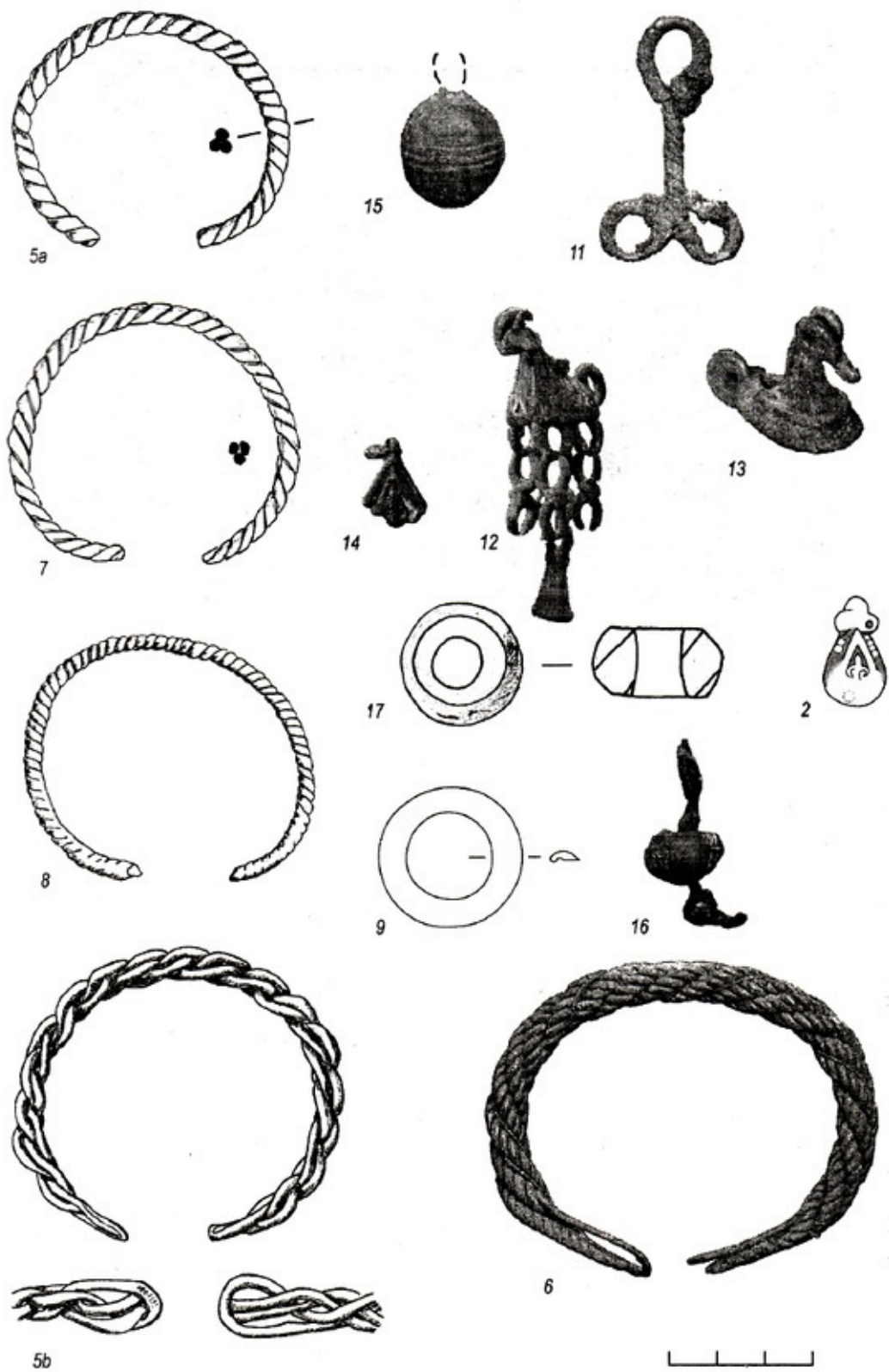

Рис. 2. Коллекция №1807. №2, 5а-в, 6—9, 11—16 — бронза; №17 — розовый шифер

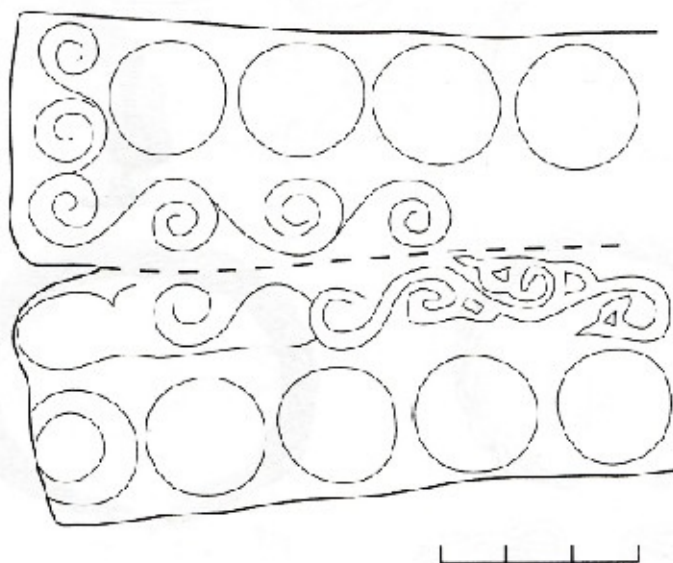
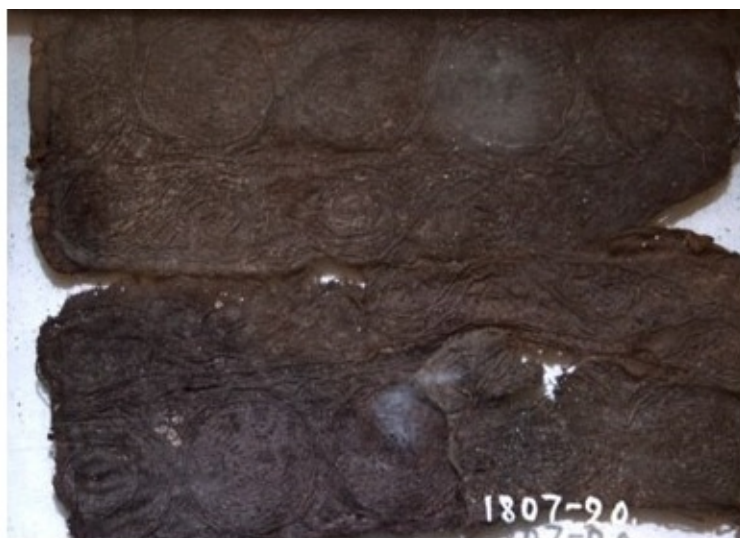

Рис. 3. Коллекция №1807. Воротничок

Опись находок и датировка коллекции № 1807

№ п/п	Название предмета	Датировка		
		Иллюстрации в: Спицын, 1896	Дата	Итоговая дата
1a-b	Браслет пластинчатый обрубленноконечный, средней ширины	I, 9	до 1369	1197–1281 гг.
2	Щиток от браслета (?)	I, 29	1025–1313 гг.	
3	Височные кольца ромбоцитковые; в 9 фрагментах; щитки двух изделий орнаментированы		1134–1281 гг.	
4	Браслет пластинчатый обрубленноконечный, средней ширины, со спирально свёрнутыми концами	I, 6	1177–1369 гг.	
5a	Витой трёхпроволочный обрубленноконечный браслет	13, I, 23	1076/1096– 1313 гг.	
5b	Браслет петлеконечный, плетёный из четырёх проволок	I, 20	после 1196 г.	
6	Браслет петлеконечный, плетёный из трёх двойных проволок с перевитием тонкой двойной проволокой	I, 20	после 1196 г.	
7–8	Витые трёхпроволочные обрубленноконечные браслеты	13, I, 23	1076/1096– 1313 гг.	
9	Кольцо поясное неорнаментированное	V, 22	1025–1369 гг.	
10	Широкосрединный перстень с несомкнутыми концами	II, 1 II, 4	до 1313 г., 1076–1313 гг.	
11a	Петля в три ушка медная с остатком ремешка			
11b	Игла			
12	Зооморфная привеска	III, 1	1161–1382 гг.	
13	Зооморфная привеска	III, 1	1161–1382 гг.	

14	Привеска в виде лапки водоплавающей птицы	III, 35	после 1161 г.	
15	Бубенчик шаровидный линейнопрорезной с тройным рельефным пояском	III, 9	1076–1299 гг.	
16	Пуговица деревянная на кожаном ремешке			
17	Пряслице из розового шифера			
18	Битрапециоидная бусина из глухого чёрного стекла с жёлтой волной			
19	Фрагмент ткани			
20	Фрагмент нашивного воротничка			
21	Бусы бочонкообразные литые	VII, 1	после 1076 г.	
22	Бусы шарообразные стеклянные: прозрачные желтоватые и глухие синие			

Приложение 2

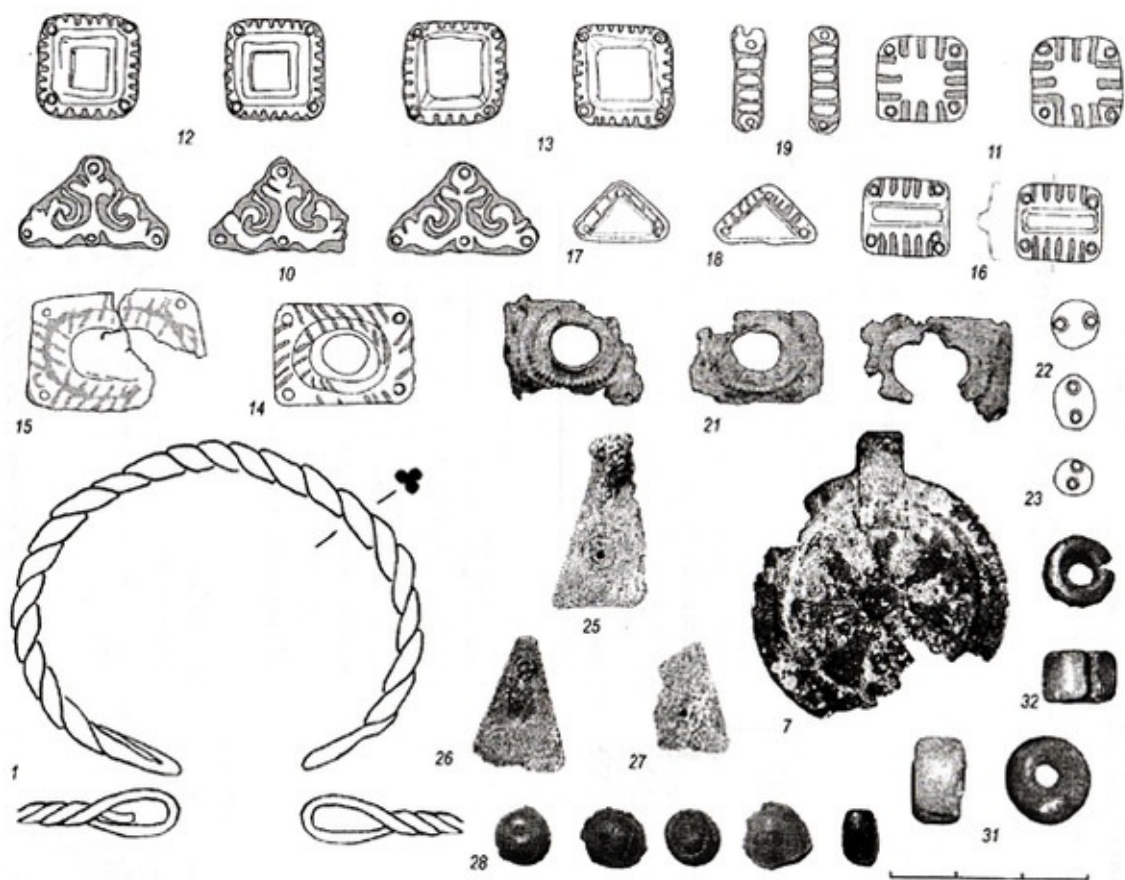

Рис. 4. Коллекция №1849. 1, 25—27 — бронза; 7, 14—15 — серебро; 10—13, 16—19, 22—23 — серебро, позолота; 21— свинцово-оловянистый сплав; 28 — стекло; 31—32 — сердолик (янтарь —?)

Опись находок и датировка коллекции № 1849

№ п/п	Название предмета	Датировка	
		Иллюстрации в: Спицын, 1896	Дата
1	Витой трёхпроводочный петлеконечный браслет	I, 24	1055–1396 гг.
2	Височное кольцо многобусинное	IV, 4	после 1281 г.
3	Дужка многобусинного височного кольца		
4	То же без шариков		
5	Проволочное перстнеобразное височное кольцо		
6	Проволочное перстнеобразное височное кольцо	IV, 1	1055–1299 гг.
7	Орнаментированная подвеска в виде круга с ушком для подвешивания	III, 16	после 1161 г.
8	Шиферное пряслице		
9	Шиферное пряслице		
10/14	Набор позолоченных серебряных бляшек с выдавленным орнаментом, треугольной формы, с четырьмя отверстиями для прикрепления	VI, 1	1025–1382 гг.
11/14	То же, четырёхугольной формы		
12/10	То же, той же формы, но с квадратными отверстиями посередине		
13/5	То же, типа №11, с другим орнаментом		
14/8	То же, с круглым отверстием посередине, прямоугольной формы		
15	То же, той же формы, без отверстия		
16/11	То же, прямоугольной формы, с иным орнаментом		
17/19	То же, треугольной формы, с орнаментом по краям.		
18/21	То же, той же формы, с орнаментом иного рода		
19/15	То же, гусеничнообразной формы		
20/4	Обломки серебряных бляшек		
21/3	Толстые серебряные (?) бляшки, прямоугольной формы с выпуклым орнаментированным овалом на лицевой стороне и круглым отверстием посередине последнего		
22/12	Золочёные серебряные бляшки полусферической формы, с двумя отверстиями для крепления	VI, 1	1025–1382 гг.

23/11	То же, меньшего размера		
24	Серебряная бляшка круглой формы с выпуклым орнаментом (повреждена)		
25	Подвеска трапецевидная с циркульным орнаментом	III, 12	до 1299 г.
26	Подвеска трапецевидная с циркульным орнаментом		
27	Подвеска трапецевидная с циркульным орнаментом		
28	Стеклянные вставки от бляшек венчика		
29	Бляшка золотая плоская, диаметр 3,5 см		
30	Обломок бронзовой выпуклой бляхи, диаметр 3,8 см		
31	Буса сердоликовая		
32	Буса сердоликовая		

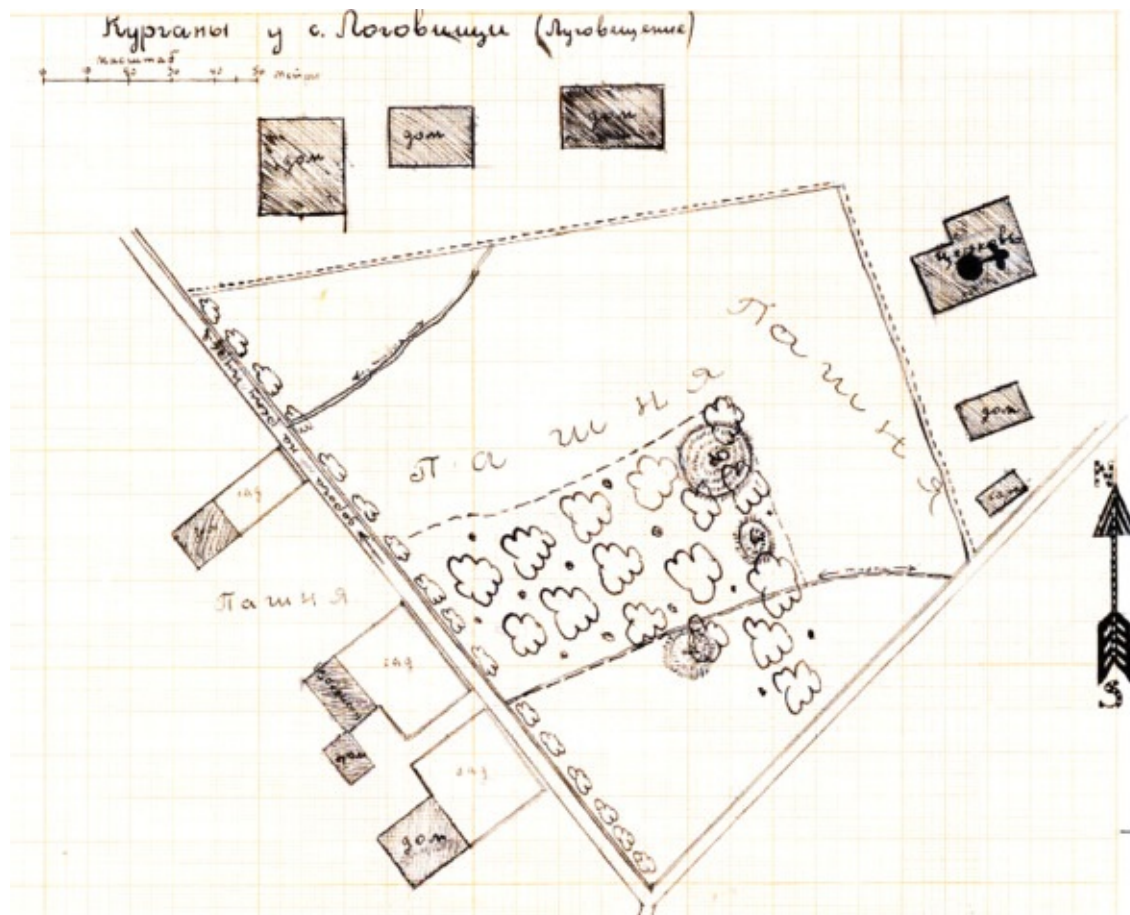

Рис. 5. План курганной группы у с. Логовец. Составлен А. Иессеном в 1927 г.

Рис. 6. Курган в с. Логовеще. Рис. Н. Н. Чернягина. 1931 г.

Иессен А. А.

Отчёт О палеоэтнологических разведках в Лужском и Кингисеппском уездах Ленинградской губернии

Текст приводится по оригиналу, хранящемуся в Архиве института истории материальной культуры РАН:

АИИМК Ф.2. Оп.1. Д.109, 1927 г. Л.4—20, 45—59.

I. Разведка в районе станции Струги Красные С.-Зап. ж.д. июль — август 1926 г.

Отбывая летом 1926 г. учебный сбор в Красноармейском лагере у платформы Владимирский Лагерь, я имел возможность в свободные вечера осмотреть ближайшие окрестности лагеря в целях выяснения и регистрации сохранившихся в районе археологических памятников.

Границы осмотренного района следующие: к северо-западу от ст. Струги-Красные озеро Долгое (оно же Песчаное, Пещино, Белое), далее по прямой линии на юго-запад — проходящий приблизительно в $\frac{1}{2}$ — 1 версте к западу от мызы Холохина и от дороги мыза Холохина — дер. Горушка. Не доходя последней, граница поворачивает на запад, захватывая дер. Исаково и Щаница и достигает озера Шутово. Далее к югу захватывается дер. Тужерино (по 3-х вёрстной карте: Тужирино) с ближайшим окружением, затем высокий скат южнее дер. Перехожа и до железной дороги, обращённой к югу, к долине р. Осотни и прилегающей к нему с юга пониженной местности. Перейдя железную дорогу по ручью Осотня, граница выходит на р. Курею, захватывает лежащий на её правом берегу Южный лагерь и прибрежную полосу от лагеря вниз примерно на 4 версты, включая линию резко поднимающихся высот. Далее на северо-запад граница выходит на дорогу, идущую из мызы Холохино на юго-запад. Не доходя 1 версту железнодорожного переезда, граница поворачивает параллельно железной дороге на северо-восток, захватывает посёлок при ст. Струги-Красные, оз. М. Линно (или Чёрное)

и от него поворачивает снова на северо-запад к озеру Долгому.

В пределах указанного района вся площадь была осмотрена более или менее полно, так что можно полагать, что все заметные на поверхности памятники старины обнаружены. Осенью 1927 г. (3 октября) был замкнут неосмотренный участок к юго-западу от ст. Струги-Красные (в пределах вышеуказанных границ).

Характер местности в осмотренном районе: севернее ст. Струги-Красные сухой сосновый лес. К юго-западу от станции, до района мызы Холохино включительно почти сплошь распаханная ровная открытая местность. Далее к югу низменный болотистый лес, с вкрапленными за последние годы новыми хуторами. Затем сухая пересечённая местность, постепенно поднимающаяся с севера на юг и затем обрывающаяся довольно круто к долине р. Осотни.

К востоку от железной дороги — высокая сухая местность тянется вдоль р. Курей, в то время как между ней и железной дорогой расположена болотистая и лесистая низменность. Вся эта часть в настоящее время входит в территорию полигона и не имеет постоянного населения.

Последнее группируется к западу от железной дороги в районе к югу от р. Исаковки. Только в последние годы начинается расселение к северу в низменной лесистой полосе между мызой Холохино и р. Исаковкой.

Палеоэтнологические памятники, в виде курганных групп и жальников, встречены были исключительно к западу от железной дороги в районе современных деревень Тужерино — Перехожа — Горушка. К северу от них, в болотистой полосе, они отсутствуют. В районе мызы Холохина — сел. Струги-Красные, сплошь почти распаханном, сохранившихся памятников не обнаружено. Район озёр Долгого и М. Линно, а также вся осмотренная местность к востоку от железной дороги лишена всяких следов древней жизни, хотя, например, в районе р. Курей естественные условия для неё были вполне благоприятными.

Таким образом для данного района по-видимому подтверждается положение о большой стойкости мест поселения, располагающихся и сейчас на местах, занимавшихся во времена русской колонизации.

Всего в указанном районе обнаружено 7 групп древних погребений.

Группа №1 — в 1 ½ км от платформы Владимирский Лагерь — по дороге в мызу Холохина и Струги и севернее дер. Горушка — 31 курган.

Группа №2 — у будки «199-я верста» (теперь будки получили нумерацию по километрам) — 14 курганов.

Группа №3 — между дер. Горушка и Перехожа — 7 курганов.

Группа №4 — дер. Перехожа — жальник.

Группа №5 — дер. Тужерино — жальник.

Группа №6а — в 600 м к северу от дер. Тужерино — 18 погребений.

Группа №6б — в 1 кил. к северу от дер. Тужерино — 12 курганов.

Всего 82 кургана

и 2 жальника

Мест поселения обнаружено не было.

Перехожу к описанию отдельных групп:

Группа №1. Расположена в сосновом лесу у соединения дорог Горушка — мыза Холохина и пл. Владимирский Лагерь — мыза Холохина. Курганы расположены несколькими группами по более высоким местам. Часть курганов раскопана. Грунт всюду песчаный. Обкладки камнями нигде не обнаружено.

№	План	Насыпь	Высота ¹ , м	Периметр ² , шагов	Диаметр, шагов	Ровики	Примечание
1.	круглый	плоская	ок. 0.7		9	кольцевая канавка	половина уничтожена дорогой
2.	удлинённый		ок. 0.8		14 и 8-9	есть	не копан
3.	круглый	довольно крутая	ок. 1.9	58	18.5	есть, глуб. 0.3	вершина скрыта раскопом (яма наверху)
4.			ок. 2	56	18	есть, глуб. 0.3	м.б., копан
5.	удлинённый	плоская	ок. 0.6		20 и 12	есть	не копан
6.			низкий		20 и 10-12	незаметен	яма ниже горизонта в ней дерево 20 лет
7.	круглой				10		яма ниже горизонта
8.					6	следы	яма до горизонта
9.			ок. 0.7		8	следы	не копан
10.			ок. 0.8		12	есть	копан
11.	сохранились следы – по-видимому от разрытого кургана – яма и часть насыпи						
12.		плоская	следы возвышения		4-5	не заметен	не копан
13.	круглый	плоская	0.3		ок. 7	следы	не копан
14.			0.6		ок. 7		
15.			лёгкое возвышение		ок. 5	не заметно	
16.		отлогая	1.1	40	13	есть	м.б. копан
17.			1.7	54	17		не копан
18.		плоская	0.5		10	следы	
19.			0.4		6		
20.			лёгкое возвышение		4	не заметно	
21.	длинный	отлогая	до 1		20 и 5	круговой ровик	не копан, состоит какбы из 3 частей с/б//а; участок, а ниже, б и с выше
22.	круглый	отлогая	ок. 1.5	44	14	есть, глуб. 0.15	не копан
23.			ок. 1	38	12		
24.		плоская	ок. 0.3		ок. 8	следы	
25.		крутая	ок. 2	42	14	кольцевая канавка	не копан, порос деревьями

¹ Высота везде взята над материком, а не от дна ровика. У разрытых курганов – наивысшая сохранившаяся точка.

² Периметр взят по ровику, где он имеется.

26.		крутая	ок. 2	45	13.5	кольцевая канавка	на вершине малая ямка, порос деревьями
27.		отлогая	0.8		8	незаметно в виду близости насыпей	
28.	длинный		1.5		32 и 6- 8		вост. конец сверху срыт
29.	удлинённый	насыпь сливается,	0.9		14 и 6- 7		
30.	удлинённый	отлогая			18 и 10		
31.	круглый	на скате № 29	0.4		4		

Группа №2 из 14 курганов расположена с северо-западной стороны железной дороги у будки 199-й версты на высоком сухом месте. С востока к узкой полосе мелкого леса, в котором расположены курганы, примыкает выемка шириною в 200 шагов, сделанная по-видимому, при постройке железной дороги. С запада к самому месту расположения курганов вплотную подступила пашня. Таким образом не исключена возможность, что современные курганы являются лишь остатком более обширного могильника, вытянутого с запада на восток. Грунт — песок.

№	План	Насыпь	Высота, м	Периметр, шагов	Диаметр, шагов	Ровики	Примечание
1.	круглый	верх усечён. 2х2 м площадка	1.4	44	14	есть	не копан, тронут дорогой
2.		верх плоский	с N – 1.3 с W – 0.5	38	12	следы	не копан, расположен на скате
3.		отлогая	1.8 с O – 1.2	44	14	с N есть	расположен на скате
4.	?	сохранились следы возвышения 7–8 м диаметром					
5.	круглый	плоская	0.2	25	8	-	
6.			2.0	45	14	следы	небольшая ямка сбоку
7.			1.2	32	10		не копан
8.		плоская	0.4	26	8	незаметен	
9.			1.25	36	11.5	есть	на вершине стрелковый окопчик
10.		расплылась	0.6	34	10.5		не копан
11.		плоская	0.4	50	16	есть	
12.			1	40	13		не копан, западина сбоку
13.		плоская	0.4	32	10		с S сильно
14.			1.3	39	12.5	следы	повреждён дорогой

Примечание: никакой каменной обкладки не замечено

Группа №3 расположена на возвышенности в $\frac{1}{2}$ км к северу от дер. Перехожа, с восточной стороны от дороги Перехожа — Горушка. С востока к курганной группе подходит пашня, с запада возвышенность постепенно переходит в болотистую низину. Место, занятое курганами, является частью южной опушки лесков, расположенных между д. Перехожа и Горушка. Сейчас в этом месте можно установить 7 курганов; из них 4 совершенно разрушены.

Грунт — песок.

№	План	Насыпь	Высота, м	Периметр, шагов	Диаметр, шагов	Ровики	Примечание	
1.	круглый		0.6	26	8	незаметны	не копан, на нём дерево	
2.			в сохр. части 0.6	35	11	нет	разрыт	
3.	удлинённый		0.5		15 и 6-9		2 ямки; м.б. копан, порос деревьями	
4.	круглый		0.8	28-30	9		разрыт	
5.		расплывлась плоская	0.4	22	7	нет	не копан	
6.			0.6		8-9	нет	разрыт, яма ниже горизонта	
7.	?	следы возвышения						яма ниже горизонта

Примечание: обкладки камнями не обнаружено

Группа №4. На южной окраине дер. Перехожа, рядом с новым хутором и с полевой дорогой, идущей от западной оконечности деревни на проезжую дорогу Перехожа — будка «200-я верста», имеется небольшой соснячок, занятый сильно перерытым могильником типа жальника.

На поверхности имеется много валунов, ямок и т.п., но установить расположение могил представляется затруднительным. Лишь в 2 — 3 местах видна кладка валунов, образующая прямые углы. Следов круговой кладки не заметно. Сохранность могильника плохая и по-видимому он в скором времени будет совершенно уничтожен крестьянами.

Группа №5. Жальник. Расположен на вершине холма у восточной окраины дер. Тужерино, несколько севернее дороги Тужерино — Перехожа. Холм вытянут с севера на юг, с северо-запада к нему подступает болотистый луг, с юго-запада, юга и востока — пашня. По самому хребту расположено в меридиональном направлении несколько жальничных погребений (5 хорошо различимы, вероятно, ещё 1 или 2).

Тип погребения: круг из крупных валунов (до 1½ м), диаметром в 4—5 шагов. Некоторые валуны поставлены стоймя. Замкнутая валунами площадь образует едва заметное возвышение.

Вполне отчётливо устанавливаются могилы, отмеченные на плане № № I, II, III, V, VI — По-видимому могилой является и возвышение IV, очень сходное с остальными, но не имеющее в настоящее время венца из валунов. Ещё погребение быть может разрушено рядом с мог. VI в общем створе всех остальных могил. Скат этот к югу от № VI с поверхности сильно перекопан.

Группа №6а, расположенная в сосновом лесу, в $\frac{1}{2}$ км к северу от деревни Тужерино, состоит из 18 разнородных погребений, от круглого довольно высокого кургана (№18) до двойного концентрического круга из валунов на ровной поверхности (№10).

Группа со всех сторон окружена сосновым лесом. Местность довольно высокая, спускается на северо-запад к озеру Шутово, видимо от погребений 1 и 2 (северный конец группы). Почва песчаная.

Южная часть группы сильно перекопана — небольшие ямки и отдельные валуны затрудняют установление границ погребений. В этой части быть может имеются ещё другие погребения типа №10 (кольцо из валунов без насыпи) — но они не могут быть установлены поверхностным осмотром.

№	План	Насыпь	Высота, м	Диаметр, шагов	Ровики	Каменная кладка	Примечание	
1.	круглый	насыпи сливаются, плоская	0.9	8	канавка кольцевая есть		наверху яма	
2.			0.4–0.5	ок. 7		наверху круг камней диам. ок. 4, часть камней скатилась		
3.	овальный		0.6	9–7	следы	много камней на поверхности		
4.	круглый	вершина плоская	0.9	10	ряд ямок вместо канавки			
5.		насыпи сливаются	0.7	9	ямки		сверху яма	
6.			0.6	7		ряд мелких камней		
7.		насыпи почти сливаются	0.4	6				
8.			до 1	8-9				
9.			ок. 0.8	10			сверху яма	
10.		Насыпи нет – двойной круг из валунов (ок. 0.2 м в диаметре) Внешний круг – 2 м, внутр. 1 м в диаметре						
11.			0.8	9	ямки		сверху западина	
12.		вершина плоская	0.5	8				
13.			0.4	7		по периметру 2 больших камня и ряд мелких	посредине яма	
14.		плоская	до 0.3	8		кам. круг диам. 4-5		
15.		насыпи сливаются	0.6	6		остатки круга		
16.			0.6	6		остатки круга		
17.			0.4	6		несколько камней	яма посредине	
18.		отлогая	1.8	15 периметр 46	кольцевая канавка		глубокая яма наверху	

Группа 6b расположена в 400 шагах к северу от предыдущей, состоит из 12 курганов. Занимает она открытую площадку на северной оконечности

высоты, идущей от дер. Тужерино к северу. К западу от группы расположена болотистая низина озера Шутово; к северу постепенно понижающийся сосновый лес; с востока площадка обращена к узенькой полосе болота, отделяющей её от параллельной гряды, по которой проходит дорога из дер. Щаница в дер. Тужерино.

Почва песчаная.

Следует отметить расположение курганов №1—4, расположенных в створе, почти в строго меридиональном направлении (подобное же расположение — см. выше — жальник — группа №5).

№	План	Насыпь	Высота, м	Периметр, шагов	Диаметр, шагов	Ровики	Примечание
1.	круглый		0.8		19	кольцевая канавка	не копан
2.			0.8		13		сверху западина
3.		на склоне, отлогая	1.4, с N 2.3	46	14.5		с NO сверху яма, диам. 2 м глубина 1 м
4.		на скате	1.8, с N 2.25	54	17	глуб. 0.6	сверху западина
5.			1.5	42	13.5		не копан
6.	удлинённый		0.7	76	26-29 и до 12		не копан, южная часть шире северной
7.	круглый	на скате	0.4 с N 1.8	21	7	глуб. 0.5	сверху западина
8.			0.4		6	следы	не копан
9.			0.4		8		
10.			0.7		11	кольцевая канавка	
11.			0.5		ок. 8	следы	по-видимому, есть присыпка с вост. стороны
12.			1		ок. 10		сверху яма

За исключением перечисленных памятников в указанном районе не найдено ни целых памятников, ни отдельных предметов археологического значения.

Недостаточно детально осмотрена деревня Тужерино. Быть может в районе западной её части имеются ещё могилы.

(Отчёт о поездке в Осьминскую волость опущен).

III. Поездка в район ст. Новоселье С.-Зап. железной дороги 3—5 октября 1927 г.

Маршрут (Карта 3 в. в 1 дюйме — Р VI л. 7).

3 октября 1927 г. я выехал из г. Ленинграда на ст. Струги Красные. Отсюда прошёл пешком для осмотра участка к востоку от железной дороги между ст. Струги и платформой Владимирский Лагерь.

Со станции Владимирский Лагерь проехал на ст. Новоселье, куда прибыл в 5 ч. утра 4 октября.

4 октября я проехал через деревни Юдина — Усадище на Могутовский стекольный завод, откуда по новой дороге направился к дер. Смёхново — Заречье — Рожник. Осмотрев по пути несколько мест, представляющих археологический интерес, я к ночи вернулся на Могутовский стекольный завод.

5 октября пешком из Могутова вернулся на станцию Новоселье и ночью с 5 на 6 октября выехал обратно в Ленинград.

Район станции Новоселье и прилегающих деревень представляет собой часть гряды, с юго-востока примыкающей к низменной болотистой полосе, ограничивающей с юго-востока описанный в I главе. Гряда эта тянется от Новоселья в северо-западном направлении на дер. Серёдка — Смёхново — Шкварна.

Далее к северу примыкает более обширный пересечённый озёрный район, причём и озёра, и водные артерии сохраняют то же основное направление с С-З на Ю-В.

С Юго-Западной стороны гряда Новоселье — Шкварна опять граничит с болотистой полосой, в которой расположены Могутовский завод и дорога Могутово — Смёхново.

Палеоэтнологические памятники в описываемом районе расположены по упомянутой гряде и не встречаются в низменной полосе (это подтверждают, как наблюдения в осмотренной мною части низины, так и указания местных жителей).

В районе Могутовского завода памятников древности нет.

Учитель заводской школы Пётр Николаевич Ваучский, работающий в районе 8 лет, интересуется древностями и ещё более этнографией.

Мог бы способствовать делу охраны, в его районе жальник у дер. Заклинье.

В болотистой полосе от Могутовского завода до дер. Смёхново никаких древностей нет.

Дер. Смёхново. В западной части деревни, справа от дороги на дер. Шкварна, находится невысокий холм (ок. 5 м) с небольшой заколоченной часовней на нём.

Вокруг часовни расположен жальник. Видны остатки ок. 20 погребений. Камни на горизонте, видны прямые углы ограждений, тип погребений — прямоугольный, вытянутый.

Холм зарос сосняком.

Дер. Шкварна. В южной части деревни, слева от дороги из Смёхнова находится небольшое возвышение, поросшее старыми соснами. Здесь имеется множество камней от разрушенного жальника. В виду сильного дождя место более подробно не осмотрено.

Дер. М. Заречье (= Лисипки³¹) расположена ок. 1½ км южнее дер. Заречье (Б. Заречье), показанной на карте.

По дороге из М. Заречья в Заречье, ок. 600 м от северной окраины М. Заречья, расположены «могилы» — жальник.

В настоящее время могилы видны в 3-х пунктах:

1. на холме А плана (слева от дороги), поросшем крупными соснами и осинами (ок. 30 летнего возраста) — остатки ок. 20 могил;

2. среди пашни, в точке В плана (слева от дороги) остатки 1 или 2 могил;

3. на холме С плана (справа от дороги), поросшем густым мелким сосняком — остатки по-видимому, также около 20 могил.

Возможно, что в прежнее время могильник занимал всё пространство между холмами А и С, и что могилы в этом участке уничтожены вспашкой.

Все могилы по-видимому, однотипны: круги из валунов [от 50—80 см до 1 м длиной и диаметром] диаметром в 2—3 метра, в большинстве очень правильной формы. Почва внутри круга едва поднята, насыпи нет.

Сохранность могил хорошая, разрушений и порчи поверхности почти не заметно.

На север от д. Б. Заречье (в 1 км) расположена дер. *Сафронова Гора*. В 300 м от северного конца её на восток расположена небольшая горка, поросшая березняком — оставшаяся неосмотренной. Быть может там имеются могилы.

В деревне *Подол*, не посещённой мною, по словам жителей, имеется «заповедная» или «священная» роща с часовней (в 5 км на запад от дер. Шкварна).

Маршрут от Могутова на ст. Новоселье:

Имеющийся на южной окраине дер. Усадище с западной стороны от дороги на Загривье холм, на который мне указывали как на возможную сопку, оказался горкой естественного происхождения, образующей звено в цепи холмов, тянущихся поперёк гряды Усадище — Могутово.

С восточной стороны деревни Загривье имеется камень со следом ноги человека. По словам жителей «некоторые говорят, что это след Иисуса Христа». Об этом камне мне говорил учитель в Могутове, извозчик и в дер. Усадище. На месте камня показать не могли. За недостатком времени я его особо не разыскивал.

Дер. Камень расположена в 2 км южнее дер. Усадище. По словам жителей, на горе имеются камни или мѳгилы — я в деревне не был.

За деревней Загривье дорога на Новоселье проходит по узкому высокому хребту, с двух сторон ограниченному болотистыми низинами. Спускаясь с этого хребта, дорога поворачивает на восток, в погост *Заклинье* (на 3 в. карте дорога показана через д. Поречье; последняя остаётся в стороне). Приблизительно в 1 километре от погоста, не доходя его, у самого поворота на восток, дорога огибает невысокий холм, поросший густым орешником (на карте приблизительно место урочища Кресты). С юга от дороги низина, занятая пашней и среди неё крутой холм с сосняком на вершине. Холм естественного происхождения; следов могил на нём обнаружено не было.

Зато огибаемый дорогой двойной холмик (с северной стороны), оказался сплошь занятым обширным могильником.

Площадь могильника со всех сторон окружена пашней, местами видимо уже затронувшей и самые могилы (так в крайнем северном углу около сосны, с северо-восточной стороны южного холмика и с южной стороны, в прилегающей к дороге части). Дорога по-видимому проходит вдоль самой границы могильника, защищённого здесь естественным скатом.

Могильник в отличном состоянии. За исключением южной оконечности его (на плане IV) разрушений не заметно. В южной же части много разбросанных камней, м.б. происходящих с соседней пашни.

При общей площади могильника ок. 4000 м² и почти сплошной занятости его могилами, число последних во всяком случае не менее 200.

Типы могил в описываемом жальнике встречаются различные:

1). В северной части могильника (на плане I), по-видимому наиболее поздней, могилы плоские, с прямоугольным ограждением из валунов,

лежащих на горизонте, редко поставленных на ребро. Ориентировка преобладает С-З — Ю-В.

Размеры могил, наиболее обычные: ок. 2,5 м. длины и ок. 1¼ м. ширины. (см рисунки 8: 1, 2, 3).

2). В средней части (по плану II) — могилы круглые, разных типов.

а). Круг из валунов (диаметром обычно 1,50; 2,25; 3,50 м) на уровне почвы. Внутри круга засыпка из земли. Иногда засыпка только покрывает край валунов, иногда же поднимается и выше их.

В средней части участка II преобладают крупные круги, обложенные большими валунами, с высотой насыпи до 70 см.

В южной части участка — очень большие плоские (сравнительно) круги.

б). Насыпь, высотой ок. 0,70 м с венцом из валунов на вершине, диаметром ок. 1,50 м — Подобная насыпь найдена была только одна. Вершина её провалилась.

3). Южный холм (III на плане): могилы круглые типов тех же, что и на участке II; однако, нет ни самых крупных, ни самых высоких могил типа а). Отсутствует и тип б).

4). Южный край могильника — разрушен.

Заключение

Других палеоэтнологических памятников в указанном районе обнаружить не удалось.

Не получено также сведений о древних местах поселений и о находках каменных предметов.

А. Иессен

Ленинград

октябрь 1927 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

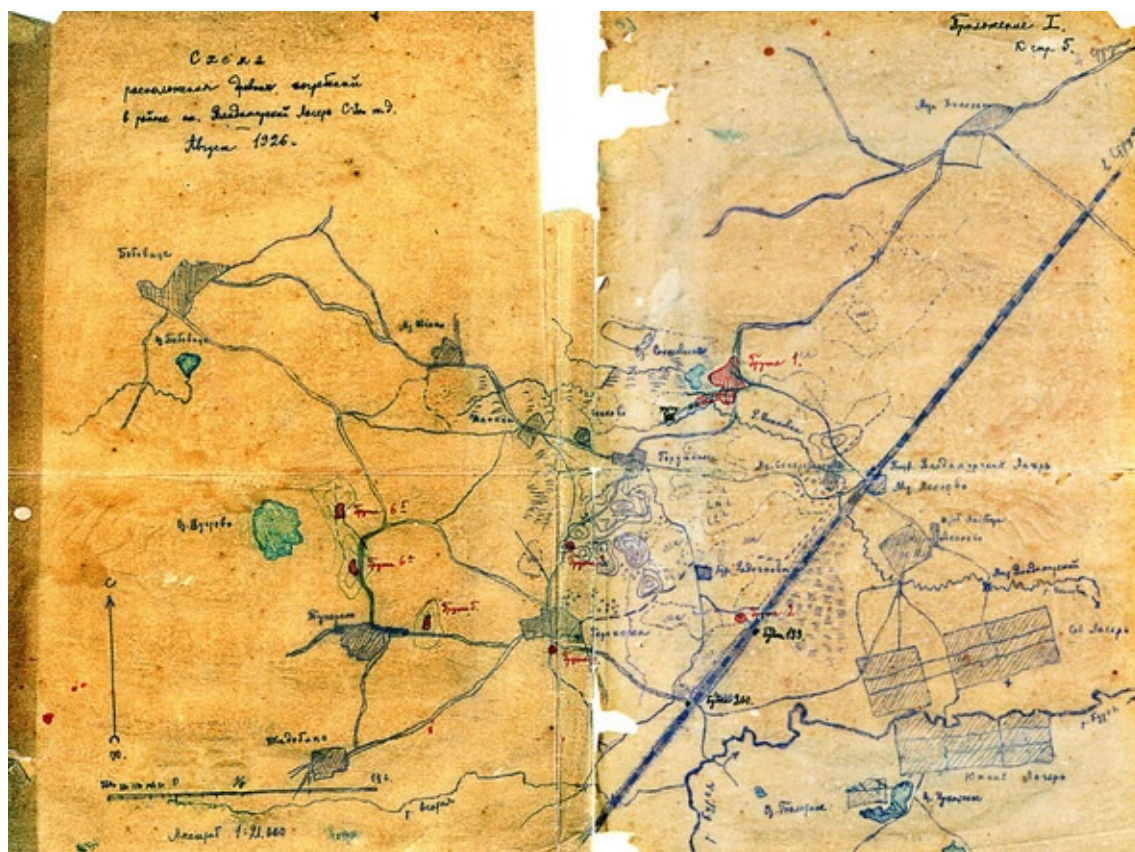

Рис. 1. Схема расположения памятников, составленная А. А. Иессеном, 1926 г.

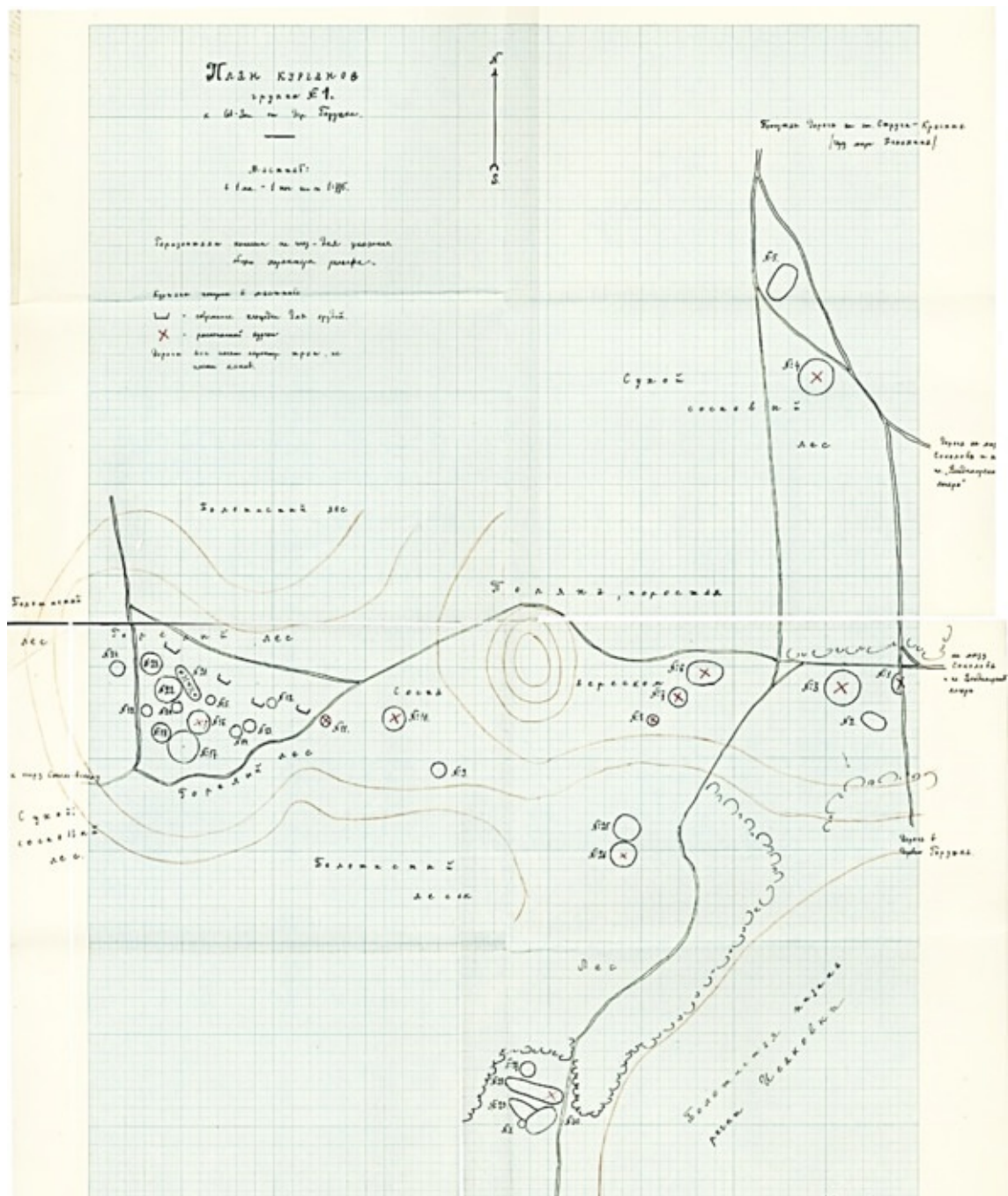

Рис. 2. План курганной группы к северо-западу от д. Горюшка.
Составлен А. А. Иессеном, август 1925 г.

Чернягин Н. Н.

Отчёт об обследовании курганов в 1938— 1940 гг.

Ниже приводится фрагмент отчёта, посвященный работам у д. Адамово. Текст приводится по оригиналу, хранящемуся в Архиве института истории материальной культуры РАН:

АИИМК Ф.35. Оп.1. 1938. Д.229. Л.10—12; Д.230. Л.10—17; Оп.1. 1940. Д.164. Л.55—62; Д.165. Л.26.

Деревня Адамово Степановского сельсовета Новосельский район. Курганно-жальничный могильник расположен в 1 км к С от деревни вдоль дороги в зарослях на вырубке. Состоит из большого количества курганов и жальничных могил из огромных валунов.

Курган 1. Высота 1 м, диаметр СЮ — 9 м, ЗВ — 6,5 м. В основании насыпи прослеживается тёмно-серая прослойка погребенного дерна мощностью до 7 см, идущая от одного края до другого. В центре слой образует разрыв, соответствующий грунтовой могильной яме, над которой края этого слоя несколько запади. Яма зачерчена на глубине 1,28 м от центра, в песчаной насыпи линзы подзола. Могила грунтовая, расположена в центре, яма прямоугольного контура в плане, ориентированная СВ—ЮЮЗ. Глубина 68 см от материка, костяк головой на ССВ (румб 30°).

Череп деформирован. Кости очень плохой сохранности. Уцелели кости левого бедра и локтевой. В области правой голени лежал железный дротик, обращенный острием в сторону стоп. Череп лежал на 10 см выше остальных костей и находился в беловатой глинистой плотной массе, образующей небольшую линзу. Во всей насыпи большое количество угля и зольных включений, в особенности в области черепа. Кости, видимо, значительно смещены корнями: под черепом 2 фрагмента тазовых костей и лучевая.

Курган 2. Высота 0,52 м, диаметр СЮ — 6,5 м. В центре отлогая западина. Насыпь сложена из тёмно-жёлтого суглинистого песка. Погребенный дерн в основном обозначен чёрными линзами лишь частично

в северной половине, мощность его до 7 см. Могила грунтовая, контуры ямы слабо прослеживаются в виде пятен подзола и угольков в насыпи.

Костяк на глубине 60 см от материка головой на СЗ (румб 135°), длина 175 см (до пяточных костей). Череп сдавлен, лежал на правом виске. Череп сдавлен, но кости сильно смещены, нижняя челюсть в области таза. Сам таз разбит на два фрагмента, один в области колен. Левая рука согнута в локте под прямым углом. Фрагменты таза на 10—15 см выше остальных костей. У правой голени — отщеп серого кремня со следами ретуши.

Курган 3. Высота 0,7 м, диаметр СЮ — 4,75 м. В центре западина. Насыпь — суглинистый песок, погребенный дерн обозначен неясно в виде сероватых линз с перерывом над грунтовой погребальной ямой.

1. На уровне материка на расстоянии 65 см на 240° от центра скопление кальцинированных костей в виде гнезда диаметром 30 см. Кости — мелкие обломки. Угля нет. На костях лежал железный нож. Среди костей обломок бронзовой пластинки, видимо, побывавший в огне.

2. Под центральной частью кургана — грунтовая могила, костяк на глубине 55 см от поверхности материка, головой на СЗ (румб 320°). Кости сильно смещены корнями (череп и ключица). Под черепом тонкая углистая прослойка (подстилка из коры?). Сохранились кости ног и правой руки (кисть на тазу). Череп лежал на затылке. Череп, левая часть таза, ключица, левый эпифиз левой плечевой кости, а также железный нож у левого бедра лежали на 8 см выше остальных костей.

Под правой пяточной костью лежал обломок височного кольца с овальным щитком, согнутый в дужку.

Курган 4. Высота 0,7 м, диаметр СЮ — 6 м. Курган имеет значительную западину в центральной части. Насыпь суглинистого песка, погребенный дерн в виде серого слоя в основании насыпи, мощностью 7 см, обрывается над грунтовой ямой. Могила на глубине 91 см от поверхности материка, костяк головой на запад (румб 290°). Череп несколько повернут лицевой частью вправо.

Корни сильно разрушили кости и превратили большинство в рыхлую массу. Плечевые кости вдоль туловища, вещей нет. Дно ямы суглинок с гравием.

Курган 5. Высота 0,67 м, диаметр СЮ — 3,3 м. Полы крутые, вершина коническая, западин нет. Погребенный дерн почти незаметен (частично в северной поле). Насыпь из темно-жёлтого песка. Могила грунтовая, слабо прослеживаемая вследствие рыхлости грунта в виде включения подзола и угольков. Заключала два детских погребения.

Погребение 1. Глубина 63 см от поверхности материка, костяк девочки

(лет 7) головой на запад. Кости хорошей сохранности, руки кистями на лобке. Находки: слева от позвоночника (в области левого подреберья) — 1 бронзовый бубенчик; на шее слева бронзовая спиралька; несколько выше на шее вторая; справа на шее ещё 2 такие же спиральки; у левого виска обломок проволочного колечка.

Погребение 2. Параллельно погребению 1, в 50 см к северу от него на глубине 41 см от поверхности материка — погребение ребёнка в узком гробовище, уцелевшем в виде рыхлой древесной массы (коры). Ширина гробовища 22 см, длина 1 м, толщина стенок 1,5 см. Гробовище имеет корытообразную прямоугольную форму без перекрытия.

Курган 6. Высота 0,8 м, диаметр СЮ — 6 м. В южной поле западина. Насыпь песчаная, гумус серый с перерывом над грунтовой ямой и запавшими в неё концами. Могила грунтовая, на глубине 62 см от погребенного дерна костяк головой на СЗ (румб 295°). Череп обращён лицевой частью влево. Правая рука согнута в локте под прямым углом, кистью выше таза, левая — согнута под острым углом (кистью в области левой ключицы), кости хорошей сохранности. Вещей нет. Грунт — светлый рыхлый песок.

Курган 7. Высота 0,6 м, диаметр СЮ — 7,25 м. Вершина уплощённая, покатая к северу. Насыпь песчано-суглинистая. Могила грунтовая, на глубине 74 см от погребенного дерна лежал костяк, сильно разрушенный корнями, головой на СЗ (румб 325°). Кости значительно смещены, за исключением правых бедра и голени. Череп сдвинут влево и вниз и лежал на теменной кости, таз сильно сдвинут в область черепа. Кости рук также в беспорядке лежат в области черепа. Находки: 3 крупные стеклянные бусины у черепа; проволочное височное колечко на черепе и ещё 3 обломка таких же колечек, круглая подвеска — жетон с ушком у правого бедра и 3 полусферических маленьких пуговицы с ушками у верхнего эпифиза правого бедра.

ПРИЛОЖЕНИЯ

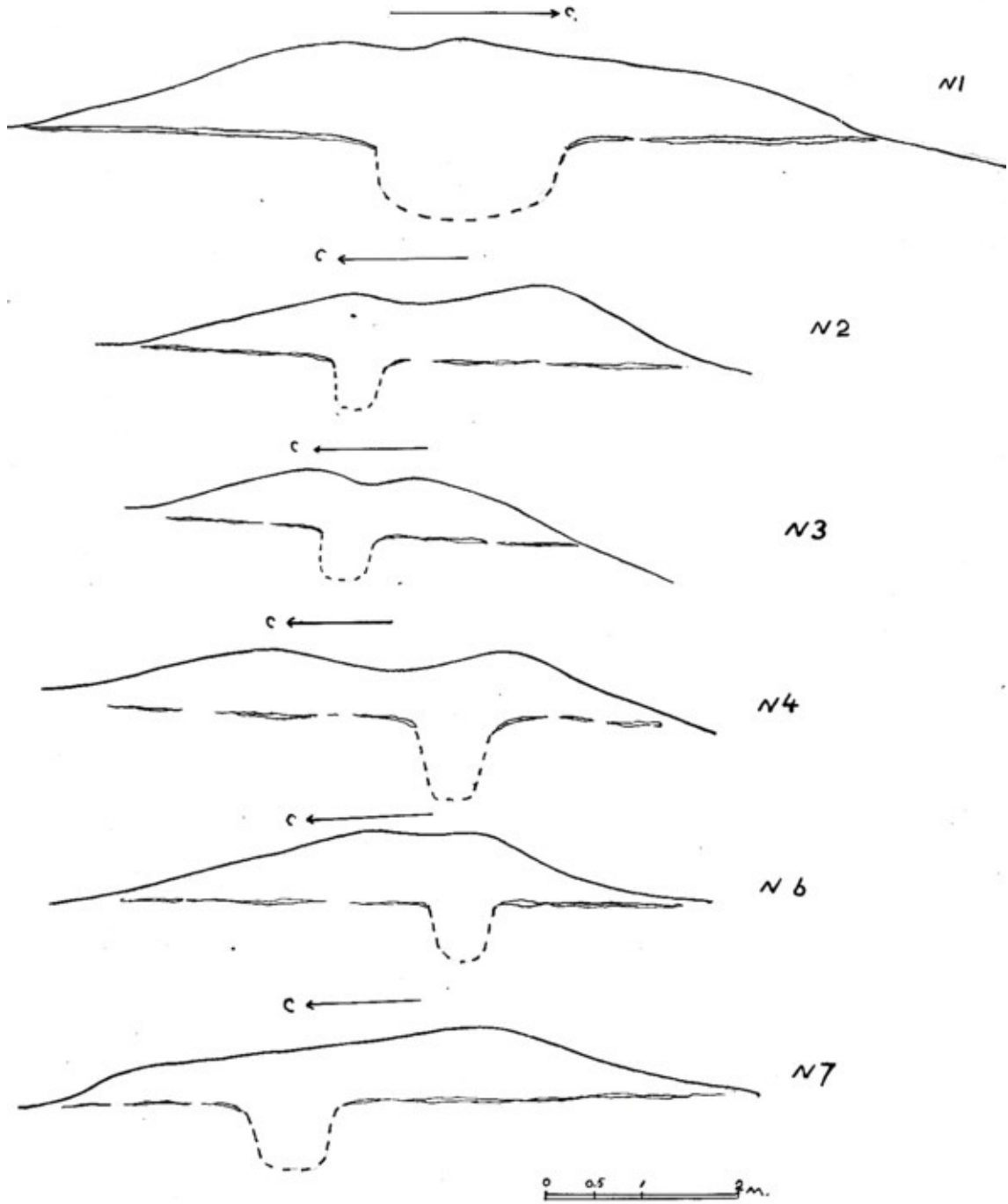

Рис. 1. Адамово. Профили курганов

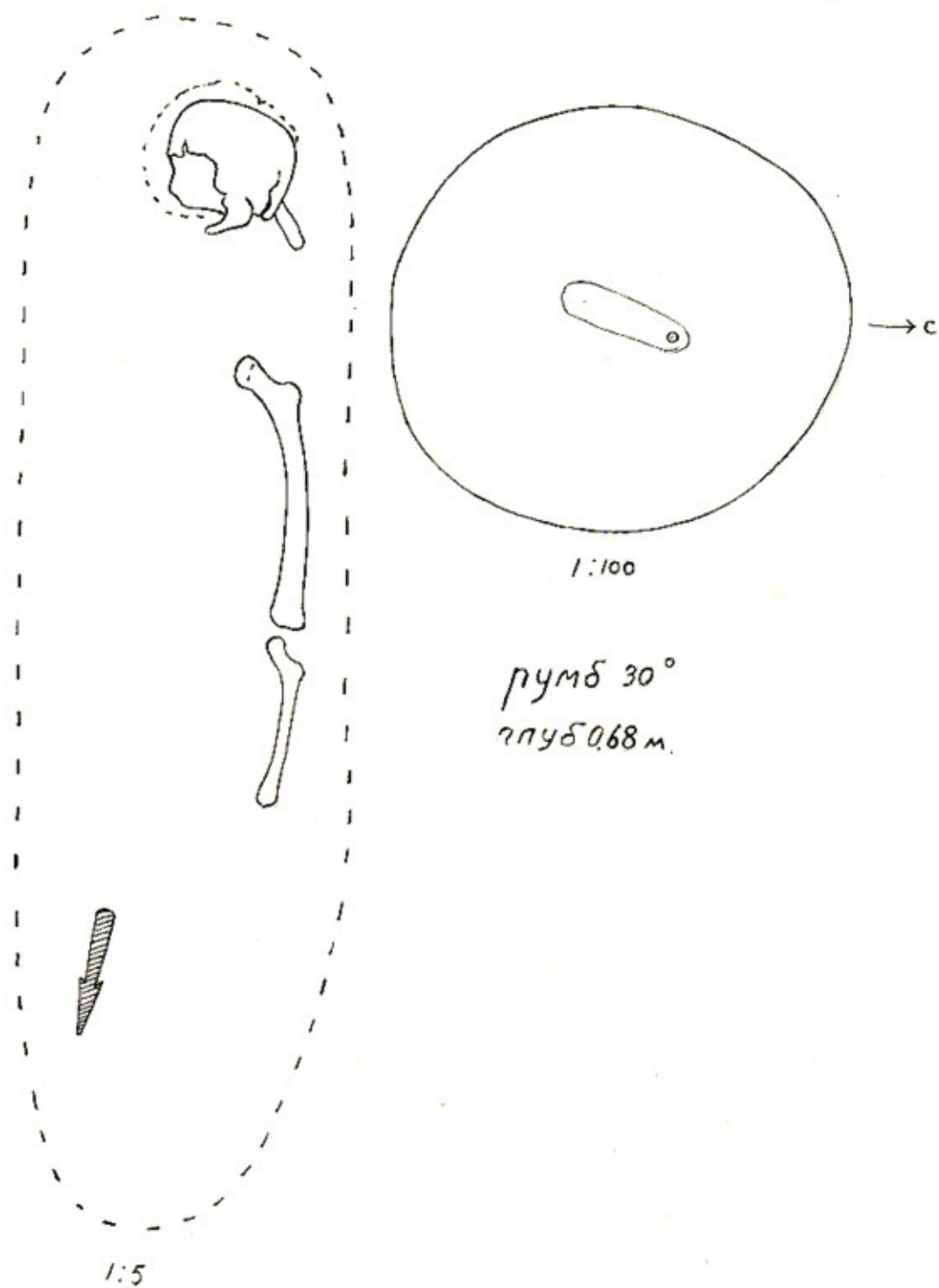

Рис. 2. Адамово. Курган 1. Общий план и схема погребения

АДАМОВО кург. № 2

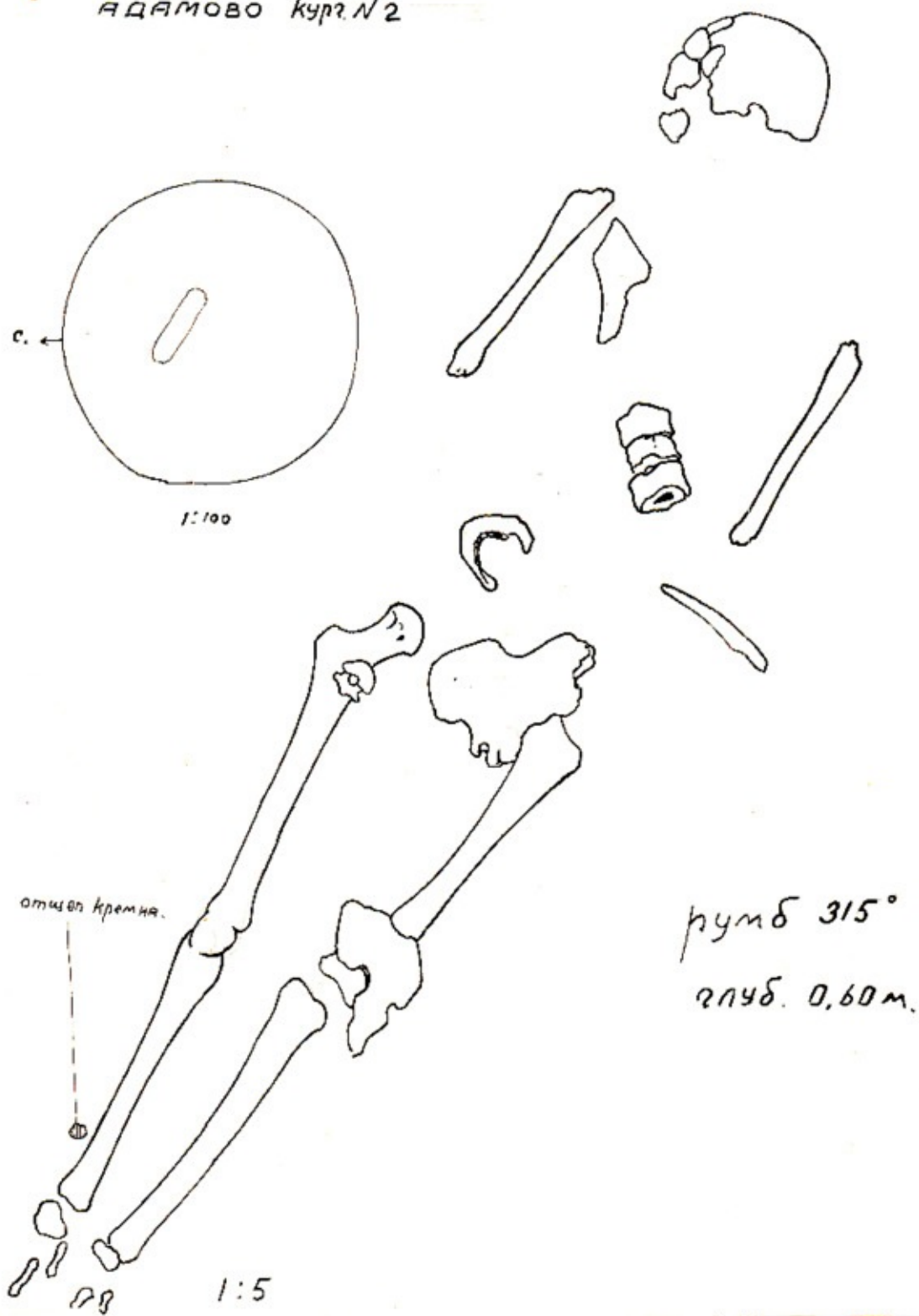

Рис. 3. Адамово. Курган 2. Общий план и схема погребения

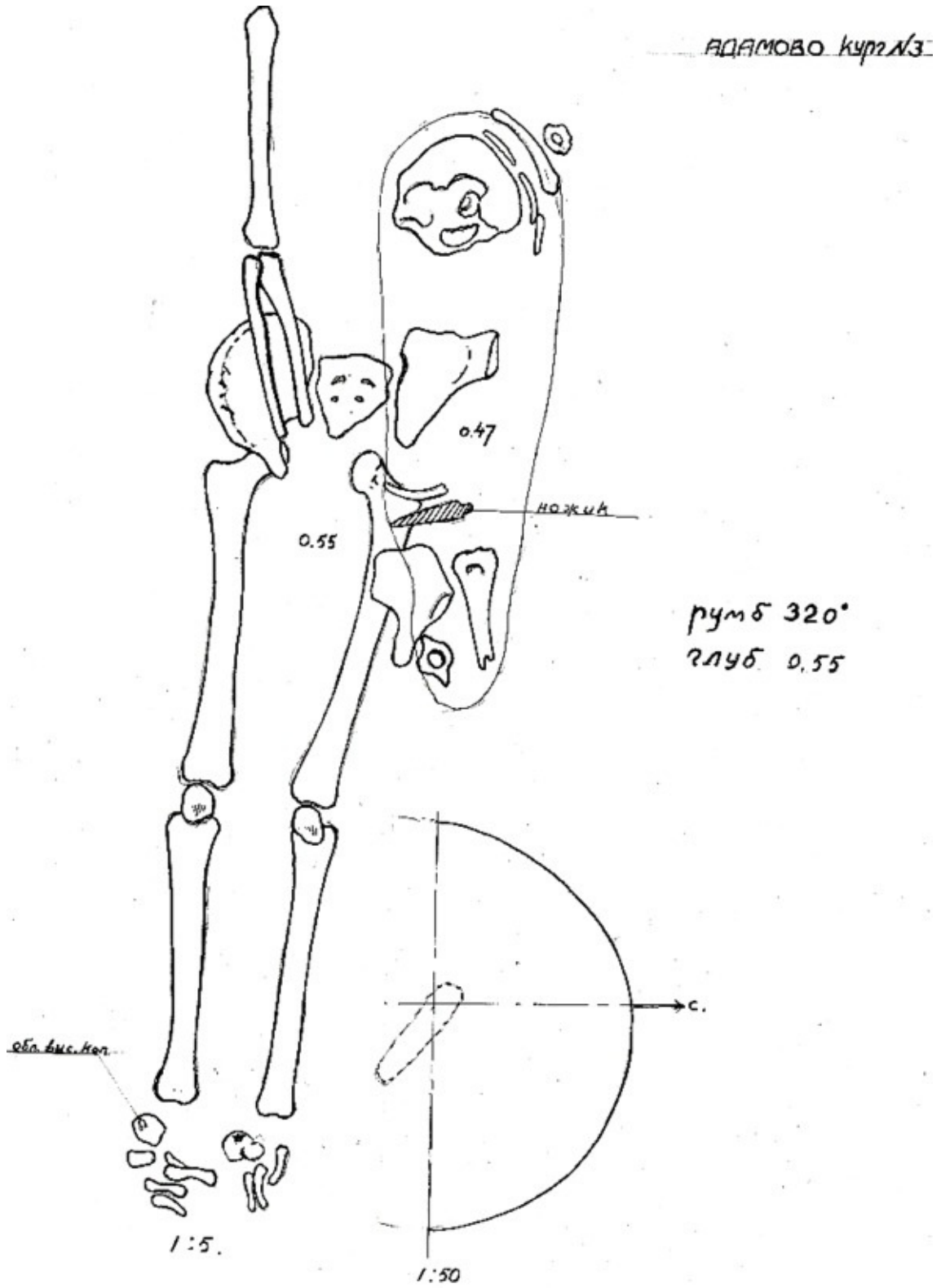

Рис. 4. Адамово. Курган 3. Общий план и схема погребения

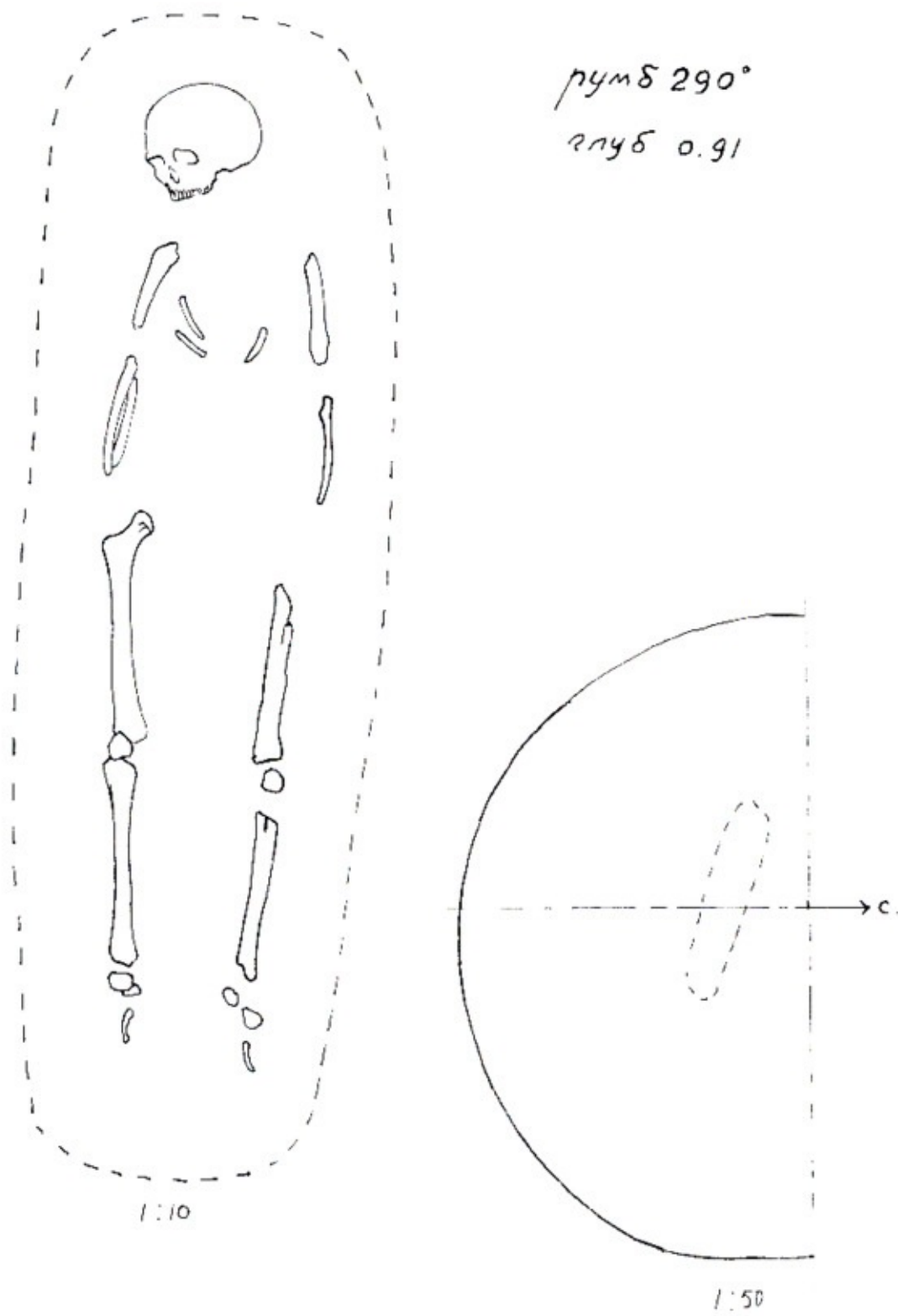

Рис. 5. Адамово. Курган 4. Общий план и схема погребения

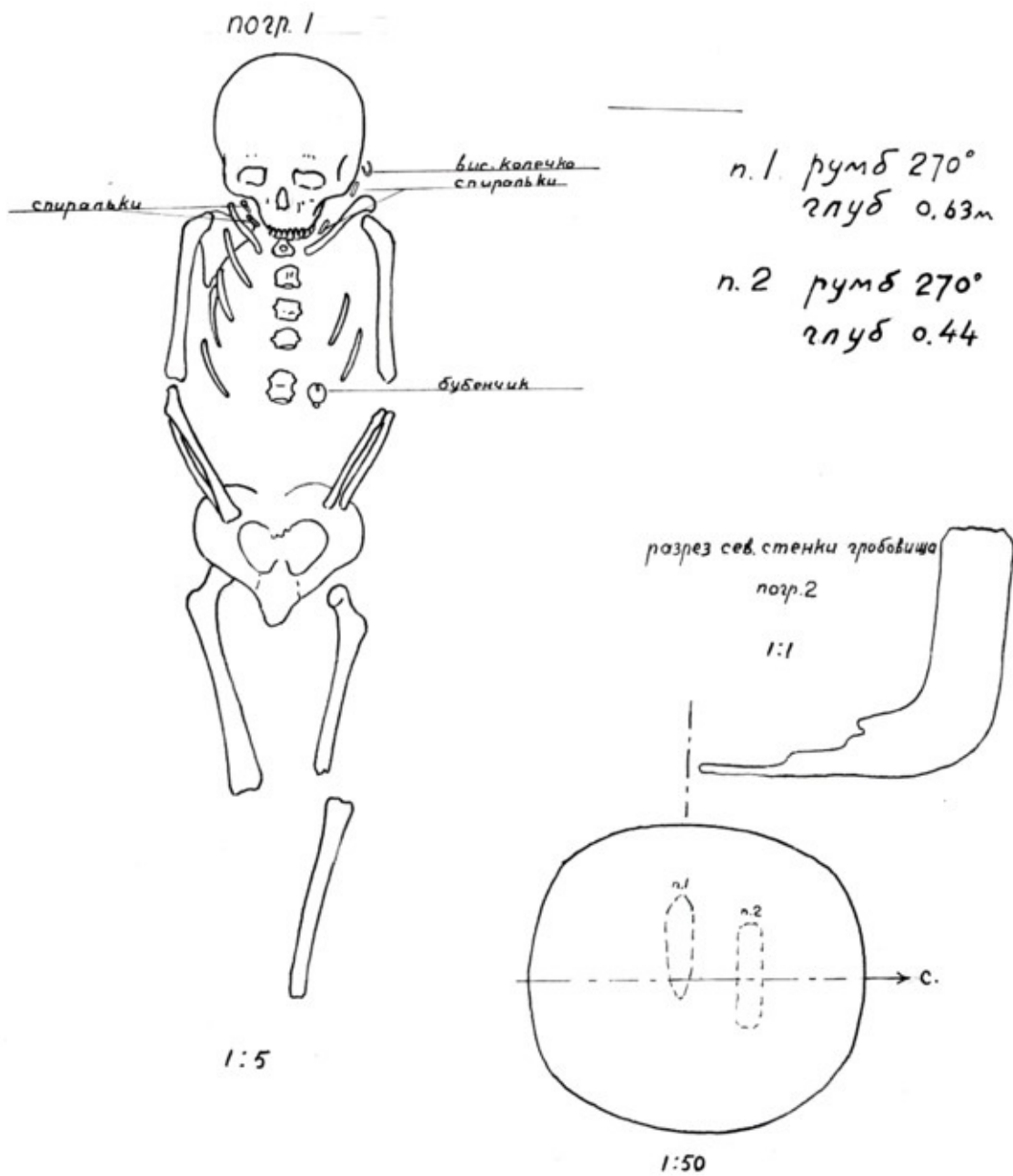

Рис. 6. Адамово. Курган 5. Общий план и схема погребений

Рис. 7. Адамово. Курган 6. Общий план и схема погребения

Кузьмин С. Л.

Комплекс памятников

в ур. Миложь

у д. Сковородка в контексте древностей

Верхнего Поплюсья рубежа I и II

тыс. н.э. [32](#)

В большинстве регионов Новгородской земли древнерусское население и его культура формировались на многокомпонентной основе. В этом процессе на разных этапах принимали участие как местные, так и пришлые коллективы. Формы их взаимодействия на уровне отдельных регионов и микрорегионов становятся предметом активных исследований лишь в последнее время.

В контексте регионального подхода к решению вопросов генезиса древнерусской культуры Новгородской земли определённый интерес представляет комплекс памятников в урочище Миложь у д. Сковородка в бассейне верхнего течения реки Плюссы (Струго-Красненский район Псковской обл.). Комплекс состоит из городища-убежища, селища и двух групп сопок по две насыпи в каждой. Территориально к нему тяготеют грунтовый могильник с труположениями, хронология которого до раскопок не может быть определена, и жальник, находящийся на северо-западной окраине современной деревни, в пределах бывшей усадьбы. Топоним «Миложь» в качестве названия деревни фиксируется Новгородскими писцовыми книгами с рубежа XV—XVI вв., и можно предположить возникновение названия одновременно с раннесредневековым комплексом памятников. Заманчиво связать происхождение архаичного по форме топонима с личным именем (Мил?) — главы первых насельников, основавших посёлок и построивших крепостицу-городок.

Впервые научное описание комплекса дано Н. Н. Чернягиным и Г. П. Гроздиловым в ходе палеоэтнологического обследования

Ленинградской области в 1927 г. Тогда ещё начинающие исследователи привели неточные параметры сопок, интерпретировали вал городища как курган, не заметили селище³³. В 1970-х годах сопки осматривал псковский краевед В. И. Жемчужин. В 1986 г. автор произвёл разведочное обследование комплекса; помимо известных уже объектов было открыто крупное селище, а одна из «сопок» атрибутирована как вал городища-убежища. В 1988 г. экспедиция под руководством автора исследовала обе сопки группы Сковородка-II и небольшие (16 и 12 кв. м.) участки селища (Рис. 1).

Ниже приводится краткая характеристика всего комплекса и результаты раскопочных работ.

Поселение располагается у северо-восточной оконечности оз. Барского (Плотишно). Вдоль восточного берега озера тянется высокая моренная гряда с узкой вершиной и крутыми склонами. Это одна из самых высоких точек местности, отсюда открывается панорамный обзор на многие километры. В частности, просматривается Чёрное (Вязковское) озеро — один из крупнейших (вместе с оз. Щирским) водоёмов в верховьях р. Плюссы, куда сходится вся гидросеть этой части Плюсского бассейна. В северо-восточной части гряды, при седловине находится сравнительно небольшое городище-убежище. С южной, напольной стороны площадка овальной формы (ок. 500 м²) защищена крутым валом высотой до 4 м, а с остальных — склонами гряды, возможно, частично эскарпированными. У юго-западной оконечности вал имеет почти отвесный склон и отступает от края площадки на 4 м. Вероятно, здесь находился воротный проем, оформленный деревянной конструкцией. Учитывая, что склоны юго-западного фаса и особенно северо-западной оконечности городища не столь круты, можно предположить, что по краю площадки шла деревянная стена в виде клетей или городен. Вдоль северо-восточного фаса городища в гряде прорыта дорога-въезд, ведущая от расположенного у её подножья селища на вершину, к воротному проему. Несомненно, что «городок» в ур. Миложь представлял собой не примитивное убежище, а настоящую крепость, воздвигнутую людьми, имевшими достаточно развитые представления о фортификации, приёмах штурма и способах обороны. Параллели описанной выше системе укреплений имеются на других памятниках региона (например, городище Надбелье на Оредеже).

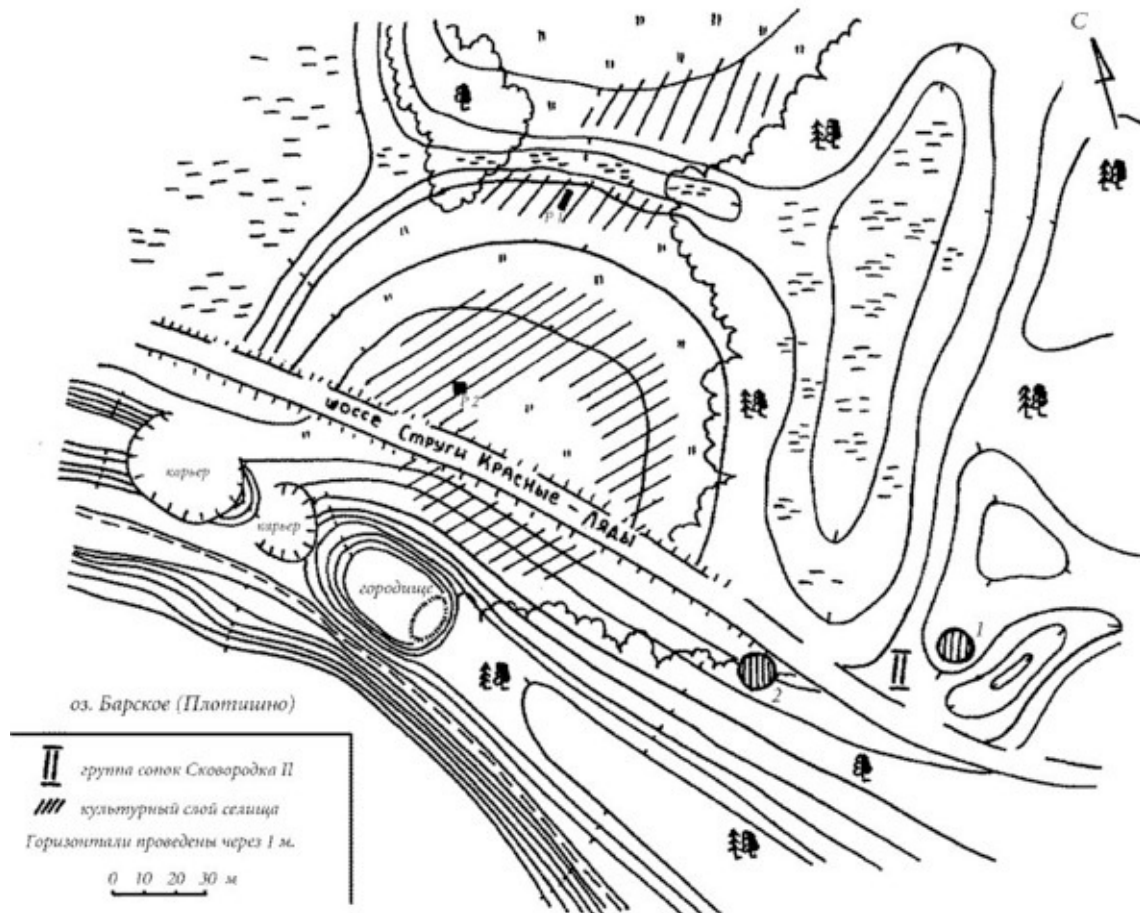

Рис. 1. Комплекс памятников в ур. Миложь близ д. Сковородка. Ситуационный план

Селище расположено к востоку от городища на примыкающей к подножью гряды небольшой пологой возвышенности. С остальных трёх сторон селище окружено заболоченными низинами, по которым в древности протекали ручьи. Здесь выделяются две зоны. «Жилая» — имела круговую застройку: чёрное пятно культурного слоя кольцеобразной формы с внешним диаметром до 100 м и шириной 20—30 м отчётливо прослеживается на пашне весной и осенью. Чуть в стороне, по обе стороны заболоченного ручья на площади около 2000 м² зафиксированы выходы культурного слоя, содержавшего множество криц и шлаков. Вероятно, здесь находилась «производственная» зона посёлка. Материалы шурфов подтвердили подобную интерпретацию.

Шурф в «жилой» зоне установил здесь наличие слоя мощностью до 0,45 м, насыщенного колотым обожжённым валунным камнем. Нижняя часть культурных напластований распашкой практически не затронута. Слой содержит гончарную и лепную керамику, в том числе и с ребром

по плечу. Индивидуальные находки весьма многочисленны для разведочного раскопа (16 м²). Это крупная бронзовая подковообразная фибула с гранёными головками, листовидный черешковый наконечник копья, дужки вёдер, долотце, сланцевый оселок, глазчатая бусина печёночного цвета с чёрным глазком и жёлтой ресничкой, обломок призматической восьмигранной бусины красного глушеного стекла, фрагмент многочастной пронизки лимонно-жёлтого стекла и др. По совокупности находок поселение может быть датировано в широких пределах X — сер. XII вв., но наиболее вероятна дата середина X — XI вв. Впрочем, только более масштабные раскопки позволят уточнить хронологию селища (Рис. 2).

К востоку и югу от поселения находились две группы сопки (Сковородка I—II). Удалённые всего на 100—150 м, они, несомненно, просматривались с поселения в древности и составляли вместе с ним и с «городком» единый визуально воспринимаемый ансамбль.

Сопки группы Сковородка I даже в поврежденном состоянии имеют внушительные размеры, достигая высоты 3,5 и 5 м. Расположенные к югу от поселения по обе стороны шоссе Струги Красные — Ляды две сопки группы Сковородка II были исследованы в 1988 г.

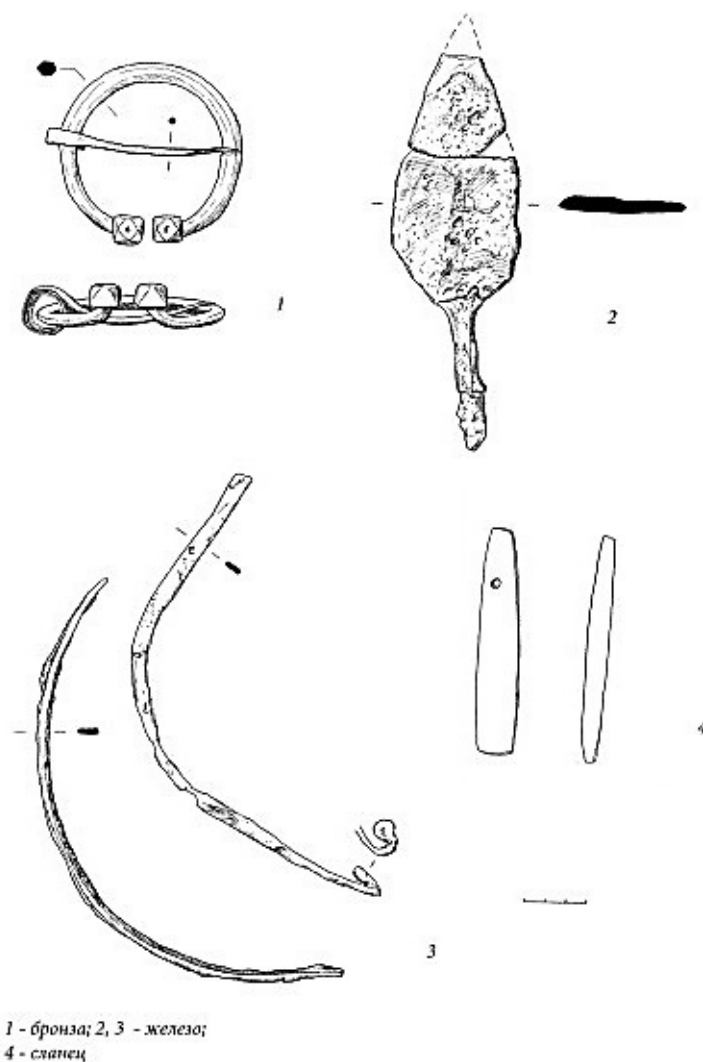

Рис. 2. Селище в ур. Миложь. Находки

Сопка 1 до начала работ представляла собой крутобокую насыпь диаметром 10 м., высотой 2 м. Её вершину прорезала свежая грабительская яма размерами 5,6 x 1,6 м, сужавшаяся к матерiku до 1,8 x 0,8 м. В отвалах были собраны кальцинированные кости и фрагменты лепной керамики.

В основании насыпи были расчищены остатки погребального костра — подчетырёхугольное в плане пятно угля размером 4 x 5 м и мощностью 0,08—0,12 м. Кострище ориентировано по сторонам света, в его пределах встречены мелкие пережжённые камни. В юго-восточном секторе кострища попадались разрозненные кальцинированные косточки, а на площади 0,8 x 1 м зафиксировано их плотное компактное скопление.

Здесь же сделан ряд находок: оплавившиеся фрагменты браслетов, бесформенные слитки бронзы, трапециевидная подвеска со штампованным орнаментом в виде параллельных линий, две спёкшиеся продольно-полосатые лимоновидные бусины чёрно-белой раскраски, железный нож и развалы двух лепных сосудов — одного с отогнутым венчиком и двумя горизонтальными каннелюрами по плечу, другого с прямым венчиком и покатым плечиком (Рис. 3).

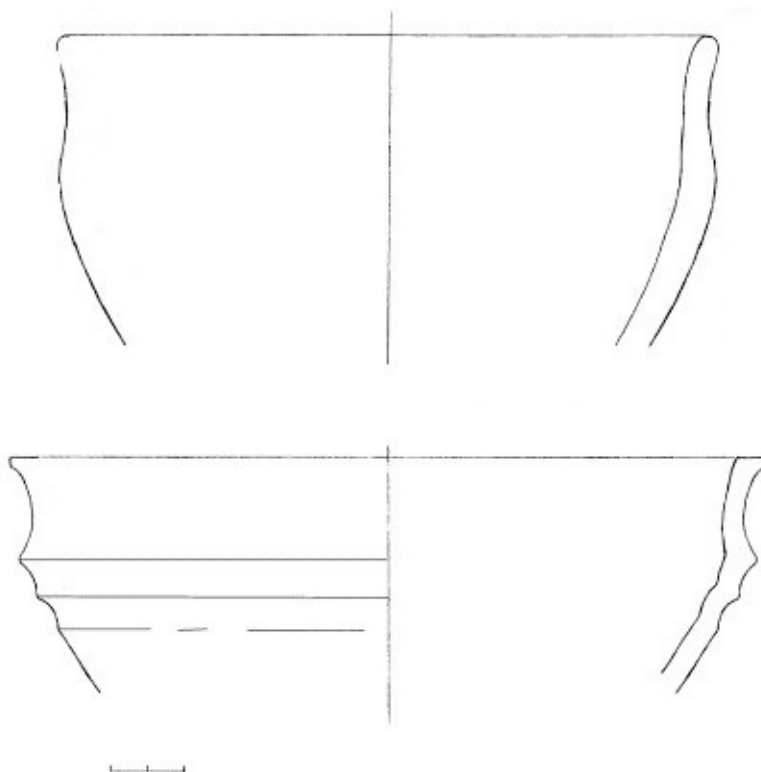

Рис. 3. Сковорода II. Сопка 1. Реконструкция лепных сосудов

Кострище подстилал и окружал мощный слой прокалённого белого песка, свидетельствующий о силе пламени погребального костра. Следы прокалённости прослеживались на участке диаметром до 10 м. Значительная часть кострища была перекрыта слоем тёмно-коричневого гумуса толщиной до 0,1 м, который является остатками древнего дёрна, нарезанного и уложенного поверх погасшего погребального костра в том месте, где находились кремированные останки. Неподалёку от юго-западного угла кострища зафиксирован «очажок» из трёх параллельно уложенных плах, вытянутых в направлении северо-восток — юго-запад, и стоящей на них железной сковородки.

Насыпь сооружалась из песка разнородной структуры, судя по направлению прослоек, она отсыпалась от центра к краям и первоначально была значительно круче, чем в современном состоянии. На её поверхность помещались захоронения, зафиксированные в виде россыпей разрозненных кальцинированных костей в дёрне. Среди костей найдены фрагменты лепной керамики и бесформенные металлические слитки.

На основании находок сопку можно датировать X в., но не исключена возможность её омоложения до первой половины XI в.

Сопка 2 до начала раскопок выглядела как крутобокий курган диаметром 12 м, высотой с востока 4 м, с запада — 2 м. С востока у её подножья проходил кювет шоссе Струги Красные — Ляды, а с запада, как выяснилось в ходе работ, полы насыпи были более чем на 1 м перекрыты балластным слоем серой супеси, образовавшимся в результате многолетней распашки моренной гряды и нивелировки при прокладке линии электропередач. Иных повреждений не зафиксировано, что расходится с данными Н. Н. Черныгина и Г. П. Гроздилова³⁴.

Основание сопки составляла округлая в плане подсыпка. Стратиграфия подсыпки представляет собой обратную последовательность слоёв, слагающих моренную гряду: дёрн — жёлтый суглинок — жёлто-красный моренный щебень. К центру подсыпка была тоньше, а к краям утолщалась, образуя валик. С северо-запада в валике находился проход, через который, вероятно, заносился грунт для сооружения насыпи. В основании сопки отмечено небольшое кострище. Деревянные обугленные плашки лежали радиально на слое прокалённого песка. Судя по их расположению, — это остатки костра, сложенного «шалашиком».

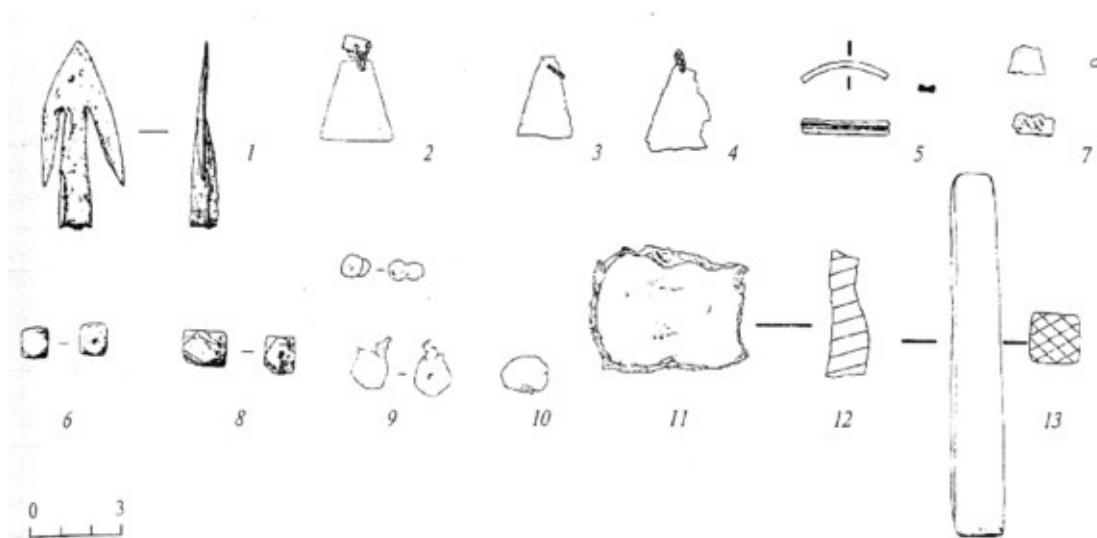

Рис. 4. Сковородка II. Сопка 2. Находки

Следующим этапом возведения насыпи было сооружение четырёхгранной пирамиды с усечённой вершиной, сложенной из специально нарезанных кусков дёрна. Внутри ограниченного валиком подсыпки пространства легли нижние ряды дернин, заполнив его и выровняв поверхность подсыпки. По основанию пирамида с запада, севера и частично с востока была обложена камнями не образующими, однако, сплошной кладки. Размеры пирамиды по основанию (на уровне верха первоначальной подсыпки) 7 x 8 м. Она была ориентирована гранями по сторонам света. С юга валик подсыпки поднимался до высоты 1,6—1,8 м от поверхности древней почвы и смыкался с южной гранью пирамиды. Внешний край валика в этом месте покат, а дёрн пирамиды сильно уплотнён и деформирован, очевидно, в результате утаптывания. По всей вероятности, именно здесь, с юга находился вход на верхнюю площадку пирамиды. Общая высота этого ступенчатого сооружения достигала 3 м.

Усечённая вершина пирамиды была оформлена в виде подквадратной в плане площадки размерами около 2,5 x 2,5 м. У северо-западного угла площадки находилась деревянная конструкция в виде дубового ящика размером 1 x 1,2 м. Ящик был явно сдвинут с первоначального места в центре площадки, о чём можно судить по его наклонному положению и следам разрушения, направленным на восток, вниз по склону. Основание ящика — два бревна с выбранными в них на 1/4 пазами, в которые вставлялись толстые доски. С других сторон ящик имел бортики высотой не более 0,15—0,20 м высоты; снизу его подстилала береста. Вероятно, имелось и верхнее покрытие, которое плохо сохранилось и представлено

скоплением чёрной органической массы (кора или луб). Вся внутренняя площадь ящика была заполнена слоем кальцинированных костей мощностью до 0,1 м. Их общая масса, вероятно, достигала 15 кг, но для анализа удалось собрать лишь 12 кг. Среди костей находились три трапецевидные подвески (одна крепилась к пятиугольной обоймце), железный двушипный наконечник стрелы, бусы-лимонки, жёлтая двучастная пронизка лимонно-жёлтого стекла, 14-гранная сердоликовая бусина и глиняное подражание ей, фрагмент узкого бронзового браслета с двумя продольными рельефными валиками по краям, бесформенные слитки стекла и бронзы, фрагмент гончарной керамики. Комплекс может быть датирован серединой X — первой половиной XI в. Радиоуглеродная дата деревянной конструкции 995—1020 гг.³⁵ Кроме этих находок в насыпи встречены фрагменты лепного и гончарного сосудов и оселок.

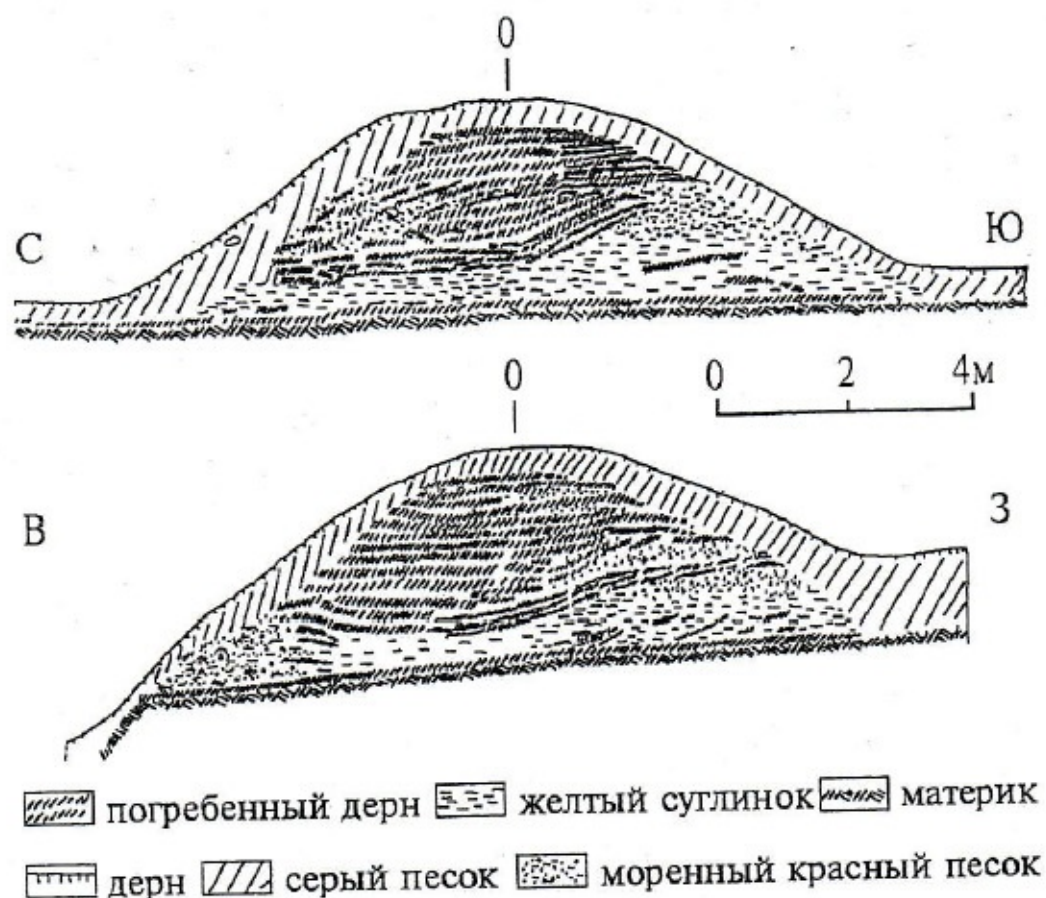

Рис. 5. Сковородка II. Сопка 2. Разрезы.

Ящик, судя по всему, был преднамеренно сброшен на край насыпи

и засыпан слоем аморфной серой супеси, перекрывшей всю поверхность сопки и увеличившей её высоту на 0,4 м. О единовременности этих действий говорят факт прекрасной сохранности части ящика и направленный разброс деревянных плашек и костей вниз по северной и восточной граням пирамиды. Подсыпка «запечатала» их в таком состоянии, спустя совсем короткий промежуток времени. В противном случае кости, находившиеся во внутреннем пространстве ящика были бы смыты и развеяны по склону. По той же причине хорошо сохранилась и деревянная конструкция, носившая лишь следы естественного облуживания. Нет сомнений, что «низвержение» ящика было результатом целенаправленного действия в условиях определённой исторической обстановки³⁶.

Описанная деревянная конструкция выглядит вполне оригинально. Однако параллели ей можно найти в деревянных сооружениях высоких курганов у д. Ерусалимская (район Выбутских порогов в низовьях реки Великой), а быть может и некоторых «курганов вятичей». Вероятно, подобные наземные конструкции были широко распространены, но в силу ряда причин их трудно выявить в ходе археологических раскопок. Подобный «вне курганный» обряд захоронения, как в деревянных конструкциях, так и других форм, был характерен для населения лесной зоны Восточной Европы в последней четверти I тыс. н. э., в том числе составляя основной вариант погребения людей, связанных с традицией возведения сопки³⁷. Остатки кремаций, совершённых на стороне, могли при этом помещаться и на вершинах сопки, и вокруг их оснований, и на могильниках без монументальных земляных сооружений.

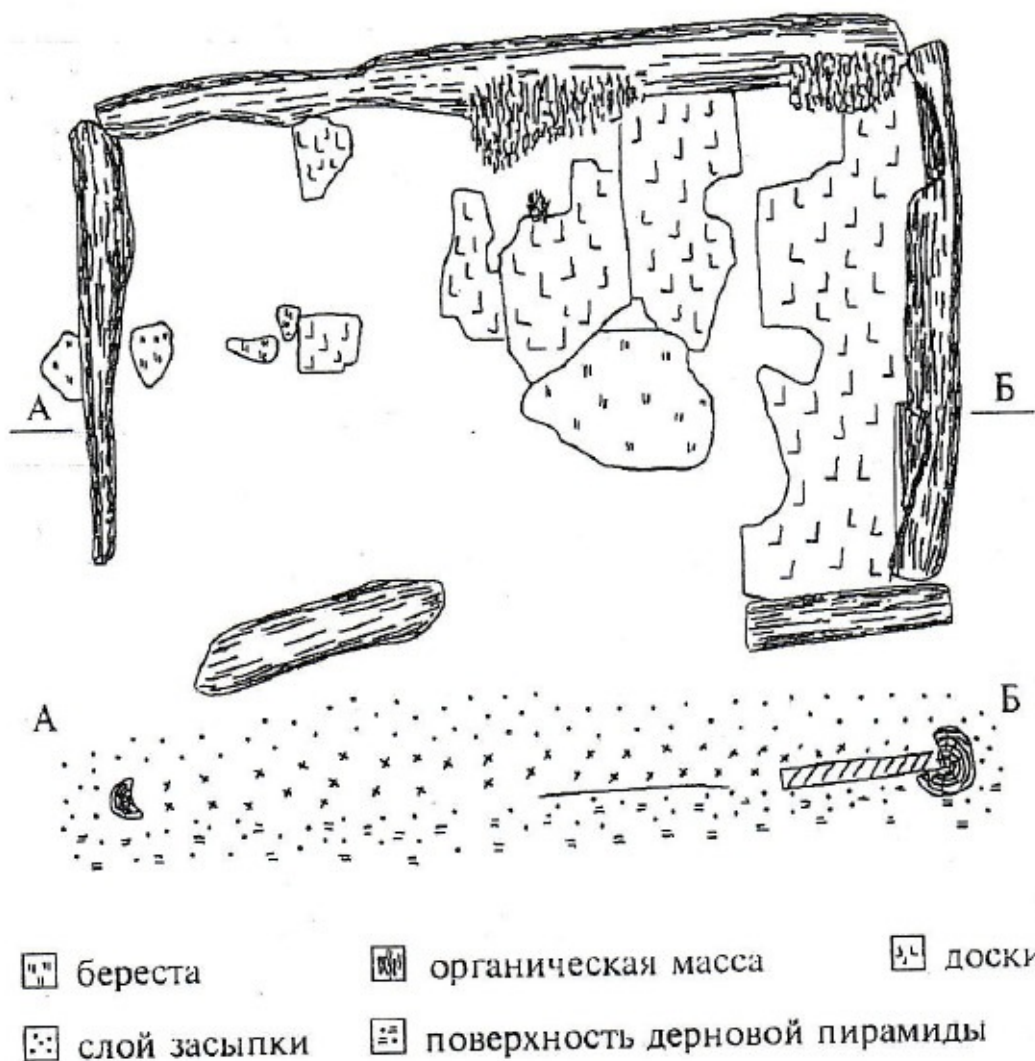

Рис. 6. Сковородка II. Сопка 2. Деревянный ящик

Сопка 2, несомненно типична для того круга высоких насыпей второй половины I тыс. н.э., которые исследователи традиционно именуют «новгородскими сопками». Отсутствие «основного» захоронения лишний раз подчёркивает сакральный характер этих объектов и их сложную, далеко не прямую связь с функцией места последнего упокоения. Напротив, в сопке 1, содержащей редкую для насыпей этого облика кремацию на месте, выступают черты именно кургана-усыпальницы. Однако стоит особо отметить, что здесь нет никаких деталей обряда и элементов конструкции, которые могли бы сблизить рассматриваемую насыпь с высокими насыпями культуры длинных курганов. Ближайшей, практически единственной, но почти полной, параллелью ей в обрядности и инвентаре может выступить второй ярус загадочной насыпи у д. Репьи,

исследованной Г. С. Лебедевым в 1972 году³⁸. В обоих случаях зафиксированы обожжённые мелкие валунные камни на кострище и найдена железная сковорода. Кроме указанных насыпей единственно достоверный случай кремации на месте в курганах второй половины I тыс. н. э. в данном регионе зафиксирован нашими раскопками в сопке 2 группы Пристань III³⁹. В этой связи любопытно, что с погребением второго яруса насыпи у д. Репьи связаны пятиугольные бронзовые обоймицы для крепления трапециевидных подвесок. Точные аналогии им кроме сопки 2 в Сковородке известны мне только в материалах поселения и могильников Которского погоста — комплекса памятников, расположенного между Репьями (берег Череменецкого озера, Верхнее Полужье) и Сковородкой. Эти предметы маркируют определённое, достаточно компактное территориально-культурное единство и, возможно, указывают на исходный район и путь продвижения коллектива, основавшего поселение в ур. Миложь.

* * *

Опираясь на приведённые материалы попытаюсь дать общую характеристику комплекса памятников в ур. Миложь. Показательно его местоположение в регионе, топография, состав, вещевой комплекс и хронология. Триада «городище-убежище — крупное селище со следами ремесленной деятельности — некрополь (сопки)» характерна для ряда комплексов памятников в зоне распространения сопок на западе Новгородской земли. Территориально и по внешнему облику ближе всего к рассматриваемому здесь комплекс памятников у деревни Которск (Плюсский район Псковской обл.), но явные черты сходства есть и с памятниками Верхнего Полужья (Петровское, Подгорье-Заполье, Косицкое). Н. И. Платонова убедительно соотнесла эти локальные центры конца I — начала II тыс. н.э. с погостами, административными пунктами древнерусской эпохи⁴⁰. Все эти пункты выстраиваются в единую цепочку, протянувшуюся из Полужья через Врево-Череменецкое поозерье в верховья Плюсы. Сковородка (Миложь) представляет собой в ней последнее звено.

Создаётся впечатление, что цепочка локальных центров отражает не только систему окняжения западных районов Новгородской земли, но и этапы проникновения сюда населения, культура которого может рассматриваться как ранняя фаза древнерусской, хотя традиционно обозначается исследователями как т.н. «культура сопок»⁴¹. Действительно,

сопки для X в. и какой-то части XI в. являются ярким индикатором расселения носителей соответствующих культурных традиций, что особенно заметно на фоне памятников культуры псковских длинных курганов (КДК). Центрами двух компактных скоплений сопок в Верхнем Поплюсье в плотном окружении памятников КДК выступают комплексы Которск и Сковородка, причём последний является самой западной точкой, своеобразным форпостом продвижения из области Верхнего Полужья носителей древнерусской культуры и традиции сооружения сопок.

Это продвижение вряд ли не встречало сопротивления со стороны автохтонов — носителей КДК. Центр их территориальной группировки, которая локализуется к востоку от Чудского озера в бассейнах рек Толба, Плюсса, Желча и Курея, и периферия которой маркирована городищами-убежищами КДК, располагается в 8—10 км к северо-западу от комплекса памятников в ур. Миложь. Здесь, к югу от д. Полицы находится скопление из нескольких групп и одиночных насыпей КДК (всего более 50 курганов), вытянувшееся на 2,5 км. В его составе присутствует некрополь, состоящий исключительно из 12 крупных высоких насыпей КДК и не имеющий аналогов в западных районах Новгородской земли и на территории Эстонии. Значение этого «леса мёртвых» сохраняется в древнерусскую эпоху: в 5 древнерусских могильниках сосредоточено более 300 разнотипных погребальных сооружений (курганы, жальники), содержащих сотни, а быть может и тысячи захоронений. Синхронных им поселений, несмотря на тщательные неоднократные поиски, не найдено. Неизвестны здесь сколь-нибудь значительные поселения и на рубеже XV—XVI вв. По всей вероятности, в этой местности находился сакральный центр более широкой территории.

В 4 км к западу от комплекса памятников у д. Полицы находится крупный могильник (29 насыпей), судя по составу и топографии, относящийся к поздней фазе КДК. Рядом с ним, ещё в прошлом веке был найден клад из серебряных шейных гривен⁴². Его точная датировка дискуссионна, но не выходит за рамки хронологии КДК. Показательно, что клад аналогичных предметов найден у д. Горка близ Передольского погоста — регионального центра конца I — начала II тыс. н.э., на который замыкается вся система локальных древнерусских центров Верхнего Полужья и Верхнего Поплюсья⁴³.

Таким образом, достаточно крупное селище и укрепленный городок носителей традиции сооружения сопок оказываются в непосредственной близости от центра носителей КДК и явно ему противопоставлены.

Укрепление в ур. Миложь «оседлало» ключевую точку в междуречье Плюссы и её левого притока Люты, создавая условия для занятия пришельцами плодородных суглинков Широ-Чернозерского поозерья, составившими особую территориальную общность, границы которой маркированы сопками. К югу и востоку от Сквородки на расстоянии нескольких километров сопки отмечены ещё в нескольких пунктах (Костелёво, Выборово, Обод), а влияние их конструктивных элементов и деталей погребальной обрядности отчётливо прослеживается в курганах группы Березицы I⁴⁴.

Захват и освоение компактной территории на северных склонах Лужской возвышенности в междуречье Люты и Плюссы, произошедшие, судя по материалам комплекса памятников в ур. Миложь, около середины X в., создали предпосылки для дальнейшего проникновения в регион древнерусского населения и аккультурации носителей КДК. Однако определённые локальные этнографические особенности различных по происхождению групп населения сохраняются ещё во второй половине XI — XII вв., проявляясь в специфике оформления намогильных сооружений. Любопытно, что в зоне скопления сопки, тяготеющих к рассматриваемому комплексу памятников, древнерусские курганы неизвестны, а собранные сведения позволяют надеяться на открытие здесь грунтовых могильников с ингумациями.

Дальнейшая судьба коллектива, оставившего комплекс памятников в ур. Миложь, пока неясна. Как и большинство локальных центров запада Новгородской земли, это поселение в XII в. явно приходит в упадок, но в отличие от многих из них, здесь по каким-то причинам не произошло оформления центра позднесредневекового погоста.

Кузьмин С. Л.

**Об одной группе погребальных
памятников второй половины I тыс. н.э.
на северо-западе Новгородской земли⁴⁵**

Сложная культурно-историческая ситуация конца I тыс. н.э. на северо-западе Руси отразилась в многообразии погребальных памятников. В результате исследований последних лет становится ясным, что помимо двух основных групп памятников погребальных сооружений (сопки и насыпи культуры длинных курганов) существуют ещё и другие курганы, имеющие как собственную специфику, так и сочетающие характерные признаки групп, указанные выше.

Предварительно эти памятники были выделены на основе внешних признаков и ландшафтной приуроченности. Чаще всего это высокие (2 м и более) крутообразные насыпи, встречающиеся поодиночке или в небольших группах, расположенные в специфических условиях стыка ландшафтных зон: на границе песка и суглинка, в смешанных лесах. Западные районы Новгородской земли (Полужье, Поплюсье, Причудье) в настоящий момент достаточно хорошо изучены. Погребальные памятники второй половины I тыс. н.э. детально картированы и исследованы раскопками, что позволяет дать им сравнительную характеристику.

Помимо трёх сотен пунктов, где известны насыпи культуры длинных курганов, и сотни пунктов с сопками, в границах региона выявлено около 40 памятников, относящихся по внешним признакам к рассматриваемой категории погребальных древностей. Раскопкам подверглось 10 насыпей в трёх пунктах — Славенка Лужского района Ленинградской обл. (раскопки Н. И. Платоновой 1982 г., 3 кургана), Которск Плюсского района Псковской обл. (раскопки С. Л. Кузьмина, 1988 г., 1 курган), Березицы Стругоокрасненского района Псковской обл. (раскопки С. Л. Кузьмина, 1991 г., 6 курганов).

В ходе раскопок выяснилось, что какого-либо набора признаков, позволяющих объединить данные курганы в устойчивый тип, нет. Скорее

напротив, для этой группы вообще характерно отсутствие устойчивой обрядности, и она выделяется на фоне других полярных погребальных традиций (сопки и насыпи культуры длинных курганов (далее —КДК)) как бы негативно, отличиями от «классических» погребальных сооружений второй половины I тыс. н.э.

От насыпей КДК данные курганы отличаются отсутствием мощных рвов-подрезов, создающих иллюзию высоты, хотя в большинстве случаев зафиксированы кольцевые ровики. Даже в самых крупных могильниках (Березицы I, Славенка I) отсутствуют валообразные насыпи, что, напротив, не характерно для КДК. Все курганы содержали от двух до пяти погребений по обряду кремации на стороне. В некоторых курганах Славенки и Березиц прослеживается вертикальное членение насыпи, соответствующее этапам её возведения по мере совершения новых захоронений. Курган в Которске и два кургана Славенки и Березиц сооружались в один приём. Такое членение напоминает аналогичные традиции, существовавшие в КДК. Часть курганов развивается в высоту, часть представляет собой заранее подготовленные платформы, иногда даже не содержащие погребений. В Которске и Славенке отсутствовали каменные конструкции и ритуальные кострища. Напротив, в группе Березицы I в большинстве курганов они есть. В трёх случаях зафиксировано помещение валуна на вершину насыпи, в ряде случаев — накрывание им погребения. Подобные детали обряда в рассматриваемом регионе известны как в сопках (Пристань I), так и в КДК (Которск XII). Погребения размещаются в самых различных частях насыпей (в грунтовых ямках, на материке, в насыпи, в вершине), зафиксированы погребения во рву (Которск) и за его пределами (Березицы I), а также «поверхностные» захоронения.

Происходящий из курганов инвентарь не богат, но позволяет сделать ряд интересных наблюдений. Если в Березицах встречена керамика баночной формы и вещи, имеющие массовые аналогии в КДК (височное кольцо с напущенной синей бусиной, квадратные бронзовые бляшки с тиснёным орнаментом, синие бусы), то погребение кургана из группы Которск IV дало яркий вещевой комплекс, связанный с иной культурно традицией, представленной в сопках и связанных с ними поселениях (височное кольцо с завитком наружу, так называемый «накосник»). Ряд вещей не имеет чёткой культурно-хронологической привязки (ножи, спиральные пронизки). Заметим, что вещевой комплекс, близкий КДК, происходит из курганов, наименее сходных с её насыпями, но имеющими ряд деталей обрядности, известных по сопкам региона (Березицы). В то же

время курган 1 группы Которск IV наиболее близок в своём устройстве насыпям КДК, но именно из него происходят «сопочные» вещи.

Датировать исследованные курганы лишь на основании инвентаря погребений сложно (может быть, лишь курган у д. Которск — IX—X вв.) Их позднюю дату и сравнительно недолгий период бытования подтверждают два косвенных аргумента: как малое количество самих памятников, так и небольшие размеры могильников; во всех трёх случаях вблизи них исследованы древнерусские курганы XI в., а в двух насыпях в Славенке обнаружены впускные труположения, датируемые не позднее первой трети XII в. Вообще, близкое соседство с древнерусскими памятниками (в ряде случаев это практически единые могильники) характерно для рассматриваемых курганов.

Все четыре десятка пунктов с рассматриваемыми здесь курганами локализуются исключительно в зоне непосредственных контактов носителей погребальной традиции КДК и сопок, в местах их чересполосного бытования. Их нет ни в Причудье, ни в Верхнем Полужье. Очевидно, данная группа памятников фиксирует одну или несколько форм взаимодействия древних разнокультурных коллективов, ведущего в конечном счёте, к интеграции в рамках древнерусской культуры.

Михайлова Е. Р.

**Исследование памятников культуры
длинных курганов близ
дер. Березицы в Щиро-Чернозерском
межозерье⁴⁶**

Несмотря на более чем полуторастолетнюю историю исследований, культура псковских длинных курганов (КДК) по-прежнему остаётся недостаточно изученной, и введение в научный оборот материалов раскопок памятников этой культуры остаётся актуальной задачей. Настоящая статья посвящена результатам полевых работ 1991 г. в окрестностях деревни Березицы (Березица) Струго-Красненского района Псковской области, проводившихся Плюсским отрядом Ленинградской областной экспедиции (начальником экспедиции был Е. А. Рябинин, начальником отряда — С. Л. Кузьмин). Я выражаю искреннюю признательность Сергею Леонидовичу Кузьмину за возможность опубликовать эти материалы.

Деревня Березицы, рядом с которой располагаются публикуемые памятники, располагается среди холмов Лужской возвышенности, севернее районного центра — посёлка Струги Красные, между крупными озёрами Чёрное (Вязковское) и Щирское в бассейне верхнего течения р. Плюссы (Рис. 1). Первые сведения о наличии здесь курганов относятся к 1879 г., когда И. Г. Данилову в Яблонецком волостном правлении сообщили о наличии при деревне Березице «древнего кладбища близ горы и шести сопок» (Данилов, 1880, с. 21).

В 1900 г. Н. Ф. Арепьев обнаружил здесь рядом с селением могильник⁴⁷, в котором раскопал две могилы, а также «ряд больших сопок» к северу от деревни. Одну из «сопок», расположенную близ дороги из деревни Березицы в деревню Страшево, на левом берегу речки Бочицы, Н. Ф. Арепьев раскопал (Арепьев, 1900, л. 10—11, 17об.).

В 1986—1987 гг. памятники в окрестностях д. Березицы были вновь обследованы С. Л. Кузьминым.

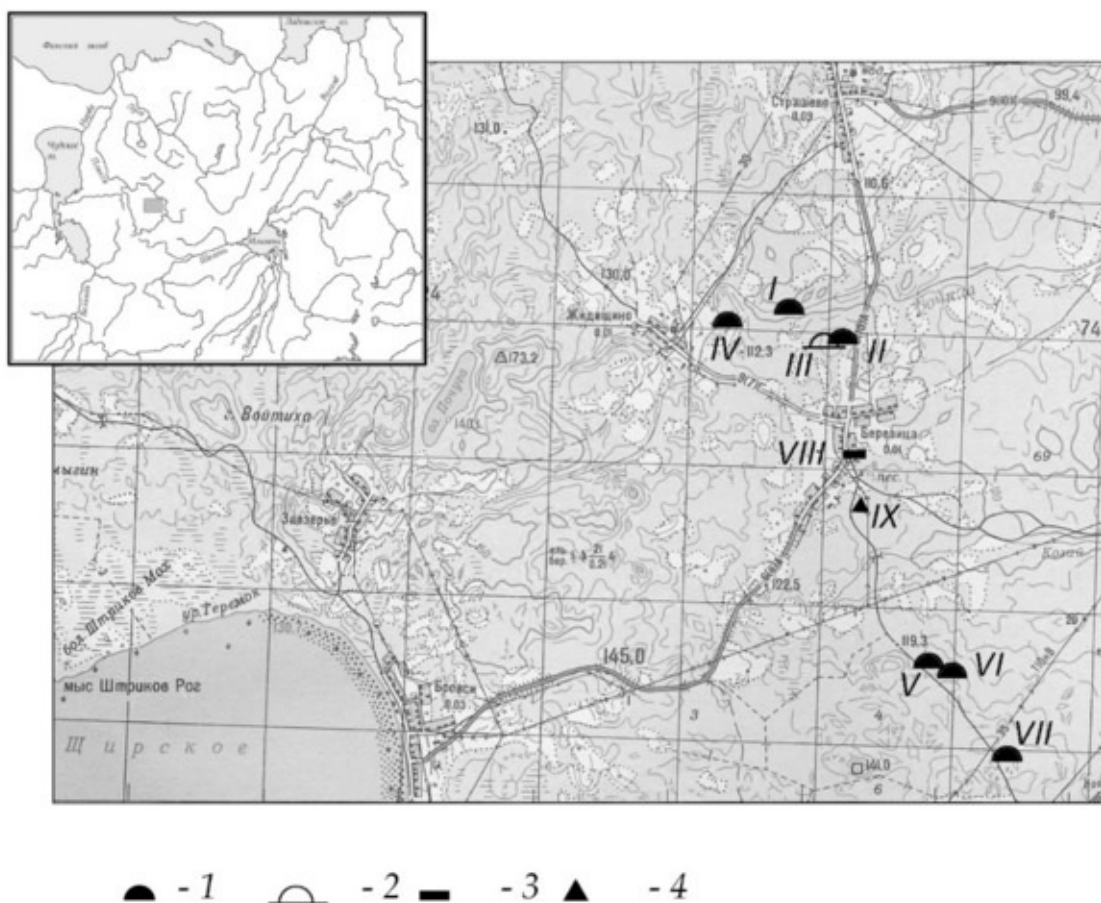

Рис. 1. Схема расположения средневековых погребальных памятников у дер. Березицы Струго-Красненского района. Римские цифры соответствуют индексам памятников в тексте. Условные обозначения: 1 — могильник культуры длинных курганов; 2 — древнерусский курганный могильник; 3 — грунтовый могильник; 4 — курганно-жальничный могильник.

Могильники культуры длинных курганов располагаются двумя скоплениями: к северу от деревни, по берегам речки Боцицы (курганные группы Березицы I и IV и одиночный курган Березицы II) и южнее деревни, на поросшей сосновым бором возвышенности (Березицы V—VII). Поселений, соответствующих этим могильникам, пока не выявлено (см. Рис. 1).

Кроме памятников культуры длинных курганов, рядом с деревней Березицы известны более поздние могильники: курганный могильник с ингумациями XI—XII вв. Березицы III на правом берегу Боцицы,

грунтовый могильник Березицы VIII близ деревенской часовни и уничтоженный карьером курганно-жальничный могильник Березицы IX, располагавшийся у юго-восточной окраины деревни.

В 1991 г. здесь были проведены раскопки нескольких насыпей КДК в группах Березицы I, IV и V, материалам которых посвящена настоящая публикация, а также древнерусских курганов с ингумациями в могильнике Березицы III. В 1996 г. здесь же был полностью раскопан могильник КДК Березицы VI, отчёт о раскопках к настоящему времени опубликован (Соболев, 2008).

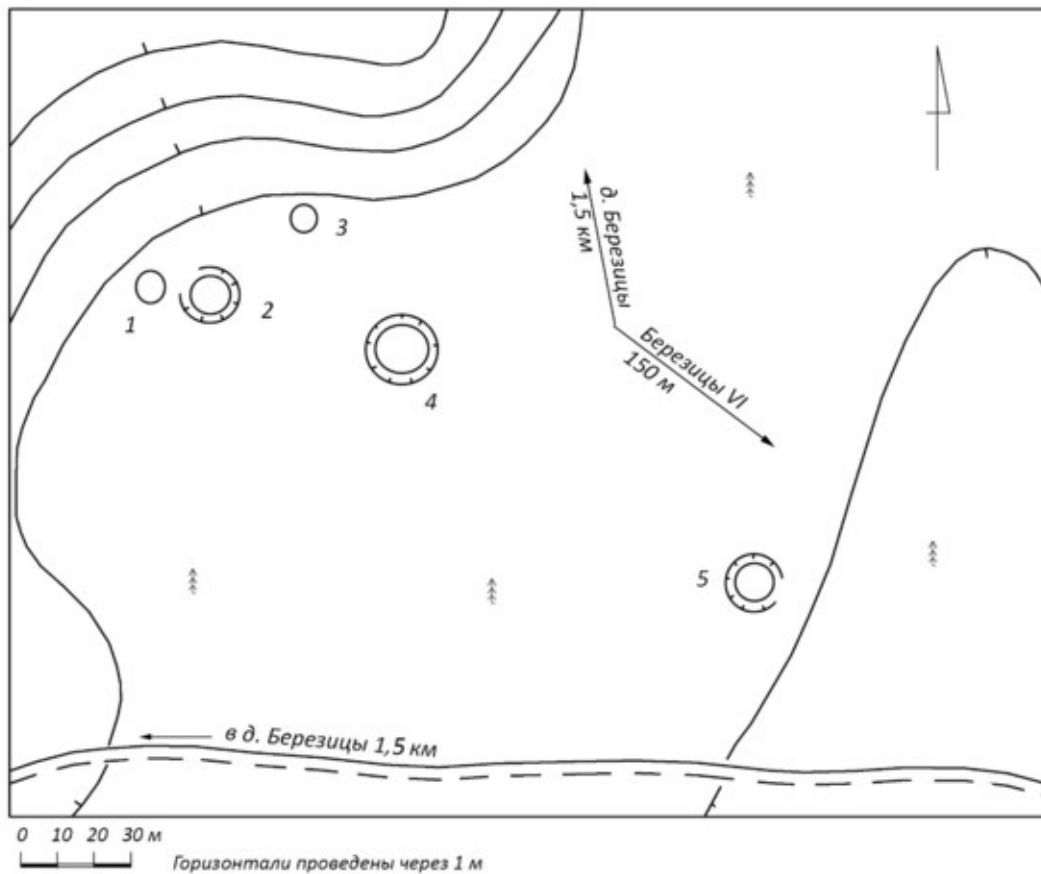

Рис. 2. План курганной группы Березицы V

Курганная группа Березицы V

Курганная группа Березицы V находится в 1,5 км к юго-востоку от д. Березицы у лесной дороги из д. Березицы к железнодорожному разъезду «197-й км» в сосновом лесу северо-западнее курганной группы Березицы VI. В 1991 г. в группе насчитывалось 5 круглых в плане насыпей, вытянутых цепочкой по вершине невысокого моренного всхолмления

(Рис. 2).

Здесь был раскопан самый северный в группе **курган (№3)** — округлая в плане насыпь размером 4×5 м, высотой около 0,4 м, вытянутая своей более длинной осью по линии северо-запад — юго-восток. В отличие от подавляющего большинства насыпей КДК, описываемый курган не был окружен ровиком (Рис. 3; 1).

Насыпь была сооружена из однородного жёлтого песка в один приём и содержала четыре погребения по обряду трупосожжения на стороне. Пережжённые кости во всех погребениях были очищены от угля.

Погребение 1 представляло собой безынвентарную россыпь пережжённых костей, лежавшую на погребенной почве узкой полосой с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Размеры пятна погребения составляли $0,4 \times 1,6$ м, толщина 0,1 м. Погребение не содержало инвентаря.

Погребение 2 — компактное скопление пережжённых костей в ямке, впущенной в южную полу кургана, размером $0,25 \times 0,35$ м и толщиной 0,1 м, также безынвентарное.

Погребение 3 было впущено в центр кургана. Это плотное скопление кальцинированных костей размером $0,5 \times 0,56$ м и мощностью 0,2 м, не содержавшее находок.

Погребение 4 покоилось в ямке, впущенной в восточную полу кургана. Это было скопление костей размером $0,3 \times 0,37$ м, мощностью 0,22 м, среди которых найдено маленькое колечко из бронзовой проволоки (Рис. 3: 2).

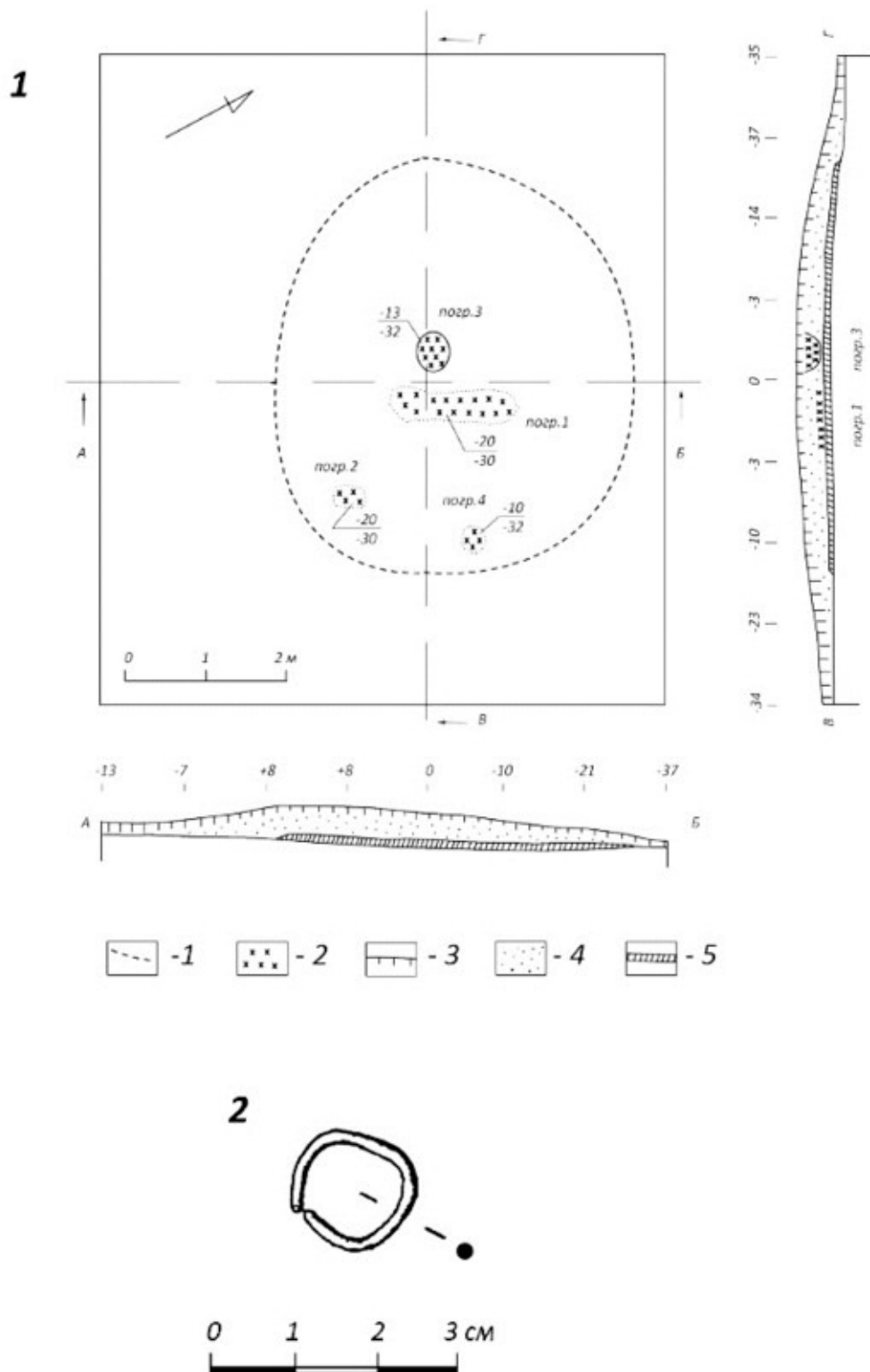

Рис. 3. Курганная группа Березицы V. Курган №3. 1). План раскопа. Условные обозначения: 1 — контур пятна погребенной почвы, 2 —

кальцинированные кости, 3 — современный дерн, 4 — песок насыпи, 5 — погребенная почва. 2). Бронзовое колечко из погребения 4.

Установить взаимное соотношение выявленных погребений невозможно, очевидно только, что самым первым, непосредственно перед возведением кургана, было совершено погребение 1.

Курганная группа Березицы IV

Курганная группа Березицы IV расположена в 0,5 км к северо-западу от д. Березицы, на всхолмлении на правом коренном берегу р. Бочицы, в смешанном лесу; она состояла из трёх круглых в плане насыпей (Рис. 4). Здесь раскопано два кургана.

Курган №3 до раскопок представлял собой округлую в плане насыпь диаметром около 8 м и высотой 0,7 м (Рис. 5).

В основании кургана лежала овальная в плане площадка размером приблизительно 7 × 9 м, прослеженная по контуру пятна погребенной почвы. Площадка была получена путем выравнивания склонов естественного низкого (до 0,3—0,4 м) возвышения, выбранного для места сооружения насыпи. Своей продольной осью она оказалась вытянута почти по линии запад — восток. С юга и северо-востока — востока подкурганная площадка была окружена узкими полукольцевыми ровиками шириной до 0,4 м и глубиной 0,4—0,55 м. На погребенной почве близ центра насыпи лежало несколько булыжников.

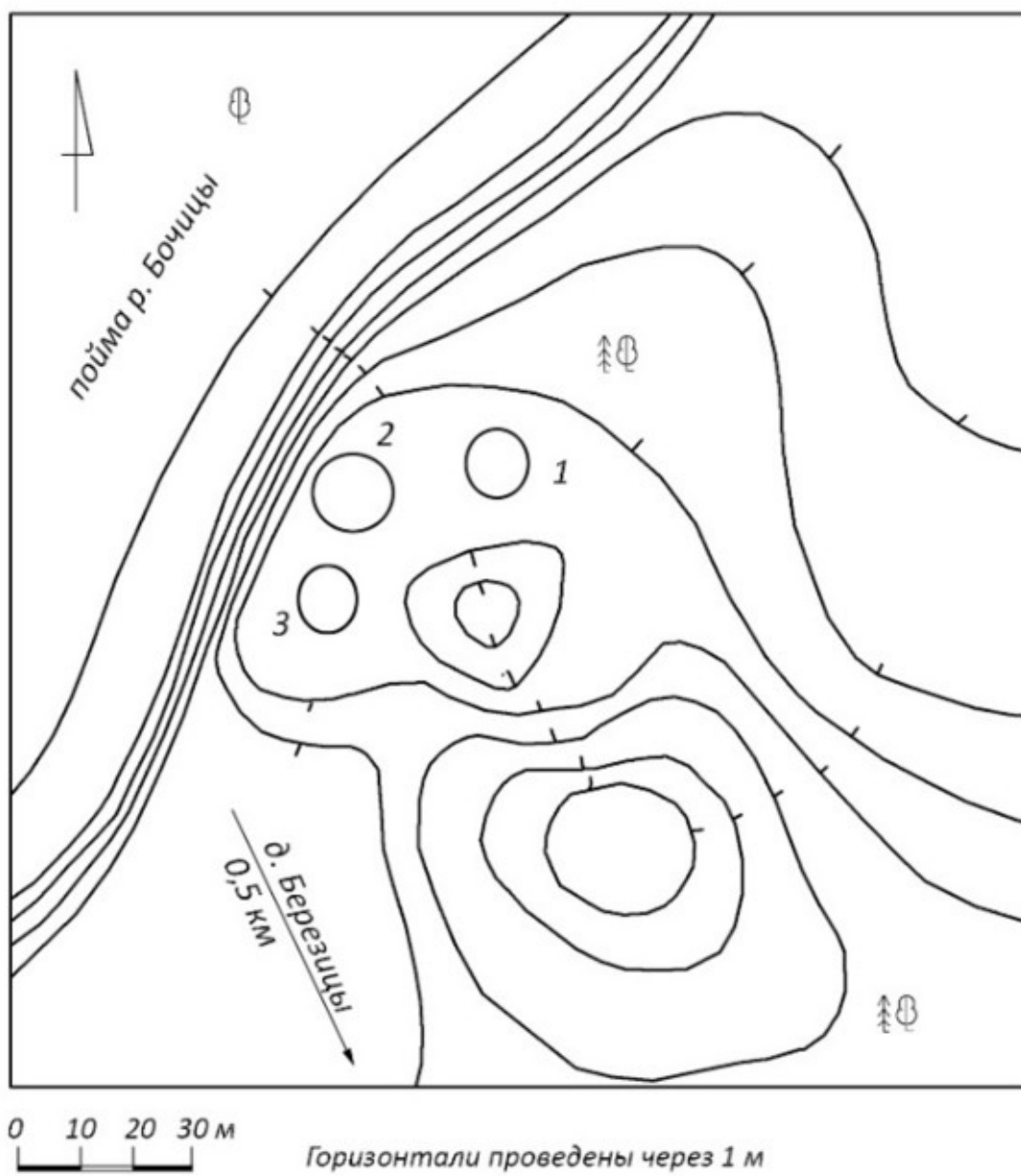

Рис. 4. План курганной группы Березицы IV

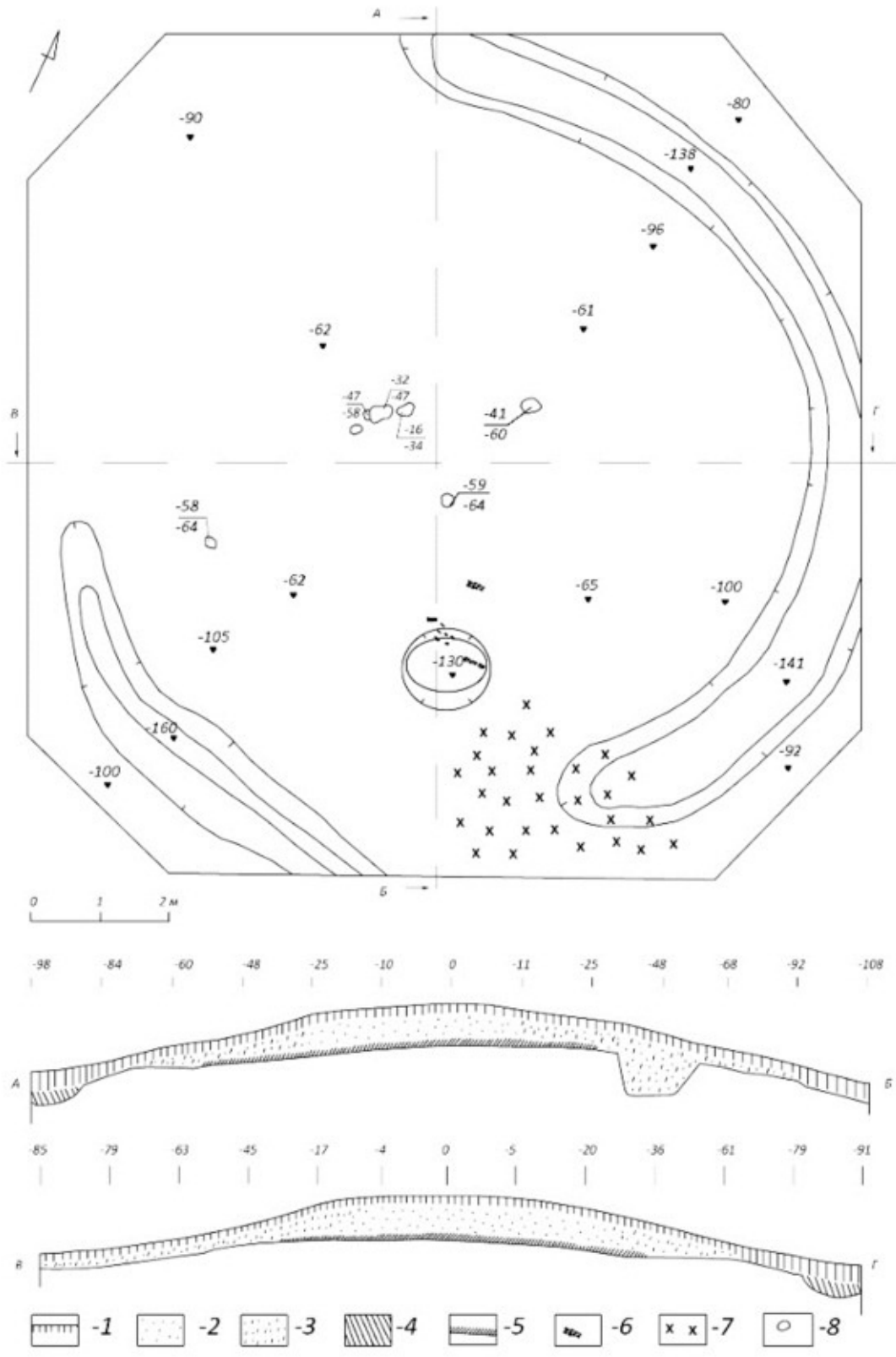

Рис. 5. Курганная группа Березицы IV. Курган №3. План раскопа. Условные обозначения: 1 — современный дерн; 2 — жёлтый песок; 3 —

серо-жёлтый песок; 4 — темно-серый песок; 5 — погребенная почва; 6 — угли; 7 — кальцинированные кости; 8 — булыжник

Насыпь кургана состояла из однородного жёлтого песка и сильно расплзлась, перекрыв расположенную под юго-восточной полкой кургана материковую яму: округлая в плане яма с плоским дном и крутыми стенками располагалась на промежутке между дугообразными рвами, ограничивавшими курган. Диаметр ямы составлял 1,2 м, глубина — 0,65 м, она была заполнена перемешанным слабо гумусированным песком. В верхней части заполнения ямы отмечены обугленные фрагменты горизонтально уложенных жердей или тонких плах; аналогичные незначительные деревянные остатки, также обуглившись, расчищены на погребенной почве севернее ямы.

В юго-восточной поле кургана, юго-восточнее описанной выше материковой ямы, в слабо гумусированном песке насыпи были собраны кальцинированные кости, залегавшие здесь во «взвешенном» состоянии. Можно предположить, что это остатки разрушившегося захоронения на вершине насыпи (может быть, на её поверхности), которое со временем оползло вместе с песком вниз, почти в ров насыпи. Других погребений в кургане не выявлено.

Курган №1 до раскопок представлял собой округлую в плане насыпь с уплощённой вершиной, диаметром около 9 м и высотой до 1,6 м (Рис. 6).

Курган был возведён на ровной круглой в плане площадке из разнородного грунта. Основной объём насыпи был сложен из светло-жёлтого суглинка, а под суглинком, на погребенной почве прослеживались незначительные по объёму подсыпки и линзы из жёлтого песка, а также прослойки темного гумусированного песка — погребенного дерна.

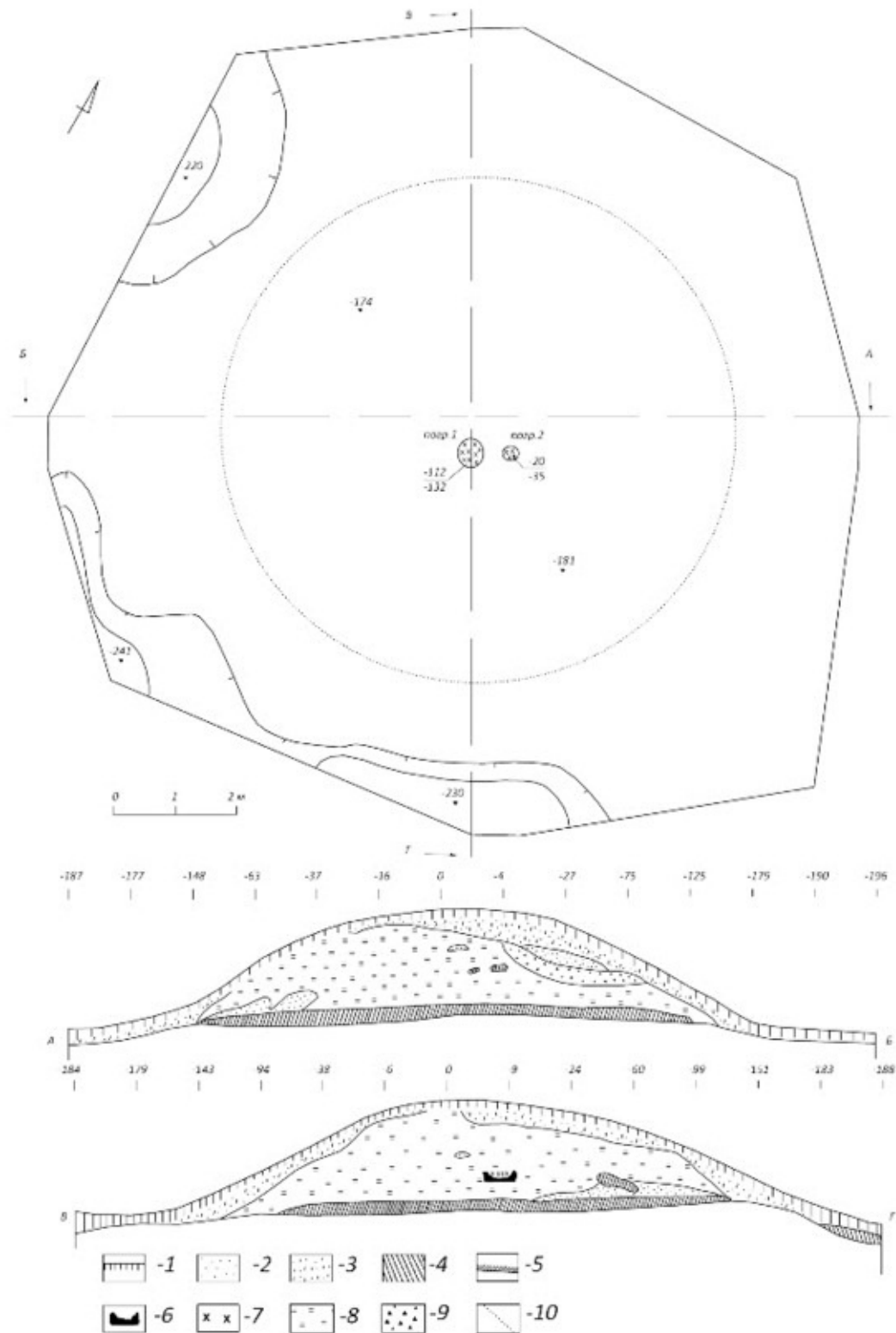
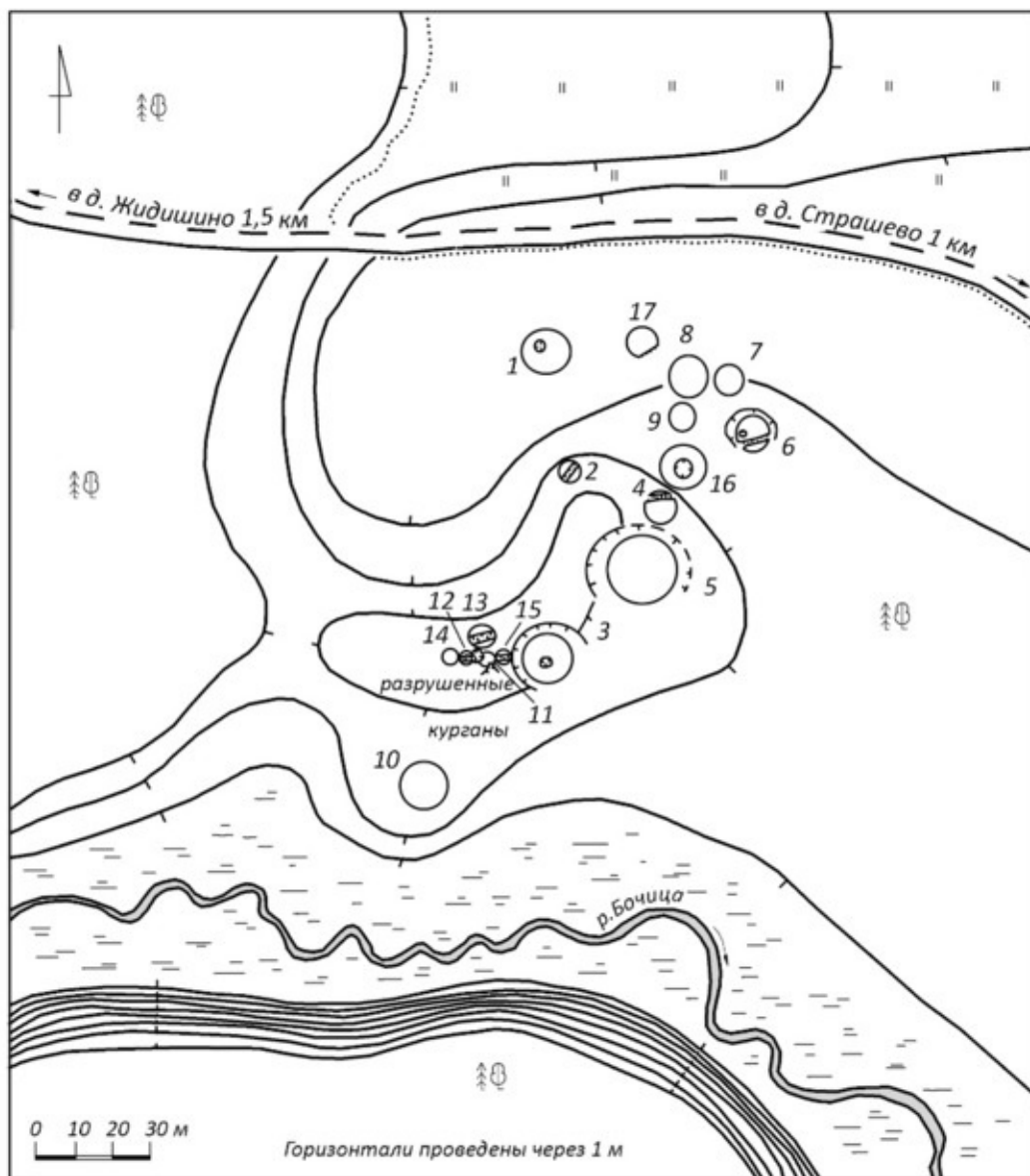

Рис. 6. Курганная группа Березицы IV. Курган №1. План раскопа.
 Условные обозначения: 1 — современный дерн; 2 — жёлтый песок; 3 —
 серо-жёлтый песок; 4 — темно-серый песок; 5 — погребенная почва; 6 —

угли; 7 — кальцинированные кости; 8 — светло-жёлтый суглинок; 9 — красноватый гравий; 10 — граница пятна погребенной почвы

1

2

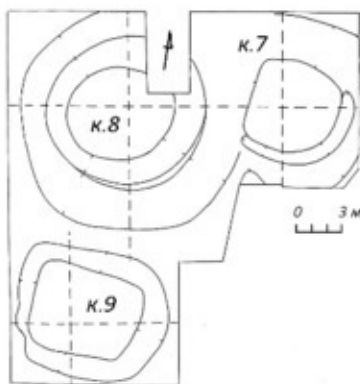

Рис. 7. Курганная группа Березицы I. 1) План памятника. 2) Схема раскопа на курганах 7—9

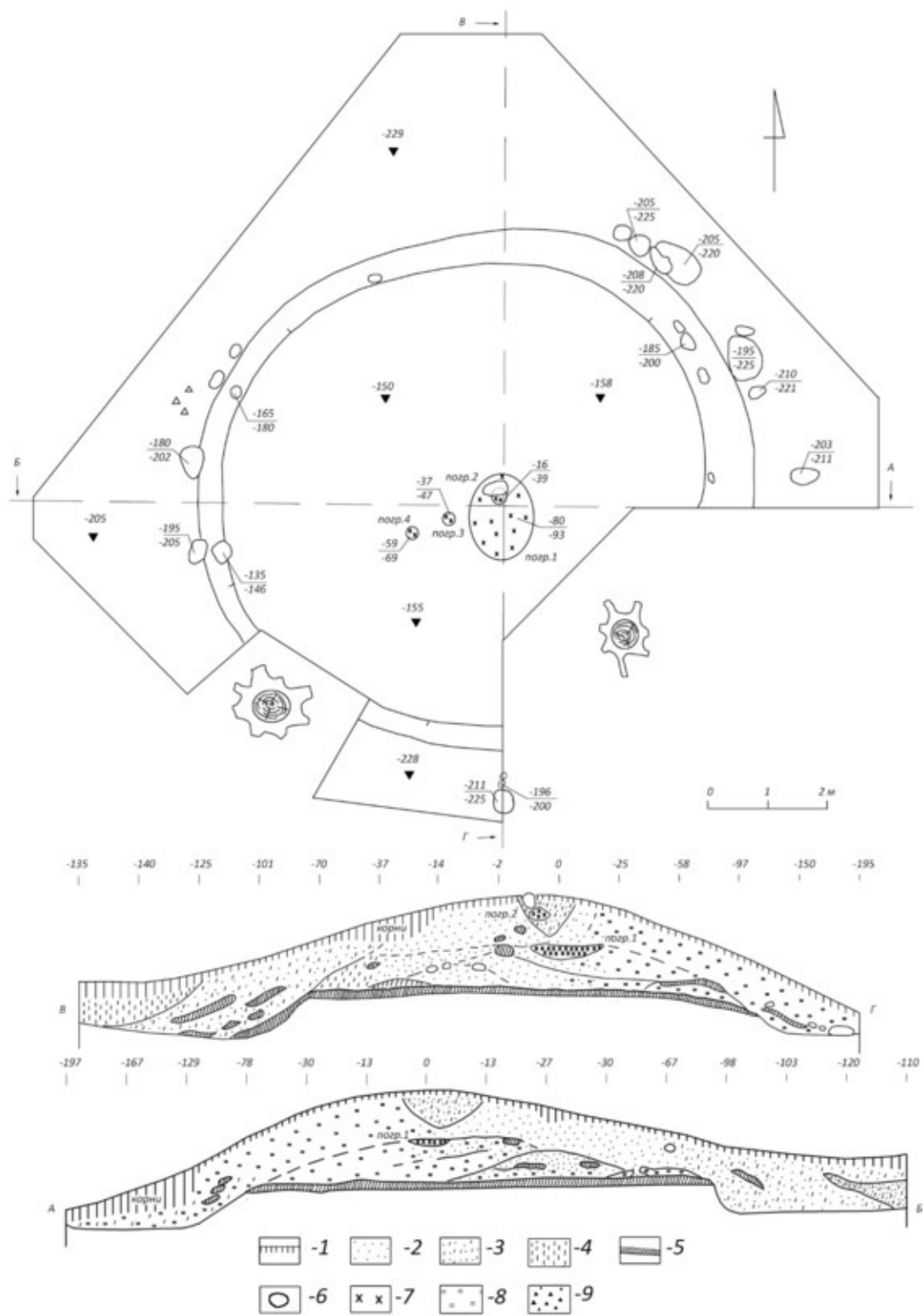

Рис. 8. Курганная группа Березицы I. Курган №10. План раскопа. Условные обозначения: 1 — современный дерн; 2 — оранжевый песок; 3 —

сероватый песок; 4 — лесной мусор и древесный тлен; 5 — темно-серый песок (погребенный дерн); 6 — камень; 7 — кальцинированные кости; 8 — жёлто-серый суглинок; 9 — красноватый гравий

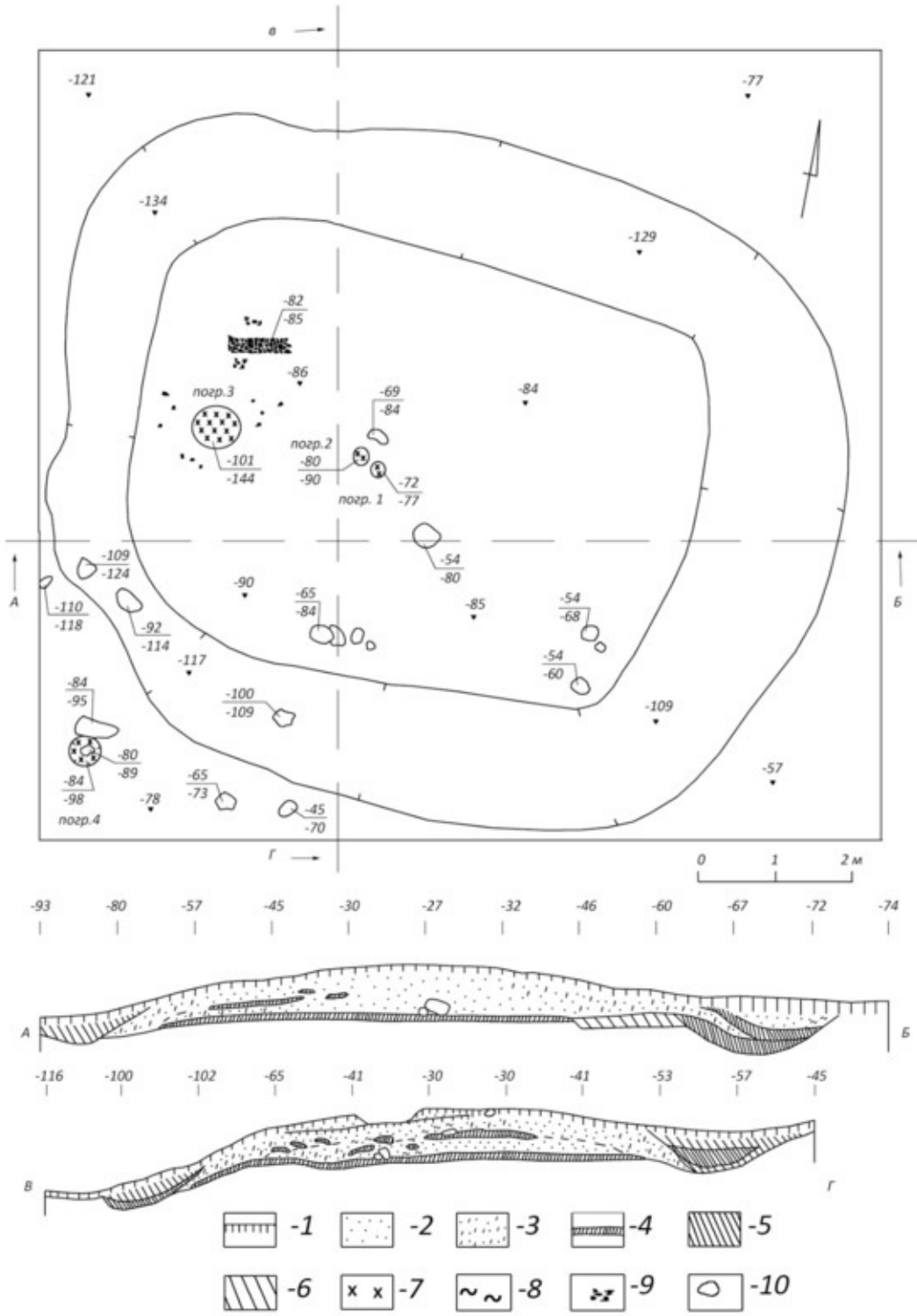

Рис. 9. Курганная группа Березицы I. Курган №9. План раскопа. Условные обозначения: 1 — современный дерн; 2 — жёлтый песок; 3 — серо-жёлтый песок; 4 — погребенная почва; 5 — чёрно-серый песок; 6 — серый песок; 7 — кальцинированные кости; 8 — подзол; 9 — угли; 10 — камень

Линзы и подсыпки в основании насыпи не отмечали собой отдельного начального этапа сооружения кургана; их наличие, по всей видимости, связано с неоднородностью грунта в том месте, где он брался для сооружения насыпи. Всё же по их направлению и форме можно проследить, что курган насыпался от центра к краям.

Вершина насыпи, её западный и южный склоны были досыпаны перемешанным жёлтым песком и красноватым моренным гравием.

Как и в случае с курганом, раскопанным в группе Березицы V, подкурганная площадка (пятно погребенной почвы в основании насыпи) не была обведена ровиком, что нехарактерно для псковских длинных курганов. Вместо обычного кольцевого рва вокруг насыпи к юго-западу и западу от неё отмечены неправильной формы ямы, из которых брался грунт для сооружения насыпи. Эти ямы вошли в пределы раскопа лишь частично.

В центре кургана было выявлено два захоронения.

Погребение 1, основное в этом кургане, находилось на глубине 1,1—1,2 м от вершины насыпи и было совершено в момент её возведения: грунт вокруг погребения и выше него однороден, без следов впущенной ямы. Погребение представляло собой линзу (размером 0,3 × 0,4 м) плохо пережжённых костей, перемешанных с сажей и значительным количеством угля. Кости погребения лежали на чётко очерченной округлой «подушке» из угля, с поднятыми краями; толщина подушки в центре составляла 0,1—0,14 м, по краю — до 0,2 м. Реконструировать облик этого деревянного вместилища не удалось, возможно, это был массивный долблёный сосуд. Среди костей погребения 1 были собраны обломки нескольких квадратных бронзовых бляшек-обоймиц с тиснёным орнаментом (Рис. 14: 1—9; Рис. 15: 1).

Погребение 2 было впущено в вершину готовой насыпи, северо-восточнее погребения 1. Оно представляло собой небольшую (0,2 × 0,3 м) линзу очищенных от угля кальцинированных костей, залегающую на глубине 0,2—0,35 м от вершины кургана. Погребение оказалось безынвентарным.

Курганная группа Березицы I

Группа Березицы I расположена в смешанном лесу в 0,7 км к северо-западу от д. Березицы на левом коренном берегу р. Бочицы близ дороги из д. Жидишино в д. Страшево (Рис. 7: 1). Помимо невысоких округлых в плане курганов, в состав группы входит несколько высоких (до 3—3,5 м) сопковидных насыпей. В южной части группы, рядом с сопковидным курганом №3 сосредоточены маленькие низкие сильно разрушенные ямами и траншеями насыпи, рядом с которыми заметны отвалы от совершенно разрушенных курганов. Всего к 1991 г. в группе насчитывалось 16 более или менее повреждённых курганов, число разрушенных неопределимо. В 1991 г. здесь раскопаны четыре наименее повреждённые сравнительно высокие насыпи.

Курган №10 — самый южный в группе, располагался на выступе коренного берега реки. До раскопок он представлял собой круглую в плане насыпь диаметром 9—10 м, высотой около 1,5 м (Рис. 8). Ровик вокруг кургана до раскопок не прослеживался.

В основании насыпи находилась круглая в плане материковая площадка диаметром около 8 м, вырезанная из низкого естественного возвышения; глубина подрезки достигала 1 м.

Первоначально, путём отсыпки концентрических валиков была сооружена насыпь высотой около 0,7 м. Она возводилась из разнородного материала: юго-восточная часть первоначальной насыпи состоит в основном из жёлто-серого суглинка, а северо-западная — из оранжевого песка. На вершине первоначальной насыпи располагалось *погребение 1* — линза пережжённых костей размером 1 × 1,6 м и толщиной 0,24 м. Судя по поперечному разрезу погребения, кости были ссыпаны в неглубокую яму с пологими стенками, вырытую в плоской вершине кургана.

Позднее курган был досыпан, вновь из разнородного материала, до общей высоты 1,5 м от уровня погребенной почвы и принял свой окончательный вид. С этим этапом сооружения насыпи связано *погребение 2*: в вершину готовой насыпи была впущена яма размером 1,1 × 1,6 м и глубиной 0,68 м. В заполнявшем её гумусированном песке несколько выше дна залегало плотное линзовидное скопление пережжённых костей размером приблизительно 0,25 × 0,25 м и мощностью 0,22 м. Погребение 2 было накрыто сверху булыжником, слегка выступавшим из современного дерна. С окончательной насыпью связаны ещё два захоронения — №3 и 4. Это небольшие плотные скопления пережжённых костей в ямках, впущенных в вершину кургана западнее погребения 2.

Ни одно из погребений в насыпи не содержало каких-либо вещей.

По склону окружающей курган подрезки и местами на её дне лежали крупные гранитные валуны. Их расположение напоминает каменную обкладку насыпи, однако камни немногочисленны. В заполнении рва-подрезки были собраны также несколько черепков поздней круговой керамики.

Курганы №7—9 были расположены рядом друг с другом в северо-восточной части могильника, они исследованы единым раскопом (Рис. 7: 2).

Курган №9 до раскопок представлял собой округлую, чуть удлинённую в плане насыпь размером 6×7 м и высотой до 0,7 м (Рис. 9).

Курган возводился в два приёма.

Первоначально был вырыт кольцевой ровик, оконтуривший прямоугольную в плане площадку размером 6×7 м, вытянутую продольной осью по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Окружавший площадку ров с уплощённым дном и пологими стенками имел глубину 0,2—0,3 м от уровня погребенной почвы, ширину — до 1,6—1,8 м, у юго-западного угла площадки сужаясь до 0,7 м.

На обведённом вром площадке была возведена первоначальная низкая насыпь высотой 0,20—0,25 м от уровня погребенной почвы. Поверхность первоначальной насыпи была покрыта дёрном: тонкая прослойка тёмно-серого гумусированного песка (погребенного дёрна) хорошо заметна в профилях кургана. На этой поверхности местами лежали некрупные булыжники — возможно, остатки какой-то вымостки. С первоначальной насыпью связано три захоронения.

Погребения 1 и 2 располагались друг рядом с другом практически в центре кургана и были очень похожи: плотные безынварные скопления пережжённых костей диаметром 0,12—0,15 м и мощностью 0,05—0,10 м, впущенные в мелкие ямки на поверхности первоначальной насыпи.

Погребение 3 располагалось в западной части подкурганной площадки в материковой яме диаметром 0,64 м и глубиной 0,43 м. Яма была сплошь заполнена пережжёнными костями вперемешку с углем и сажей. Вокруг ямы на погребенной почве зафиксировано множество мелких угольков и обугленная деревянная плашка размером $0,2 \times 0,8$ м. Находок погребение 3 не содержало.

После совершения захоронений 1 и 2 курган №9 был досыпан до своей окончательной высоты тем же жёлто-оранжевым песком, каким сложена

первоначальная насыпь. С этим этапом возведения насыпи захоронений не связано.

К юго-западу от кургана, с внешней стороны рва, было выявлено *погребение 4*. Очищенные от угля пережжённые кости располагались в материковой ямке диаметром ок. 0,4 м и глубиной до 0,15 м. Сверху ямка была закрыта большим булыжником, с течением времени сползшим вниз по склону рва. Погребение безынвентарное.

Курган №7, подквадратной в плане формы, был ориентирован своими сторонами практически по сторонам света. До раскопок он имел размеры приблизительно 5,8 м × 5,8 м и высоту около 1 м (Рис. 10).

В основании кургана лежала подквадратная площадка размером 5,5×5,5 м, полученная путём подрезки склонов низкого естественного всхолмления. С юга и востока площадку окружал дугообразный ров шириной до 0,8 м и глубиной до 0,2 м.

В центре подкурганной площадки располагалась куча из крупных валунов, наваленных друг на друга в 2—3 яруса. Эта конструкция возвышалась над уровнем первоначальной насыпи, достигавшей высоты 0,4 м от погребенной почвы. Поверхность первоначальной насыпи хорошо прослеживалась по прослойкам погребенного дёрна на ней, разнице в цвете и структуре песка.

С первоначальной насыпью связано два захоронения. *Захоронение 1* зафиксировано на погребенной почве на южном краю подкурганной площадки в виде россыпи кальцинированных костей без примеси угля или сажи. *Захоронение 2* — компактная линза очищенных от угля, хорошо пережжённых костей диаметром 22 см и толщиной 15 см — было помещено между валунами в центре насыпи. Оба погребения безынвентарны.

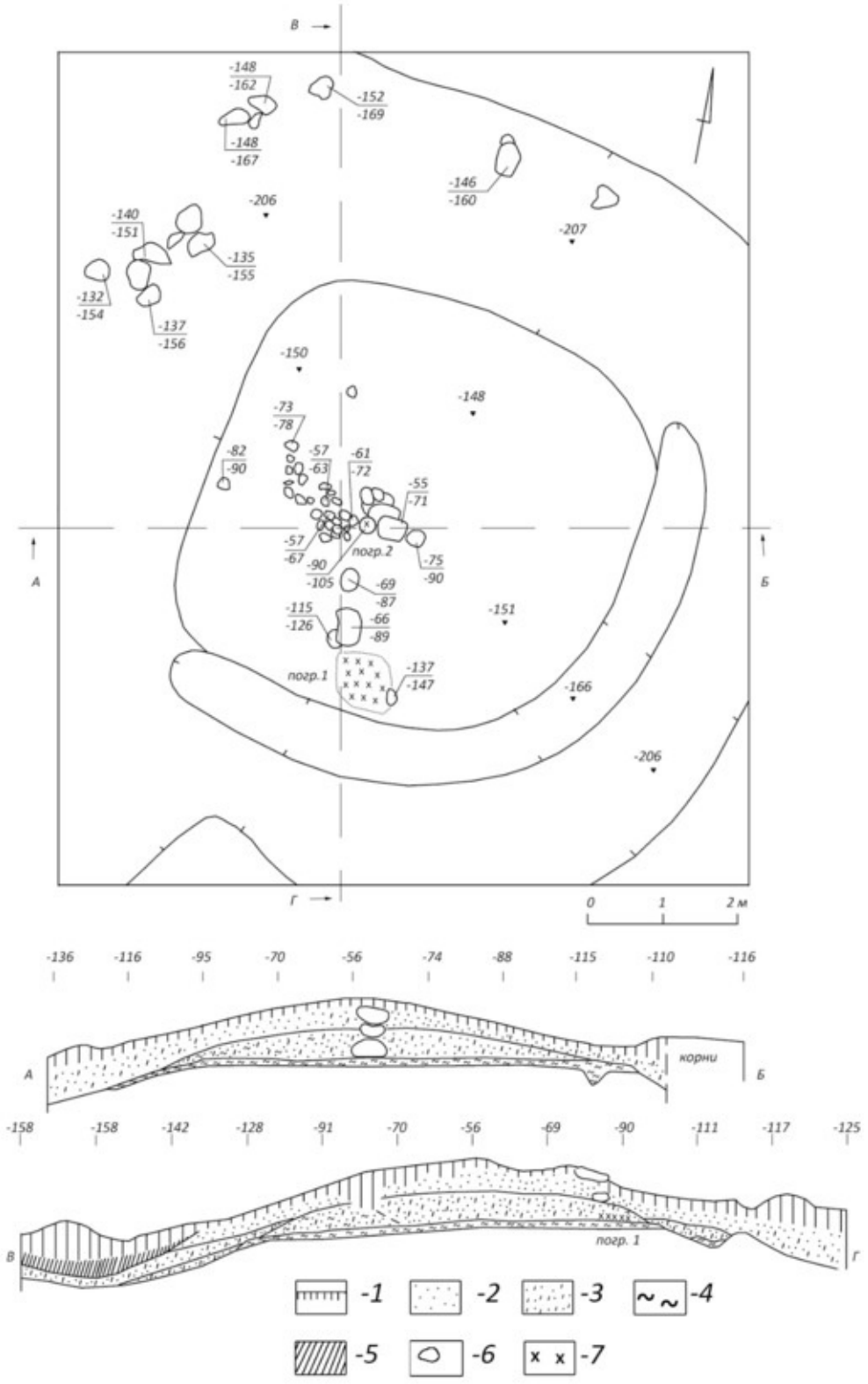

Рис. 10. Курганная группа Березицы I. Курган №7. План раскопа. Условные обозначения: 1 — современный дерн; 2 — жёлтый песок; 3 —

серо-жёлтый песок; 4 — подзол; 5 — чёрно-серый песок; 6 — камень; 7 — кальцинированные кости

На втором этапе сооружения курган №7 приобрел свой окончательный вид. На вершине вновь сооружённой насыпи были уложены мелкие бульжники, проступавшие из современного дёрна. Одновременно с увеличением объёма насыпи, курган был окружён мощным рвом-подрезкой, со своей западной стороны выведенным в ров-подрезку соседнего кургана №8, из чего можно заключить, что в своём окончательном виде курган №7 является более поздним, чем окончательная насыпь кургана №8 (см. Рис. 7; 2).

Захоронений, связанных с этим этапом возведения кургана, не выявлено.

Обнаруженные с северо-западной и северной стороны кургана во «взвешенном» состоянии в заполнении рва-подрезки валуны, судя по всему, не связаны с курганом, а были принесены сюда (возможно, при расчистке поля поблизости).

Курган №8 — самый крупный из исследованных здесь — имел и наиболее сложную структуру (Рис. 11).

Первоначально это была низкая (до 0,4 м) овальная в плане насыпь размером 2,7 × 3,6 м, на вершину которой было помещено безынвентарное захоронение №7 — незначительная россыпь очищенных от угля пережжённых костей размером 0,2 × 0,2 м и толщиной 0,05 м. С первоначальной насыпью связаны также впущенные в неё захоронения 5 и 6.

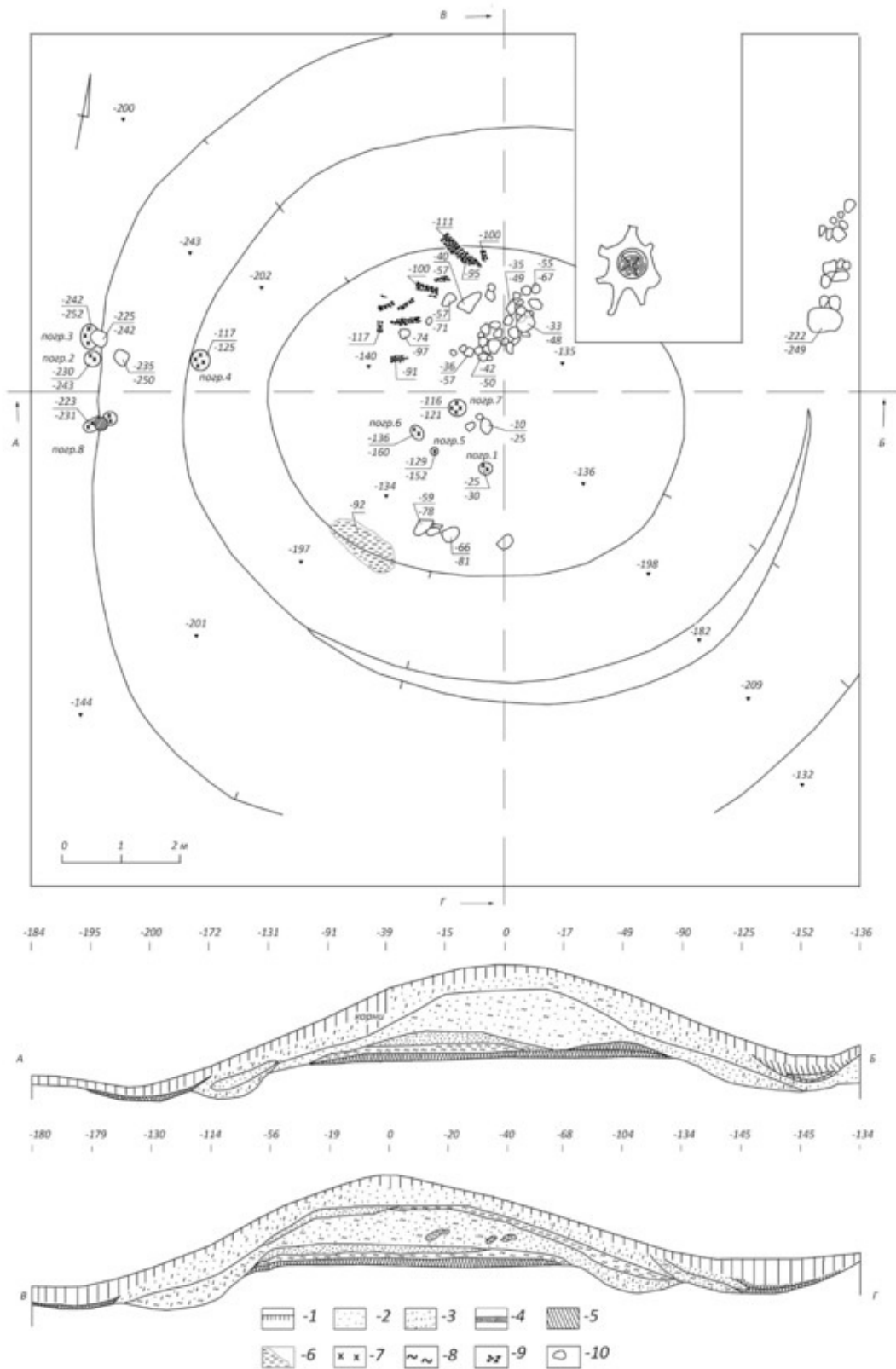

Рис. 11. Курганная группа Березицы I. Курган №8. План раскопа.
 Условные обозначения: 1 — современный дерн; 2 — жёлтый песок; 3 —

серо-жёлтый песок; 4 — погребенная почва; 5 — темно-серый песок; 6 — прокаленное пятно; 7 — кальцинированные кости; 8 — подзол; 9 — угли; 10 — камень

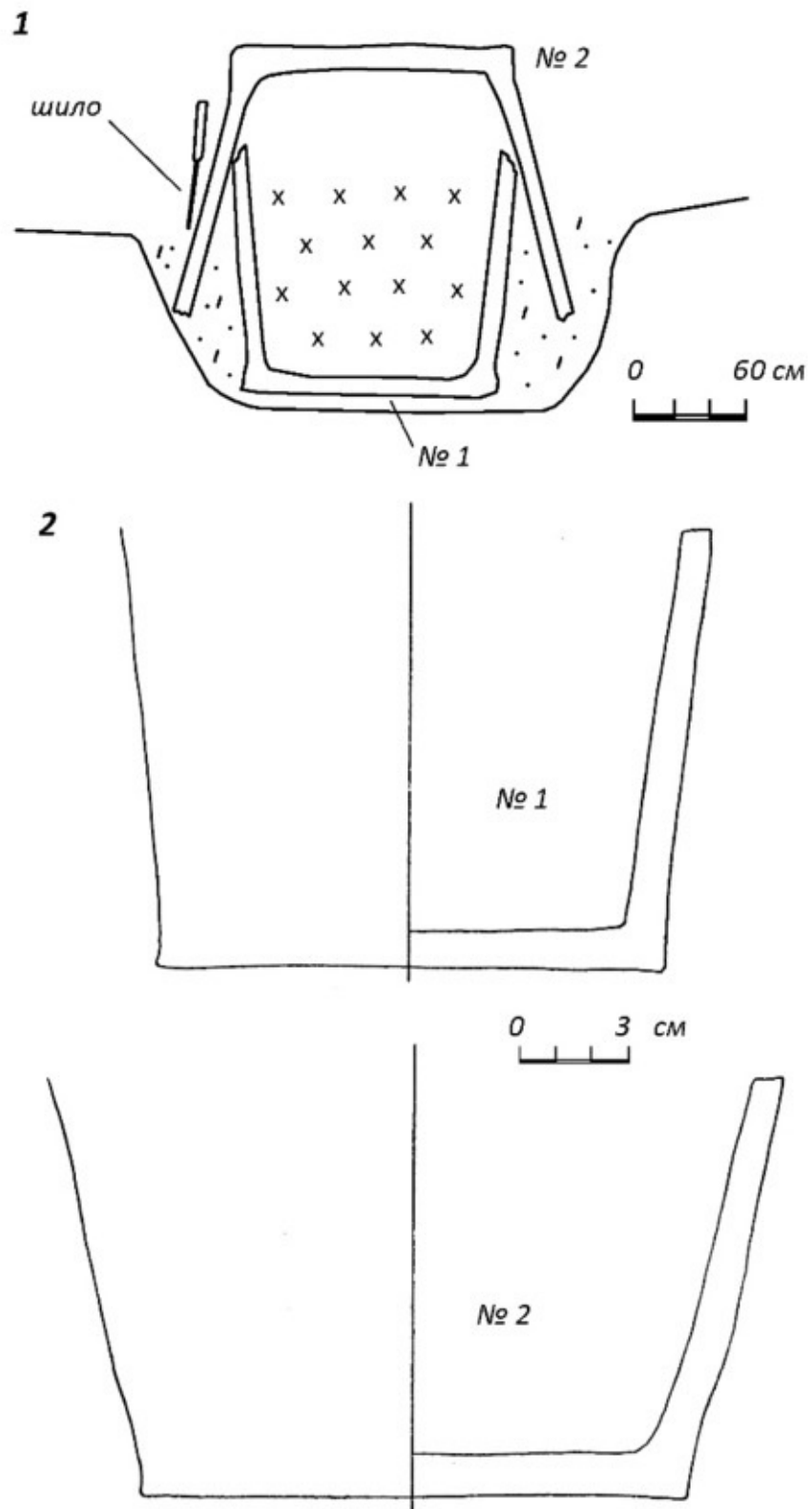
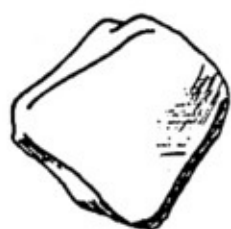
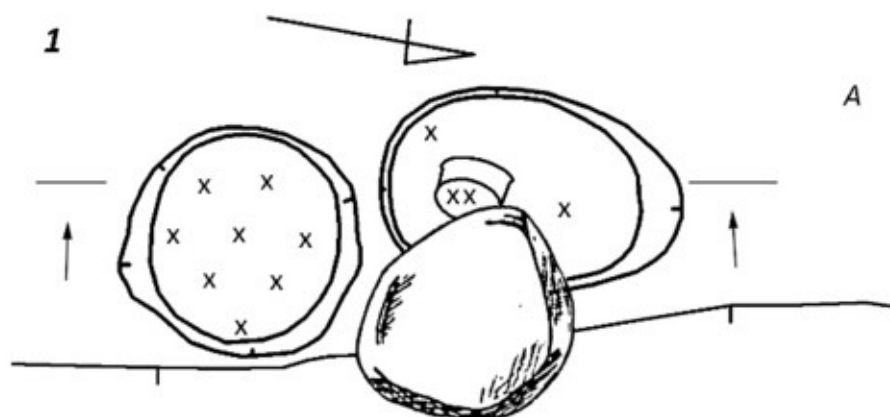

Рис. 12. Курганная группа Березицы I. Курган №8. Погребение 5. 1) Схематический разрез погребения. Условные обозначения — как на рис.

11). 2) Урны.

2

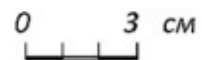
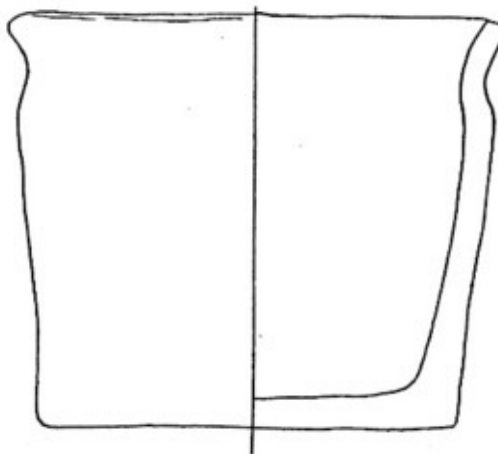

Рис. 13. Курганная группа Березицы I. Курган №8. Погребения 2 и 3. 1) План и схематический разрез. (Условные обозначения — как на рис. 11). 2) Урна из погребения 3.

Захоронение 5 представляло собой компактную массу очищенных от угля кальцинированных костей, помещённых в лепной сосуд—урну. Сверху урна была накрыта другим, перевернутым вверх дном, лепным сосудом (Рис. 12; 1). Оба сосуда толстостенные, баночной формы, с примесью значительного количества крупной дресвы в тесте и чрезвычайно слабого обжига. Венчики обоих раскрошились (Рис. 12; 2). Рядом с захоронением, вплотную к нему, было помещено железное шило с деревянной ручкой (Рис. 14; 11); ржавчина от него окрасила поверхность сосуда-покрышки.

Захоронение 6 представляло собой компактное скопление очищенных от угля пережжённых костей, помещённое в неглубокую ямку на поверхности первоначальной насыпи. Среди косточек были встречены два похожих орнаментированных полых костяных предмета (возможно, игольники), побывавшие в сильном огне⁴⁸ (Рис. 14: 12, 13).

Вторым этапом сооружения кургана №8 стала окружённая неглубоким ровиком насыпь с плоской вершиной и крутыми склонами, в плане — подчетырёхугольная со скруглёнными углами. Её размеры 6,8 × 5,7 м, высота от уровня погребенной почвы — 1 м. Поверхность насыпи хорошо прослеживается по слою погребенного оподзоленного дёрна. С этой насыпью не связано каких-либо захоронений. По периметру плоской подквадратной в плане вершины вновь сооруженной насыпи была устроена низкая стенка из мелких булыжников, уложенных в 4—6 ярусов. Позднее кладка оказалась частично разобрана при реконструкции насыпи, а ещё позднее — разворочена корнями выросшей здесь сосны. По склонам описываемой насыпи были расчищены остатки горевшего на её вершине костра. Большие сосновые плахи, очевидно, были поставлены «шалашиком» и, прогорая, опрокидывались вниз по склону.

На третьем этапе своего сооружения насыпь была окружена мощной подрезкой шириной до 2 м и приобрела свои окончательные размеры — диаметр ок. 10 м, высоту 1,5—1,6 м от уровня погребенной почвы и до 2,2 м со дна рва-подрезки. С окончательной насыпью связано два захоронения.

Захоронение 1 — незначительное скопление очищенных от угля пережжённых костей в вершине насыпи сразу под дёрном — инвентаря не содержало.

Захоронение 4 было впущено в самый край западной полы окончательной насыпи, оплывшей в ровик. Здесь среди пережжённых костей найдены фрагменты полностью расплавленных тёмно-синих стеклянных бус.

К западу от кургана, с внешней стороны рва-подрезки, было выявлено ещё три погребения. Все они были совершены в материковых ямках, накрытых сверху крупными булыжниками. С течением времени камни сползли вниз по склону в ров.

Захоронение 3 было помещено в опрокинутую вверх дном урну — небольшой лепной сосуд баночной формы, в целом аналогичный сосудам из захоронения 5, но меньших размеров, с более тонкими стенками (Рис. 13). Слабо обожжённое рыхлое дно урны, придавленное тяжёлым камнем, сильно раскрошилось. Очищенные от угля кости лежали внутри урны, отдельные косточки встречались также вокруг неё, в слабо гумусированном песке, заполнявшем ямку.

Захоронение 2 было помещено, по-видимому, в туесок или сверток из луба, от которого сохранились слои тёмного органического тлена, подстилавшего и перекрывавшего очищенные от угля кальцинированные кости (см. Рис. 13: 1). Среди костей в южной части ямки собраны сильно оплавленные тёмно-синие стеклянные бусы.

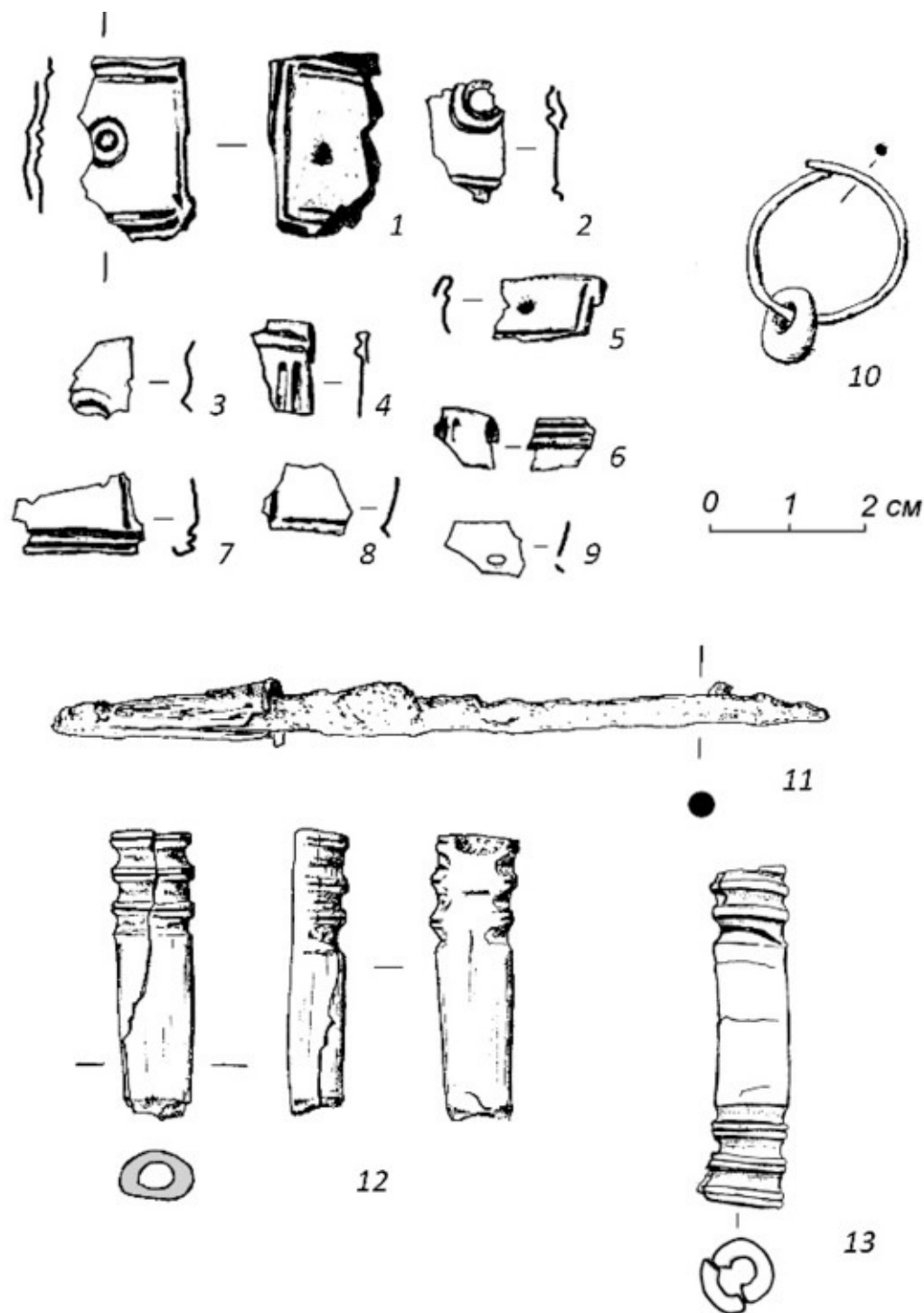

Рис. 14. Находки из курганов близ дер. Березицы. 1—9 — Березицы IV, курган 1, погр. 1; 10 — Березицы I, курган 8, погр. 8; 11 — Березицы I, курган 8, погр. 5; 12, 13 — Березицы I, курган 8, погр. 6. (1—9 — бронза; 10 — бронза, синее стекло; 11 — железо, дерево; 12, 13 — кость)

Захоронение 8 — скопление очищенных от угля пережжённых костей,

среди которых найдено бронзовое проволочное колечко с напущенной на него тёмно-синей стеклянной бусиной (Рис. 14: 10).

По всей вероятности, «сопка», раскопанная Н. Ф. Арепьевым на левом берегу Бочицы у дороги в д. Страшево, тоже была одной из высоких насыпей курганной группы Березицы I.

Автор раскопок писал: «Третья раскопка была произведена мною в трёхстах саженях от этого же селения Березицы на границе земель этого селения и соседнего Страшева (в 3-х верстах), на берегу протекающей здесь речки Бочицы. На указанном месте — ряд больших сопок, по правому берегу их пять, от 1 до 1 ½ сажени вышины и в окружности от 50 до 100 шагов, все сопки поросли мелким сосняком, местность довольно высокая и глухая и потому в насыпях много барсучьих нор. По левому берегу Бочицы, близ дороги, 2 сопки, одна из них и была мною вскрыта. Раскопка произведена с юга траншеей, которой пройдено $\frac{3}{4}$ сопки. При углублении траншеи на 1½ аршина, открыта на $\frac{1}{2}$ аршина от грунта незначительная угольная прослойка; других следов погребения, а равным образом и каких-либо предметов не найдено. Насыпь всё время резко делилась на два слоя: нижний — гравий и подзол, верхний — песок полевой жёлтый. Высота раскопанной сопки 4 арш., диаметр 3 ½ саж. Мною раскопана сопка более сохранившаяся, тогда как другие носят явные следы работ кладоискателей. В Березице мне рассказывали, что при одном из таких разрытий были будто бы найдены старый меч и большая медная денга». (Арепьев, 1900. Л. 11).

Среди обследованных нашей экспедицией, насыпи со следами таких раскопок нет, возможно, располагавшаяся на поле у дороги насыпь не сохранилась. Какие «большие сопки» Н. Ф. Арепьев отметил на правом берегу Бочицы, сказать затруднительно: все обследованные здесь в 1980—1990-х гг. курганы невысоки.

Рис. 15. Находки из курганов близ дер. Березицы. Фото. 1 — Березицы IV, курган 1, погр. 1; 2 — Березицы V, курган 3, погр. 4; 3 — Березицы I, курган 8, погр. 6 (1, 3 — бронза, 2 — кость)

Результаты раскопок Н. Ф. Арепьева во многом сходны с описанными

выше: зафиксированы неоднородность грунта насыпи, наличие угольной прослойки, по-видимому, двухэтапность сооружения.

Исследованные в 1991 г. близ д. Березицы насыпи в целом типичны для культуры псковских длинных курганов: расположение в характерных ландшафтных условиях, частая многоэтапность сооружения насыпей, значительная вариативность в способах помещения в насыпь кремированных останков. Достаточно характерны для погребальной обрядности КДК и захоронения в грунтовых ямках с внешней стороны окружающего курган рва (ср.: *Исланова*, 2006, с.55—57; *Соболев*, 2008, с. 120—121; *Михайлова*, 2010а, с.44; *Михайлова* 2010б, с. 105).

Вместе с тем в Березицких курганах заметны и черты, несвойственные КДК: отсутствие рвов вокруг курганов в группах Березицы IV и V и замена обычных кольцевых ровиков глубокими подрезками без выраженного внешнего края у высоких курганов в группе Березицы I. Курган 8 в могильнике Березицы I по своему внутреннему устройству выказывает определённое сходство с сопками, в частности с раскопанной К. Д. Трофимовым в 30 верстах от Березиц сопкой у д. Средние Озерцы (см.: *Чернягин*, 1941, с. 99).

Обращает на себя внимание и материал насыпей. Курган 10 в могильнике Березицы I частично, а курган 1 в могильнике Березицы IV почти полностью были сложены из суглинка, что редкость для насыпей КДК, располагающихся в борových ландшафтах. Присутствие суглинка в насыпях курганов отмечено и для группы Березицы VI (*Соболев*, 2008, с. 130). По всей вероятности, это обстоятельство можно объяснить местными природными условиями.

Находки, собранные при раскопках 1991 г., немногочисленны и в целом не очень информативны.

Из баночных лепных сосудов только один сохранил свой полный профиль (см. рис. 13: 2). Это приземистый баночный сосуд со слабо отогнутым венчиком, который можно отнести к типу 11 по Н. В. Лопатину (*Лопатин*, 2003, с. 54, Рис. 1: 11), встречающемуся по всей территории культуры длинных курганов на протяжении длительного времени.

Проволочное бронзовое колечко с напущенной на него синей бусиной, найденное в грунтовом погребении 8 рядом с курганом 8 группы Березицы I, относится к довольно локальной категории находок. Ближайшие аналогичные предметы встречены при раскопках могильника Березицы VI (*Соболев*, 2008, рис. 4: 2, 5), в целом такие колечки характерны для

памятников КДК, расположенных в Юго-Восточной Эстонии и к востоку от Чудского озера вплоть до верхнего течения Плюссы. Узко датировать эти предметы пока не удастся (Михайлова, 2014, с. 113—116).

Квадратные тиснёные бляшки-обоймицы, встреченные в кургане 1 группы Березицы IV (не менее 2—3 экз.) также относятся к находкам, характерным для КДК и практически не встречающимся в других древностях. Аналогичны березицким находкам по своей орнаментации бляшки-обоймицы, найденные в могильниках Березно I в бассейне Плюссы, Потерпелицы I в бассейне Мсты и Стёпаново III в бассейне Мологи (Михайлова, 2014, с. 64—68).

В целом, скопление курганных могильников у д. Березицы дало новые важные материалы для изучения погребальных памятников культуры псковских длинных курганов и требует продолжения исследований.

Источники и библиография:

Арепьев Н. Ф. 1900. О раскопках г. статского советника Н. Ф. Арепьева в Лужском уезде СПб. губернии // РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1900 г. Д. 119.

Данилов И. Г. 1880. Раскопки слушателями Института курганов в Гдовском и Лугском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. (Из летних экскурсий слушателей в 1878/9 академическом году) // Сборник Археологического Института. Кн. 3, отделение I. СПб. С. 20—40.

Исланова И. В. 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: б.и. 288 с.

Лопатин Н. В. 2003. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 214. С. 43—58.

Михайлова Е. Р. 2010а. Полностью исследованный могильник культуры псковских длинных курганов Берёзно I // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: Сборник научных статей / Отв. ред. Е. Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История. С. 7—54.

Михайлова Е. Р. 2010б. Комплекс памятников в урочище Колода близ дер. Засобье (Лужский р-н Ленинградской области // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: Сборник научных статей / Отв. ред. Е. Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История. С. 81—108.

Михайлова Е. Р. 2014. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic

Publishing. 427 с.

Соболев В. Ю. 2008. Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI // Археологические вести. №15. С. 118—132.

Чернягин Н. Н. 1941. Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // Этногенез восточных славян. Т.1 / Под ред. М. И. Артамонова (МИА. №6). М.; Л.: Изд-во АН СССР. С.93—148.

Соболев В. Ю.

Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI⁴⁹

В окрестностях д. Березица Струго-Красненского района Псковской области зафиксировано большое скопление археологических древностей эпохи средневековья, включающее более десятка разновременных памятников. Наиболее ранние из них оставлены населением так называемой культуры длинных курганов, а самые поздние могут быть отнесены к развитому древнерусскому времени — вплоть до конца XII в. или даже позднее (Рис. 1).

Впервые археологические памятники, находящиеся в окрестностях д. Березица Яблонецкой волости Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии, попали в поле зрения учёных в июне 1879 г., когда слушатель Московского археологического института И. Г. Данилов был командирован в Лугский и Гдовский уезды Санкт-Петербургской губернии с целью, как он сам пишет, собирания «сведений о находящихся здесь древних насыпях», «и затем для опыта предпринял несколько отдельных раскопок» (Данилов, 1879. С. 20). Публикуя отчёт о поездке, И. Г. Данилов приводит краткие сведения о памятниках волости, полученные им во время подготовительных работ. В списке указаны «при деревне Березице древнее кладбище близ горы и шесть сопок» (Данилов, 1879. С. 21).

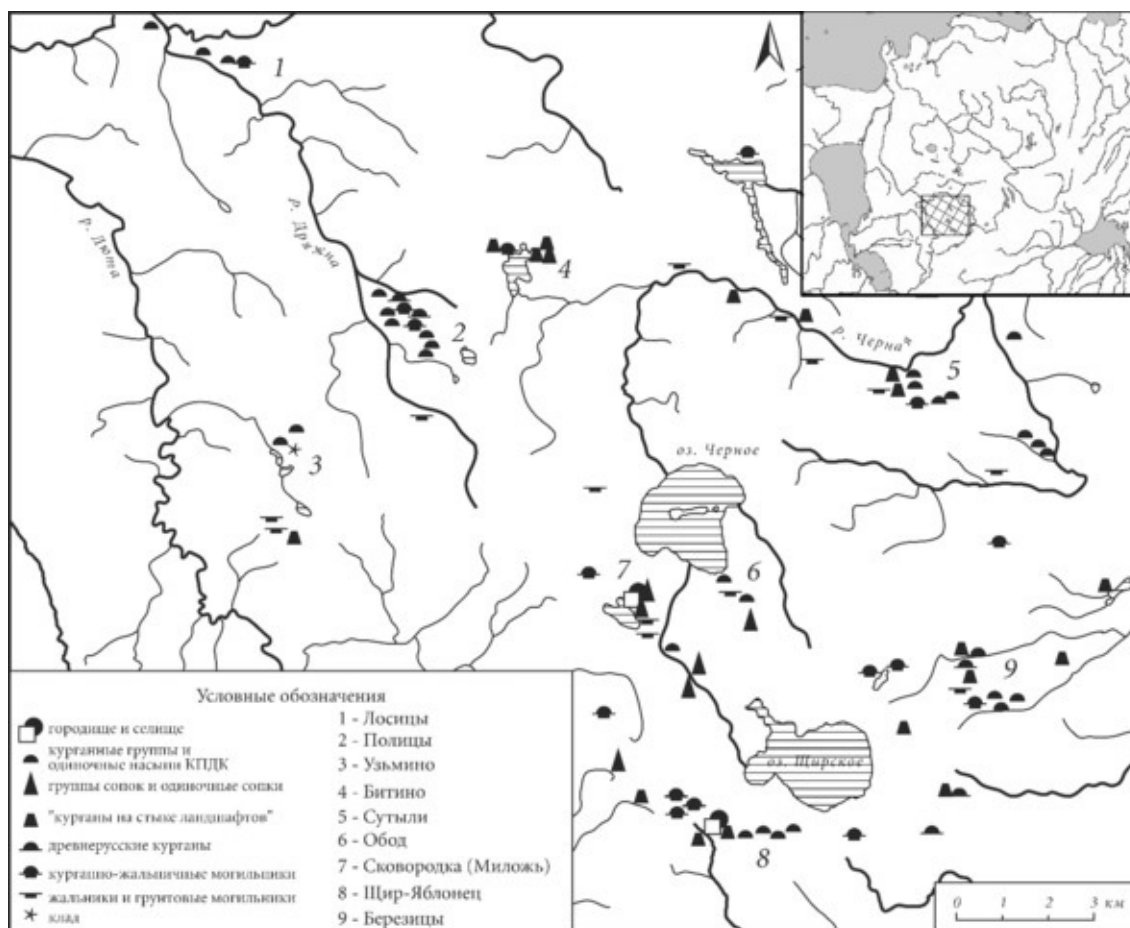

Рис. 1. Археологические памятники Щиро-Чернозерского межозерья

Позднее, в начале XX столетия, памятники были осмотрены преподавателем и воспитателем 3-й Санкт-Петербургской гимназии статским советником Николаем Федоровичем Арепьевым, который зафиксировал могильник, расположенный «частью под самым селением по правому берегу протекающего близ него ручья, частью по левому» (О раскопках..., 1900. Л. 9), и «ряд больших сопок» в 300 саженях к северу от деревни» (О раскопках..., 1900. Л. 11). Правобережная часть могильника, судя по отчётной документации Н. Ф. Арепьева, — древнерусское курганное или курганно-жальничное кладбище, уже ко времени указанного обследования была сильно повреждена в результате хозяйственной деятельности, часть насыпей разрушена, камни обкладок свезены крестьянами на фундаменты и для других целей. Левобережная сохранилась значительно лучше и состояла примерно из 20 насыпей с каменной облицовкой и без неё.

Тогда же Н. Ф. Арепьевым были раскопаны две могилы, и одна сопка, располагавшаяся на левом берегу р. Бочицы у дороги из д. Березица в д.

Страшево. Изученные древнерусские насыпи дали следующие результаты: «одна без каменной облицовки, оказавшаяся пустою, другая с каменными обочинами с особо большими валунами в западном и восточном конце могилы; высота могилы $\frac{1}{2}$ аршина, длина 3 аршина, ширина 2 аршина. В этой могиле на уровне около $1\frac{1}{2}$ арш. от поверхности насыпи найдены два костяка замечательно сохранившиеся: оба лежали рядом головами к западу; большой, как можно думать, мужской с правой стороны (южной), меньший, женский с левой стороны (северной). Никаких предметов при раскопках не найдено» (О раскопках..., 1900. Л. 10). Исследование сопки велось «с юга траншеей, которой пройдено $\frac{1}{4}$ сопки. При углублении траншеи на $1\frac{1}{2}$ аршина открыта на $\frac{1}{2}$ аршина от грунта незначительная угольная прослойка; других следов погребения, а равным образом и каких-либо предметов не найдено. Насыпь всё время резко делилась на два слоя: нижний — гравий и подзол, верхний — песок полевой жёлтый. Высота раскопанной сопки 4 арш. диаметр $3\frac{1}{2}$ саж.» (О раскопках..., 1900. Л. 11). Исследованная сопка была наиболее целой, тогда как другие носили отчётливые следы кладоискательских раскопок. Несмотря на проведённый опрос крестьян, тщательный сбор местных легенд и сведений о памятниках древности, другие погребальные сооружения в окрестностях д. Березицы остались Н. Ф. Арепьеву неизвестны.

Более того, по непонятной мне причине, памятники данного микрорегиона не были учтены и при сборе сведений для составления археологической карты Санкт-Петербургской губернии в начале XX в., и, вероятно, как следствие этого, остались не осмотрены Н. Н. Чернягиным, Г. П. Гроздиловым и А. А. Иессеном — сотрудниками экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской губернии (позднее области), проводившими широкомасштабные разведочные обследования в 1927—1931 гг.

Тщательное обследование Широ-Чернозерского межозерья и массива сосновых боров между оз. Щир и р. Плюссой, протекающей большой дугой к востоку и северу, было проведено лишь во второй половине 1980-х годов. На протяжении нескольких полевых сезонов на территории микрорегиона С. Л. Кузьминым велись разведочные работы, результатом которых стала локализация части ранее выявленных, но считавшихся утраченными памятников и открытие большого числа новых (Рис. 1). На археологическую карту нанесено несколько компактных скоплений раннесредневековых курганных могильников (некрополей), среди которых и комплекс памятников у д. Березицы (Рис. 1). В него входит несколько групп насыпей, относящихся к культуре длинных курганов, из них не менее

трёх восходят к поздней традиции этой культуры, а также большой древнерусский курганный могильник. На некоторых из этих некрополей С. Л. Кузьминым проведены раскопки в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Поселений, соответствующих этим кладбищам, пока не выявлено.

В середине 1990-х гг. при очередном осмотре установлено, что через территорию, занятую могильником Березицы VI, прошла лесозащитная полоса, в отвале которой были собраны кальцинированные кости из разрушенного грунтового погребения. Кроме этого, борозда практически полностью разрушила насыпь кургана №3 и повредила полы ещё трёх курганов — №4, 5 и 7 (Рис. 2: 3). Для предотвращения дальнейшего разрушения курганов и грунтовых погребений были предприняты спасательные раскопки могильника, полностью исследованного автором статьи.

Могильник расположен в сосновом лесу на гребне, северном и западном склонах моренной возвышенности (Рис. 2). Его территория поросла сосновым лесом с довольно густым лиственным (берёзовым) и хвойным (еловым и можжевельным) подлеском. В состав группы входило восемь насыпей округлой в плане формы, высота и размеры которых довольно сильно отличались друг от друга. Курганы были расположены на краю моренной гряды таким образом, что в центре между ними находилось открытое пространство (Рис. 3). В центре этой межкурганной площадки, вытянувшись практически в одну линию, размещались три грунтовых захоронения. Такое их расположение привело к тому, что все они были нарушены при распашке лесозащитной борозды (Рис. 3), верх всех погребений повреждён, часть костей растащена, и мы можем судить только об их нижней части.

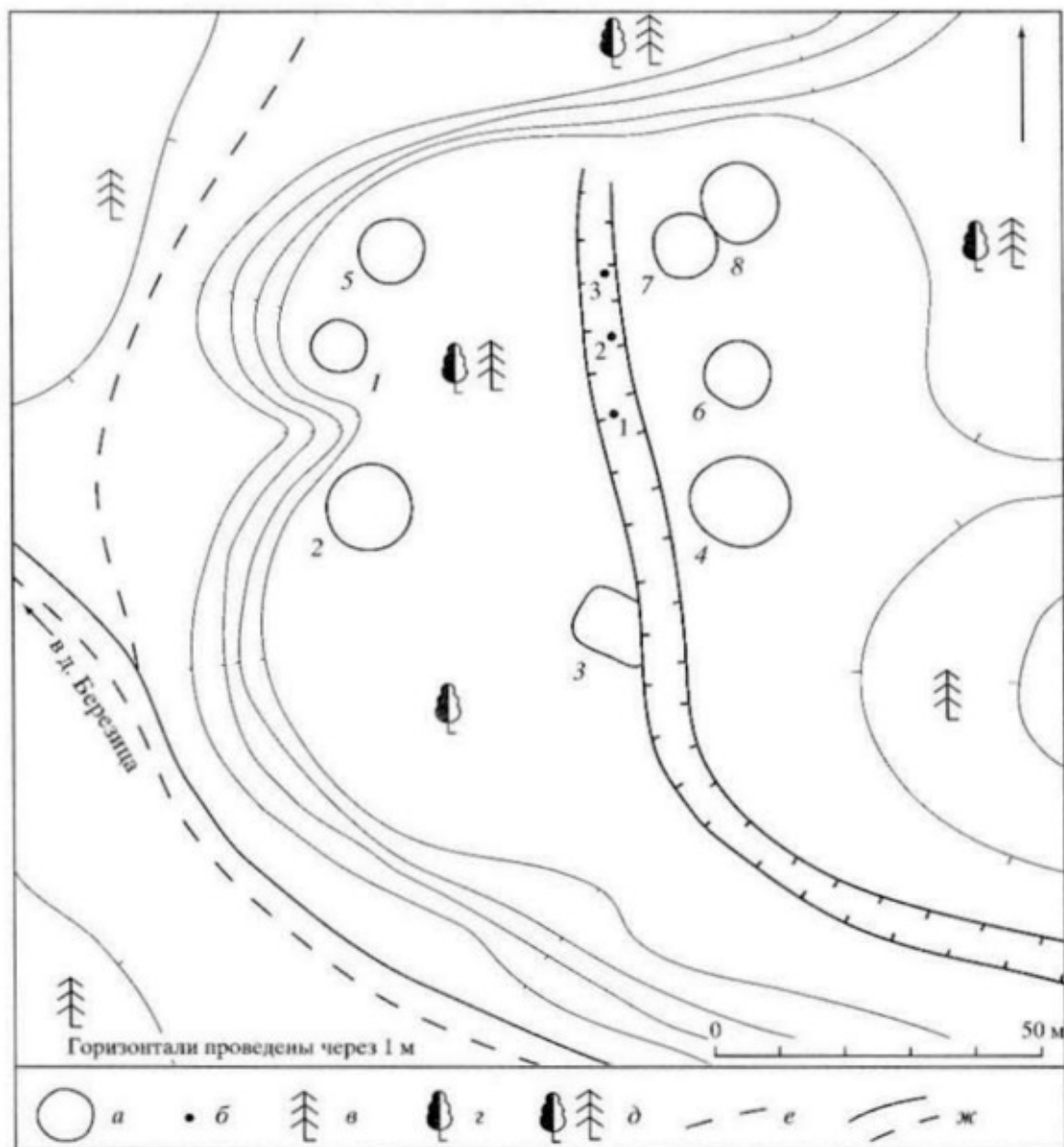

Рис. 2. План курганной группы Березицы VI. Условные обозначения: а — курганные насыпи; б — грунтовые погребения; в — хвойный лес; г — лиственный лес; д — смешанный лес; е — тропы; ж — лесные дороги

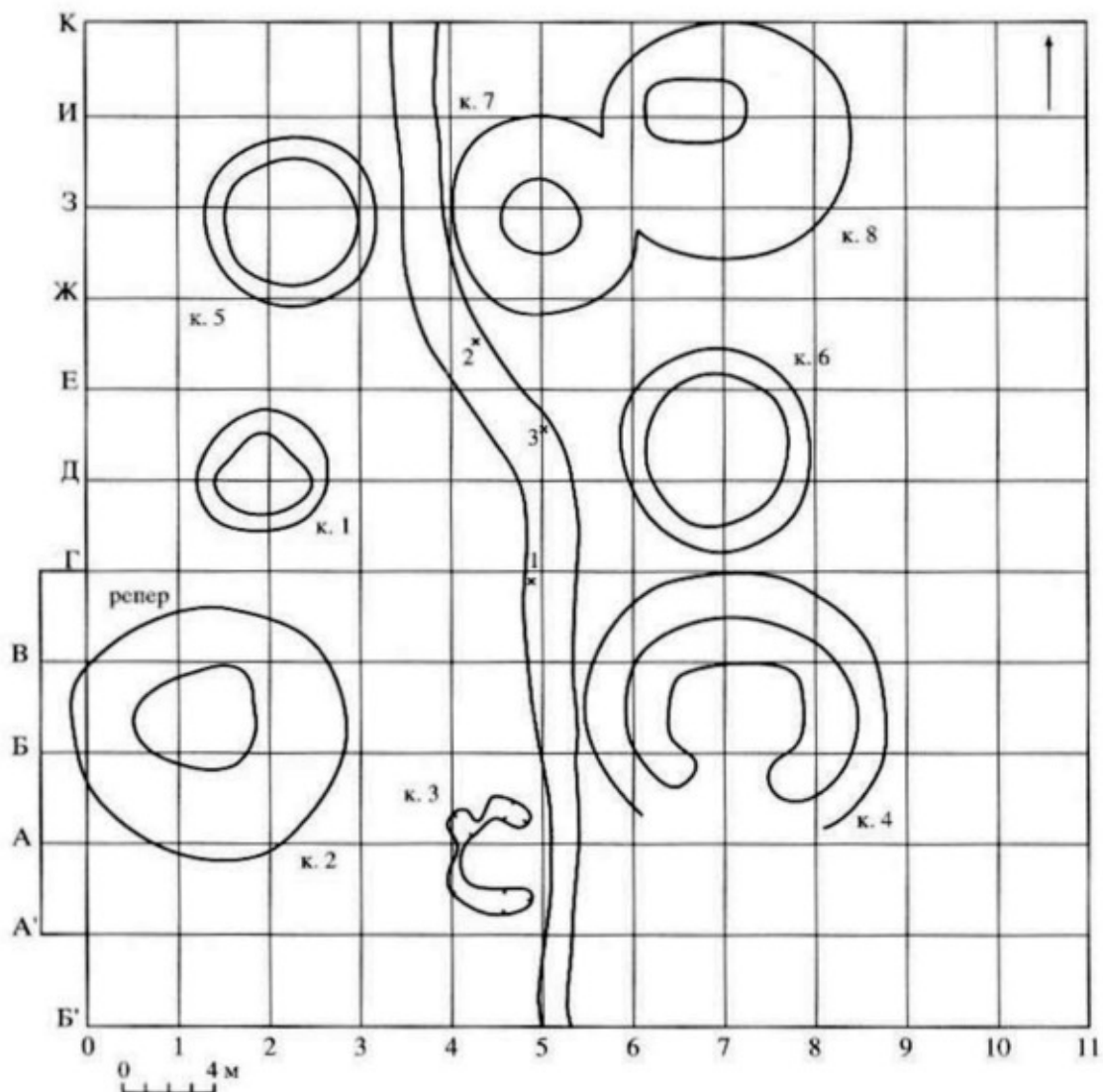

Рис. 3. Курганная группа Березицы VI. Схема раскопа.

Грунтовые захоронения. Все погребения были совершены в грунтовых ямках, сохранившаяся в материке форма которых близка к цилиндрической. Глубина ямок колеблется от 15 до 30 см. Кости были очищены от угля и золы и лежали компактной массой. Логично предположить, что во время совершения захоронения кости помещались в какой-то не сохранившейся, например, лубяной или берестяной, урне. Севернее остатков грунтового погребения 2 в борозде попеременно с кальцинированными костями из разрушенной части погребения встречено значительное количество фрагментов лепной керамики, среди которых нет ни одного фрагмента донца или придонной части. По-видимому, погребение было накрыто урной сверху. Подобные захоронения,

накрытые лепными горшками, — характерная деталь погребальной обрядности населения культуры длинных курганов (КДК). В рассматриваемом могильнике толстостенным сосудом баночной формы (Рис. 4: 14) было перекрыто погребение 1, изученное в насыпи кургана 8. В ближайших окрестностях захоронения, перекрытые перевернутыми сосудами, исследованы в разрушенной поле кургана 6 группы Которск VI, рядом с погребением 1б в кургане 1 группы Которск XII⁵⁰ и в разрушенной лесозащитной распашкой поле кургана 1 группы Березно II. Погребение в лепном горшке, поставленном вверх дном в неглубокую материковую ямку, было зафиксировано С. Г. Поповым в длинном кургане 25 могильника у д. Сторожинец (Попов, 1992. С. 33), а также Н. Н. Чернягиным сразу под дёрном в длинном кургане (погребение 6) могильника Безьва III Гдовского района Псковской области (Хвоцинская, 1997. С. 130). Подобные примеры можно продолжить, привлекая материалы с более широких территорий. Очевидно, что данная деталь обряда встречается практически повсеместно в ареале распространения КДК.

Во всех грунтовых захоронениях среди костей были найдены предметы женского убора. В погребении 1 это остатки ожерелья из оплавленных стеклянных бус (зеленовато-жёлтого цвета и, вероятно, мозаичных) и четырнадцатигранных призматических сердоликовых бус (Рис. 4; 8—12). В погребениях 2 и 3 были найдены бронзовые проволочные колечки небольшого диаметра, имеющие следы пребывания в огне (Рис. 4; 1, 4, 6, 7).

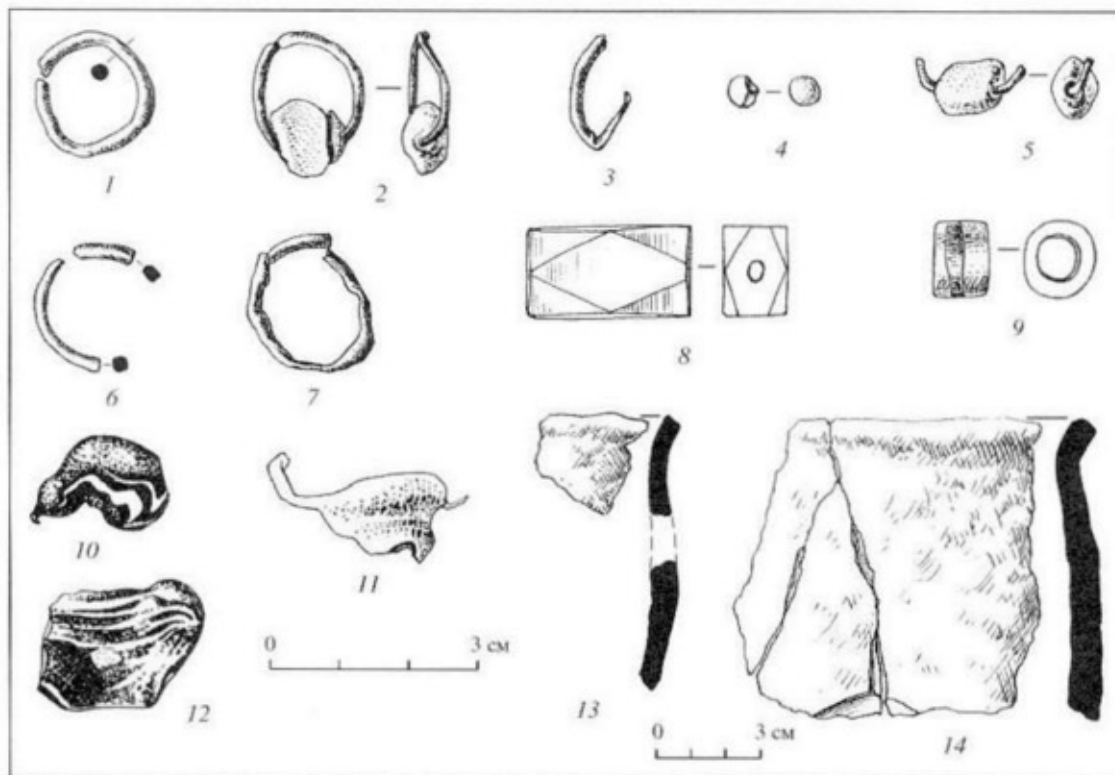

Рис. 4. Курганная группа Березицы VI. Находки

Проволочные колечки небольшого диаметра, зачастую интерпретируемые исследователями как височные, распространены очень широко как территориально, так и хронологически, что, по всей вероятности, связано с простотой изготовления и незатейливостью самого украшения. В погребальных памятниках КДК они найдены в комплексах, относящихся к поздней фазе существования культуры. Приведем некоторые примеры. Так, подобные колечки известны в погребении 16 в кургане 1 группы Которск XII и в погребении 4 в кургане 3 группы Березицы V. Фрагменты аналогичного кольца были встречены в погребении 5 в кургане 18 группы Рапти-Наволоки III; возможно, в данном захоронении было и не одно колечко, а несколько, так как среди костей и незначительного погребального инвентаря находились остатки четырёх-пяти бусин из синего кобальтового стекла, которые как раз и использовались в таких украшениях⁵¹. Аналогичные бронзовые и серебряные височные кольца с напущенными на них синими бусами происходят из длинного кургана №25 могильника Сторожинец (Попов, Хвоцинская, 2007. С. 207), кургана №1 группы Безьва III (Хвоцинская, 1997. С. 130), курганов №5, 6 Рысна-Сааре II и других памятников (Аун, 1992. С. 126).

Курганы. Насыпи могильника по своим конструктивным особенностям довольно чётко делятся на две группы. В первую входят курганы №1, 3, 5 и 6 (Рис. 5—8). Все они однотипны — невысокие (высота не превышала 40 см), округлые в плане, окружены кольцевыми ровиками. Кальцинированные кости в виде россыпи обнаружены в верхней части насыпей сразу под дёрном. Можно предположить, что какое-то не дошедшее до нас «вместилище», куда были помещены кремированные останки, находилось непосредственно на вершине насыпи. Ёмкость из органического материала, в которую ссыпаны собранные после кремации кальцинированные кости, истлела. Впоследствии кости оказались рассыпаны по поверхности, частью оползли по склону кургана и оказались перекрыты образовавшимся дёрном.

Любопытная конструкция открыта под насыпью кургана №1. На погребенной почве здесь найдено несколько фрагментов нетолстых досок, составлявших, вероятно, остатки короба или ящика прямоугольной формы, размером около 70 x 50 см; высота сооружения не прослеживается, но вряд ли превышала 40 см — собственно высоту кургана (Рис. 5). Ящик был ориентирован длинной осью по линии север-юг. Внутри найдено несколько фрагментов пережжённых человеческих костей. Аналогичный ящик найден в 1996 г. при раскопках кургана №17 в могильнике Рапти-Наволок III на берегу Череменецкого озера в Лужском районе Ленинградской области.

Имеющий сложное внутреннее строение курган №4 сооружён частью из песка, а частью из суглинка (Рис. 9). Глинистые почвы вытянутым «языком» вдаются на территорию могильника, на их краю и была воздвигнута насыпь. Прослеживается несколько этапов в её сооружении. Первый этап его возведения — невысокая насыпь почти правильной подпрямоугольной формы — практически полностью сложена из довольно плотного суглинка. В бровках прослежены остатки дернин, маркирующие её вершину. Длинная ось насыпи ориентирована по линии восток-запад. Насыпь была подрезана. По прошествии некоторого времени, в течение которого первоначальная насыпь ещё не успела полностью задерноваться, курган досыпали в высоту и окружили кольцевым ровиком. При этом его высота увеличилась почти в 2,5 раза и стала достигать 1 м. С этим этапом связано совершённое в кургане безынвентарное захоронение — россыпь кальцинированных костей на его вершине. Курган, не имевший никаких дополнительных креплений грунта насыпи, практически сразу же начал оплывать в ров.

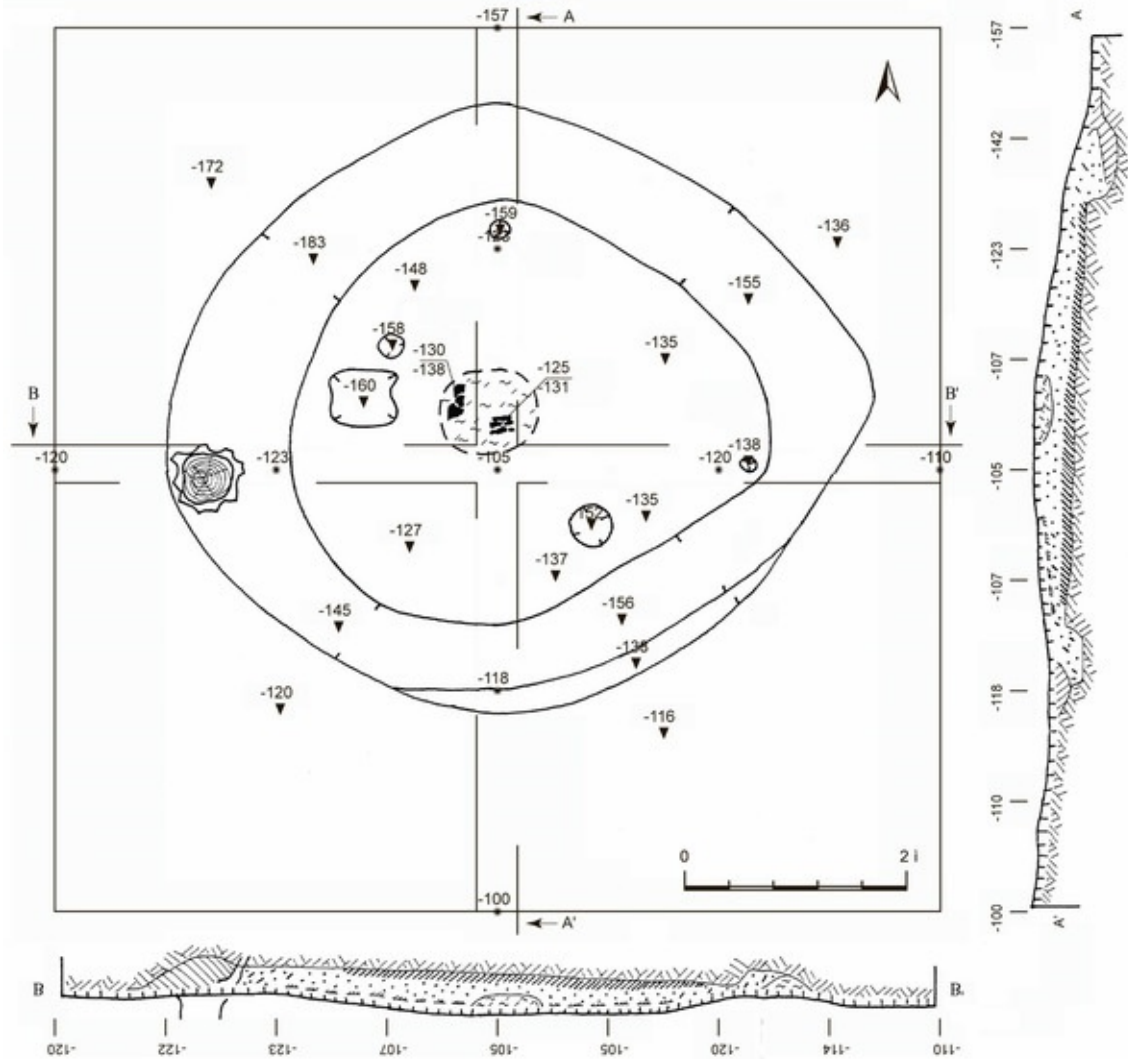

Рис. 5. Березицы VI. Курган 1. План раскопа Условные обозначения: а — пикеты на бровках; б — нивелировочные отметки материка; в — пни деревьев; г — камни; д — ямы в материке; е — кальцинированные кости; ж — доски и плахи; з — современный дёрн; и — жёлтый песок; к — светло-серый гумусированный песок; л — заполнение ровиков (тёмно-серый песок); м — тёмно-серый гумусированный песок (погребенный дёрн); н — суглинок; о — серый оподзоленный песок; п — материк

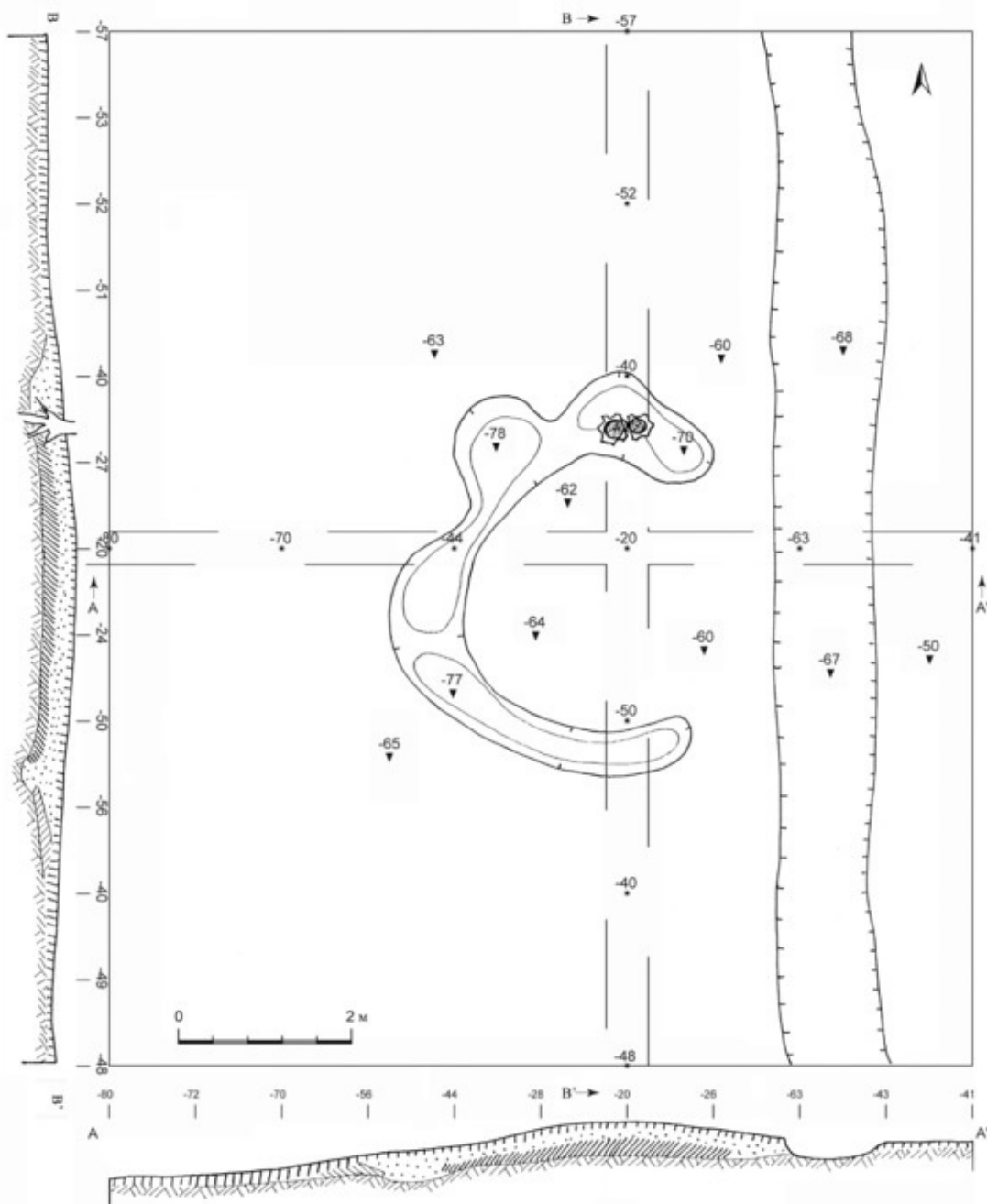

Рис. 6. Березицы VI. Курган 3. План раскопа. Условные обозначения см. Рис. 5

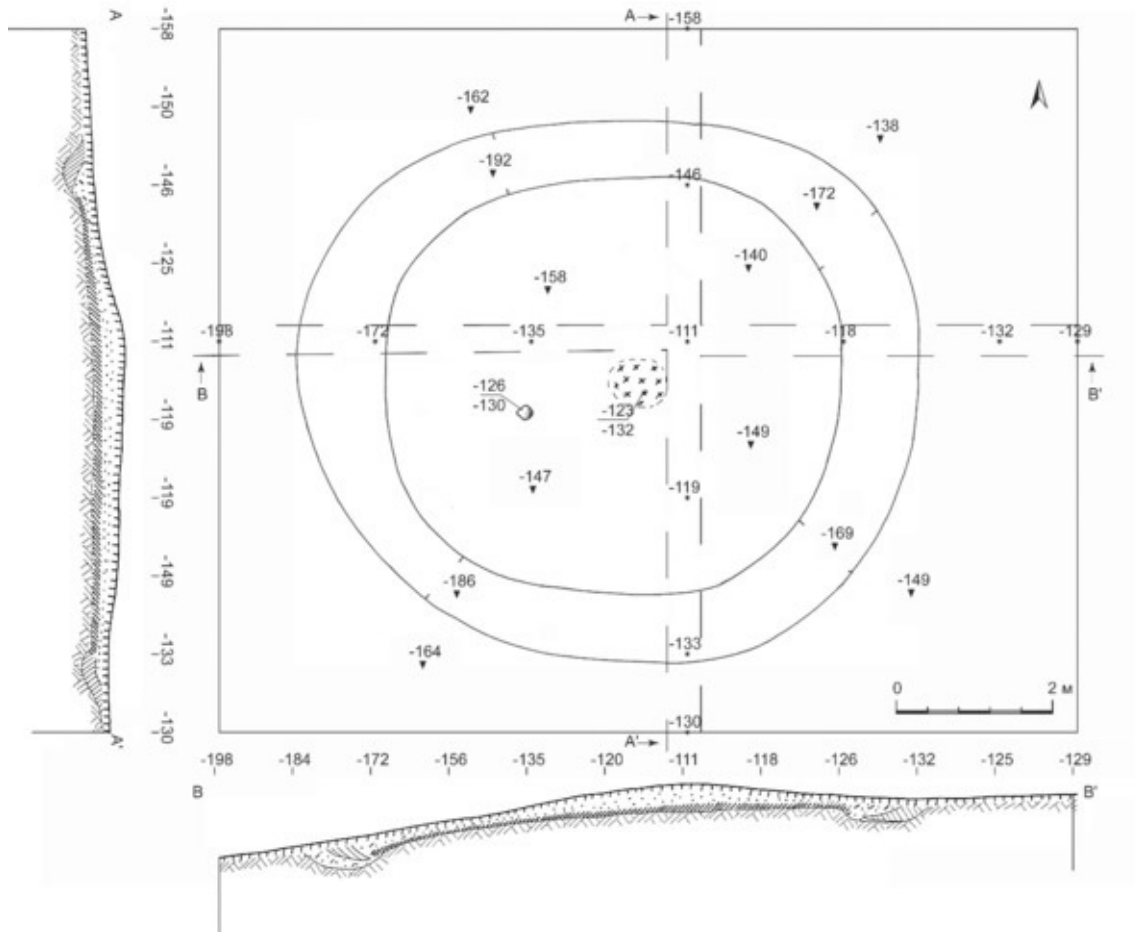

Рис. 7. Березицы VI. Курган 5. План раскопа. Условные обозначения см. Рис. 5

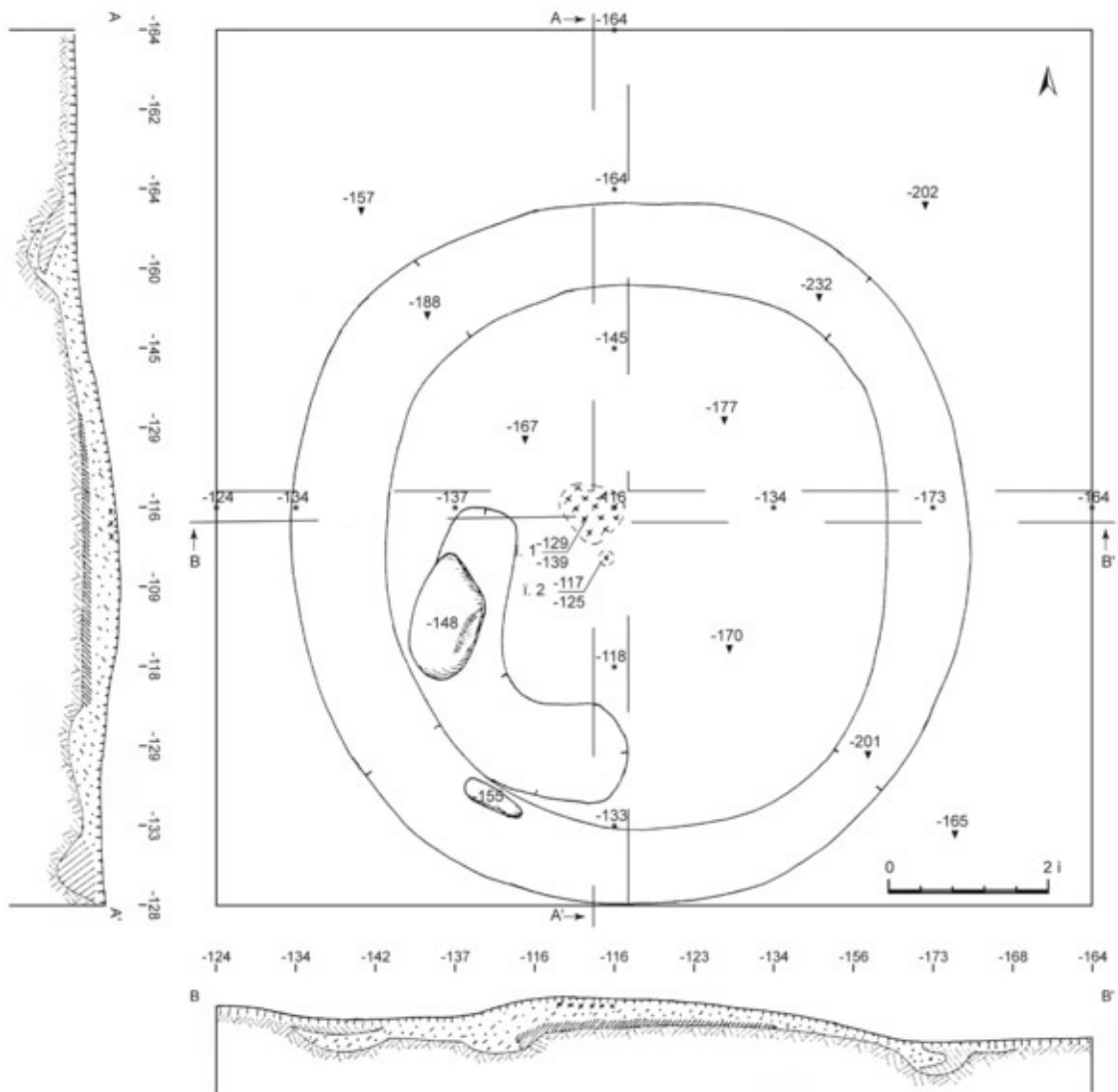

Рис. 8. Березицы VI. Курган 6. План раскопа. Условные обозначения см. Рис. 5

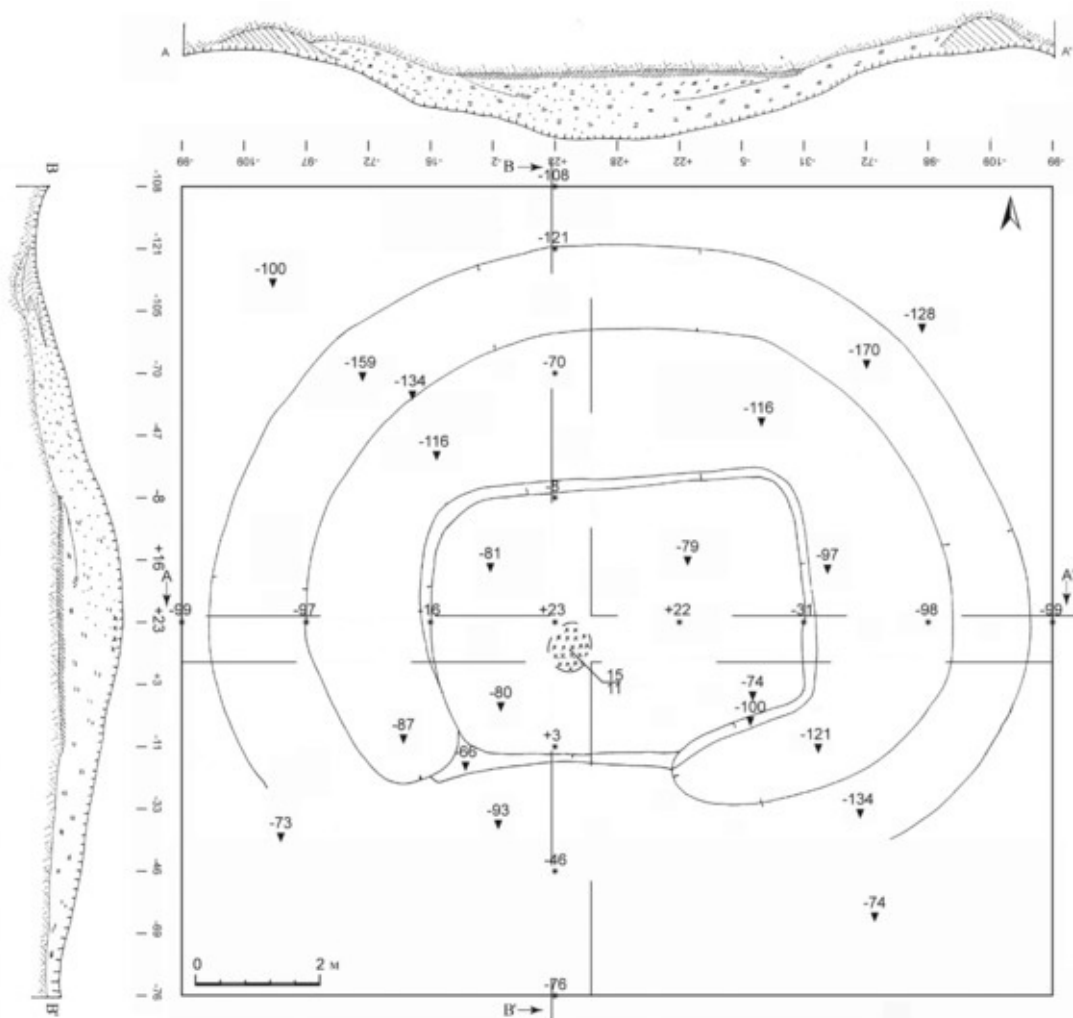

Рис. 9. Березицы VI. Курган 4. План раскопа. Условные обозначения см. Рис. 5

Примерно по той же схеме был сооружен и курган №7 (Рис. 10). Первоначально широкой подрезкой была оформлена в материке округлая в плане подкурганная площадка. Вероятно, в таком виде курган простоял некоторое время, на что указывает не только начавшая заплывать с внешнего края подрезка, но и необычно толстый для соснового леса слой дерна, к тому же двуслойный — внизу пепельно-серый оподзоленный, а сверху — тёмно-серый, почти чёрный, гумусированный песок. По всей вероятности, именно с этим этапом функционирования насыпи связано погребение 1, представлявшее собой овальной формы компактное скопление кальцинированных костей. Погребение оказалось безынвентарным, но интересным по составу и расположению костей. В южной и юго-восточной его частях кости были аккуратно очищены

от золы, и среди них выделялись несколько зубов и фрагментов человеческого черепа. В северной же части скопления находились куски более крупных по размерам костей вперемежку с кусочками угля, возможно, останки животного. Совместное захоронение человеческих и животных останков фиксировалось в погребальных памятниках КДК и ранее.

На втором этапе существования кургана высота насыпи была увеличена до 40 см. Курган обвели кольцевым ровиком большего диаметра, нежели предыдущий. Вероятно, с этим этапом связаны ещё одно или несколько погребений, совершённых на его вершине и сползших по склонам в процессе разрушения насыпи. Все эти погребения безынвентарные.

Ещё более сложную конструкцию имеет располагавшийся рядом курган №8, что в некоторой степени связано с его положением в могильнике (Рис. 11). Первоначально он представлял собой овальную в плане площадку размером около 3 x 4 м, вытянутую длинной осью по линии восток-запад и обведённую нешироким и неглубоким ровиком с юго-востока и юго-запада и широким рвом-подрезкой с северо-востока и северо-запада. В таком виде курган просуществовал определённое время, за которое ровик успел полностью заплыть. Дёрн на площадке кургана, также, как и у кургана №7, двуслойный. После этого площадка была обведена ещё одной широкой подрезкой, достигавшей 1,5 м с восточной стороны и не прослеживавшейся с запада. Форма кургана стала округлой, диаметр достиг 5 м. Возможно, именно к этому этапу относится погребение 3 — компактное скопление очищенных от угля кальцинированных костей, имевшее овальную форму. Среди костей найдены несколько сгустков спёкшегося, очень сильно пострадавшего от огня голубого стекла, фрагмент бронзового проволочного колечка небольшого диаметра и застывшая капля бронзы (Рис. 4; 3). На последнем этапе своего функционирования курган был досыпан в высоту и окружён ещё одним рвом-подрезкой, также более широким на восточных секторах и прошедшим по трассе предыдущего на западных. С этим этапом связаны два погребения — 1 и 2. Оба они представляли собой округлой формы компактные скопления очищенных от угля кальцинированных костей. Погребение 1 было накрыто сверху лепным сосудом баночной формы (Рис. 4: 14). В нём среди костей найден небольшой сгусток синего стекла. Захоронения были отделены друг от друга несколькими небольшими уплотнёнными камнями. В погребении 2 обнаружено побывавшее в огне небольшое проволочное бронзовое колечко с напущенной на него синей

стеклянной бусиной, по-видимому, дисковидной (Рис. 4: 5). Как мы уже отмечали, аналогичные тёмно-синие бусы на проволочном колечке найдены в могильниках Которск XII, Березицы 1 и V, Березно I, Рапти-Наволоок III, Сторожинец, Безьва III, Рысна-Сааре II и в кургане №6 рассматриваемой группы. Заметим, что несколько аналогичных бусин, однако без бронзовых колечек, зафиксированы на селище в урочище Колода Лужского района Ленинградской области. Оба описанных погребения, очевидно, были впущены в вершину насыпи после окончания её строительства, причём погребение 1 оказалось непосредственно над погребением 3, совершённым на южном краю первоначальной площадки на промежуточном этапе сооружения насыпи.

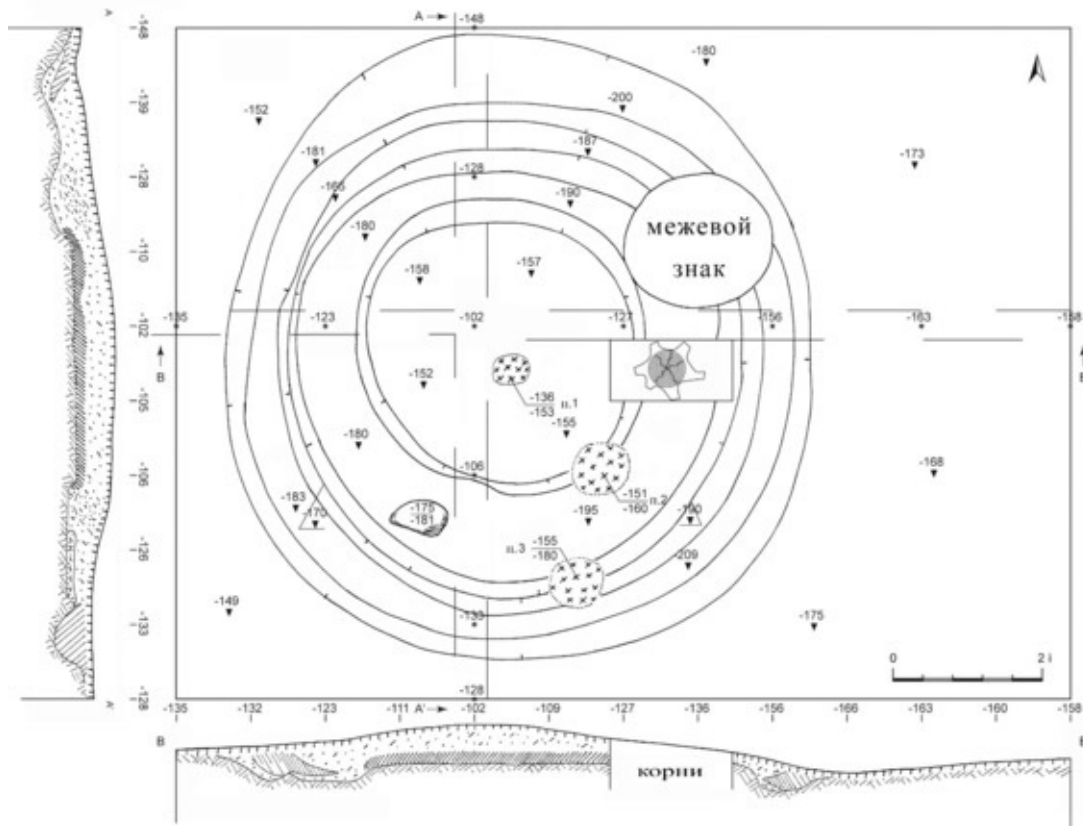

Рис. 10. Березицы VI. Курган 7. План раскопа. Условные обозначения см. Рис. 5

В целом могильник производит впечатление строившегося по чётко определённом, заранее разработанному плану и функционировавшего небольшой отрезок времени. На то, что места расположения курганов были спланированы заранее и на некоторую поспешность в сооружении

могильника в целом указывает, на мой взгляд, то, что из восьми курганов, два — курганы №1 и 8 — сооружены в неудобных местах: на крутых склонах моренной гряды, а ещё два — курганы №3 и 4 — из нехарактерного для традиции культуры длинных курганов неудобного суглинистого грунта. Копая ровик кургана №6, его строители наткнулись на огромный валун (Рис. 8), попытались его выкопать и, после неудачи, обошли, значительно расширив при этом площадку сооружаемого кургана.

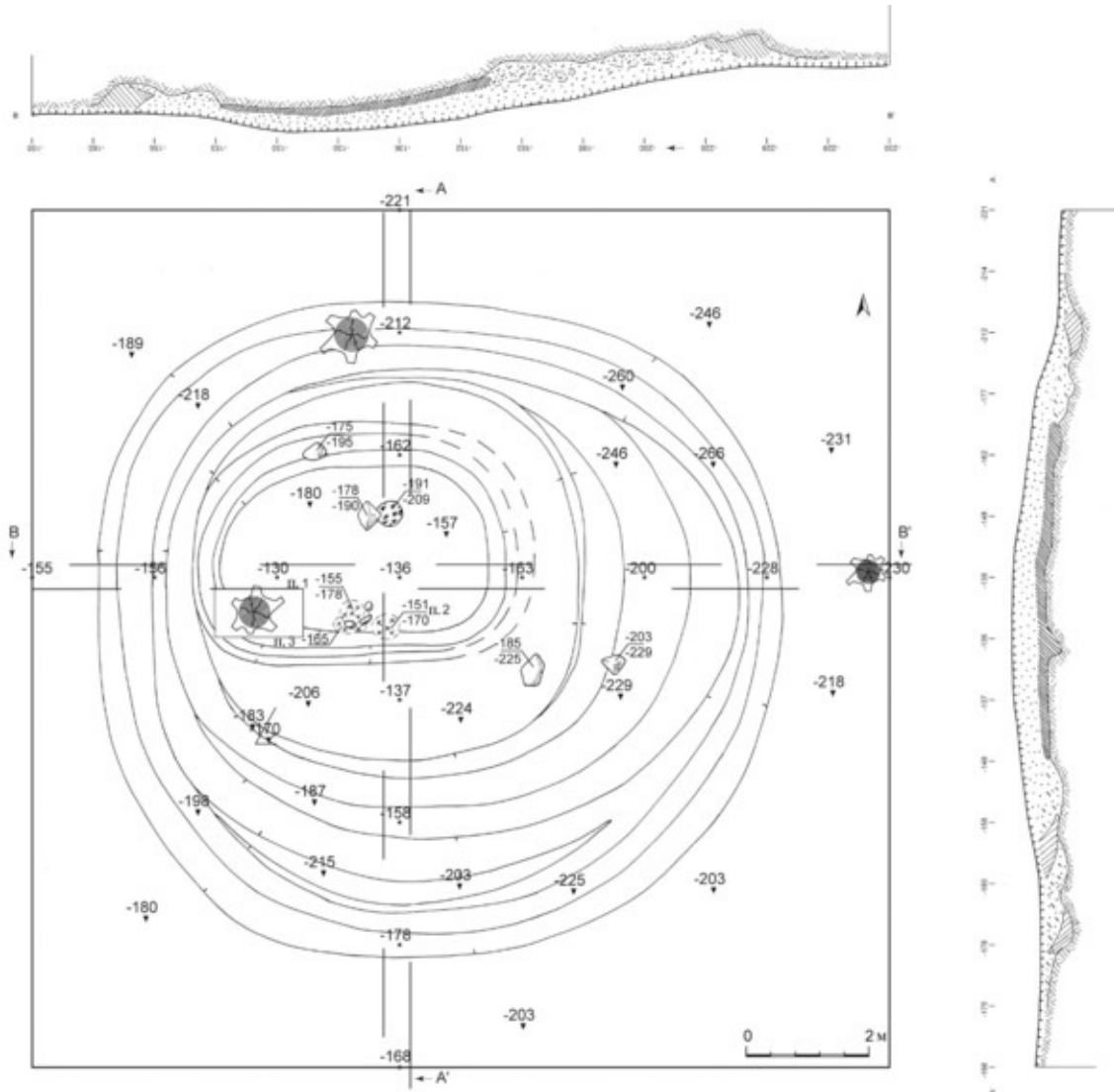

Рис. 11. Березицы VI. Курган 8. План раскопа. Условные обозначения см. Рис. 5

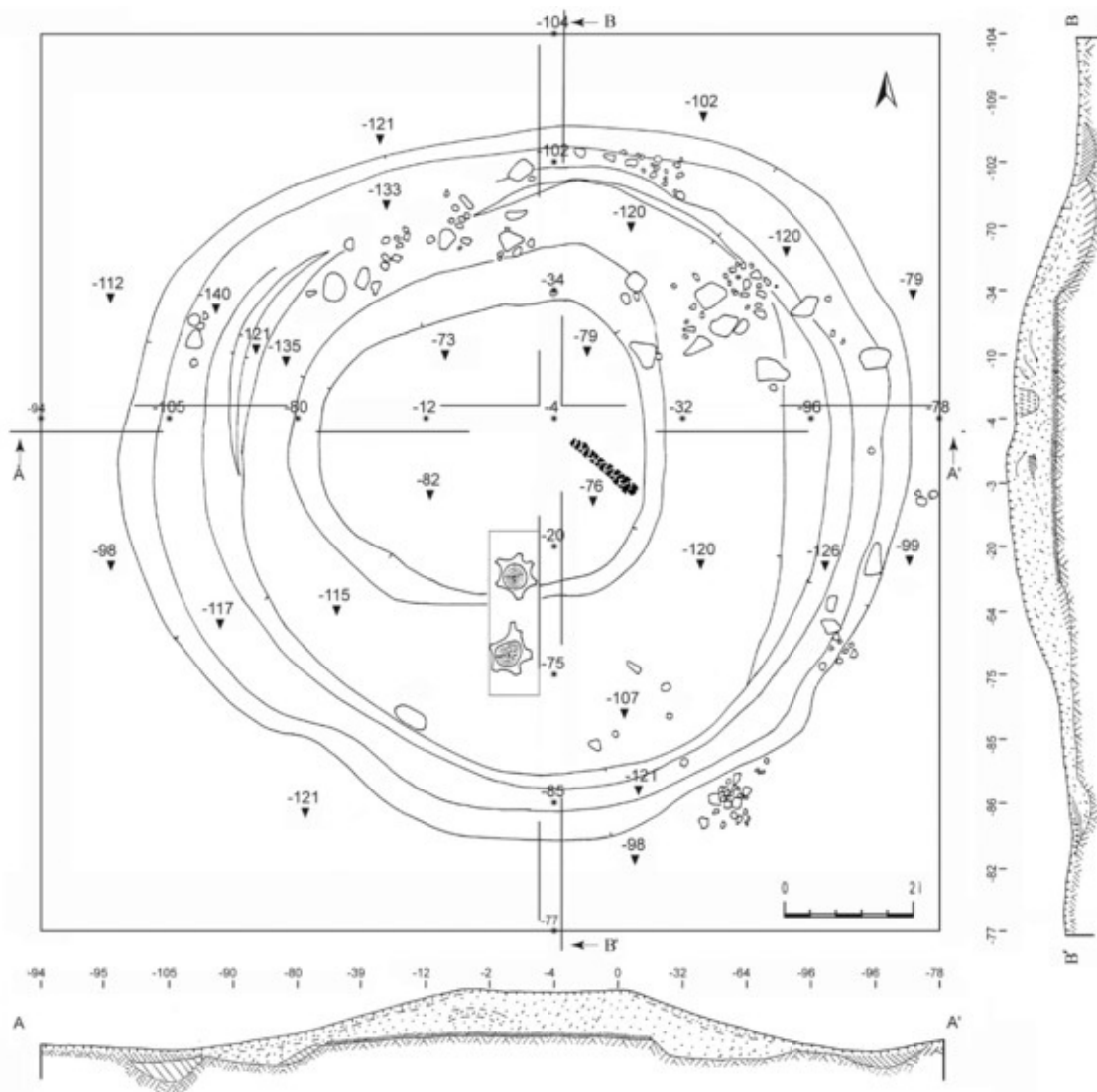

Рис. 12. Березицы VI. Курган 2. План раскопа. Условные обозначения см. Рис. 5

Вещевой комплекс даёт возможности лишь для приблизительной датировки могильника. В грунтовых захоронениях найдены перстнеобразные, по всей вероятности, височные кольца и остатки ожерелья, в состав которого входила сердоликовая призматическая бусина восьмигранного сечения (рис. 4, 8). Височные кольца, в целом не свойственные убору населения северных длинных курганов, распространяются в древностях, оставленных населением КДК лишь вместе с другими предметами раннего этапа древнерусской культуры. Видимо, то же можно сказать о бусах из глухого стекла печёночно-красного цвета. Сердоликовые бусы указанного типа имеют на Северо-Западе довольно ограниченный круг аналогий. Такие бусы найдены на селище

Которский погост в слое с круговой керамикой и в захоронениях на вершинах двух сопок, исследованных в нижнем течении р. Оредеж. В том и в другом случае они могут быть датированы X столетием (Кузьмин, 1991. С. 156; 1992. С. 20, 21. Рис. 3, 4). Призматические бусы из сердолика известны также в материалах Поволховья — в слое Д староладожского Земляного городища, в курганах №5 и 13 в урочище Плакун (Назаренко, 1985. С. 167, 168. Рис. 6, 4, 6). в нижних напластованиях Новгорода (Рябинин, 1995. С. 58—59). Возможно, к поздней фазе существования КДК тяготеет и описанная деталь погребального обряда — перекрытие некоторых погребений лепным сосудом баночной формы.

Таким образом, могильник Березицы VI можно датировать в пределах X в., возможно, и более узко — второй его половиной. Основанием такой датировки являются находки прежде всего сердоликовых бус, характерных для раннего этапа древнерусской культуры. На материалах данного памятника можно наметить определённый переход от культуры длинных курганов к древнерусской. При сохранении старых традиций в погребальном обряде и инвентаре (колечки с напущенной синей бусиной) в быт этого населения начинают входить вещи уже характерные для последующей эпохи.

Значение данного памятника в изучении процесса сложения культуры древнерусского общества и механизмов перехода от обряда трупосожжения к трупоположениям очевидно. Начало его функционирования приходится на последний этап существования прежней традиции, практически на время её распада, а прекращение совершения погребений, возможно, связано с крещением местного населения и переходом его к новому типу погребальной обрядности.

Оценивая плотность погребальных памятников конца I тысячелетия в микрорегионе, можно утверждать, что в это время здесь активно шёл процесс формирования местного центра, резко прерванный на рубеже тысячелетий. В густонаселенном микрорегионе ни одно из поселений не стало древнерусским погостом. В этом кроется коренное отличие от других, расположенных неподалёку аналогичных микрорегионов, например, к югу и юго-западу от Щирского озера — погост Щир или к западу от оз. Песно, где сформировался Которский погост. Однако почти полная неизученность поселенческих памятников на территории данного микрорегиона не дает возможности в деталях исследовать образование и функционирование погостской системы.

Источники и библиография:

О раскопках..., 1990. — О раскопках г. статского сов. Н.Ф. Арепьева в Лужском уезде СПб. губернии // НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. №119.

Аун М., 1992. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин.

Данилов И. Г., 1879. Раскопки слушателями института курганов в Гдовском и Лужском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. (из летних экскурсий слушателей в 1878/79 академическом году) // Сборник Московского археологического института. М.: Кн. III.

Кузьмин С. Л. 1991. Которской погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н.э. в верховьях Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли. — М.

Кузьмин С.Л. 1992. Оредежские сопки // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб.

Назаренко В. А. 1985. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога: новые археологические открытия и исследования. Л.

Попов С. Г. 1992. Работы Гдовского отряда в Восточном Причудье в бассейнах рек Плюссы и Желчи // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Новгород. Вып. 4.

Попов С. Г., Хвоцинская Н. В. 2007. Некоторые итоги изучения Гдовского района (к 30-летию Гдовского отряда ИИМК РАН) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Рябинин Е. А. 1995. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на север Европы: (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии) // Ладога и Северная Русь. СПб.

Хвоцинская Н. В. 1997. К вопросу формирования древнерусской культуры на западе Новгородской земли: (по материалам могильника Безьва) // Славяне и финно-угры: археология, история, культура. СПб.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Курганная группа Березицы VI

Курганная группа Березицы VI располагалась в 1,8 км к югу-юго-востоку от д. Березицы, слева от лесной дороги из д. Березицы в д. Новая Деревня, на вершине моренной гряды (Рис. 2). Группа поросла смешанным лесом с густым еловым подлеском. Однако к моменту начала раскопок значительная часть леса на территории могильника была вырублена. Кроме

того, здесь прошла лесозащитная борозда, в результате чего курганы 4 и 6 получили повреждения, была разрушена почти половина насыпи кургана 3, в отвале борозды между курганами 6 и 7 были обнаружены кальцинированные кости из разрушенного грунтового захоронения.

Территория могильника исследовалась сплошной площадью со вскрытием межкурганного пространства. Для этого на территории могильника была разбита квадратная сетка со стороной 4 м, ориентированная по сторонам света. Пикеты с юга на север получили буквенные обозначения от А до К, а с запада на восток — цифровые от 0 до 11 (Рис. 3). В процессе работ была произведена прирезка раскопа к югу, вновь отмеченные пикеты были обозначены как А» и Б». Общая площадь раскопа составила 1936 м². Могильник исследован полностью.

Курган №1 располагался в западной части могильника, на краю западного склона моренной гряды (Рис. 2; 3). До раскопок он представлял собой невысокую, около 0,35 м. насыпь до 5 м в поперечнике. Курган имел неправильную подквадратную форму, был ориентирован углами по сторонам света (Рис. 5). Насыпь была обведена ровиком, ширина которого достигала 1,2 м, а глубина — 0,36 м. Раскопки показали, что насыпь была возведена в один приём. Под дёрном толщиной 0,04—0,06 м залегал жёлтый материковый песок насыпи, под которым шёл слой погребенного дёрна мощностью до 0,12 м. Ниже располагался материк — плотный жёлто-оранжевый песок. По краям подкурганной площадки были зафиксированы четыре материковые ямки диаметром 0,15—0,4 м и глубиной около 0,2 м. В центре площадки практически на материке под прямым углом друг к другу лежали две деревянные плашки. Рядом с ними прослеживались отпечатки древесного тлена от некоей конструкции, возможно, подпрямоугольной в плане формы. Внутри этого прямоугольника было обнаружено несколько фрагментов кальцинированных костей. Судя по всему, это остатки деревянного ящика, стоявшего в центре кургана. Его размер был не меньше 0,6 x 0,6 м, высота вряд ли превосходила 0,35 м — сохранившуюся высоту кургана. Погребений в кургане обнаружено не было.

Курган №2 располагался непосредственно к югу от кургана 1 (Рис. 2; 3). До раскопок он представлял собой округлую в плане насыпь диаметром около 9 м и высотой до 1 м, окружённую заплывшим кольцевым ровиком (Рис. 12). В процессе раскопок была выявлена следующая структура кургана. Первоначально из невысокого естественного всхолмления была

вырезана подкурганная площадка неправильно-округлой в плане формы, размером приблизительно 4,5 x 5,0 м. По всей площади подкурганной площадки фиксировался погребенный древний оподзоленный дёрн в виде прослойки белесого гумусированного песка мощностью около 0,10—0,12 м. В юго-восточной части этой площадки было расчищено обуглившееся бревно (или плаха) длиной около 1,3 м, уложенное на погребенную почву в направлении от центра к краю и слегка «утопленное» в неё. Подкурганная площадка была окружена кольцевым ровом-подрезкой шириной до 3 м и глубиной до 0,3—0,4 м. По дну и склонам рва-подрезки зафиксированы мелкие булыжные камни, не образующие отчётливых конструкций. Над этой площадкой была сооружена насыпь из аморфного слабогумусированного песка, высотой до 0,3 м от уровня погребенной почвы.

Вторым этапом сооружения насыпи явилась её досыпка. Окончательный курган перекрыл первоначальную насыпь, увеличив её высоту не менее чем на 0,4 м, а также окружавший первоначальную насыпь ров-подрезку. Досыпка насыпи была произведена из чистого жёлто-оранжевого песка. В вершине этой окончательной насыпи прослеживались следы некоей конструкции — полого «вместилища», по всей вероятности, предназначенного для помещения туда захоронений. При раскопках вместилище фиксировалось как заполненная светло-серым чистым гумусированным песком яма в вершине насыпи, несколько смещённая к северу от места пересечения бровок. Яма имела в плане форму прямоугольника со скругленными углами, её размер составлял около 1,2 x 0,5 м, глубина — 0,4 м. Дёрн на вершине насыпи слегка просел в эту яму. Следов захоронения или каких-либо предметов в её заполнении обнаружено не было.

Окончательная насыпь была вновь окружена кольцевым ровом-подрезкой шириной 1,0—1,2 м и глубиной около 0,2 м, на дне которого также прослеживались невыразительные развалы мелких булыжников. Заполнение рва представляло собой серый сильно гумусированный песок. Погребений курган не содержал.

Курган №3 — самый южный в могильнике (Рис. 2; 3). Лесозащитной бороздой была разрушена восточная пола кургана. Сама невысокая насыпь была сильно нарушена корнями деревьев, что затрудняло точную фиксацию (Рис. 3; 6). До раскопок курган представлял собой невысокую, округлую в плане насыпь, высотой до 0,4 м и диаметром около 3,2 м, с севера, запада и юга окружённую ровиком шириной 0,5—1,0 м и глубиной 0,2—0,35 м.

Курган был насыпан в один приём. Под дёрном мощностью 0,04—0,06 м залегал жёлтый песок насыпи, под которым находился слой погребенного дёрна, фиксировавшийся и в виде прослойки слабогумусированного сероватого песка мощностью до 0,2 м. Ниже располагался материк — плотный жёлто-оранжевый песок. Погребений в кургане обнаружено не было.

Курган №4 располагался в юго-восточной части могильника (Рис. 2; 3). До раскопок он представлял собой насыпь почти конической формы, диаметром 10—11 м, высотой около 1 м, по его основанию прослеживался заплывший ровик (Рис. 9). В результате раскопок установлена последовательность его сооружения и особенности конструкции.

Насыпь кургана была сооружена из разнородного грунта: восточная и южная часть из серого суглинка, северо-западная — из крупнозернистого красноватого песка. Грунт для сооружения насыпи брался здесь же, очевидно, в основном из рва кургана. Глинистые почвы вытянутым языком вдаются на территорию могильника; на краю этого языка и был сооружён курган №4.

В разрезе насыпи можно проследить два этапа её сооружения. Первоначальная насыпь была возведена на подпрямоугольной в плане подкурганной площадке, вырезанной в материке и ориентированной своей длинной осью по линии запад-восток. При этом с запада, севера и востока площадка, кроме того, была окружена ровиком шириной до 2,0—2,3 м и глубиной около 0,5 м. Высота первоначальной насыпи достигала 0,4 м от уровня погребенной почвы: её поверхность маркируется линзами оподзоленного погребенного дёрна. Местами склоны первоначальной насыпи прослеживаются по изменению характера и плотности грунта. Позднее эта первоначальная насыпь была обведена мощным кольцевым рвом-подрезкой и перекрыта окончательной насыпью, имеющей коническую форму, благодаря плотности грунта и сохранившуюся до настоящего времени. Её диаметр составлял около 9 м, а высота — 1 м от уровня материка. Ширина кольцевого рва-подрезки, окружавшего насыпь последнего этапа, достигала 1,8 м, глубина — 0,4 м. С течением времени ров заполнился серым лесным гумусом.

С окончательной насыпью связано погребение, выявленное в вершине кургана сразу под дёрном. Оно представляло собой россыпь кальцинированных костей, очищенных от угля, на площадке размером 0,8 x 0,8 м и мощностью около 0,04 м. Погребение безынвентарное.

Курган №5 располагался в северо-западной части могильника, севернее кургана 1, на краю западного склона моренной гряды (Рис. 2: 3). До раскопок он представлял собой округлую в плане насыпь диаметром 5,4—5,9 м и высотой 0,4 м (Рис. 7). Насыпь была окружена заплывшим кольцевым рвом шириной до 1 м. В процессе раскопок выявлено следующее строение насыпи: под дёрном, имевшим толщину 0,08—0,1 м, залегал жёлтый песок насыпи, под которым был прослежен слой погребенного дёрна мощностью 0,12 м. Курган был сооружён на материковой площадке почти овальной формы, размер которой достигал 5 x 6 м, обведённой кольцевым ровиком шириной 0,9—1,2 м и глубиной около 0,25 м. Насыпь частично оползла в ров. С внешней стороны ров заплыл серым гумусом. На вершине насыпи, сразу под дёрном, было расчищено безынвентарное погребение в виде линзы очищенных от угля кальцинированных костей, диаметром 0,6—0,8 м и толщиной 0,09 м.

Курган №6 располагался в восточной части могильника между курганами 4 и 8 (Рис. 2; 3). До раскопок он представлял собой округлую в плане насыпь диаметром около 6,3—6,8 м и высотой до 0,48 м (Рис. 8). Насыпь была окружена заплывшим кольцевым рвом шириной 0,8 м. Под слоем лесного дёрна мощностью до 0,04—0,06 м залегал жёлтый песок насыпи, ниже которого по всей поверхности подкурганной площадки был прослежен слой погребенного дёрна мощностью 0,12 м. В юго-западном секторе кургана была открыта дугообразная яма размером 2,4 x 2,8 м, шириной 0,88—1,2 м и глубиной 0,24 м, в которой был обнаружен валун размером 1,6 x 0,9 м. Вероятно, строители кургана, начав копать ровик, наткнулись на валун, не смогли его выкопать, и возвели курган немного западнее, так что насыпь перекрыла и камень, и неудачно начатый ров. Кольцевой ров, окружавший сооруженную насыпь, достигал ширины 1,1 м и глубины 0,5 м.

В кургане было зафиксировано два погребения. **Погребение 1** было расчищено сразу под дёрном на вершине насыпи и представляло собой россыпь хорошо пережжённых, очищенных от угля кальцинированных костей. Россыпь занимала небольшую площадку размером 0,8 x 0,7 м и уходила в глубину на 0,04 м. Среди костей было найдено бронзовое проволочное колечко с напущенной на него оплавленной темно-синей стеклянной бусиной с печеночно-красным глазком (Рис. 4: 2). **Погребение 2** расположено в насыпи кургана на глубине 0,13—0,23 м южнее погребения 1. Оно представляло собой компактное скопление очищенных от угля кальцинированных костей. Диаметр линзы около 0,2 м, толщина —

0,1 м. Погребение безынвентарное. Вероятно, погребение 2 было совершено во время сооружения насыпи, а погребение 1 рассыпано по поверхности уже готового кургана.

Курган №7 находился в северной части могильника (Рис. 2: 3). До раскопок он представлял собой невысокую, около 0,3 м, округлую в плане насыпь, окружённую едва заметным заплывшим ровиком (Рис. 10). Раскопками было выявлено следующее строение насыпи. Под дерновым слоем мощностью около 0,08—0,1 м располагалась насыпь, сооружённая из крупного жёлтого и красноватого песка, под которой читался толстый для соснового леса слой погребенного дёрна: его мощность составляла 0,16—0,2 м. Погребенный дёрн имел сложную двуслойную структуру — внизу оподзоленный, а сверху — гумусированный песок. Насыпь была обведена двумя кольцевыми ровиками.

Процесс сооружения насыпи представляется следующим образом. Первоначально ров-подрезкой, ширина которого достигала 1,0—1,6 м, а глубина не превышала 0,25—0,3 м, была оформлена в материке округлая в плане подкурганная площадка, по которой ровным слоем был рассыпан грунт, вычерпанный из ровика. Диаметр получившейся площадки составил 3,2—3,4 м. Вероятно, в таком виде курган простоял некоторое время, ров-подрезка начал заполняться с внешнего края гумусом. По всей вероятности, именно с этим этапом существования насыпи связано погребение 1, представлявшее собой овальной формы компактное скопление кальцинированных костей. Погребение безынвентарное, в южной и юго-восточной его частях кости аккуратно очищены от угля, среди них выделялось несколько зубов и фрагментов человеческого черепа, а в северной части находились куски более крупных по размерам костей вперемежку с кусочками угля, возможно, останки животного.

На втором этапе существования кургана высота насыпи была увеличена до 0,40 м, курган был обведён вторым кольцевым ровиком бóльшего диаметра, ширина которого составляла 0,8 м, а глубина достигала 0,3—0,6 м. Вероятно, с этим этапом связаны ещё одно или несколько погребений, совершённых на его вершине и сползших на юго-восточный склон и процессе разрушения насыпи. Все эти погребения безынвентарные. При раскопках они фиксировались как шлейф кальцинированных костей, залегающий под дёрном и несколько ниже в слое расползания насыпи по южному склону кургана.

Две зоны концентрации кальцинированных костей в этом шлейфе с известной долей условности были обозначены как погребения 2 и 3.

Курган №8 располагался на северной окраине могильника, на самом краю моренной гряды, его юго-западная полая вплотную примыкала к северо-восточной полой кургана №7 (Рис. 2: 3). До раскопок курган представлял собой невысокую сильно расплывшуюся в северном и восточном направлениях округлую в плане насыпь размером 8 x 9 м, высота которой достигала 0,45—0,5 м (Рис. 11). Раскопки выявили сложное строение насыпи.

Первоначально ровиком и подрезкой в материке была околонуена площадка, имевшая в плане форму прямоугольника со скруглёнными углами, ориентированная сторонами по сторонам света. Размер площадки около 3 x 4 м, длинной осью она была вытянута по линии восток-запад. С юго-востока, юга и юго-запада площадка была обведена ровиком шириной около 0,4 м и глубиной до 0,35 м; с северо-востока, севера и северо-запада она была оформлена рвом-подрезкой шириной до 0,8 м и глубиной около 0,2 м. Грунт, вычерпанный из рва и подрезки — в основном дёрн, — был рассыпан по площадке. В таком виде курган просуществовал определённое время, за которое ровик с южной его стороны успел полностью заплывть лесным гумусом. Дёрн на площадке кургана двуслойный.

По прошествии некоторого времени площадка была обведена ещё одной широкой подрезкой, достигавшей 1,5 м с восточной стороны и не прослеживавшейся с запада. Форма кургана превратилась в округлую, его диаметр достиг 5 м. Возможно, именно к этому этапу относится **погребение 3** — овальной формы компактное скопление очищенных от угля кальцинированных костей (площадь 0,5 x 0,24 м, мощность около 0,2 м). Среди костей были найдены несколько слитков спёкшегося очень сильно пострадавшего от огня голубого стекла, фрагмент бронзового проволочного колечка небольшого диаметра (Рис. 4: 3) и застывшая капля бронзы.

На последнем этапе своего функционирования курган был досыпан в высоту и окружён ещё одним рвом-подрезкой, так же более широким на восточных секторах и прошедшим по трассе предыдущего на западных. С этим этапом связаны два погребения 1 и 2. Оба они представляли собой компактные скопления очищенных от угля кальцинированных костей округлой формы. **Погребение 1** имело диаметр около 0,4 м и мощность до 0,25 м, было перекрыто сверху лепным сосудом баночной формы (Рис. 4: 14). В нём среди костей был найден небольшой сгусток синего стекла. От погребения 2 погребение 1 было отделено несколькими небольшими уплощёнными камнями. **Погребение 2** имело диаметр около 0,4 м

и мощность до 0,2 м. В нём было найдено побывавшее в огне небольшое бронзовое проволочное колечко с напущенной на него синей стеклянной бусиной (Рис. 4: 5), по-видимому, дисковидной. Оба этих погребения, очевидно, были впущены в вершину насыпи после окончания её строительства, причём погребение 1 оказалось совершённым практически точно над погребением 3.

Грунтовые захоронения. В центральной части некрополя было выявлено три частично разрушенных лесозащитной бороздой грунтовых захоронения, расположенных в ряд (Рис. 2: 3).

Грунтовое погребение 1 находилось на границе квадратов В4-В5 и первоначально представляло собой, по всей вероятности, компактное скопление кальцинированных костей, очищенных от угля и золы, располагавшееся в овальной в плане грунтовой ямке с отвесными стенками. Значительная часть погребения была разрушена лесозащитной полосой. Сохранившаяся глубина ямки достигала 0,16 м, размер верха сохранившейся части в плане составлял 0,28 x 0,35 м. Среди костей были найдены остатки ожерелья из стеклянных (синих, жёлто-зелёных) (Рис. 4: 9—12) и сердоликовых (призматические и 14-гранные) (Рис. 4: 8) бус. Все бусы несут на себе следы пребывания в огне, стеклянные представляют собой аморфные слитки стекла.

Грунтовое погребение 2 было обнаружено в 12 м к северу-северо-западу от грунтового погребения 1 в квадрате Е4, поблизости от юго-западной полы кургана 7. Оно также представляло собой скопление очищенных от угля кальцинированных костей, нарушенное лесозащитной бороздой. Ненарушенная часть погребения — компактная линза пережжённых костей, залегающая в грунтовой ямке цилиндрической формы диаметром 0,32 м и глубиной 0,28 м. Среди костей были найдены два бронзовых проволочных побывавших в огне колечка, возможно, височных (Рис. 4: 1, 7). К северу от грунтового погребения 2 в отвале борозды было зафиксировано несколько фрагментов венчика и стенок лепного сосуда баночной формы (Рис. 4: 13). Представляется вероятным, что это остатки погребальной урны, которой было накрыто грунтовое погребение 2.

Грунтовое погребение 3 выявлено в квадрате Д5. Оно представляло собой скопление очищенных от угля кальцинированных костей. Ненарушенная его часть представляет собой компактную линзу размером 0,2 x 0,12 м и мощностью около 0,12 м, залегающую в грунтовой ямке. Среди костей здесь найдено два фрагмента колец из тонкой бронзовой проволоки (Рис. 4: 4,6).

Михайлова Е. Р.

**Два древнерусских комплекса
с украшениями из олова с запада
Новгородской земли⁵²**

Ювелирные изделия из оловянистых или оловянно-свинцовых сплавов хорошо известны в археологической литературе и неоднократно рассматривались с точки зрения древних технологий в связи с изучением конкретных комплексов и памятников, при палеоэтнографических реконструкциях и в других аспектах (см., в частности: *Дайга*, 1960; *Моора*, 1963; *Рындина*, 1963; *Горюнова*, 1987; *Горюнова*, 1992; *Мачинская*, 1988; *Ениосова*, 1998; *Минасян*, 2003; *Щеглова*, 2001; *Щеглова*, 2002; *Григорьева*, *Щеглова*, 2012; *Никитина*, *Ефремова*, 2012). Олово и его сплавы находили широкое применение в ювелирном деле, будучи в первую очередь дешёвым аналогом серебра.

Настоящая статья посвящена анализу двух комплексов древнерусских украшений, в составе которых встречены оловянные изделия, воспроизводящие серебряные образцы, найденных при раскопках древнерусского курганного кладбища Березицы III на территории Струго-Красненского района Псковской области (см. приложение в конце статьи). Исследования памятника проводились в 1991 г. Плюсским отрядом Ленинградской областной экспедиции под руководством С. Л. Кузьмина (начальник экспедиции — Е. А. Рябинин)⁵³.

Курганная группа Березицы III расположена в 600 м к северу от деревни Березицы, на пологом склоне низкой возвышенности, в лесу. Севернее курганов протекает небольшая речка Бочица. В ближайших окрестностях известно несколько памятников культуры длинных курганов, а в самой деревне Березицы — грунтовый могильник Березицы VIII близ деревенской часовни и курганно-жальничный могильник Березицы IX, располагавшийся у юго-восточной окраины деревни и ныне уничтоженный карьером.

Курган 23 могильника Березицы III содержал под своей насыпью два захоронения. Более раннее из них — погребение женщины в неглубокой

овальной могиле (погребение №2). По обеим сторонам от головы погребённой были найдены проволочные височные кольца (одно — бронзовое, остальные из серебра), по три с каждой стороны (Рис. 1: 4—6, 12—14). Ожерелье, расчищенное под черепом, состояло из двух ниток. На одну нитку была нанизана 121 навитая («бусинная») бисерина, все они сильно патинированы и утратили цвет. На другую нитку были надеты несколько крупных стеклянных бусин, ширококорая лунница из оловянистого сплава (Рис. 1: 7), дирхам с пробитыми по краям отверстиями (Рис. 1: 9), полностью стертая серебряная монета с приклёпанным бронзовым ушком, возможно, денарий (?) (Рис. 1: 8) и две бронзовые спиральки (Рис. 1: 10, 11). Бусы, составлявшие ожерелье, разнообразны: желтовато-оранжевая «прессованная» бочонковидная (Рис. 1: 17), 14-гранная мозаичная с группами бело-вишнёвых глазков на оранжевом фоне (Рис. 1: 20), реберчатая золотостеклянная (Рис. 1: 18), две небольшие ярко-жёлтые лимоновидные (Рис. 1: 15, 16), обломок массивной ребристой трубочки из густо-синего стекла (Рис. 1: 19). В ногах погребённой, под правой стенкой могилы лежали черепки горшка, украшенного неглубокими врезными линиями, со следами нагара внутри на венчике (Рис. 2: 2). Горшок был разбит ещё в древности, и в погребение попали не все его фрагменты.

Более позднее погребение №1 было впущено сверху в уже созданную насыпь, несколько южнее погребения №2. На уровне пояса погребённого здесь сохранились бронзовая лировидная пряжка с остатками железной иглы, к которой снизу прикипел фрагмент полотна (Рис. 1: 1), и сланцевый оселок (Рис. 1: 3). В районе груди было найдено незамкнутое кольцо из бронзовой проволоки (Рис. 1: 2), в ногах стоял горшок, орнаментированный по всей высоте тулова сдвоенными врезными линиями, а по верхней части плечиков — неровной линией неравномерных овальных вдавлений (Рис. 2: 1). Следов копоти или нагара на горшке нет.

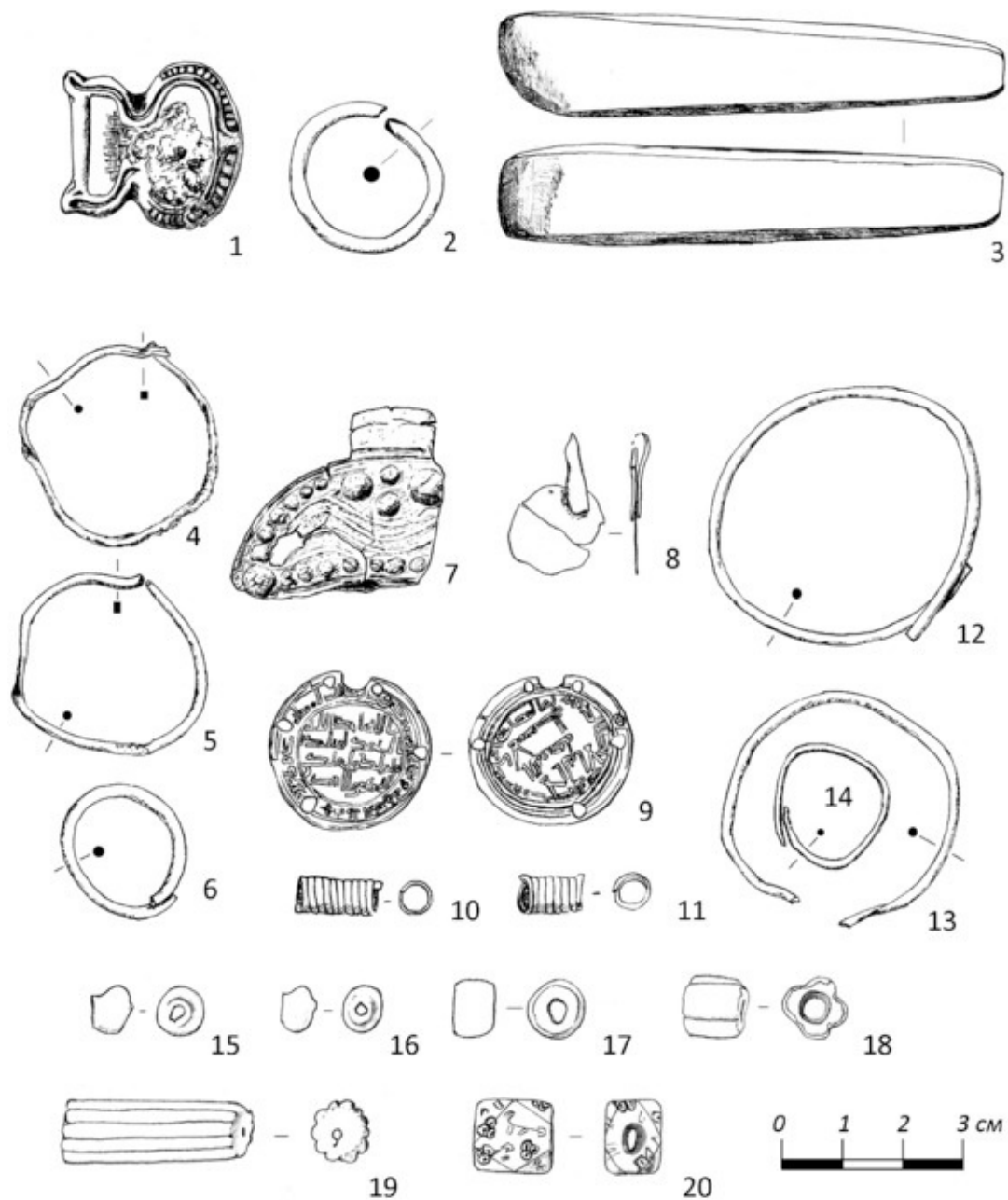

Рис. 1. Березицы III, курган 23. Находки из погребений. 1—3 — погребение 2; 4—20 — погребение 1 (1 — бронза, железо; 2, 6, 10, 11 — бронза; 3 — сланец; 4, 5, 9, 12—14 — серебро; 7 — олово; 8 — серебро, бронза; 15, 16 — жёлтое стекло; 17 — оранжевое глухое стекло; 18 — прозрачное стекло, золотая фольга; 19 — синее стекло; 20 — полихромное стекло). Рисунки автора

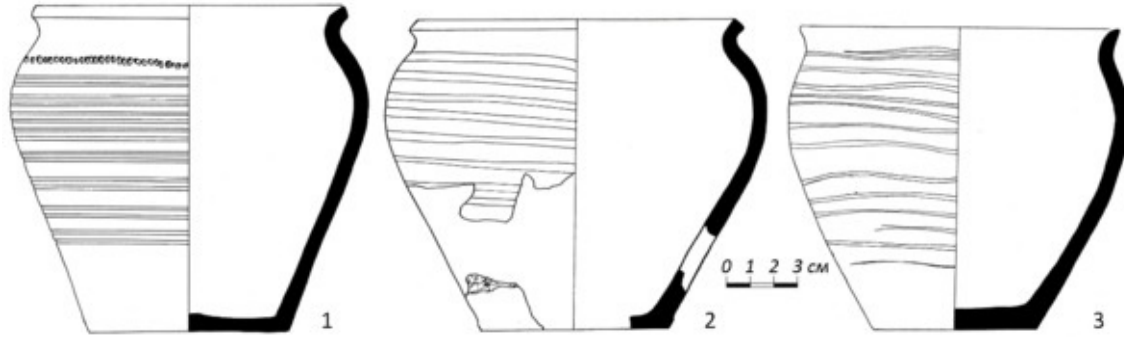

Рис. 2. Березицы III, курган 23. Керамика. 1 — погребение 1; 2 — погребение 2; 3 — в насыпи. Рисунки автора

В насыпи кургана, в северо-западной её части, были собраны черепки ещё одного горшка с линейным орнаментом. В курган попали фрагменты примерно половины горшка — вся придонная часть и полный профиль (Рис. 2: 3).

Комплекс находок из погребения №2 можно датировать второй половиной XI — первой половиной или первой третью XII в. Датировка основывается на следующих предметах. Проволочные височные кольца малого диаметра (т.н. перстнеобразные) бытовали, по наблюдениям Ю. М. Лесмана, с которым мы согласны, в течение формирования 23—12 ярусов Неревского раскопа в Новгороде (1055—1299 гг.) (Лесман, 1990. С. 69). Разомкнутые привески-лунницы в целом встречаются в Новгороде вплоть до 14 яруса (до 1238 г.) (Лесман, 1990. С. 62), однако ширококорогие лунницы представляют собой наиболее раннюю разновидность таких привесок. В своде ювелирных изделий Новгорода М. В. Седовой учтены четыре ширококорогие лунницы, все они происходят из напластований X в. (в т.ч. одна — из состава Неревскогоклада куфических монет) (Седова, 1981. С. 24). В погребальных памятниках икладах Северо-Западной Руси ширококорогие лунницы представлены и в XI — первой половине XII в. (Спицын, 1896. С. 107; Корзухина, 1954. С. 100, 101; Хвоцинская, 2004. С. 76). Жёлтые лимоновидные бусы датируются X — началом / первой третью XII в. (Львова, 1968. С. 88—89; Лесман, 1984. С. 140; ср.: Щапова, 1956. С. 174), так же следует датировать золотостеклянную бусину (Лесман, 1984. С. 139). Аккуратная небольшая «прессованная» бочонковидная бусина жёлто-оранжевого цвета относится к типу, который принято датировать VIII—X вв. (Львова, 1968. С. 72—73), однако в погребальных памятниках запада Новгородской земли известны и более поздние находки таких бус, вплоть до начала XII в. (Залевская, 1982. С. 53; Михайлова, 2014. С. 325).

Четырнадцатигранная пёстрая оранжевая мозаичная бусина, согласно новгородским находкам, может быть датирована временем до 1197 г. с возможным сужением до 1134 г. Материалы погребальных памятников Новгородской земли подкрепляют суженную датировку (*Лесман*, рукопись, тип II.6). Продольно рифлёная трубочка из тёмно-синего стекла являлась, вероятно, полуфабрикатом для изготовления цилиндрических рубчатых бус. Такие бусы датируются в широком диапазоне X—XIII вв. (*Фехнер*, 1959. С. 170). Дирхам из погребения, к сожалению, остался не определён, но время его чекана вряд ли сможет уточнить датировку древнерусского погребения.

Стратиграфически более позднее погребение №1 в составе инвентаря имело лировидную пряжку, что позволяет условно синхронизировать его с 25—17 ярусами Неревского раскопа в Новгороде (1006—1197 гг.) (*Лесман*, 1990. С. 79). Встреченная в кургане 23 керамика также может быть отнесена к концу XI—XII вв.

Курган 5 содержал погребение женщины, которое можно назвать «археологически богатым». Слева у головы располагалось небольшое височное кольцо с орнаментированными ромбическими щитками (Рис. 3: 6), а ниже его — ещё два таких же кольца, но большего диаметра, одно из которых было продето в другое, и на верхнее из двух колец прикреплена трапециевидная привеска. На верхнем из вдетых друг в друга колец сохранились прядь волос и обрывок кожаного ремешка, в который было вдето кольцо (Рис. 3: 1). Справа у головы были найдены ещё два таких же височных кольца (Рис. 3: 4, 5). Все височные кольца изготовлены из посеребрённой бронзы.

Под черепом погребённой были расчищены фрагменты мехового воротника (?), расшитого мелкими спиральками и стеклянным бисером (Рис. 3: 12). Фрагменты очень малы, и установить какие-либо подробности края и орнамента по ним невозможно. Понятно лишь, что бисер и спиральки были собраны на отдельные нитки, нашитые параллельно вплотную друг к другу. На одну нитку нанизывались или только спиральки, или бусинки одного цвета. Всего здесь было собрано 45 экземпляров навитого бисера ярко-зелёного цвета, 36 — фиолетового и 7 — тёмно-красного цвета. Короткие спиральки диаметром 2—4 мм изготовлены из очень тонкой бронзовой проволоки и насчитывают 3—4 витка.

Ожерелье, составленное, вероятно, в одну нитку, включало в себя стеклянные и пастовые бусы и три крупных оловянных медальона с пластинчатыми ушками из бронзы. От одного из медальонов сохранились только фрагменты (Рис. 4: 3—5). Бусы представлены следующими

разновидностями: золотостеклянные цилиндрические и бочонковидные «с каймой» (Рис. 4: 7—13), небольшая бочонковидная серебростеклянная (Рис. 4: 18), расколовшаяся ещё в древности продольно-рифленая серебростеклянная бусина (Рис. 4: 17), ярко-оранжевые и тёмно-красные пастовые навитые бусины (Рис. 4: 14—16, 19—24), четырёхгранные бусины из пасты вишнёвого цвета с накладными жёлтыми полосками (Рис. 4: 25, 26), такая же четырёхгранная бусина, но зелёного цвета (Рис. 4: 27), плохо сохранившаяся зонная бусина из жёлтой пасты с выкрошившейся инкрустированной волнистой полоской (Рис. 4: 28).

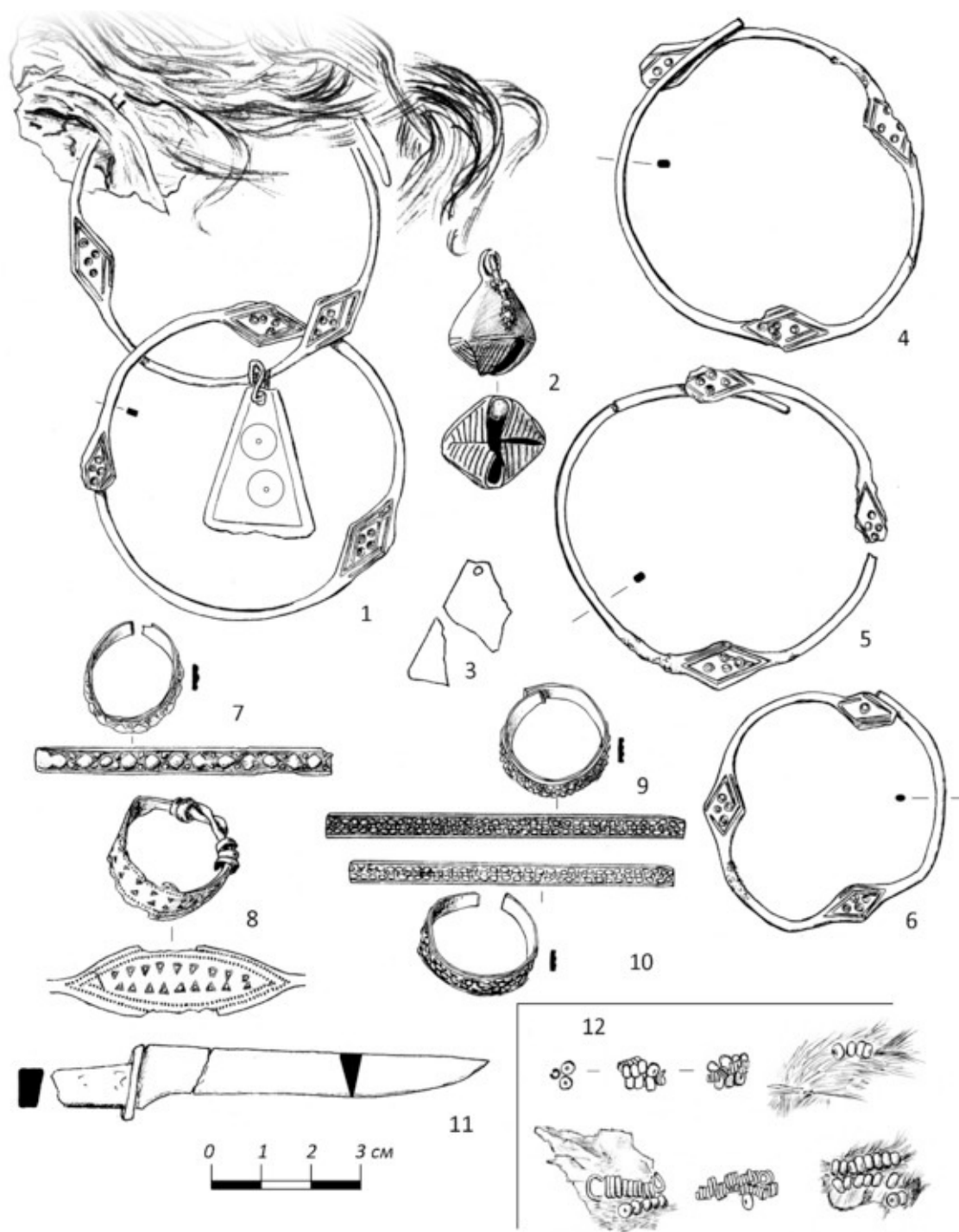

Рис. 3. Березицы III, курган 5. Находки из погребения (1 — бронза, посеребрённая бронза; 2, 3, 7—10 — бронза; 4—6 — посеребрённая бронза; 11 — железо; 12 — мех, бронзовые спиральки, стеклянный бисер). Рисунки автора

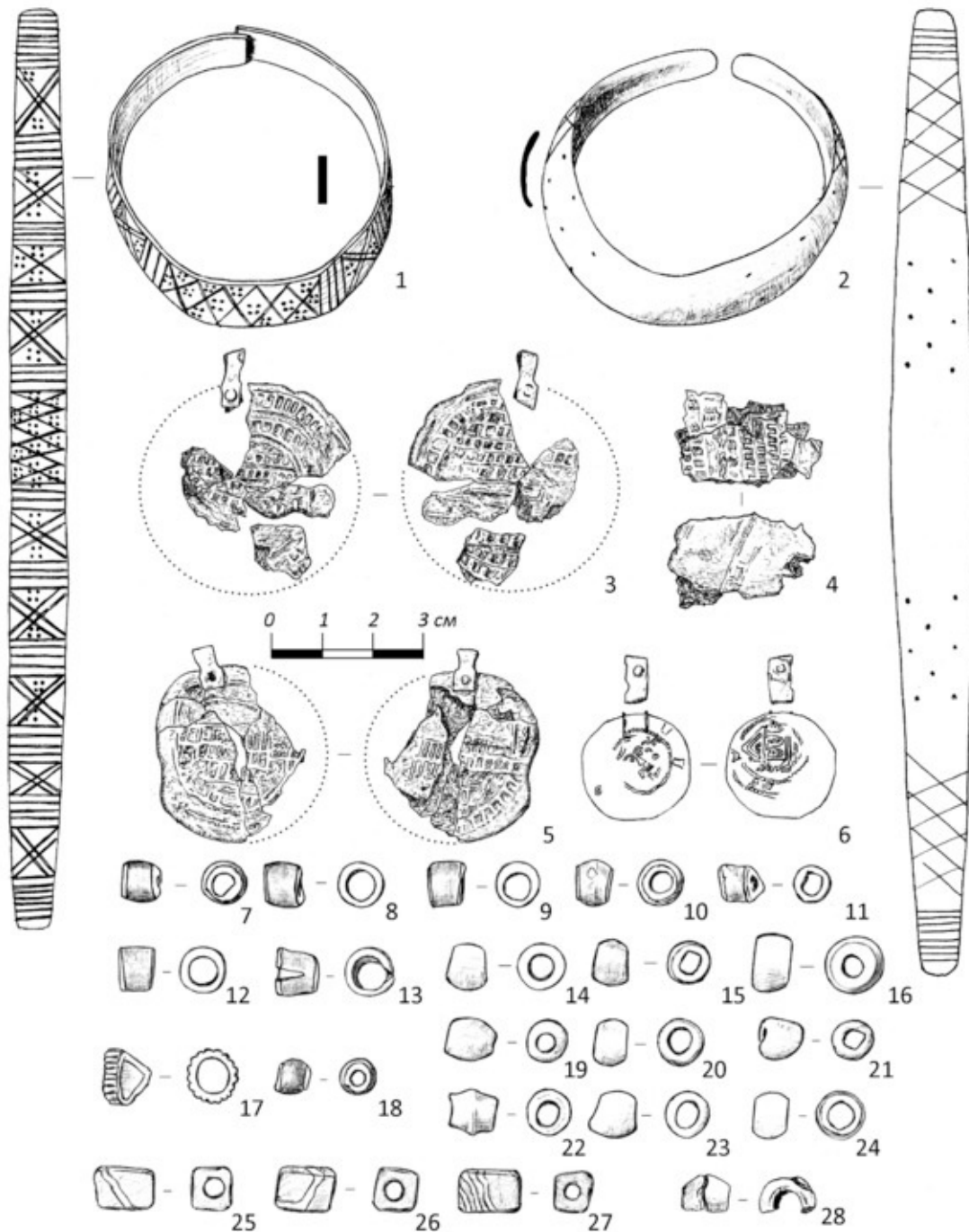

Рис. 4. Березицы III, курган 5. Находки из погребения (продолжение)
 (1, 2 — бронза; 3, 5 — оловянистый сплав, бронза; 4 — оловянистый сплав;
 6 — серебро; 7—13 — прозрачное стекло, золотая фольга; 15—16, 19—
 28 — глухое стекло; 17, 18 — прозрачное стекло, серебряная фольга).
 Рисунки автора

Выше пояса погребённой с левой стороны были найдены фрагменты

бронзовой трапециевидной привески (Рис. 3: 3), справа на том же уровне — бронзовый крестопрорезной бубенчик с косою насечкой, к которому прикипел железный штырёк (Рис. 3: 2). На правую руку погребённой был надет бронзовый пластинчатый браслет с геометрическим орнаментом (Рис. 4: 1); на пальцах правой руки были два бронзовых пластинчатых перстня с литым орнаментом (Рис. 3: 9, 10). На левой руке был надет бронзовый вогнутый пластинчатый браслет, орнаментированный линиями и точками (Рис. 4: 2), а на пальцах — бронзовые перстни: пластинчатый с литым орнаментом и широкосрединный с завязанными концами (Рис. 3: 7, 8). На тазовых костях лежал сточенный железный нож со следами деревянной рукояти (Рис. 3: 11). У правого колена погребённой, между ног, найден денарий с приклёпанным серебряным ушком, чеканенный в Майнце при короле Германии и императоре Священной Римской империи Генрихе III (1039—1056)⁵⁴ (Рис. 4: 6).

Это погребение также следует датировать в пределах середины — второй половины XI в., возможно, расширяя верхнюю границу до начала XII в. Надёжный *terminus post quem*⁵⁵ даёт монета 1039—1056 гг. Узкие пластинчатые перстни с выпуклым литым орнаментом являются хронологическим индикатором для XI в. для всей территории Северной Руси (Зайцева, 2008. С. 120). Грушевидный крестопрорезной бубенчик с косою насечкой следует датировать до начала второй трети XII в. («до 1134 г.») (Лесман, 1990. С. 60). Остальные металлические предметы датируются в широких рамках: височные кольца с небольшими щитками, орнаментированными четырьмя кружками в ромбе — XII — начало XIV в. (Лесман, 1989. С. 85), трапециевидная привеска — до конца XIII в. (Лесман, 1990. С. 62), узкопластинчатый браслет с простыми концами — XI — последняя четверть XIII в. (Лесман, 1990. С. 38).

Бусы также датируются сравнительно широко. Крупные навитые бусины из красно-оранжевой пасты, представленные в этом погребении, относятся к поздней разновидности оранжевых пастовых бус, встречающихся в погребальных памятниках Новгородской земли вплоть до конца XII в. (Платонова, Жеглова, Лесман, 2007. С. 183). Золотостеклянные бусы представлены бочонковидными с каймой и цилиндрическими, употреблявшимися ещё в первой половине XII в., серебростеклянная бочонковидная бусинка «с каймой» датируется временем с конца X в. до конца XIII в. (Лесман, 1984. С. 139).

Оба публикуемых комплекса достаточно типичны для Северной Руси,

находки из них относятся к серийным и представлены в большинстве синхронных памятников. В качестве примера можно назвать, в частности, недавно опубликованные монографически некрополи в Залахтове и на Кубенском озере (Хвоцинская, 2004; Археология севернорусской деревни... Т. 1—3. 2007—2009), а также расположенные поблизости от Березиц погребальные памятники Которского погоста (Кузьмин, 1991; Кузьмин, Михайлова, Соболев, 2000).

Как же соотносятся найденные в Березицах оловянные украшения с другими находками? Принято считать, что вещи, изготовленные из олова, свинца или их сплава, копировали более дорогие серебряные украшения. Однако причины для изготовления недорогих реплик из мягкого тусклого металла могли быть различны.

Лунница из кургана 23, безусловно, воспроизводит тип дорогих серебряных ширококорогих зернёных лунниц X—XI вв., ранние образцы которых представлены, например, в Гнездовских кладах (Пушкина, Мурашева, Енисова, 2012. С. 266) и камерном погребении Старовознесенского некрополя в Пскове (Яковлева, 2006. С. 72). Как уже упоминалось, подобные лунницы известны в XI в. в Новгородской земле (Рис. 5). Перед нами — дешёвая реплика, вероятно, довольно престижного украшения.

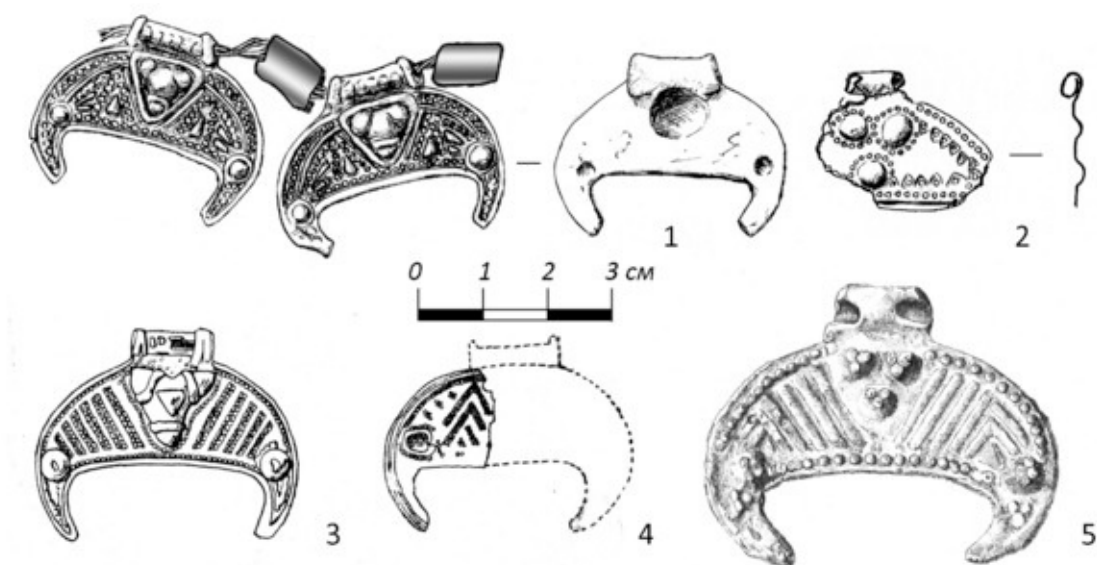

Рис. 5. Ширококорогие лунницы из памятников Новгородской земли: 1, 2 — Которск XI, Плюсский район, Псковская область, курган 10, погребение 1 (рис. автора); 3 — Скадино, Островский район, Псковская область, клад (по: Корзухина, 1954. Таб. XXV: 10); 4 — Шпаньково (Спанка), Гатчинский район, Ленинградская область, клад (по: Корзухина,

1954. Таб. XXVII: 3); 5 — Старо-Сиверская, Гатчинский район, Ленинградская область, погребение 17 (по: Спицын 1896. Таб. VI: 3)

Медальоны из кургана 5 иллюстрируют, мне кажется, несколько иную ситуацию. Эти крупные круглые привески с имитацией нечитаемых надписей по кругу и в несколько строк в центре медальона, безусловно, представляют собой изображения обращённых в подвески дирхамов, повсеместно встречающихся в ранних древнерусских комплексах. Известно, что в начале XI в. арабское монетное серебро перестаёт поступать в Восточную Европу (Янин, 2009. С. 146). Вполне вероятно, что в данном случае изготовление имитации было вызвано не нехваткой дорогого серебра как такового, а отсутствием в обращении дирхамов, которые часто входили в состав ожерелий в качестве привесок и могли нести какую-то смысловую нагрузку.

Таким образом, два одновременных набора украшений демонстрируют, вероятно, различные причины появления в костюме украшений из недорогого металла. О важности цвета металлических украшений уже писали исследователи (Хаврин, 2014). Было бы чрезвычайно интересно в дальнейшем проследить соотношение однотипных металлических украшений, выполненных из металла сходных цветовых оттенков (например — серебро, оловянистые бронзы, свинец, олово) и реконструировать мотивы выбора мастером-ювелиром того или иного материала.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа медальонов из кургана 5 могильника Березицы III⁵⁶

№ полевой описи	Предмет	Sn	Cu	Pb	Zn	Прочие
14а (Рис. 4: 4)	Подвеска	70–78	Сл.	22–30	Сл.	Fe – сл.
14б (Рис. 4: 3)	Подвеска	74–91	<0,2	9–25	<0,2	Fe – сл.
14в (Рис. 4: 5)	Подвеска	69–83	<0,2	17–31	–	Fe – сл.

Библиография:

Археология севернорусской деревни X—XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. 1: Поселения и могильники. Н. А. Макаров (отв. ред.). М.: Наука, 2007.

Археология севернорусской деревни X—XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. 2: Материальная культура и хронология. Н. А. Макаров (отв. ред.), С. Д. Захаров (ред.). М.: Наука, 2008.

Археология севернорусской деревни X—XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. Н. А. Макаров (отв. ред.), И. Е. Зайцева (сост.). М.: Наука, 2009.

Горюнова В. М. К вопросу об оловянных украшениях «антских» кладов // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи: Межвуз. сборник научных трудов. А. Д. Пряхин (ред.). Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, 1987. С. 85—93.

Горюнова В. М. Новый клад антского времени из среднего Поднепровья // Археологические вести. 1. 1992. С. 126—140.

Григорьева Н. В., Щеглова О. А. Украшения из свинцово-оловянистых сплавов в материалах раскопа 3 на Земляном городище в Старой Ладоге // Истоки славянства и Руси. Сборник статей по материалам X Чтений памяти Анны Мачинской. Д. А. Мачинский (ред.). СПб.: Нестор-История, 2012. С. 250—255.

Дайга И. В. К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.) // Советская археология. 3. 1960. С. 78—92.

Ениосова Н. В. Литейные формы Гнездова // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. В. Л. Янин (отв. ред.), Т. А. Пушкина (ред.-сост.). М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 67—81.

Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X—XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. 2: Материальная культура и хронология. Н. А. Макаров (отв. ред.), С. Д. Захаров (ред.). М.: Наука, 2008. С. 57—142.

Залевская Н. И. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи. Межвузовский сборник. А. Д. Столяр (ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 49—54.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

Кузьмин С. Л. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. В. Л. Янин, Е. Н. Носов, П. Г. Гайдуков (ред.). М.: ИА РАН,

1991. С. 153—168.

Кузьмин С. Л. Отчёт о полевых исследованиях Плюсского отряда Ленинградской областной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1991 г. СПб: 1992. Архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р—1. №16203.

Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Могильник Которск IX — кладбище населения Которского погоста // *Stratum plus*. 5. 2000. С. 70—82.

Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // *Археологическое исследование Новгородской земли. Межвузовский сборник. Г. С. Лебедев (ред.)*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 118—153.

Лесман Ю. М. К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI—XIV вв. // *Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 2. В. Л. Янин (отв. ред.)*. Новгород: НГОМЗ, 1989. С. 82—87.

Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.) // *Материалы по археологии Новгорода. 1988 г. В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков (ред.)*. М.: ИА РАН, 1990. С. 29—98.

Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (XI—XV вв.). Рукопись. Сектор архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург. Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi. Часть I. Способы изготовления, ареал и время распространения // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. 1968. С. 64—94.*

Мачинская А. Д. Украшения из оловянистых сплавов из Старой Ладogi // *Новгород и Новгородская земля: история и археология. [Вып. 1]. В. Л. Янин (отв. ред.)*. Новгород: НГОМЗ, 1988. С. 18—20.

Минасян Р. С. Особенности раннеславянского литейного и ювелирного производства // *Древности Подвинья: Исторический аспект. По материалам круглого стола, посвященного памяти А. М. Микляева. А. Н. Мазуркевич (ред.)*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 206—211.

Михайлова Е. Р. Бескурганые могильники близ Которского погоста: хронология и место среди древностей лесной полосы Восточной Европы // *Русь в IX—XII веках: общество, государство, культура. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев (ред.)*. Москва; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 317—335.

Моора Х. Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике // *Munera archaeologica Josepho Kostrzewski. K. Jażdżewski, W. Hensel, W. Kóćka (red.)*. Poznań: Państwowe Wydawnictwo naukowe, 1963. S. 355—365.

Никитина Т. Б., Ефремова Д. Ю. Женщины-«литейщицы» из марийских захоронений X—XI вв. как носители этнической традиции // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 8: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования и проблемы сохранения и музеефикации. Сборник научных трудов. А. М. Белавин (общ. ред.). Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 336—344.

Платонова Н. И., Жеглова Т. А., Лесман Ю. М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. Е. Н. Носов (отв. ред.). Труды Института истории материальной культуры РАН 24. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 142—194.

Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Ениосова Н. В. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX—X веках: археологическая панорама. Н. А. Макаров (отв. ред.). М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242—273.

Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. // Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 3. А. В. Арциховский, Б. А. Колчин (ред.). Материалы и исследования по археологии СССР 117. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 200—268.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981.

Спицын А. А. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. Материалы по археологии России 20. СПб.: тип. Глав. управ. уделов, 1896.

Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Б. А. Рыбаков (ред.). Труды Государственного исторического музея 33. М.: Советская Россия, 1959. С. 149—224.

Хаврин С. В. Вот металл цветной... // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. Сборник статей памяти Д. А. Мачинского: По материалам XVII Чтений памяти Анны Мачинской и XVIII Чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских. [В. Т. Мусбахова (ред.)]. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 52—58.

Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

Щапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. А. В. Арциховский, Б. А. Колчин (ред.). Материалы и исследования по археологии СССР 55. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 164—179.

Щеглова О. А. К вопросу о месте и времени формирования традиции изготовления свинцово-оловянных украшений в формочках «типа Камно—Рыуге» // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятое чтение памяти Анны Мачинской. Материалы к чтению. Д. А. Мачинский, А. А. Селин (науч. ред.). СПб: СтЛИААМЗ, 2001. С. 46—55.

Щеглова О. А. Свинцово-оловянные украшения VIII—X вв. на северозападе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. А. Н. Кирпичников (отв. ред.). СПб: ИИ МК РАН, 2002. С. 135—150.

Яковлева Е. А. Камерное погребение X в. из Старовознесенского раскопа // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 51-го научного семинара, посвященного памяти академика В. В. Седова. И. К. Лабутина (отв. ред.). Псков: ИА РАН, ПГОИАХМЗ, 2006. С. 66—78.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и М.: Языки славянских культур, 2009.

Михайлов А. В.

Погост Заклинье по данным археологии⁵⁷

Осенью 2015 г. сотрудники «Археологического центра Псковской области» проводили обследование трассы высоковольтной линии электропередач, пересекающей Псковский, Струго-Красненский и Плюсский районы. В окрестностях дер. Заклинье нами было обнаружено несколько новых археологических объектов, которые заставили несколько по-иному взглянуть на историю освоения округа Заклинского погоста.

Всего на территории Струго-Красненского района зафиксировано 164 памятника археологии. Хронологический диапазон памятников — от 2 пол. I тыс. н.э. до позднего средневековья. Территория района достаточно хорошо изучена археологически. На археологической карте района основная концентрация объектов археологического наследия приходится на район расположения крупных водоёмов — озёр Щир и Чёрное и прилегающей к нему территории — среднее течение р. Люты, междуречье рек Люты и Курей, верхнее течение р. Псковы. Округа погоста Заклинье до недавнего времени оставалась своеобразным «белым пятном» на археологической карте района.

По мнению ряда исследователей, наиболее ранние сведения о Заклинье в письменных источниках относятся к 1440—1447 гг. Очевидна ошибочность этой точки зрения. Авторы (*Б. Н. Харлашов, А. Н. Ефимов*) ссылаются на договорную грамоту литовского великого князя Казимира с Великим Новгородом о мире (ГВНП, 1948, №70. С.116). В договорной грамоте, в частности, закрепляются границы между Новгородской землёй и Великим княжеством Литовским. Мало того, что Заклинский погост входил в состав Псковской земли, пусть и находясь рядом с псковско-новгородской границей, описываемая в грамоте граница проходила по югу Новгородской земли, в нескольких сотнях километрах от Струго-Красненского района. Первое достоверное письменное упоминание Заклинской губы, засады, а также погоста с церковью Покрова Богородицы встречается в писцовой книге 1585/1587 гг. (МAMЮ, 1913, т.5. С.165, 166).

По результатам археологической разведки, проведённой Б. Н. Харлашовым в 1987 г., погост Заклинье находился

в 100 м к юго-востоку от современного места расположения деревни, на естественном всхолмлении. Наиболее заметно местность понижается в северо-восточном направлении, к заболоченной низине, поросшей кустарником. Юго-западная часть всхолмления занята карьером. На старом кладбище, в юго-восточной его части, сохранился валунный фундамент деревянной погостской церкви (Харлашов, А-1987).

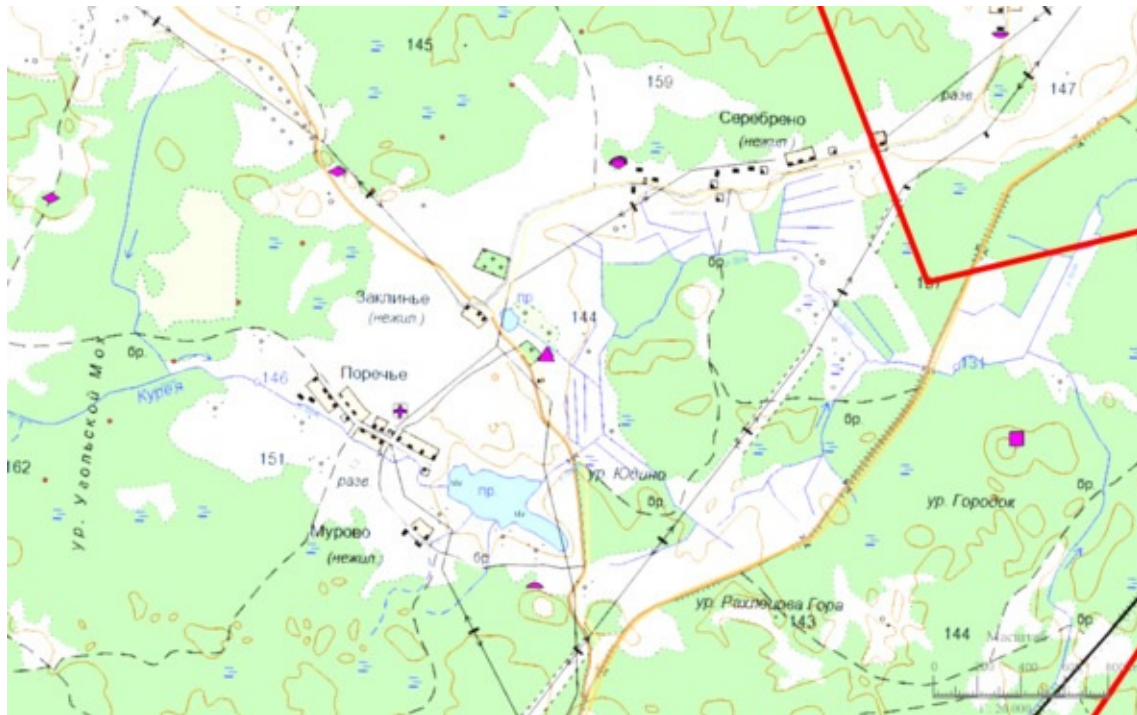

Рис. 1. Археологические объекты в округе Заклинского погоста

Селище обнаружено на пашне, примыкающей к кладбищу с востока и юго-востока. Площадка селища наклонена в сторону заболоченной низины на 4,5—7 м. Территория, занятая средневековым поселением, выделяется по тёмному культурному слою на фоне светлого суглинка. Его размеры — 165 x 75 м., однако выходы тёмного культурного слоя, содержащего фрагменты средневековой керамики, отмечены западнее кладбища, по левую сторону дороги из Новоселья в Заклинье, между дорогой и отвалом карьера. Вероятно, селище распространялось и дальше в западном направлении, но слой полностью нивелирован карьером.

Для выяснения мощности культурных отложений, степени их сохранности и основных характеристик, в центр селища Б. Н. Харлашовым был заложен шурф размерами 2 x 2 м. Выяснилось, что культурный слой полностью распахан, его мощность составляет 0,4—0,5 м. Над материком встречаются отдельные вкрапления древесных угольков и материковой

жёлто-оранжевой глины. В южной части шурфа была обнаружена материковая яма овальной формы, частично уходящая в южный профиль, её размеры (в пределах шурфа) — 0,98 x 0,7 м. В верхней части заполнения ямы встречен мелкий обожжённый булыжник и отдельные плиты известняка. Булыжник залегал в чёрном углистом слое, толщина которого достигала 0,28 м. Ниже — бурый слой с включениями глины до глубины 0,98 м от верхнего края ямы. Дно ямы плоское, ровное, стенки почти вертикальные. В заполнении найдено большое количество крупных фрагментов гончарной керамики XV в., каменный круг и обломок жернова. По подъёмному материалу селище датировано XV—XVII вв.

В 2007 г. В. Г. Кузьминым в центральной части кладбища Заклинского погоста были зафиксированы два каменных креста. Над поверхностью земли находятся лишь верхние лопасти крестов — зафиксировать их полные размеры не представилось возможным. На одном из крестов в средокрестии изображён семиконечный крест.

Ещё один весьма примечательный каменный крест находится у юго-восточной окраины деревни Поречье, в 60 м от дороги в дер. Заклинье, на поле. Вокруг креста установлена железная ограда. Крест каменный из мелкозернистого песчаника буро-коричневого цвета, высота (над уровнем земли) — 70 см, ширина — 70 см, толщина — 15 см. Концы креста несколько скруглены. В нижней части креста на лицевой стороне высечены зигзагообразные насечки. Местное название креста «Маковея». Следы почитания креста в виде разноцветных ленточек, привязанных к ограде и стоящему рядом дереву, разнообразных «одёжек», которыми местные жители украшают крест, можно видеть и сегодня. Днём почитания креста считается 14 августа.

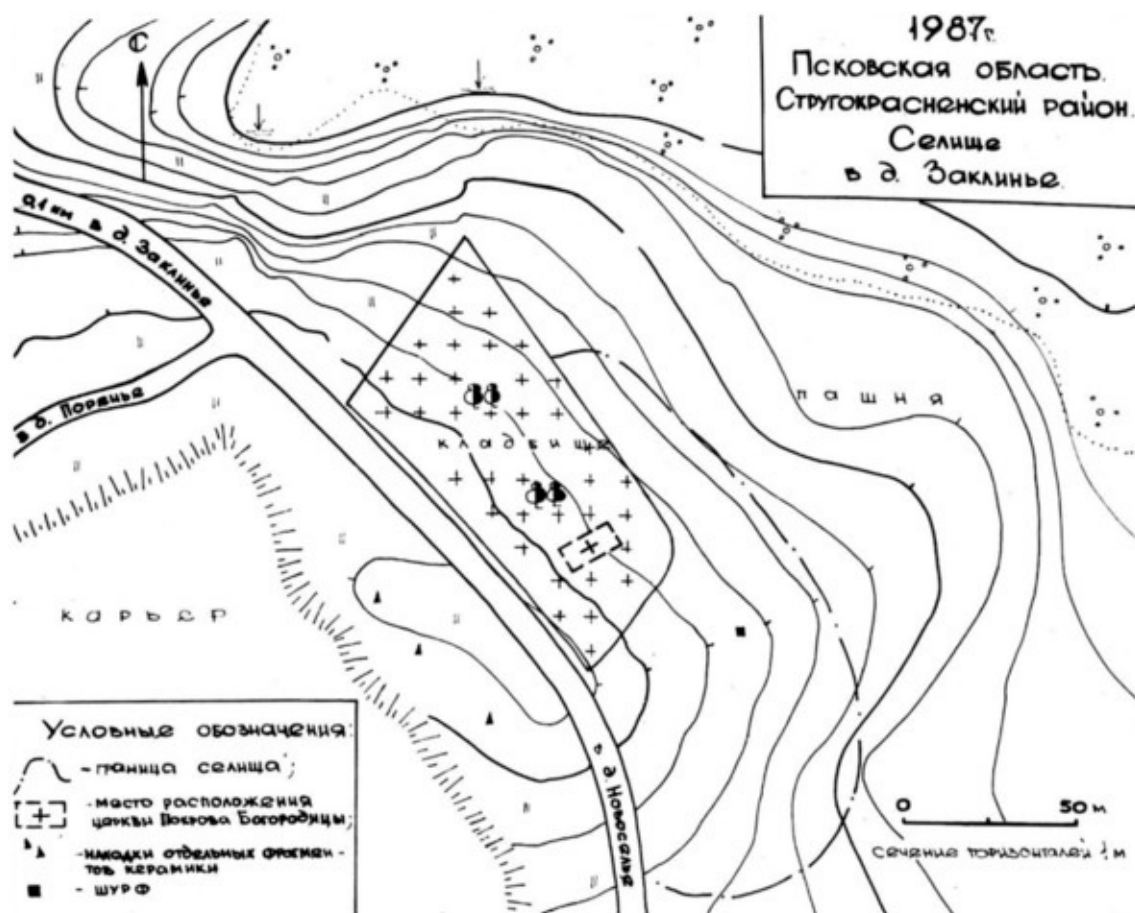

Рис. 2. План селища в дер. Заклинье

По данным писцовых книг мы знаем в округе Заклинского погоста (в составе Заклинской губы) целый ряд населённых пунктов, которые отчётливо соотносятся с ныне существующими или недавно прекратившими своё существование населёнными пунктами: Страханово, Перегреб, Новоселье, Каменное, Моруево, Пикалёво, Серебряное, Серёдка, Кузнецово, Загривье. Соответственно, в каждой из этих деревень или урочищ мы вправе надеяться на обнаружение культурных отложений, относящихся, по крайней мере, к концу XVI в. Стоит также упомянуть, что современная дер. Красная Горка упоминается в новгородских писцовых книгах с конца XV в. как Квашенкина Горка, но по средневековому административному делению она относилась уже к Шелонской пятине Новгородской земли.

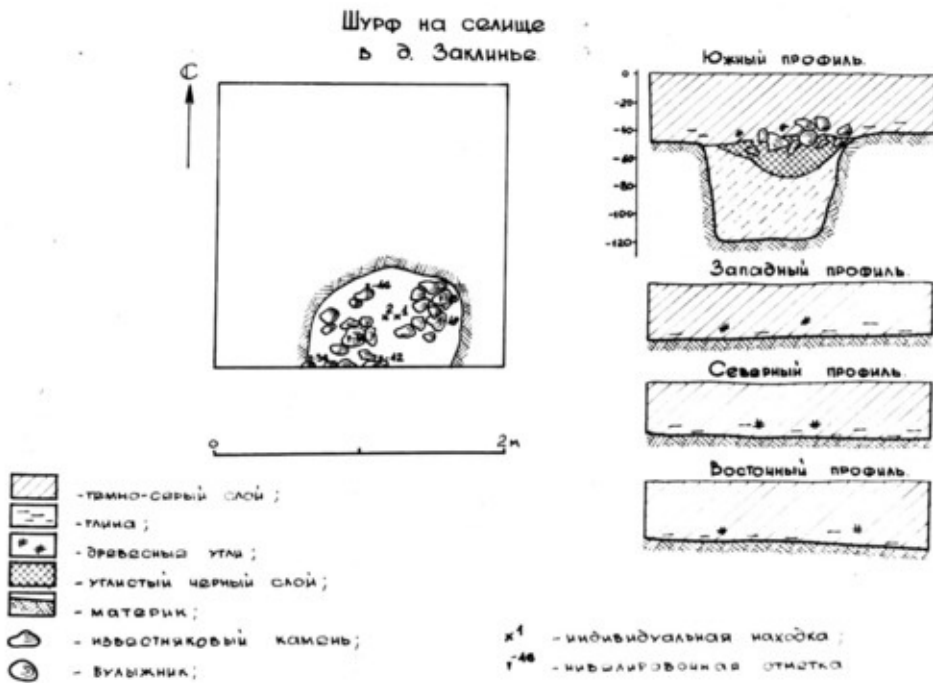
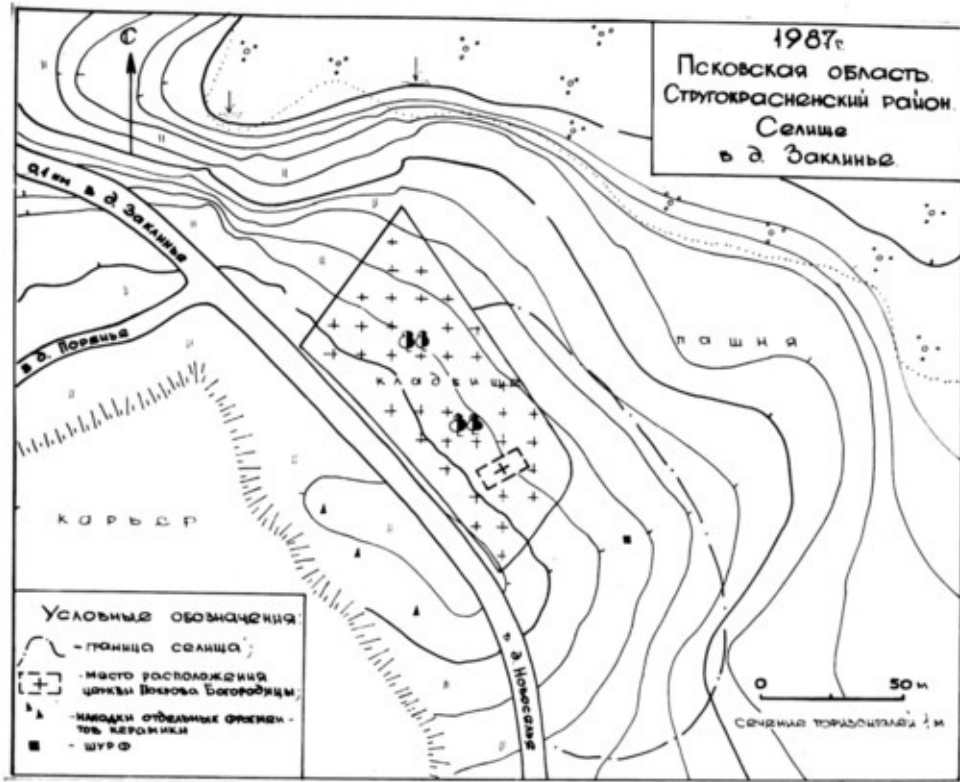

Рис. 3. Шурф на селище в д. Заклинье

Если многие известные по письменным источникам средневековые поселения ещё не открыты археологами, то про синхронные этим поселениям могильники мы знаем несколько больше.

Неподалеку от бывшей дер. Загривье находится средневековый жальничный могильник. Жальничный могильник расположен в 1,1 км к северо-западу от бывшей деревни Заклинье (Заклинский погост), справа от дороги Заклинье — Могутово, на западном (обращённом к дороге) склоне естественной возвышенности. На территории могильника растут отдельные деревья. «Жальничное поле», на котором зафиксированы скопления гранитных валунов, имеет размеры 75 x 30 м (площадь — ок. 2250 м²).

«Поле» имеет естественные и антропогенные границы: с северной стороны «поле» ограничено зарослями кустарников, с восточной — ЛЭП, с западной стороны — грунтовой дорогой Заклинье — Могутово, с южной — естественным понижением и порослями молодых кустарников. Жальничные обкладки располагаются преимущественно в центральной части поля, на западном склоне возвышенности. Подавляющее большинство жальничных оградок повреждены, отчётливо прослеживаются 9 обкладок округлой (овальной формы) диаметром около 3,5—4 x 3,5—4 м. С некоторой долей условности, можно выделить ещё 6 обкладок. Высокий травостой не позволяет выявить их точное число. Обкладки могил выложены из гранитных валунов диаметром 0,3—0,5 м.

Ещё один средневековый грунтовый могильник, обнаруженный в 2015 г., расположен на южной окраине д. Красная Горка, слева от дороги Заклинье — Ксти, на естественной возвышенности. Возвышенность практически полностью уничтожена карьером, сохранилась лишь её северная оконечность. Размеры сохранившейся части 15 x 20 м. По сообщениям местных жителей, при разработке карьера находили большое количество человеческих костей.

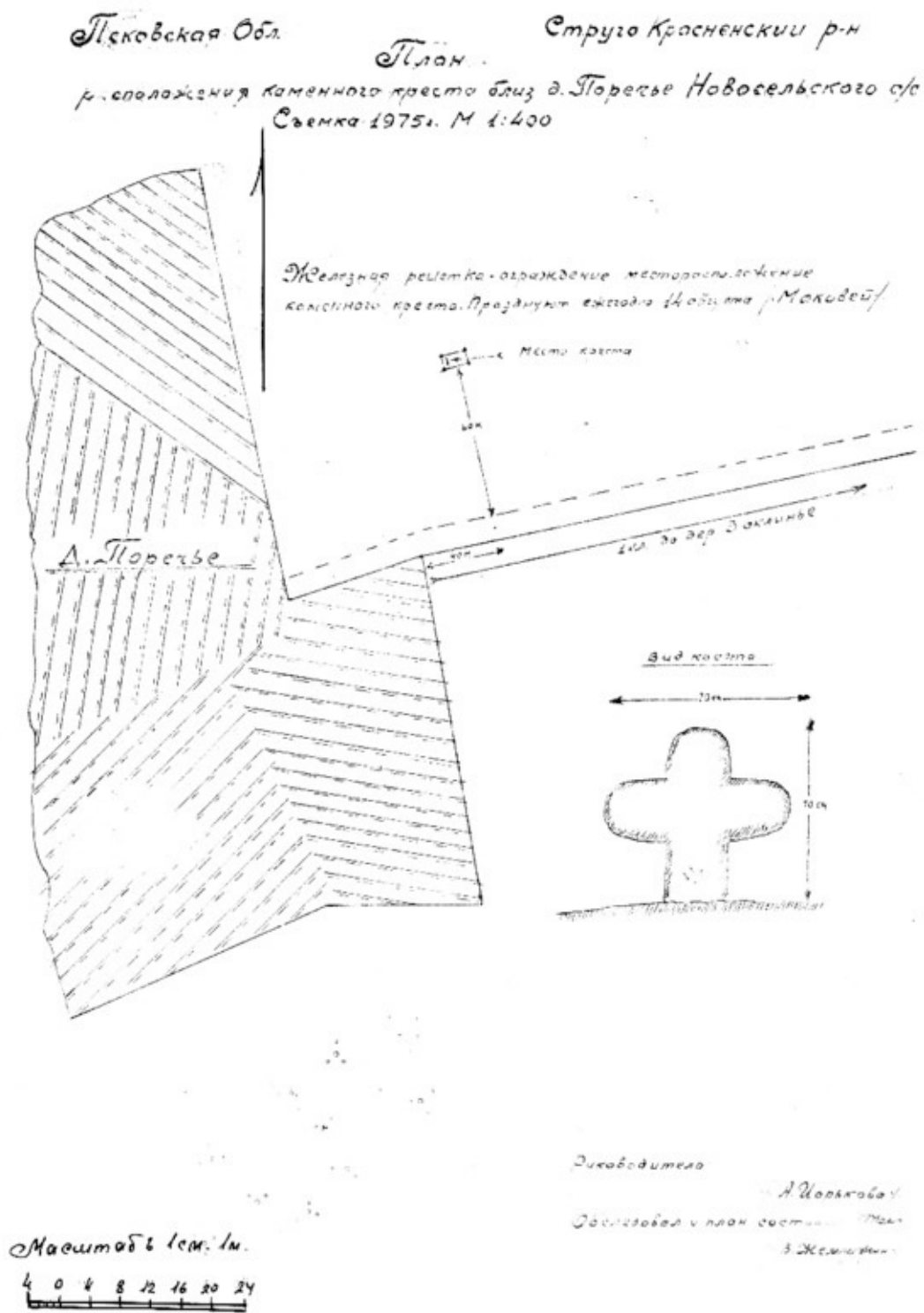

Рис. 4. План расположения каменного креста в д. Поречье

Ещё два могильника микрорегиона, очевидно, относятся к более раннему, древнерусскому, времени. Курганно-жальничный могильник

расположен у западной окраины д. Серебрено, в 60 м от неё, на поле, рядом с возвышенностью, покрытой орешником и ольховыми кустами. Курган 1 ближний к деревне, окружён пашней. Курган круглый в плане, полусферической формы. Диаметр — 11,7 м., высота — 2,7 м. Склоны очень крутые, ровик заплыл и почти не прослеживается. Сложен из песка и мелкого гравия. Хорошо задернован, густо порос травой. Курган 2 в 15 м к северо-западу от первого. Круглый в плане, правильной полусферической формы. Диаметр — 19 м., высота — 4 м. Склоны очень крутые. Хорошо задернован, густо покрыт травой.

Жальничный могильник расположен к северу и западу от сопки и состоит из двух участков. Участок 1 занимает возвышенность, которая с севера примыкает к сопке 1. Жальничные обкладки округлые в плане, сложены из крупных гранитных валунов, насчитывается около 15 оградок, достаточно хорошо сохранившихся. Участок 2 расположен на поле, которое примыкает с запада к сопке 1 и представляет собой «жальничное поле», на котором находятся скопления гранитных валунов от потревоженных жальничных обкладок. Размеры «поля» — 100 x 50 м.

Памятник впервые был выявлен членом археологической секции Псковского отделения ВООПИиК В. И. Жемчужиным в 1977 г., а впоследствии осматривался В. Г. Кузьминым в 2008 г.

В 0,7 км к северу от ур. Камень, справа от полевой дороги Камень — Усадище, в сосновом лесу находится ещё один жальничный могильник древнерусского времени. Могильник занимает южный склон естественной возвышенности. Насчитывается свыше 20 могил, имеющих округлые обкладки, сложенные из крупных гранитных валунов. Памятник сильно повреждён грабительскими ямами и раскопами, практически не сохранилось могил, не повреждённых кладоискателями. По сообщениям местных жителей, в одной из могил были обнаружены стеклянные бусы и серебряная восточная монета-дирхем.

Рис. 5. Жальник в ур. Камень

К концу I — рубежу I—II тыс. н.э. относятся высокие курганы-сопки, которые встречаются в округе Заклинского погоста. Помимо двух уже упомянутых сопок у дер. Серебрено к ним относится и одиночный курган у бывшей дер. Мурово. Одиночный курган расположен в 0,55 км к юго-востоку от бывшей деревни Мурово, в 0,15 км от дороги Новоселье — Княжицы, на краю заброшенного карьера, в смешанном лесу. Курган сопочного типа, крутобокий с уплощённой вершиной. Диаметр насыпи около 20 м, высота — 2,5—3,0 м. Ровик не прослеживается. Памятник был выявлен в 2015 г. при проведении обследования трассы ВЛ-330 кВ «Псков-Лужская».

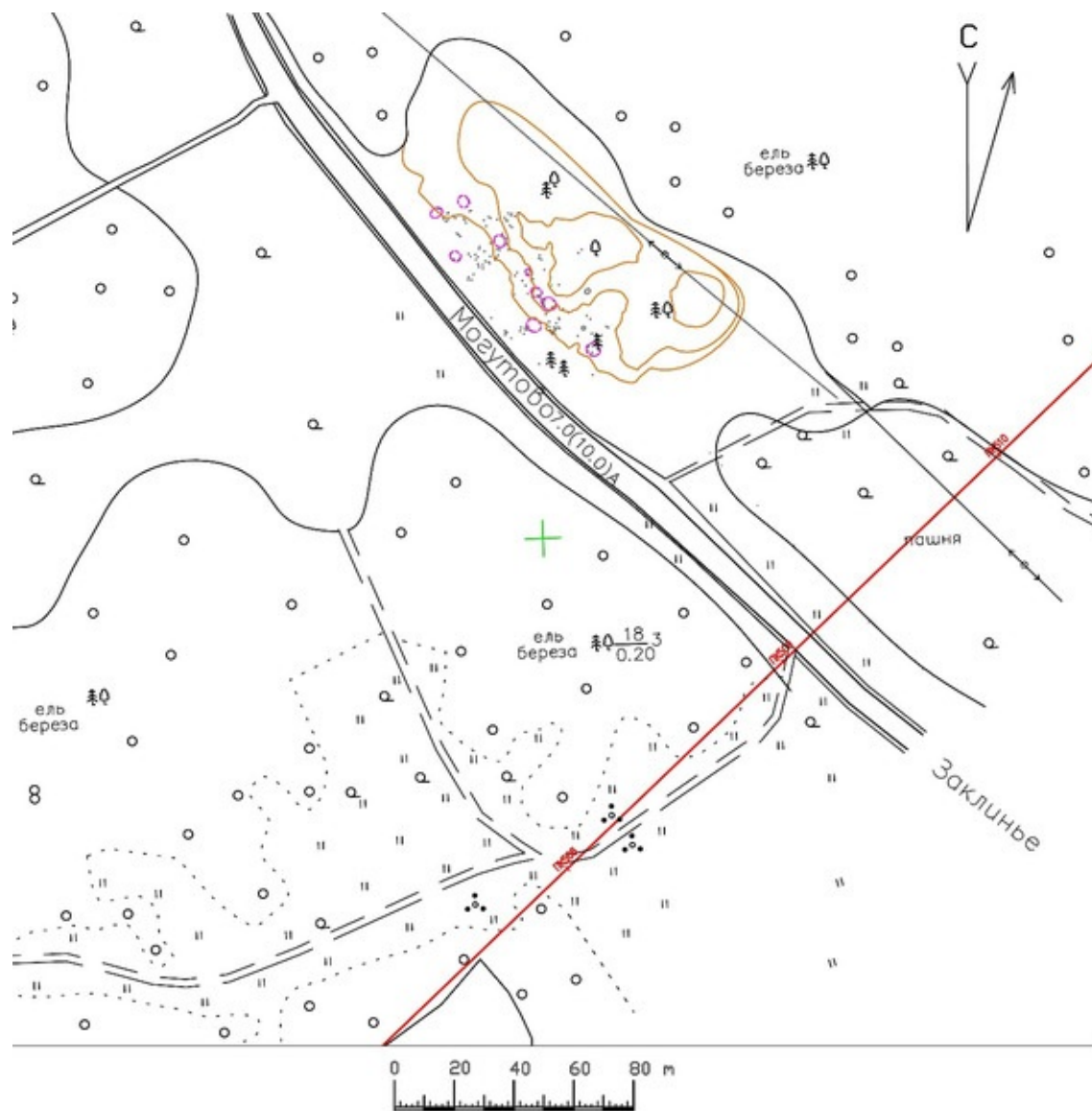

Рис. 6. План жальничного могильника у д. Заклинье

В 2,2 км к востоку от Заклинского погоста, справа от дороги Новоселье — Струги Красные находится ур. Городок. В 2015 г. была осмотрена естественная возвышенность в ур. Городок. Гора Городок, стоящая в истоках р. Курей достигает высоты свыше 25 м и имеет достаточно крутые склоны. Следов укреплений (валов, рвов, подрезки склонов) не прослеживается. На вершине возвышенности прослеживается площадка округлой формы диаметром около 40 м, на которой когда-то стоял триангуляционный пункт. В обнажениях грунта на верхней площадке был зафиксирован темно-серый культурный слой, насыщенный углём и дресвой. Его мощность составляет 0,7—0,8 м. В выбросах из лисьих нор

встречено несколько фрагментов лепной керамики, связанной с культурой новгородских сопок.

Таким образом, на основании археологических данных, можно, в общих чертах, отметить основные вехи освоения территории в окрестностях Заклинского погоста. В конце I — рубеже I—II тыс. н.э. в истоках р. Курейи появляются носители культуры новгородских сопок. Центром формирующейся сельской округи становится поселение на горе Городок. Именно с ним связаны курганы у дер. Серебрено и Муровская сопка. Дальнейшее освоение территории маркируется жальниками древнерусского времени в Серебрено и возле ур. Каменье. К моменту их возникновения поселение на горе Городок уже прекратило своё существование. Не позднее XV в. в районе дер. Заклинье появляется административный центр губы и одноимённой засады Псковского уезда Псковской земли — погост Заклинье.

Литература:

ГВНП, 1949. — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.

МАМЮ, 1913. — Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1913. Т.5.

Харлашов, А-1987. — Харлашов Б. Н. Отчёт о раскопках сопки близ дер. Ванино и разведке в Псковской области в 1987 году // Архив ИА РАН, Р-1, №11894.

Михельсон А. Р., Тростьянский О. В.

Монеты VIII—XI вв. денежно-вещевого комплекса из Псковской области⁵⁸

Летом 2013 года на форуме «Домонгол» для определения были размещены фотографии нескольких монет, найденных незадолго до этого в Псковской области. Как выяснилось, они составляли часть довольно необычного комплекса, информацию о котором мы публикуем ниже.

Место находки: окрестности деревни Пятчино.

Год: 2013.

Обстоятельства находки: любительский поиск.

Категория находки: депозит или погребальный комплекс.

Количество монет: 37.

Прочие объекты: ювелирные украшения и их фрагменты, бусы.

Вес: неизвестен.

Сводная таблица (составлена на основании формальных датировок):

	целых	фрагментов	всего	грн
Исламские династии	3	0	3	901/902
Византия	3	0	1	989
Германия (всего):	24	1	25	1068
в т.ч.: В. Лотарингия	2	0	2	1027
Н. Лотарингия	14	1	15	1068
Саксония	3	0	3	(1000)
Франкония	2	0	2	1046
Швабия	1	0	1	1002
Бавария	2	0	2	1046
Англия	4	0	4	1023
Дания	4	0	4	1047
Всего:	36	1	37	1068

Весной 2013 года около деревни Пятчино Струго-Красненского района Псковской области местными жителями было обнаружено несколько серебряных монет и украшений. Предметы были найдены в лесу

на границе Струго-Красненского и Плюсского районов Псковской области, в дорожной колее, оставленной машинами-лесовозами, на глубине 30—40 см. Более тщательное обследование места находки с применением металлодетектора позволило обнаружить ещё несколько десятков монет и серебряные предметы: шейную гривну, две лунницы, фибулу, браслет, два височных украшения, пять колец, монетовидную привеску, около 30 бусин (большинство с зернью). Были также найдены более 120 неметаллических бусин (преимущественно из жёлтого стекла) разного размера (Рис. 1, 2). Большая часть предметов располагалась компактно, на площади не превышающей 2 кв. м. Лишь несколько монет и украшений были перемещены (вероятно, колёсами лесовозов) на расстояние до 1,5 метров от основного ядра.

Всего было собрано 37 монет, 19 из них имеют следы привески. К трём монетам приклепаны серебряные ушки, в остальных случаях ушки изготовлены из меди или её сплавов и находятся в разной степени разрушения. Почти все экземпляры имеют изначально высокую степень сохранности, с минимальным износом в процессе бытования.

КАТАЛОГ

ИСЛАМСКИЕ ДИНАСТИИ

Аббасиды — Abbasid

ал-Махди — al-Mahdi

1	166 г.х. (782/783 гг.)	ал-Аббасийа al-Abbāsiyya	Возможно, подражание.
	Приклепано медное ушко.		

Саманиды — Samanid

Исма`ил б. Ахмад — Isma`il b. Ahmad

2	289 г.х. (901/902 гг.)	аш-Шаш al-Shash	
	Остатки медного ушка.		

Подражания саманидским типам — Sfmanid prototype

3	«Наср б. Ахмад» «Nasr b. Ahmad»	мон. двор? mint?	
	Приклёпано серебряное ушко.		

ВИЗАНТИЯ

Василий II и Константин VIII — Basil II and Constantine VIII (976—1025)

4	Константинополь Constantinople	989–1025	Широкий, поздний вариант. Sear 1812.
	Приклёпано серебряное ушко.		

ГЕРМАНИЯ

Верхняя Лотарингрия — 2 экз.

Трир — Trier

5	Архиепископ Поппо ЕВ. Poppe	1016–1047	Обол. Berghaus 1951, С. 22, № 23; Weiller 54 вар.; Landgren 9 (1047 г.); DML 5569.
			Вес: 0,7 г. (0,59 г. без ушка).
			Диаметр: 13–14 мм.
Приклёпано серебряное ушко посредством трубчатой заклёпки.			

Андернах — Andernach

6	Архиепископ Пилигрим (имитация?) ЕВ. Piligrim (Nachprägung?)	1027–1036	С именем имп. Конрада II; Dbg 444 вар.; Häv. 728 вар.; DML 5594. Возможно, нижнесаксонское (Бардовик?) подражание пфенингам Андернаха.
---	---	-----------	---

Нижняя Лотарингия — 15 экз.

Область Утрехта

Гронинген — Groningen

7	Епископ Бернольд B. Bernold	1027–1054	Dbg 558 вар.; Johansson 4 (тpq 1042). Iisch 18.1 вар. (b. Bernolf, 1040–1054); DML 5552.
8	то же	то же	Dbg 559 вар.; Johansson 5 (тpq 1047). Iisch 18.3; DML 5545. Вес: 0,68 г.
9	Епископ Вильгельм B. Wilhelm	1054–1076	Dbg 546 вар. (Утрехт); Johansson 6 (тpq 1054);. Iisch 18.4; DML 5546. Вес: 0,58 г.

Фризия

Леэварден — Leeuwarden

10–12	Граф Бруно III Gf Bruno III	1038–1057	Dbg 502 вар.; Iisch 21.14 вар. (ок. 1050 г.); Kjellgren 1:4a (тpq 1046).
13	то же	то же	то же
Фрагмент, остатки медного ушка.			
Монеты 10–13 относятся к одному типу, но все чеканены разными штемпелями			
14	Граф Экберт II Gf Egbert II	1068–1090	Dgb 531; Iisch 22.10 (1068–1077?); Kjellgren 3:4a; DML 5590.

Доккюм — Dokkum

15	Граф Бруно III Gf Bruno III	1038–1057	Dgb 499 вар.; Iisch 21.19/20 (1050–.); Kjellgren 1:5a; (тpq 1046).
16	то же	то же	то же, другие штемпели.
17	то же	то же	Dgb 499 вар; Ср. Dbg 501 (такое же расположение надписей, но перед лицом не посох, а крест); DML 5551.

Неизвестный (графский) монетный двор — Münzstätte? (gräflich)

18	Граф Бруно III Gf Bruno III	1038–1057	Ср. Dbg 498–504. Название монетного двора плохо прочеканено. С известными разновидностями не согласуется.
----	--------------------------------	-----------	---

Эмден — Emden

19	Граф Герман Gf Hermann	1020–1051	Dbg 772/773; Kjellgren Emden 4, тpq 1045; Kilger 2.1.1 Emd D (1045–1060).
Остатки медного ушка.			
20	то же	то же	то же, надписи с искажениями. DML 5570.

Евер — Jever

21	Граф Герман Gf Hermann (†1086)	(1060–1086)	Dbg 597; Kjellgren Jever 7 (тpq 1071); Kilger 2.2.1 Jev D 2:3 (1060–1086); DML 5565.
----	--------------------------------------	-------------	--

Саксония — 3 экз.

Вестфалия

Зёст — Soest

22	Подражание Кёльну Nachprägung zu Köln	(1000–1040)	Имитация пфеннига с кёльнской монограммой; Dbg 342k var; Häv. 850 var.; DML 5562.
Остатки медного ушка.			

Нижняя Саксония

Неизвестный монетный двор — Münzstätte?

23	Подражание (славянское?) Nachprägung (slavisch?)	(сер. XI в.)	Л.ст. имитация кёльнского пфеннига с монограммой S – COLONIA; Об.ст.: имитация пфеннига Оттона и Адельгейды (тип V по Хатц, тpq 1017). Dbg 1784.
----	--	--------------	--

Остфалия

(Магдебург и др. — Magdeburg u.a.)

24	Вендка / Саксенпфенниг Sachsenpfennig		Полубрактеат; Dbg –, Kilger 1.4, KN 4 (ок. 985–1000, Halle- Giebichenstein); Gumovski, CNP 371–389.
Отверстие; приклёпано медное ушко.			

Франкония — 2 экз.

Вормс — Worms

25	Имп. Генрих III К. Heinrich III	1046–1056	Dbg 847; DML 5564.
----	------------------------------------	-----------	--------------------

Шпеер — Speyer

26	Генрих III Kg/K. Heinrich III	1039–1056	Dbg 830c; Ehrend 2/19 (ок. 1040 г.); DML 5571.
----	----------------------------------	-----------	---

Швабия — 1 экз.

Эсслинген — Esslingen

27	Генрих II Kg/K. Heinrich II	1002–1024	Dbg 952; Nau 5; DML 5592.
Отверстие с остатками медной заклёпки.			

Бавария — 2 экз.

Регенсбург — Regensburg

28	Имп. Генрих III К. Heinrich III	1046–1056	Dbg 1712 вар. или Dbg 1101 вар.; Hahn 60 вар. (Генрих IV); DML 5553.
Вес: 0,62 г.			

Зальцбург — Salzburg

29	Генрих II Kg/K. Heinrich II	1009–1018	Dbg 1138; Hahn I/90B1 (по паре штемпелей); DML 5554. Вес: 1,45 г.
	Остатки медного ушка.		

АНГЛИЯ

Этельред II — Æthelred II (978—1016)

Тип «Длинный крест» — Long Cross (997—1003)

30	Линкольн Lincoln LINC	Asgautr OS_VT	Hd. 944 (D); N 774; SCBI 27.150; SCBI 37.84; DML 5563. Об.ст. Точка в поле в первой четверти.
	Остатки медного ушка.		

Тип «Последний малый крест» — Last Small Cross (1009—1017)

31	Лондон London LVNDEI	Wulfwine PVLFPINE	Hd. – (Cp.1534, A); N 777; SCBI 7.968,969; SCBI 25.535; SCBI 50.1356-1357; DML 5591.
	Остатки медного ушка.		

Кнут — Cnut (1016—1035)

Тип «Четырёхлистник» — Quatrefoil (1017—1023)

32	Илчестер Ilchester GIFEL	Ælfsige ÆLFSIGE	Hd. 319 (E); N 781; SCBI 25.621; SCBI 26.1221; SCBI 37.177; SCBI 51.542; SCBI 13.937-939; DML 5555.
	Приклёпано медное ушко.		

Тип «Остроконечный шлем» — Pointed Helmet (1023—1029)

33	Винчестер Winchester [P]INC	Leodmær LADMÆR	Hd. – (G); N 787; SCBI 15.4099-4101; SCBI 51.776; SCBI 24.630; DML 5547.
	Остатки медного ушка.		

ДАНИЯ

Свен Эстридсен — Svend Estridsen (1047—1075)

34*	Лунд (?) Lund (?)	Монетарий? Moneyer?	Hbg. —; нечитаемые легенды. Ср. Hbg. 28, Ср. Hbg. 45 и 58 (Slagelse, Svend); DML 5588.
			Вес: 0,8 г. Диаметр: ок. 17 мм.
Небольшая деформация, связанная со следами наклёпки.			
35*	то же	Монетарий? Moneyer?	С рунической надписью на обороте; Hbg. 30 (Lund); DML 5577.
			Вес: 0,7 г. Диаметр: ок. 16 мм.
Остатки медного ушка.			
36	Хедебю Hedeby	Монетарий? Moneyer?	Hbg. 72; DML 5586.
			Вес: 0,7 г. Диаметр: ок. 16 мм.
Остатки медного ушка.			
37*	Хедебю (?) Hedeby (?)		Hbg. —; Ср. Hbg. 72 (Hedeby); DML 5587.
			Вес: 0,7 г. Диаметр: ок. 16 мм.
Остатки медного ушка; утраты по краю более 10%, трещина.			

КОММЕНТАРИИ К КАТАЛОГУ

34*. Дания, денарий Свена Эстридсена, два реверса.

И лицевая, и оборотная стороны представляют собой имитацию оборотной стороны английского выпуска Эдуарда Исповедника «остроконечный шлем», чеканившегося в 1053—1056 годах. П. Х. Хауберг (Hauberg P.) описал несколько вариантов датских монет, реверс которых имитирует указанный тип Эдуарда. Это тип 28 (Slagelse, Magnus); тип 1 (Lund, stridsperioden); типы Свена Эстридсена 10 (Lund), 45 и 48 (Slagelse). К чеканке Слагельсе некоторые из этих типов относят потому, что на одной из монет было прочитано SLALOI — «Slalasia» — Slagelse. Однако следует учитывать, что надписи на оборотной стороне читаются корректно довольно редко, а чаще являются набором букв. Таким образом, относиться к этому определению надо очень осторожно. Что касается датировки, то такой тип реверса впервые появился на английских прототипах в 1053 году, поэтому относить датские имитации ко времени правления Магнуса и Смуте было бы некорректно.

Стилистически, а также по добавочным символам, «O++» в углах креста, эта монета ближе всего соответствует реверсу типа Hbg 10, отнесённому к Лунду. Поэтому мы предлагаем условно считать этот тип лундским.

Интересно отметить присутствие на одной из сторон данной монеты значка, похожего на схематичную рожицу. Он довольно часто появляется на датских выпусках в совершенно непредсказуемых положениях. Значение этого символа пока не определено.

Полные аналоги данному выпуску нами не выявлены.

Датировка: 1053—1074 гг.

35*. Дания, денарий Свена Эстридсена, с рунической надписью, Лунд.

Л. ст.: Схематичное изображение Христа на троне, воспроизведённое на нескольких типах датских денариев с разной степенью упрощения. Источник дизайна, предположительно, — византийские выпуски. По кругу: искажённая латинская легенда, производная от MAGNVS REX. В данном случае считается, что имя Магнус относится не к предшественнику Свена, а является христианским именем самого Свена.

О. ст.: Украшенный крест сложной формы. По кругу легенда, часть которой написана руническими знаками, часть латиницей. И руны, и латинские буквы, обозначающие имя монетария и место чеканки, сильно искажены и не поддаются уверенному прочтению.

Данный тип монет, относительно многочисленный, всегда привлекал внимание нумизматов. Существует несколько объяснений появления надписей с рунами на этих денариях: как проявление датского национализма, инспирированное самим королём, либо как форма введения своеобразного монетарного института, «Renovatio monetae».

Датировка: около 1065 г.

37*. Дания, денарий Свена Эстридсена, Хедебю (?)

Л. ст.: Четырёхконечный крест с обведённым контуром. Два противоположных окончания креста заострены и украшены тремя бусинами. В центре креста — крупная бусина, от неё по направлению к заострённым окончаниям отходят линии из 4-х точек. В трёх углах креста — колечки, внутри одного из колечек — точка. Вокруг линейного ободка — нечитаемая имитация круговой надписи, состоящая преимущественно из символов I O D.

Об. ст. как у Hbg 72 (здесь №36).

Монеты этого типа в публикациях не найдены, но близкий экземпляр

происходит из клада, найденного в Марёвском Новгородской области (трq 1068 г.). Два экземпляра различаются между собой количеством колечек в углах креста. На монете из Новгородской области только одно колечко (Рис. 3).

Этот тип следует считать производным от известного типа Hbg.72, относимого к чеканке Хедебю, но, в отличие от него, на описываемой монете триквентр заменён изображением креста. Если верно предположение о том, что триквентр на датских монетах символизирует Троицу, то появление на монете креста своеобразной формы вполне согласуется с версией о постепенном внедрении властями христианских символов в повседневный обиход населения средневековой Скандинавии, в том числе и через монетную чеканку.

Рис. 1.

Нельзя не отметить, что оба известных экземпляра монет рассматриваемого типа изготовлены из серебра невысокого качества. Очевидно, их чеканка производилась в последний период существования поселения, когда Хедебю утратил своё значение после разгрома в 1050 г. войсками Харальда Норвежского и не смог восстановить его вплоть

до полного уничтожения остатков поселения отрядами западных славян в 1066 г.

Датировка: 1047—1066 гг.

Рис. 2.

Рис. 3.

ОБЗОР МАТЕРИАЛА И АНАЛИЗ

Состав комплекса даёт основания предполагать, что все найденные предметы принадлежали одному человеку (женщине). На это указывает количество браслетов, колец, височных подвесок, бус и т. д. Поскольку часть монет имеет ушки для подвешивания, вероятнее всего, они составляли часть одного украшения. Экземпляры без следов привески могли находиться в «кошельке». Соответственно, пути формирования двух частей комплекса, вероятно, были различны.

Рассмотрим отдельно состав этих двух групп монет (таблица составлена на основании уточнённых датировок).

	с ушками		без ушек	
	кол-во	тpг	кол-во	тpг
ИСЛАМСКИЕ ДИНАСТИИ	3	901/902	-	-
ВИЗАНТИЯ	1	989	-	-
ГЕРМАНИЯ	7	(1050)	18	1068
В. Лотарингия	1	(1046)	1	(1027)
Н. Лотарингия	2	(1050)	13	1068
Саксония	2	(1000)	1	(1027)
Франкония	-	-	2	1046
Швабия	1	1002	-	-
Бавария	1	1009	1	1046
АНГЛИЯ	4	1023	-	-
ДАНИЯ	4	(1065)	-	-
<i>Всего:</i>	19	(1065)	18	1068

Монеты с остатками ушек, входившие в состав подвесок, охватывают довольно длительный период денежного обращения — от аббасидских дирхемов конца VIII века до датских денариев Свена Эстридсена, относящихся к последним годам его правления (1060-е — 1070-е гг.). Также широко монеты представлены территориально: от Африки и Византии до Англии и Германии. Логично предполагать, что эта часть является обособленным комплексом длительного накопления, каковым вполне может быть ожерелье, в состав которого монеты добавляются с ростом благосостояния его владелицы или её семьи.

Монеты без следов крепления, напротив, представляют собой довольно компактный комплекс — и территориально, и хронологически. Здесь представлены только германские денарии, подавляющее большинство которых отчеканено в приморских регионах. Датировка большинства из этих монет приходится на третью четверть XI века. Мы предполагаем, что эта часть находки представляет собой либо кошель, либо «обол Харона», и её можно рассматривать, как некий срез денежного

обращения на момент сокрытия (1070-е гг.).

Таким образом, состав рассматриваемого комплекса позволяет подтвердить выводы, сделанные исследователями ранее: монеты-привески бытовали значительно дольше монет в обращении, нередко этот срок измерялся столетиями. У «нестандартных» монет, выделяющихся из общей массы особенностями дизайна, размером и весом, было больше шансов быть превращёнными в привеску, чем у «стандартных» экземпляров.

Необходимо затронуть вопрос о причинах, приведших к сокрытию в земле монет и украшений. Это могло быть как формирование депозита из наиболее ценных вещей, имевшихся у владельца на момент появления опасности (украшения костюма и наличные деньги), так и погребение состоятельной женщины в костюме с украшениями и кошельком.

Первая версия выглядит предпочтительней, поскольку сохранность большей части монет отличная и характерная золотистая патина предполагает длительное нахождение серебра без контакта с грунтом и органическими веществами, возможно, в некоей ёмкости, позднее истлевшей или разрушившейся.

Территория между Чудским озером и Ильменем относительно богата кладовыми находками. Отсюда происходят крупные комплексы: Полна, Забельское (Гдовский р-н), Скадино (Красногородский р-н), Демшино (Бежаницкий р-н), Ручьи (Ашевский р-н)⁵⁹. Они датируются не ранее 70-х годов XI века и довольно близки по составу к «кошельку» из рассматриваемого комплекса. Значительную долю монет в этих депозитах составляют легковесные монеты Фрисландии, епископства Утрехт, германских монетных дворов, расположенных на побережье, прежде всего — в низовьях Эльбы (*Потин В. М.*, 1967. С. 131—135, 143). Английских же и южно-германских монет в этих комплексах значительно меньше, чем в кладах, сокрытых в первой половине — середине XI в.

Тем не менее, предположение о потревоженном погребальном комплексе также следует учитывать. Монеты в погребениях на территории Древней Руси известны довольно хорошо. Значительная их часть издана Т. В. Равдиной. По её сведениям, чаще всего в погребениях находится от 1 до 3 монет; реже 4—5. Бóльшее количество монет в одном погребении встречается довольно редко. Можно назвать следующие известные погребения: Болтинская (Вологодская обл.), курган 16 — 23 денария; Гайгово (Ленинградская обл.), курган 3 — 9 денариев без ушек, в основном, из Фризии; Гнёздово (Смоленская обл.), курган без номера — 12 слепшихся целых саманидских дирхемов; Дуденево (Тверская обл.), курган 4 — до 20 германских монет (*Равдина Т. В.*, 1988. С. 29, 39, 42, 52).

В качестве аналогии с подобным сочетанием монет со следами привески и без в одном погребальном комплексе можно привести следующие:

Килилина (Ленинградская обл.), курган 93 — 7 денариев с ушками и без (Равдина Т. В., 1988. С. 75);

Удрай (Новгородская обл.), курган IV-5 — денарии и дирхемы с ушками, денарии без ушек, всего 5 экз.; погребение II-3 — 11 монет с ушками и без, исламские, английские, германские, византийские и подражание римскому денарию I в. (Равдина Т. В., 1988. С. 119);

Шангеничи (Ленинградская обл.), курган 3 (сельский) — 15 денариев без ушек, саманидский дирхем и английский пенни с ушками; курган 4 (лесной) — 6 денариев с ушками, 5 без ушек, 3 дирхема с ушками (Равдина Т. В., 1988. С. 125, 126).

При определении и датировке монет из рассмотренных Т. В. Равдиной 233 памятников можно выделить два хронологических пика. Один из них приходится на первые десятилетия XI века. В рассматриваемом нами комплексе также можно заметить, что монеты со следами привески хронологически распределены подобным образом: часть монет чеканена в первую четверть XI века (и ранее), другая часть относится к третьей четверти XI века. Это обстоятельство может указывать на особенности поступления монеты на территорию Древнерусского государства в целом.

Обращает на себя внимание тот факт, что, монет, отчеканенных на территории современных Дании и Скандинавии, в процентном соотношении значительно больше среди монет-подвесок, чем среди монет, сокрытых в депозитах. Выявленная диспропорция позволяет поставить вопрос о возможном регионе изготовления монист и украшений из монет и этническом происхождении их изготовителей и заказчиков.

Мы хотели бы высказать искреннюю признательность Воронцову Максиму Викторовичу за помощь в определении куфических монет.

Литература

Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Т. IX. Нумизматика. Вып. 3. — Л., 1967.

Равдина Т. В. Погребения X—XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. — М., 1988.

Использованные сокращения упоминаемых источников

Berghaus — Berghaus P. Deutsche Münzen des 11. Jahrhunderts in Kungl. Myntkabinettet // Hamburger Beiträge zur Numismatik (HBN) №5. Stockholm, 1951. S. 7—26, Таб. 1—3.

Dbg — Dannenberg H. Die deutschen Münzen der sächsischen und fränkischen Kaiserzeit. Bd. I—IV. Berlin, 1876—1905.

DML — Домонгол. Портал древней культуры и искусства (Электронный ресурс. URL: <http://domongol.org>)

Ehrend — Ehrend H. Speyerer Münzgeschichte. Speyer, 1976.

Gumowski, CNP — Gumowski M. Corpus Nummorum Poniae. T. I. Kraków, 1939.

Hahn — Hahn W. Moneta Radasponensis. Bayerns Münzprägung im 9., 10. und 11. Jahrhundert. Braunschweig, 1976.

Häv. — Hävernick W. Die Münzen von Köln. Vom Beginn der Prägung bis 1304 // Die Münzen und Medaillen von Köln. Köln, 1935.

Hbg. — Hauberg P.C. Myntforhold og Udmyntninger i Danmark indtil 1146. Kjøbenhavn, 1900.

Hd. — Hildebrand E. Anglosachsiska mynt i Svenska Kongliga Myntkabinett funna i Sveriges jord. Stockholm, 1846.

Ilisch — Ilisch P. Die Münzprägung im Herzogtum Niederlothringen // Jaarboek voor Munt-en Penningkunde. №84—84. (1997/1998), 2000.

Kilger — Kilger C. Pfennigmärkte und Währungslandschaften. Monetarisierungen im sächsisch-slawischen Grenzland ca. 965—1120 // Commentationes de nummis saeculorum IX—XI in Suecia repertis. Nova Series Vol. 15. Stockholm/London, 2000.

Kluge — Kluge B. Deutsche Münzgeschichte von der späten Karolingerzeit bis zum Ende der Salier (ca. 900 bis 1125). Sigmaringen, 1991.

Landgren — Landgren J. Ärkebiskopar och penningar, Den vikingatida myntningen i Trier. Seminar paper in archaeology. Stockholm, 1997.

N — North J.J. English Hammered Coinage. Vol. I: Early Anglo-Saxon to Henry III c. 600—1272. London, 1994.

Nau — Nau E. Esslinger Münzen // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte 11. München, 1961.

SCBI 7 — Galster G. Royal Collection, Copenhagen. Part II. Anglo-Saxon Coins: Æthelred II. Sylloge of Coins of the British Isles 7. 1966.

SCBI 13 — Galster G. Royal Collection, Copenhagen. Anglo-Saxon Coins: Cnut. Part I. Sylloge of Coins of the British Isles 13. 1970.

SCBI 15 — Galster G. Royal Collection, Copenhagen. Part III, C. Anglo-Saxon Coins: Cnut. Sylloge of Coins of the British Isles 15. 1970.

SCBI 24 — Gunstone A.J.H. West Country Museums. Ancient British,

Anglo-Saxon and Anglo-Norman Coins. Sylloge of Coins of the British Isles 24. 1977.

SCBI 25 — Talvio T. National Museum, Helsinki. Anglo-Saxon and Anglo-Norman Coins. Sylloge of Coins of the British Isles 25. 1978.

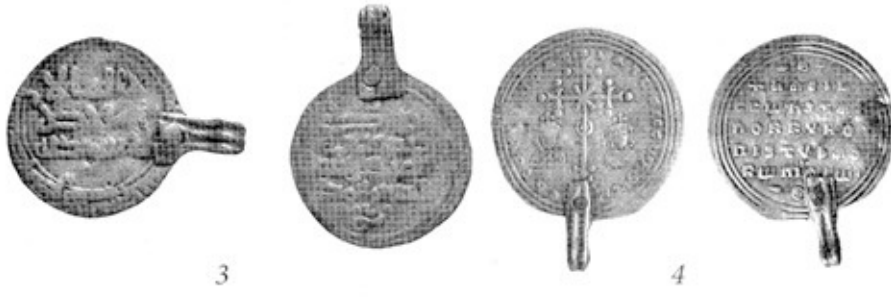
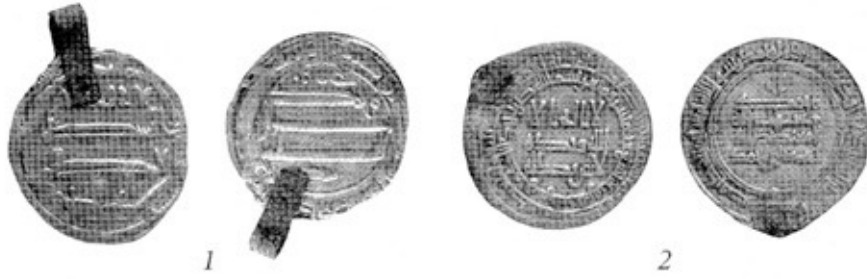
SCBI 37 — Mikolajczyk A. Polish Museums. Anglo-Saxon and Later Medieval British Coins. Sylloge of Coins of the British Isles 37. 1987.

SCBI 50 — potin V.M. Hermitage Museum, St-Petersburg. Part I. Anglo-Saxon Coins to 1016. Sylloge of Coins of the British Isles 50. 1999.

SCBI 51 — Leimus I., Molvõgin A. Estonian Collections. Anglo-Saxon, Anglo-Norman and Later British Coins. Sylloge of Coins of the British Isles 51. 2001.

Weiller — Weiller R. Die Münzen von Trier T.1. Publikationen der Gesellschaft für rheinische Geschichtskunde 30. Dusseldorf, 1988.

Таблицы

19

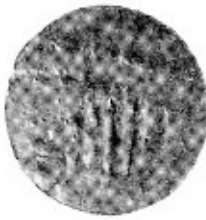
20

21

22

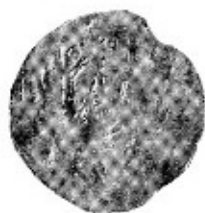
23

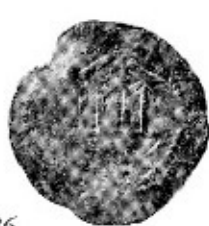
24

25

26

27

28

**Михайлова Е. Р., Селин А. А.,
Соболев В. Ю.**

История Чернозерского монастыря и некоторые находки с его территории⁶⁰

Чернозерский монастырь на острове в Чёрном (Вязковском) озере был одной из многочисленных небольших обителей Северо-Запада России. Время основания монастыря может быть отнесено к середине XVI в. — периоду широко развернувшегося в Новгородской земле монастырского строительства. Первое сохранившееся в источниках описание монастыря относится к 1582 г. и фиксирует картину военного разгрома: «На погосте на Щиру монастырь на озере на Чёрном на острове, от литовских людей зжен и воеван, а на пожарище осталась церковь Никола Чюдотворец стоит без пения, да место, что была другая церковь Троица Живоначальная, а кельи пожгли литовские люди, и игумена и братью побили и в полон поймали» (Писцовая книга 1582. Л. 494—494об.). Это единственное описание, фиксирующее наличие каких-то монастырских построек, кроме Никольского и Троицкого храмов. Есть указания на существование монастыря в более раннее время: в источнике 1595 г. упоминается грамота на вотчину монастыря в Щирском погосте, выданная в 1570—1571 г. писцом Андреем Михайловичем Лубенским с приписью подьячего Петра Шелепина (Дозорная книга 1595. Л. 432об.—433).

Монастырь, вероятно, погиб в Смуту; во всяком случае, в дозорных книгах 1628—1629 гг. зафиксировано разрушение обеих монастырских церквей: «...на погосте на Щиру монастырь на озере на Черенци на острове, а в монастыре два места церковные, что были церкви Николы Чюдотворца да Живоначальной Троицы» (Дозорная книга 1628. Л. 278). В дозорных книгах, составлявшихся в 1611—1616 гг., Щирской погост не описан; таким образом, об истории Чернозерского монастыря в эти годы нам ничего не известно. В XVII в. в монастыре по-прежнему существовали две церкви — одна Николая Чудотворца, другая Живоначальной Троицы, по которой иногда монастырь называется Троицким. После 1678 г. Троицкая церковь в письменных источниках больше не фигурирует, хотя

в 1720 г. монастырь назван Троицким Чернозерским (Переписная книга 1722—1727. Л. 42—42об.). Тогда же строитель монастыря служил заказчиком (благочинным) для Залесской половины Шелонской пятины (Указ 1720. Л. 27). К 1738 г. Чернозерский монастырь значится приписанным к Николаевскому Вяжицкому монастырю (Ведомости 1738. Л. 39).

Последнее известное нам упоминание о монастыре в письменных источниках относится к 21 августа 1768 г., когда после его упразднения было сделано довольно подробное описание: «Монастырь Чернозерской. Состоит на Чёрном озере на острове от жилья в трёх верстах. В нем церковь деревянная во имя святителя Николая Чюдотворца, в ней сем окошек, с окончинами, на главе крест железной, оная церковь крыта тесом ветхая... (образа) ... [причетников нет, расписался крестьянин д. Вяски] ... а вместо ево по ево прошению упраздненного Посолотина монастыря понамарь Мартин Иерофеев руку приложил. Посолотина монастыря священник Матфей Михайлов руку приложил» (Описи 1768. Л. 113—114)⁶¹.

Исследователи истории Церкви XIX в. (*Никодим*, 1903), а вслед за ним и современная церковная публицистика (Православный календарь: Официальный православный церковный календарь; Жития святых) связывают с Чернозерским монастырём деятельность прп. Антония Чернозерского; однако нельзя не отметить запутанность географического описания того места, где располагался основанный преподобным Антонием монастырь: «на Чёрном озере в Новгородских владениях, неподалёку от города Череповца. Монастырь был расположен на острове у Щирского погоста». Общим источником данных текстов является работа архимандрита Никодима 1903 г. о святых Новгородского края; авторам данной статьи не удалось обнаружить, на что он опирался. В церковно-исторических справочниках XIX в. при описании Чернозерского монастыря о деятельности прп. Антония Чернозерского не упоминается (*Амвросий*, 1815. С. 699; *Зверинский*, 1892. С. 407, №1355). Город Череповец расположен в нескольких сотнях километров от Щирского погоста, и их связь в тексте о прп. Антонии Чернозерском явно ошибочна.

С Щирским Чернозерским монастырем связано несколько легенд. По одной из них монастырь был разрушен шведами в конце XVIII в. (!) и с тех пор не восстанавливался. После разорения озеро поглотило награбленные захватчиками в монастыре ценности и церковные колокола, звон которых иногда слышен над озером (данная легенда приведена в туристическом справочнике по Плюсскому району Псковской области

А. Г. Манакова — Манаков, б/г). Согласно другой легенде — зафиксированной в XIX столетии — монастырь был сожжён в «огромном пожаре» и провалился под землю, откуда также можно слышать звон церковных колоколов (*Амвросий*, 1815. С. 699; *Арепьев*, 1899. Л. 36). Полагаем, что все эти «предания» — продукт творчества церковно-краеведческих публицистов конца XIX в. и должны рассматриваться в рамках изучения этого культурного феномена, а не в качестве дополнительного источника для реконструкции истории монастыря.

Археологически территория монастыря не обследовалась. В конце XIX в. Н. Ф. Арепьев, несколько лет подряд проводивший в этих местах летние месяцы, планировал провести раскопки «шведских могил» на земле крестьян деревни Заозерье и остатков монастыря на Чёрном озере и получил Открытый лист на раскопки (*Арепьев*, 1899. Л. 1—2, 4—5). Однако, по словам самого Н. Ф. Арепьева, «позднее получение разрешения на раскопки (в середине июля) и невозможность добыть рабочие руки в разгар деревенской страды заставили меня ограничиться весьма незначительными опытами, да и то, что сделано, могло быть произведено лишь благодаря сочувствию некоторых местных народных учителей, живо заинтересовавшихся нашим предприятием» (*Арепьев*, 1899. Л. 28). Раскопки пришлось ограничить исследованием «кургана» и нескольких «могил», а место Чернозерского монастыря было лишь осмотрено и сфотографировано (Рис. 1). Исследователь зафиксировал также небольшой каменный крест «из серого песчаника с изображением неясных знаков на одной из сторон, просто воткнутого в кучу мелких камней» (*Арепьев*, 1899. Л. 33), стоявший, как кажется, на западном берегу острова (Рис. 2).

Рис. 1. Место Чернозерского монастыря. Фото Н. Ф. Арепьева, 1899 г.

Рис. 2. Каменный крест на территории Чернозерского монастыря.
Фото Н. Ф. Арепьева, 1899 г.

В картотеке А. А. Спицына — т.н. «корочках» — отмечена «находка витого браслета? на Щирском оз. В. Я. Толмачёвым» (Спицын, б/г. Л. 185). Браслет происходил, по всей видимости, из погребального памятника, точное местоположение которого, как и другие результаты раскопок, неизвестны.

Территория Никольского Черногозерского монастыря отмечена в Кадастре «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области» как археолого-исторический памятник, однако основанием для этого определения послужили данные только письменных источников (Кадастр, 1997. С. 147).

В 2010 г. в Лабораторию археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ поступила небольшая коллекция подъёмного материала с острова на Чёрном озере. Это первые вещественные материалы с территории монастыря, изученные археологами (Рис. 3—5).

Описываемая коллекция включает грубую неполивную керамику без орнамента (13 фрагментов стенок, 6 фрагментов донца и 7 фрагментов венчиков), а также 2 осколка полого сосуда со штампованным орнаментом (от горлышка и стенки).

Четыре неполивных черепка представляют собой фрагменты стенок тонкостенного округлобокого горшка из беложгущейся глины; возможно, они происходят от одного сосуда.

Остальные фрагменты — это осколки сосудов, сформированных из красножгущихся глин с примесью мелкой дресвы. Черепки коричневых тонов, с шероховатой поверхностью, местами отслоившейся. Они происходят от крутобоких горшков с различной профилировкой венчика (Рис. 4), миски (Рис. 5: 3) и толстостенных усечённо-конических плошек с узкой бороздкой снаружи под венчиком (см. Рис. 5: 1, 2).

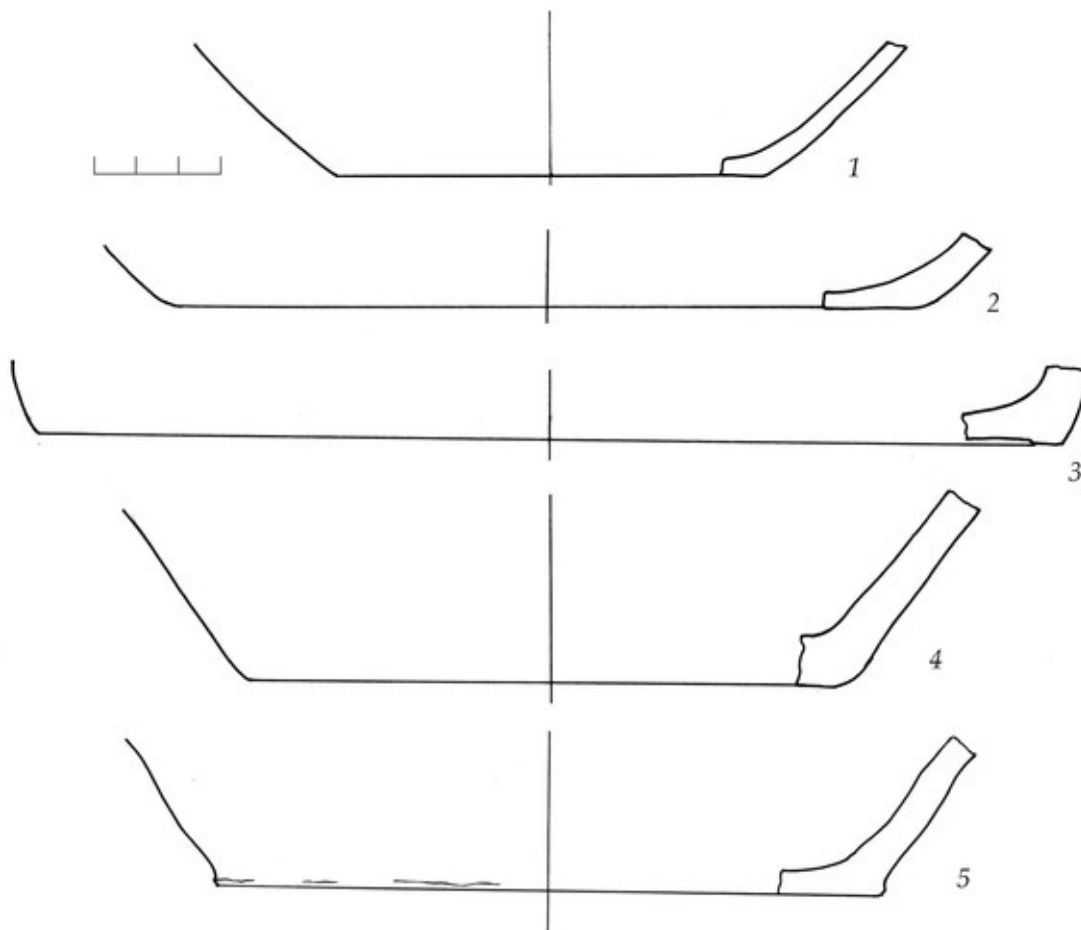

Рис. 3. Донца сосудов

На общем фоне выделяется окатанный серый фрагмент донца большого диаметра на едва намеченном поддоне, изготовленный из глины со значительным содержанием мелкого песка (см. Рис. 3: 2).

Любопытно, что следы использования посуды для приготовления пищи (слой нагара изнутри по горлышку и под венчиком) присутствуют только на одном фрагменте горшка. Можно предположить, что кухонная посуда была сосредоточена на монастырской кухне, а в прочем быту обитатели использовали преимущественно миски и плошки. Однако, учитывая малочисленность материала, настаивать на таком выводе преждевременно.

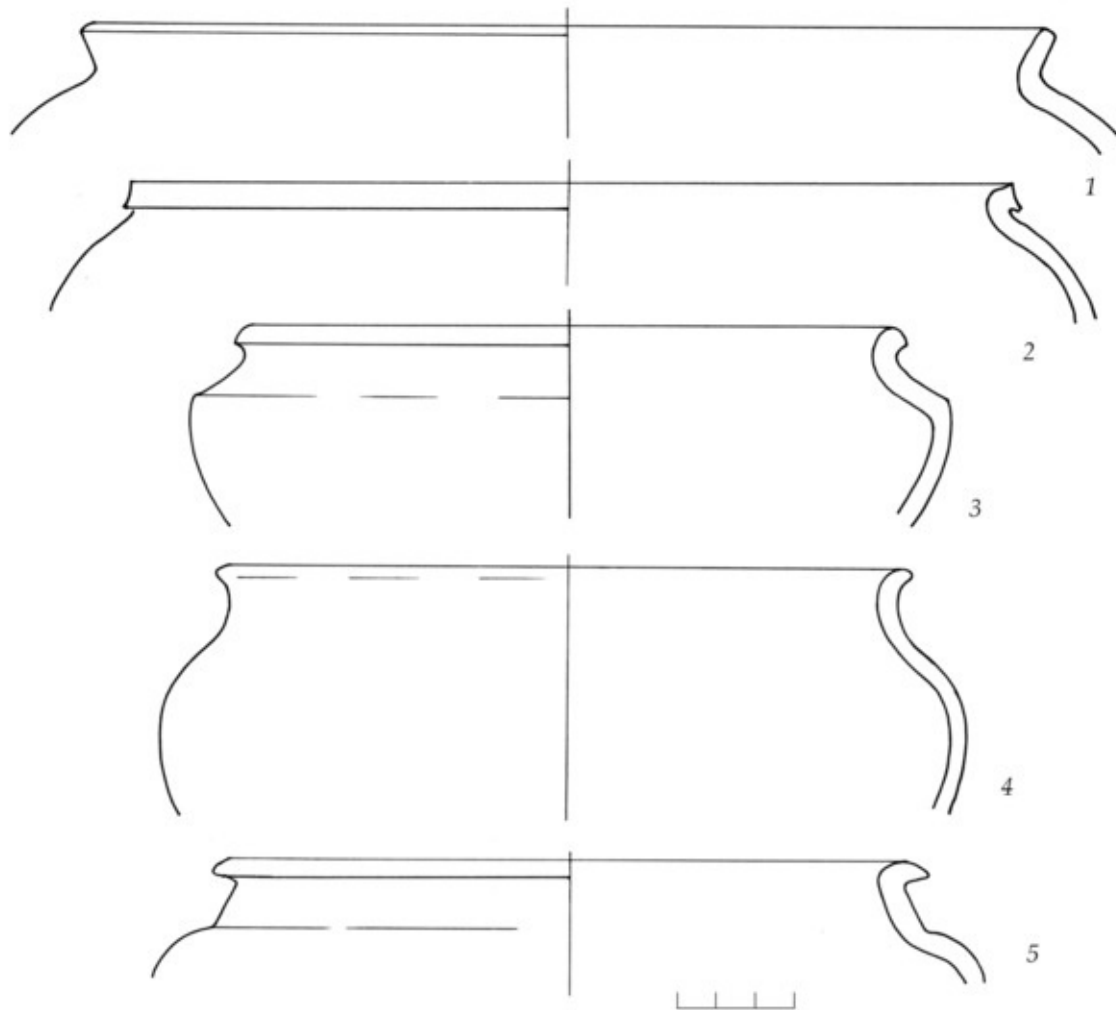

Рис. 4. Венчики горшков из красножгущейся глины

В целом керамика, собранная на Чёрном озере, достаточно типична для поздних памятников русского Северо-Запада. В частности, близкие аналогии чернозерской коллекции можно найти в псковской посуде конца XV—XVII в.: это горшки типов VII—IX, миски типа II по В. И. Кильдюшевскому (*Кильдюшевский*, 2002. С. 12—14, 16, 30—31. Рис. 5; 7, 4—6).

Поливной сосуд был изготовлен из беложгущейся глины без заметных примесей, с наружной стороны покрыт прозрачной светло-зелёной глазурью (Рис. 6). Фрагмент стенки позволяет говорить о формовке из полужидкой (?) глины в форме.

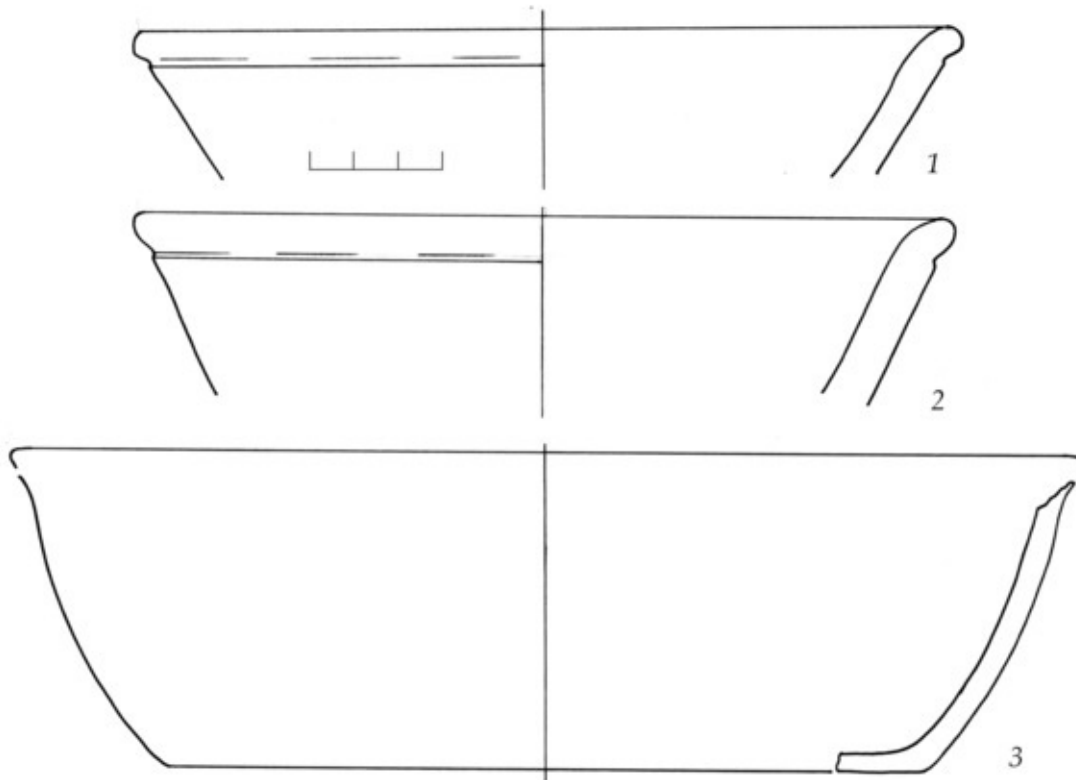

Рис. 5. Миска и плошки из красножгущейся глины

Точная реконструкция по имеющимся двум небольшим фрагментам невозможна. Очевидно, что это был довольно крупный сосуд с плоскими (в отличие от фляг) стенками и высоким цилиндрическим горлышком, орнаментированный штампованным орнаментом и рядами параллельных нарезок по горлышку. Принять его за керамическую чернильницу мешает высокое горло (ср.: *Розенфельдт*, 1968. Табл. 18, 10—18). Можно предположить, что черепки происходят от керамического штофа. Такие глиняные имитации стеклянной и металлической посуды известны в псковских материалах середины — второй половины XVII в. (*Кильдюшевский*, 2002. С. 20. Рис. 9, 10—19).

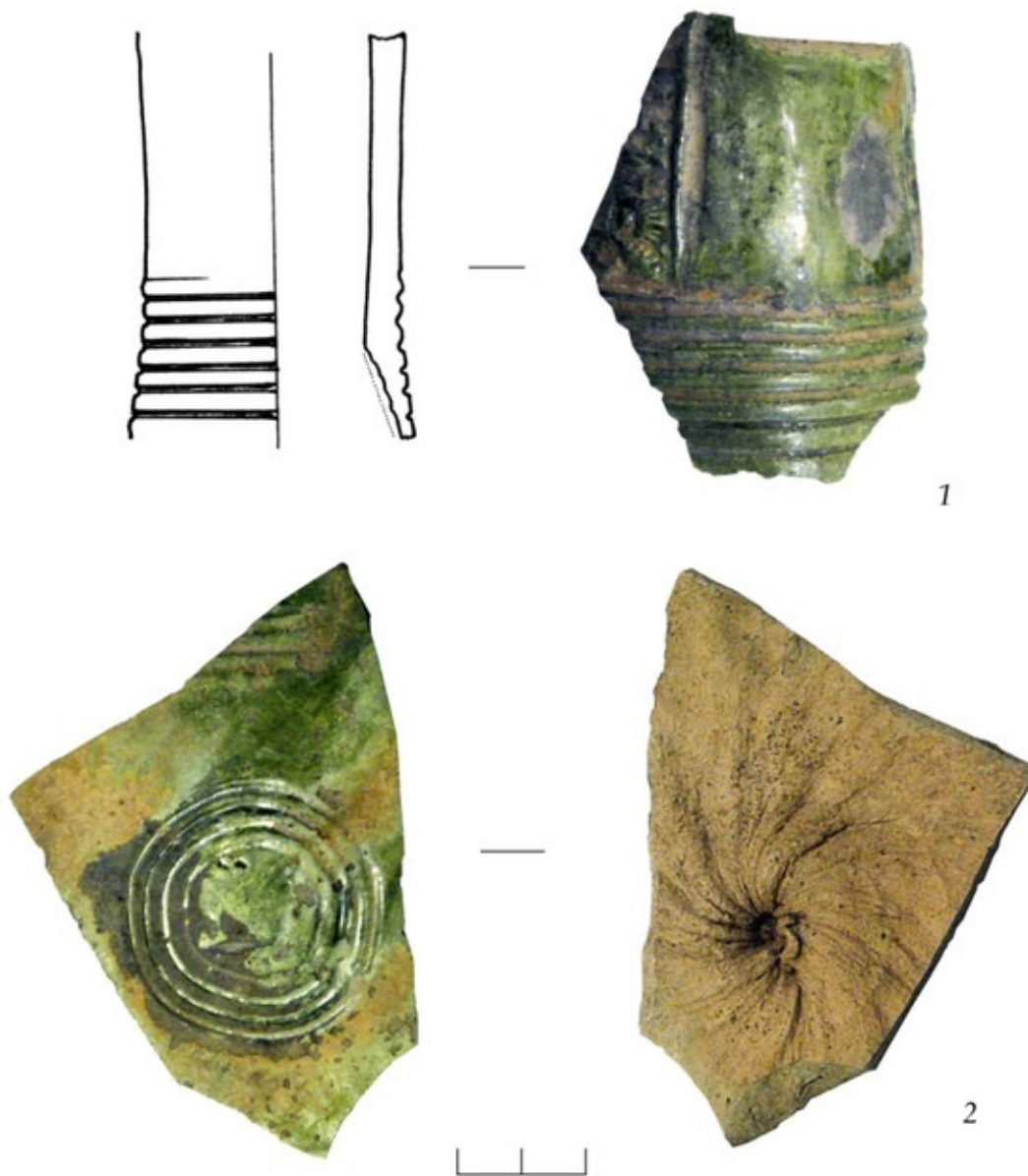

Рис. 6. Фрагменты поливного сосуда

Помимо керамики, коллекция подъёмного материала с территории Чернозерского монастыря включает в себя корродированное железное кольцо уплощённо-прямоугольного сечения и диск из цветного металла с отверстием в центре и гравированными концентрическими кольцами на верхней поверхности и по краю. Железное кольцо — предмет, не поддающийся четкой атрибуции. В отличие от него, орнаментированный диск, изготовленный из бронзы или латуни, находит аналогии в археологических материалах. Так, аналогичный предмет был найден

в Киеве при раскопках церкви Успения Богородицы Пирогощей. Автор раскопок — Г. Ю. Ивакин атрибутировал данный предмет как деталь хороса (Ивакин, 1989. С. 178. Рис. 7), половина аналогичного изделия опубликована на таблице с предметами церковной утвари с памятников Днепровского Левобережья (Село..., 2003. С. 206. Рис. 73: 1). Возможно, фрагмент аналогичного хороса «в сборе» был найден при раскопках летописного города Василева (Тимошук, 1982. Рис. 14: 8). По всей вероятности, диск с территории Чернозерского монастыря также должен быть интерпретирован как деталь осветительного прибора.

Таким образом, небольшая коллекция подъёмного материала с территории Никольского Чернозерского монастыря относится ко времени существования монастыря и иллюстрирует отдельные черты монастырского быта.

Литература и архивные материалы:

Арепьев Н. Ф., 1899. — По ходатайству Н. Ф. Арепьева о разрешении ему раскопок в Лужском уезде, СПб. губ. // РО НА ИИМК. Ф. 1. Он. 1. Д. 150. 1899.

Амвросий (Орнатский), архим., 1815. — История Российской иерархии. Т. 6. М. Ведомости 1738. Ведомости о монастырях и монахах Новгородской епархии. 1738. 17.03. // РГАДА. Ф. 311. Он. 1. Д. 1.

Дозорная книга 1595. — Подлинная дозорная книга поместных земель Шелонской пятины письма и дозора подьячих С. Никифорова и К. Вязкого. 1595. // РГАДА. Ф. 1209. Д. 973.

Дозорная книга 1628. — Список с дозорной книги поместных, вотчинных и пустопорожних земель Шелонской пятины Залесской половины письма и дозора В. Волконского и В. Андреева. 1628—1629. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 800.

Жития святых [Эл. ресурс] / Авт. <http://monar.ru/index.php?download/saints/Jan/17/life03.html>. Режим доступа: [MonarRu@mail.ru ru/index.php?download/saints/Jan/17/life03.html].

Зверинский В. В., 1892. — Православные монастыри в Российской империи. Т. 2. СПб.

Ивакин Г. Ю., 1989. — О церкви Успения Богородицы Пирогощей // Древние славяне и Киевская Русь. Киев.

Кадастр..., 1997. — Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области: Кадастр. Псков.

Кильдюшевский В. И., 2002. — Керамика Пскова XII—XVII вв. // Ладога и её соседи в эпоху средневековья. СПб.

Манаков А. Г., б/г. — Туристические маршруты в Плюсском крае //

Плюсский край. [Эл. ресурс] / Кирилл Н. Кравченко. [СПб], 2005—2012. Режим доступа: [<http://plussa-region.narod.ru/library/haupt/marshruty.htm>].

Никодим (Кононов), архим., 1903. — Святые Новгородского края и вопрос о церковнонародном их почитании в современной исторической литературе // Новгородские Епархиальные Ведомости. №18. Ч. неоф.

Описи 1768. — Описи и ведомости упраздненных монастырей Новгородской епархии. // РГИА. Ф. 834. Он. 3. Д. 2456.

Официальный православный церковный календарь [Эл. ресурс] / Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей; Официальный православный церковный календарь предоставлен Издательством Московской Патриархии. М. Режим доступа: [<http://www.mospat.ru/calendar/svyatl/jan17-antoni-chernoezerski.html>].

Переписная книга 1722—1727. — Переписная книга церковнослужителей г. Новгорода, Вотской, Бежецкой, Обонежской, Деревской, Шелонской пятин Новгородского уезда, Старой Ладogi, Новой Ладogi, Порхова, Тихвинского посада, Порховского околгородья. 1722—1727. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2158.

Писцовая книга 1582. — Подлинная писцовая книга поместных, монастырских и церковных земель Шелонской пятины письма Л. Аксакова. 1582. // РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. Д. 957.

Православный календарь [Эл. ресурс] / Сретенский монастырь. М.: Портал «Православие». Режим доступа: [<http://days.pravoslavie.ru/Life/life236.htm>].

Розенфельдт Р. Л., 1968. — Московское керамическое производство XII—XVIII вв. (САИ. Вып. Е1-39). М.

Село..., 2003. Село Київської Русі (За матеріалами південноруських земель). Київ.

Спицын А. А., б/г. «Корочки» // РО НА ИИМК. Ф. 5. Д. 386.

Тимошук Б. О., 1982. — Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.). Київ.

Указ 1720. — Указ (и расписки церковников, читавших его) для опубликования по Новгородской епархии «об отправлении из губерний и провинций в Санкт-Петербург в Военную коллегию свейских военнопленных, за арестом и на поролях в России содержащихся, о которых определено надлежащее действо чинить». 1720. 20.09 — 1721. 3.11 // Архив СПб. Института истории РАН. Кол. 183. Карт. 9. Д. 695.

Summary

History of archaeological studying of the territory Strugi Krasnye district of the Pskov region

Vladislav Y. Sobolev

Stages of archaeological studying of the territory of modern Strugi Krasnye district from the end of 19 before the beginning of the 21st centuries are given in article in a chronological order. The main works and finds are considered.

The carried-out researches give the chance for reconstruction of the main cultural and historical processes proceeding in this territory throughout the middle — the end 1st, processes of formation of an Old Russian nationality and the Western part of the medieval Novgorod earth at a turn of the millennium and in the first half of 2nd thousand AD.

Archaeological sites of Early Middle Ages in the territory of Strugi Krasnye district

Elena R. Mikhaylova

In article are described methods of modern research of archaeological sites, definition of the early Middle Ages.

Archeological finds of Culture of long barrows from the territory of the area are described, their specifics and transition to early Christian types of funeral monuments are defined.

Treasures and discoveries of Strugi Krasnye land

Vita I. Mikhaylova, Alexey I. Fedorov

The article describes the various types of finds and treasures found during the 19—21 centuries on the territory of the Strugi Krasnye district. Some of the findings presented in the exposition of the District Museum of Local Lore.

The report on the excavation made in the summer of 1899 in the Yablonets district of the Luga county St. Petersburg province

Nikolay F. Arepyev

The report on excavation of the ancient burials and a research of the monastery site in the territory of modern Strugi Krasnye district which are carried out in 1899. The text included also geographic and ethnographic data received from locals.

The report on the excavations made in the summer of 1900 in the Luga county of St. Petersburg province

Nikolay F. Arepyev

Report on the excavation of medieval burials, produced in 1900 in the area of villages: Zaozerye, Strashevo, Berezitsa in the territory of modern Strugi Krasnye district of the Pskov region.

Materials of excavation at the villages of Logoveshche and the Selishche in collection of Museum of Anthropology

and Ethnography archeology fund

Vladislav Y. Sobolev

The history of the Logoveshche churchyard is presented in article, and documents of the beginning of the 20th century concerning the excavation which was carried out in the villages of Logoveshche and the Selishche in the territory of Strugi Krasnye district of the Pskov region are in detail considered. The finds found during this excavation are presented as exhibits in the Museum. A basis of finds is the female set of jewelry of various type. Date of burials is specified.

The report on paleoetnological intelligence in Luga and Kingisepp districts of Leningrad province

Alexander A. Iessen

Report on the study of contemporary territory of Strugi Krasnye district in 1926—1927 years. During the period of the study are described in the ancient tombs and burial mounds. Results geographical and archaeological information.

The report on barrows inspection in 1938—1940

Nickolay N. Chernyagin

Report on the study of barrows in Adamovo village of territory Strugi Krasnye district in 1938—1940 years. Results of excavation of five barrows are presented and burials in them are investigated.

Archaeological sites at the natural boundary Milozh of the Upper Plussa antiquities at the edge of the I—II millennium

Sergey L. Kuzmin

The materials from the author's excavation of the early medieval sites at the natural boundary Milozh in the Plussa river watershed are published in this article. The received materials are analyzed on the synchronous antiquities background of the same region. The Milozh sites are thought to be connected with the immigration of peoples and distribution of early phase of the ancient

Russian culture (so-called Sopka culture).

About one group of funeral monuments of the second half of 1st thousand AD in the Northwest of the Novgorod land

Sergey L. Kuzmin

The community in construction, an arrangement and finds from three groups of barrows of different groups of the population (culture of long barrows and culture of hills) in the territory of the Northwest of the Novgorod earth is considered. The conclusion of interpenetrate of these cultures in the specified territory during coexistence is drawn.

A study of sites of culture of long barrows near the village Berezitsy between the lakes Schir and Chernoe

Elena R. Mikhaylova

This article is devoted to 1991 excavations of several sites of PLB culture in village Berezitsy surroundings, Strugi Krasnye district of Pskov region (Berezitsy I, IV and V). These barrows have been known since 1900, when N.F. Arepiev excavated a high burial mound.

The burial mounds group Berezitsy I is situated to the North-West of the village Berezitsy, on the left valley side of the river Bochitsa. The site is located in a mixed forest and consists of a number of very high mounds among others. Not less than 16 barrows amounted in the group in 1991; the 4 least damaged mounds (№7—10) were excavated.

The burial mound group Berezitsy IV is situated in 0,5 km to the North-West from the village Berezitsy, on a hill on the right valley side of the river Bochitsa, in the mixed forest. It consisted of the 3 circular in plan mounds. Two burial mounds were excavated here (№1 and 3).

The barrow group Berezitsy V is located in 1 km to the South-East of the village Berezitsy, near the road from the village Berezisty to the railway passing place «197 km», the site is situated in a pinewood. In 1991 there were 5 circular in plan mounds in a group, mounds stretched out in chain order on a top of low level stain hilly surface. The most Northern in the group burial mound was excavated here (№3).

The burial mounds located near village Berezitsy and studied in 1991 are typical for PLB culture. It is notorious that the mounds inner structure is complicated, it is clear that they were constructed step by step, and the cremated remains were put into the mound in diverse variety of ways. The burials in ground holes outside of ditches encircling the mounds are relatively numerous.

The finds gathered during the 1991 excavations are not numerous and generally are not very informative. The ceramics is presented by can shaped forms. Among the found artefacts the most significant are: wiry bronze ring with a blue bead and square shaped stamped plate-hoop. This finds are also interesting: the ornamented bone hollow artefacts, probably needle-cases.

The burial mounds excavated near the village Berezitsy provided new important materials for studying PLB culture, its burial rites, and artefacts complex.

Berezitsy VI — a Burial Ground of the Final Stage of the Culture of Long Barrows

Vladislav Y. Sobolev

This paper is dedicated to publication of materials from the completely excavated kurgan cemetery of Berezitsy VI located near the village of Berezitsy in the Strugo-Krasnensky district of Pskov region.

Within the micro-region under consideration there is a large «cluster» of archaeological sites of the second half and the end of the 1st to the first third of the 2nd millennium AD. Archaeological researches in this region were started in the early 20th century.

The group of kurgans excavated consisted of eight barrows and three flat graves uncovered in the area between the kurgans. All of the burials were cremations with the pyre areas located aside from places of the final deposit of the remains. The objects found among the calcined bones — rings of small diameter made from bronze wire, including some with a glass bead halted on them, drops of melted glass and bronze, cornelian beads — all show the effects of fire.

The burial rite and the finds allow us to attribute the group under studies to the culture of the Pskov-Novgorod long harrows and to date it to the later stage of the existence of that culture, viz., the second half of the 10th — early 11th century.

Two ancient Russian complexes with decorations made of tin from the west of the Novgorod land

Elena R. Mikhaylova

The article is devoted to the analysis of two complexes of Old Russian jewelry as a part of which the tin products reproducing silver samples are met, found at excavation of the Old Russian barrow cemetery of Berezitsa III.

Zaklinie churchyard according to archeology

Alexander V. Mikhailov

In article is a history of a written mention of Zaklinye's churchyard, and also results of archaeological investigations of different years of neighborhood of this settlement is considered. Medieval settlements, graves, barrows, hills are considered. Results to archaeological investigation in the natural boundary the Gorodok where the occupation layer of the medieval ancient settlement is found are described.

Coins VIII — XI centuries monetary and ware set of the Pskov region

Anton R. Michelson, Oleg V. Trostyanski

Considers coins from the hoard treasure found in 2013 near the village Pyatchino. Are described in detail and dated all the coins identified. Also conducted an analysis of the hoard treasure, put forward versions about the reasons for his concealment.

History of the Chernozersky Monastery and some finds from his territory

Elena R. Mikhaylova, Adrian A. Selin, Vladislav Y. Sobolev

The Chernozersky monastery situated in the North of modern Pskov region was one of the numerous small cloisters of the North-West of Russia. Some fragmentary data of its history is preserved in the sources of the 16—17th cc.

The monastery territory has never been archaeologically investigated; that's why the collection of surface material found on the island is of great importance. The ceramics found is typical for the North-West and is dated by the 16—17th cc. One of metal finds could be interpreted as a detail of choros (church chandelier).

Сведения об основных авторах

Арепьев Николай Фёдорович

(1852–после 1923)

Преподаватель географии 3-й Петербургской гимназии. Писатель-публицист, с 1878 г. написал множество статей по педагогике, издал несколько географических атласов, учебную «Географию России» (1908–1910) и «Путеводитель по окрестностям Петербурга» (1901).

Иессен Александр Александрович

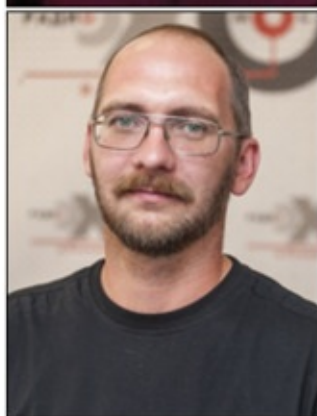
(1896–1964)

Родился в Санкт-Петербурге. Окончил гимназию и Михайловское артиллерийское училище. Участник Первой Мировой и Гражданской войн. В 1923 г. окончил ЛГУ и поступил в аспирантуру ГАИМК, которую успешно завершил в 1929 г. Работал в ЛОИА АН СССР в должности старшего научного сотрудника, в 1927–1960 гг. работал в Государственном Эрмитаже. Внёс огромный вклад в развитие археологии Кавказа.

Кузьмин Сергей Леонидович

старший научный сотрудник Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г.С. Лебедева СПбГУ

Михайлов Александр Валерьевич

начальник отдела полевых исследований и камеральной обработки ГБУК «Археологический центр Псковской области», заведующий лабораторией археологии и культурного наследия исторического факультета ПсковГУ

Михайлова Елена Робертовна

кандидат исторических наук, заведующая лабораторией археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г.С. Лебедева СПбГУ

Селин Адриан Александрович

доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского филиала – Государственного университета Высшая школа экономики

Соболев Владислав Юрьевич

старший научный сотрудник Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г.С. Лебедева СПбГУ

Чернягин Николай Николаевич

(1906–1942)

Археолог, реставратор, художник, научный сотрудник Института истории материальной культуры (1926–1941). Работал в Государственном Эрмитаже (с 1934). Изучал псковские длинные курганы и сопки.

Призван в армию в 1941 г. Обучался в школе среднего комсостава. Скончался в феврале 1942 г. от пневмонии и истощения в блокадном Ленинграде. Похоронен на Пискаревском кладбище.

Список сокращений

- АИА — Архив Института археологии
АИИМК — Архив Института истории материальной культуры
АН — Академия наук
ВООПИиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГБУК — государственное бюджетное учреждение культуры
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии
ЗРАО — Записки императорского русского археологического общества
ИА — Институт археологии
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИОЛЕАЭ — Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИСС — Историко-статистические сведения
КДК — Культура длинных курганов
КИПС — Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАИ — Московский археологический институт
МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. императора Петра Великого
МИА — Московский институт археологии
ОАВЕС — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири
ОР — отдел рукописей
ПГОИАХМЗ — Псковский государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПИХОМЗ — Псковский историческо-художественный объединённый музей-заповедник

ПО ЛОЭ — Плюсский отряд Ленинградской областной экспедиции
ПсковГУ — Псковский государственный университет
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГИА — Российский государственный исторический архив
РНБ — Российская национальная библиотека
РО НА — рукописный отдел научного архива
САИ — Свод археологических источников
СККМ — Струго-Красненский краеведческий музей
СПб — Санкт-Петербург
СПБАИ — Санкт-Петербургский Археологический институт
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СССР — Союз советских социалистических республик
СтЛИААМЗ — Староладожский историко-архитектурный
и археологический музей-заповедник

На обложке:

Зооморфная привеска в виде водоплавающей птицы из д. Логовеще.
Коллекция №1807. МАЭ. Фото В. Ю. Соболева

notes

Примечания

Статья написана по материалам доклада, прочитанного на XI Струго-Красненской районной межведомственной научно-практической конференции «Наш край в истории России» в 2016 г.

Каждый из слушателей или группа из двух-трёх человек исследовали несколько различных разнотипных объектов и вели раскопочную документацию — журнал раскопок, содержащий текстовое описание процесса раскопок и расположение слоёв и найденных останков и вещей, графическая фиксация была в это время необязательной. По окончании экскурсии журналы были предоставлены И. Г. Данилову для написания обобщающей статьи. К сожалению, судьба этих журналов мне не известна.

По пояснительной записке к археологической карте Гдовского уезда, составленной Г. Р. Шмидтом, число раскопанных погребальных сооружений было бóльшим.

После прекращения работ Ленинградской областной экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР исследования продолжались Северо-Западной Археологической экспедицией Санкт-Петербургского филиала Российского научно-исследовательского института Культурного и Природного наследия, а с 1999 г. — Северо-Западной Археологической экспедицией Санкт-Петербургского Государственного Университета. В составе экспедиции в разные годы действовали отдельные отряды под руководством А. А. Селина, Е. Р. Михайловой, Б. Г. Лыча, К. В. Шмелёва и автора настоящей статьи.

Известная нам летописная дата крещения Руси и история крещения новгородцев, и археологически фиксирующееся время смены погребального обряда и появления захоронений по обряду ингумации, являющихся несомненно христианскими и появляющихся в Новгородской земле как материальное свидетельство принятия населением новой веры, разнятся приблизительно на 60 лет.

Статья написана по материалам доклада, прочитанного на XI Струго-Красненской районной межведомственной научно-практической конференции «Наш край в истории России» в 2016 г.

Марков А. К. Топография кладов восточных монет (Сасанидских и куфических). — СПб, 1910. С. 37.

Ильин А. А. Топография кладов древнерусских монет X — XI в и монет удельного периода. Ленинград, 1924. С. 18.

Марков А. К. Указ. соч. С. 39.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1889. Д. №85. Л. 1—8.

Рыздевская Е. А. Клады старых шейных серебряных гривен западного типа. ЗОРСА. Т. XI, Пг., 1915. С. 193.

Корзухина Г. С. Русские клады IX—XIII вв. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 82, Табл. III. Клад. 10.

По каталогу Клецинова-Гришина №93 (21—9).

В рукописи снова написано «Щирского». *(Прим. редактора).*

Первое заседание Комиссии происходило 8го янв. 1835 года. *(Здесь и далее примечания автора).*

Предисловие к книге Ворса: «Северные древности» (Иностранцев «Человек каменного века». В. Е. 1880, №5).

«О древних могилах и постройках на сваях». Р. Вирхова. 1866. (*Здесь и далее подчёркнуто автором*).

Луга, говорит проф. Барсов, служила как путь от озера Ильменя. На её верхнем течении, в том месте, где она сближается с Сабою, через Мшагу, впадающую в р. Шелонь, находятся селения Б. и М. Волочек, а на западе р. Шелонь, которая подходит притоком своим Узою (у сел. Б. и М. Волочек, к зап. от Порхова) к Черёхе, впадающей в реку Великую, служившую также путём в область Зап. Двины (Барсов: «Очерки русской исторической географии». Варшава, 1885 г. стр. 27).

Соловьев. Т. I стр. 136, изд. 1893 г.

И. С. О. СПб. Э. т. III, стр. 46.

Опыт изучения русских древностей и истории. М. 1872 г.

«У Св. Духа съшествия поставише игумена Савву» (Новг. I лет. под 6670 годом).

Историко-статистич. сведения.

«Остатки старины близ Передольского погоста лужского уезда, с-петерб. губ.» Изв. Имп. Рус. Истор. Общ. Т. IX, вып. 4).

О них упоминает г. Данилов в статье «Раскопки слушателей Института курганов в Гдовском и Лужском уездах Спб. губ. и в Валдайском уезде Новгород. губ.» (Сборн. Арх. Инст, книга 3^я).

«Курганы СПб губ. в раскопках Л. К. Ивановского».

Тест печатается по изданию: Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 1. СПб, Кунсткамера, 2006. С. 302—341.

Здесь и далее номера в скобках соответствуют номерам по описи находок (см. Приложение 1).

Н. И. Платонова считает, что Н. Ф. Щитников исследовал только одну курганную группу к западу от Луги, упоминание двух раскопанных им памятников в картотеке А. А. Спицына и вслед за этим в материалах экспедиции по палеоэтнологическому обследованию территории Ленинградской области есть удвоение. Однозначное решение этого вопроса невозможно до проведения специальных разведочных обследований или до выявления дополнительных архивных сведений.

Правильно — Лисенка (*Прим. редактора*).

Тест печатается по изданию: Вестник молодых учёных. Серия «Исторические науки», спецвыпуск «Археология». №1. 2001. С. 56—62.

Отчёт, дневники и рисунки Г. П. Гроздилова и Н. Н. Чернягина по разведкам в Лужском уезде. — Архив ИИМК РАН, Ф.2, 1927, №107. Л. 39—42.

Отчёт, дневники и рисунки Г. П. Гроздова и Н. Н. Черныгина по разведкам в Лужском уезде. — Архив ИИМК РАН, Ф.2, 1927, №107. Л. 42.

Попов С. Г. Переходные моменты от языческого погребального обряда к христианскому (по материалам могильников северной Псковщины) // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Ч.1. СПб — Псков, 1995. С. 98—101.

Кузьмин С. Л. Крещение и христианизация Новгородской земли: акт и процесс по данным археологии // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Ч.1. СПб — Псков, 1995. С. 87—90.

Кузьмин С. Л. 1) К вопросу о погребальной обрядности носителей культуры сопок // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Псков, 1989. С. 48—50; 2) О погребальной обрядности населения Верхней Руси на рубеже I и II тысячелетий н. э. // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли*. Великий Новгород, 1999. С. 14—20.

Лебедев Г. С. Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 155. 1978. С. 93—99.

Кузьмин С. Л. Оредежские сопки // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб, 1992.

Платонова Н. И. Городища Верхнего Полужья и их связь с погостами
// История и археология Новгородской земли (Тез. науч.-практ. конф.).
Новгород, 1987. С. 31—33.

Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р. Новые материалы к проблеме славянского расселения на северо-западе Руси // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997. С. 138—146.

О древних серебряных шейных кольцах, найденных в деревне Узьмино Гдовского уезда Санкт-Петербургской губ. // Архив ИИМК РАН. Ф.1. 1889. №85. Л.1.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М. — Л., 1954. Табл. III—IV.

Кузьмин С. Л. Об одной группе погребальных памятников второй половины I тыс. н. э. на северо-западе Новгородской земли // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1994. С. 42—44.

Текст печатается по изданию: Археология и история Пскова и Псковской земли. 1993. Материалы семинара / Отв. ред. В. В. Седов. — Псков, 1994. С. 42—44.

Текст печатается по изданию: Раннесредневековые древности Восточной Европы (V—VII вв.) / Отв. ред. А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016. С. 395—417. (Раннеславянский мир. Вып. 17).

Могильник, располагавшийся, по словам Н. Ф. Арепьева, «под самым селением по правому берегу протекающего близ него ручья, частью по левому», в 1986 г. получил обозначение Березицы IX.

В отчёт о раскопках 1991 г. и предварительные публикации вошли сведения только об одном из этих предметов. Второй игольник, расколовшийся в огне на два фрагмента, был обнаружен только недавно при повторном просмотре костей из погребения (Рис. 15: 3).

Тест печатается по изданию: Археологические вести. — Вып. 15. М., «Наука», 2008. С. 118—132.

Стоит отметить, что результаты радиоуглеродного датирования, полученные С. Г. Поповым, позволяют отнести группу Которск XII ко второй половине — концу X — началу XI в. В частности, для кургана I было получено две даты, укладывающиеся в этот интервал.

Кроме бронзового колечка с напущенной на него синей бусиной, в кургане в неглубокой ямке овальной в плане формы, размером 0,25 x 0,48 м, впущенной в насыпь на глубину 0,2 м, наполненной хорошо пережжёнными очищенными от угля костями, найдены фрагмент бронзового проволочного височного кольца, фрагменты сильно оплавленного бронзового предмета (очевидно, узкого пластинчатого браслета плоско-выпуклого сечения) и оплавленные и спёкшиеся в комки стеклянные бусы. Среди последних можно различить остатки 4—5 бусин из синего кобальтового стекла, одной шарообразной бусины из прозрачного голубого стекла и печёночно-красное стекло.

Текст печатается по изданию: В камне и в бронзе: Сборник статей в честь Анны Песковой: Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII — СПб: ИИМК РАН, ООО «Невская Книжная Типография», 2017. С. 327—334.

Результаты работ зафиксированы в полевом отчёте С. Л. Кузьмина (Кузьмин, 1992). Полевые материалы хранятся в Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ и в настоящее время готовятся к передаче в государственную часть музейного фонда.

Определение В. М. Потина, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Terminus post quem (*лат.*) — дата, после которой артефакт был сокрыт в земле. (*Прим. редактора*).

Исследование состава сплава проведено в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хавриным на спектрометре ArtTAX (Brüker) (содержание элементов дано в %, сл. — следы).

Статья написана по материалам доклада, прочитанного на XI Струго-Красненской районной межведомственной научно-практической конференции «Наш край в истории России» в 2016 г.

Текст печатается по изданию: II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII—XI вв.»: Санкт-Петербург, Старая Ладога 3—5 апреля 2015 года: Материалы докладов и сообщений. — СПб: Изд-во «Знакъ», 2015. С. 250—265.

Ашевский район существовал до 1963 г. Территория присоединена к Бежаницкому и Дедовичскому районам. *(Прим. редактора)*.

Текст печатается по изданию: Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 30. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 143—151.

В экономических примечаниях к Плану генерального межевания Лужского уезда сохранилось более позднее описание, относящееся к 1785 г.: «На озере Черноозерском церковь деревянная упраздненная во имя Николая Чудотворца...» (Экономические примечания Лужского уезда// РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1144. Л.221). Кроме этого в 1834 г. на острове оз. Чёрного значатся развалины Черноозерского монастыря. *(Прим. редактора).*